

ISSN 1609-624X

ВЕСТНИК

ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

TOMSK STATE
PEDAGOGICAL UNIVERSITY
BULLETIN

1'2025

Выпуск 1 (237)

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ТГПУ)

ВЕСТНИК

ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

(Tomsk State Pedagogical University Bulletin)

Научный журнал
Издается с 1997 года

ВЫПУСК 1 (237) 2025

ТОМСК
2025

Главный редактор:

В. В. Обухов, доктор физико-математических наук, профессор (Томск, Россия)

Редакционная коллегия:

А. Н. Макаренко, доктор физико-математических наук, доцент (зам. главного редактора) (Томск, Россия);

С. Б. Куликов, доктор философских наук, доцент (зам. главного редактора) (Томск, Россия);

Н. Ф. Алефиренко, доктор филологических наук, профессор (Белгород, Россия);

В. И. Богословский, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);

Н. С. Болотнова, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (Томск, Россия);

А. А. Веряев, доктор педагогических наук, профессор (Барнаул, Россия);

М. П. Войтеховская, доктор исторических наук, профессор (Томск, Россия);

Л. Р. Дускаева, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);

Ю. В. Кобенко, доктор филологических наук, профессор (Томск, Россия);

А. Д. Копытов, доктор педагогических наук, профессор, член-кор. РАО (Москва, Россия);

А. В. Курьянович, доктор филологических наук, профессор (Томск, Россия);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, заслуженный деятель науки РФ (Санкт-Петербург, Россия);

А. А. Никитин, доктор физико-математических наук, профессор, академик РАО (Новосибирск, Россия);

С. И. Поздеева, доктор педагогических наук, профессор (Томск, Россия);

Н. В. Полякова, кандидат филологических наук, доцент (Томск, Россия);

Г. Г. Слышкин, доктор филологических наук, профессор (Москва, Россия);

В. А. Стародубцев, доктор педагогических наук, профессор (Томск, Россия);

А. Б. Туманова, доктор филологических наук, профессор (Алматы, Казахстан);

S. Capozziello, профессор (Неаполь, Италия);

E. Elizalde, профессор (Барселона, Испания);

S. Koryčánková, доктор философии, доцент (Брно, Чехия);

R. Leikin, профессор (Хайфа, Израиль);

M. Sasaki, профессор (Киото, Япония).

Научные редакторы выпуска:

А. В. Курьянович, Н. С. Болотнова, Е. А. Полева, Н. В. Полякова

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»

Издание включено в подписной каталог «Пресса России». Индекс 54235.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации (редакция от 20.03.2023).

Журнал включен:

- в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ);
- европейскую базу данных European reference index for the humanities and the social sciences (ERIH Plus);
- базу данных периодических и продолжающихся изданий Ulrich's Periodicals Directory.

Адрес учредителя:

ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061. Тел./факс 8 (3822) 31-14-64

Адрес редакции, издателя:

634041, Томская область, г. Томск, пр-кт Комсомольский, д. 75, офис 319.

Тел. 8 (3822) 31-13-25. E-mail: vestnik@tspu.ru

Отпечатано в типографии ИП Копыльцов П. И.

ул. Маршала Неделина, д. 27, кв. 56, Воронеж, Россия, 394052.

Тел.: 8-950-765-69-59. E-mail: Kopyltsow_Pavel@mail.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС77-51990 от 07.12.2012

Издание включено в подписной каталог «Пресса России». Индекс 54235

Подписано в печать: 28.12.2024. Дата выхода в свет: 18.01.2025. Формат: 60×90/8. Бумага: офсетная.

Печать: трафаретная. Усл.-печ. л.: 18. Тираж: 1000 экз. Цена свободная. Заказ: 1296/Н.

Выпускающий редактор: Ю. Ю. Афанасьева. Технический редактор: А. И. Алышева. Корректоры: Н. В. Богданова, Е. В. Литвинова

© ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет», 2025. Все права защищены

MINISTRY OF EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

**Tomsk State Pedagogical University
(TSPU)**

TOMSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY
BULLETIN

Published since 1997

ISSUE 1 (237) 2025

**TOMSK
2025**

Editor-in-Chief

V. V. Obukhov, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Tomsk, Russian Federation)

Editorial Board:

- A. N. Makarenko, Doctor of Physics and Mathematics, Associate Professor (Deputy Editor-in-Chief) (Tomsk, Russian Federation);*
S. B. Kulikov, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Deputy Editor-in-Chief) (Tomsk, Russian Federation);
N. F. Alefirenko, Doctor of Philology, Professor (Belgorod, Russian Federation);
V. I. Bogoslovskiy, Doctor of Pedagogy, Professor (Saint Petersburg, Russian Federation);
N. S. Bolotnova, Doctor of Philology, Professor; Honored Worker of Higher School of the Russian Federation (Tomsk, Russian Federation);
A. A. Veryayev, Doctor of Pedagogy, Professor (Barnaul, Russian Federation)
M. P. Voytekhevskaya, Doctor of History, Professor (Tomsk, Russian Federation);
L. R. Duskaeva, Doctor of Philology, Professor (Saint Petersburg, Russian Federation);
Yu. V. Kobenko, Doctor of Philology, Professor (Tomsk, Russian Federation);
A. D. Kopytov, Doctor of Pedagogy, Professor; Corresponding Member of the Russian Academy of Education (Moscow, Russian Federation);
A. V. Kurjanovich, Doctor of Philology, Professor (Tomsk, Russian Federation);
V. V. Laptev, Doctor of Pedagogy, Professor; Member of Russian Academy of Education, Honoured Scientist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation);
A. A. Nikitin, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Novosibirsk, Russian Federation);
S. I. Pozdeeva, Doctor of Pedagogy, Professor (Tomsk, Russian Federation);
N. V. Polyakova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor (Tomsk, Russian Federation);
G. G. Slyshkin, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Moscow, Russian Federation);
V. A. Starodubtsev, Doctor of Pedagogy, Professor (Tomsk, Russian Federation);
A. B. Tumanova, Doctor of Philology, Professor (Almaty, Kazakhstan);
S. Capozziello, Professor (Naples, Italy);
E. Elizalde, Professor (Barcelona, Spain);
S. Koryčánková, Ph.D. (Brno, Czech Republic);
R. Leikin, Professor (Haifa, Israel);
M. Sasaki, Professor (Kyoto, Japan).

Scientific Editors of the Issue:

A. V. Kuryanovich, N. S. Bolotnova, E. A. Poleva, N. V. Polyakova

Founder:

Tomsk State Pedagogical University

The journal is included in the "Russian Press" subscription catalog. Index 54235.

The journal is included in the list of the leading reviewed academic journals and publications, publishing main results of doctoral and postdoctoral theses that are approved by the Highest Attestation Board of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (revision of 20.03.2023).

The journal is included:

- in the system of the Russian Science Citation Index;
- in the database of "European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH Plus)";
- in the database of periodicals "Ulrich's Periodical Directory".

Address:

ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061. Tel./fax +7 (3822) 31-14-64

Publisher and editorial address:

pr. Komsomol'skiy, 75, of. 319, Tomsk, Russia, 634041.

Tel. +7 (3822) 31-13-25. E-mail: vestnik@tspu.ru

Printed in the printing house of IP Kopyltsov P. I.

Marshal Nedelin str., 27, sq. 56, Voronezh, Russia, 394052.

Tel.: +7-950-765-69-59. E-mail: Kopyltsov_Pavel@mail.ru

Certificate of registration of mass media

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)

PI No. FS77-51990, issued on 07.12.2012.

Approved for printing: 28.12.2024. Publication date: 18.01.2025. Format: 60×90/8. Paper: offset.

Printing: screen. Circulation: 1000 copies. Price: not settled. Order: 1296/H.

Production editor: Yu. Yu. Afanas'yeva. Text designer: A. I. Alysheva. Proofreadings: N. V. Bogdanova, E. V. Litvinova

© Tomsk State Pedagogical University, 2025. All rights reserved

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Арекеева Ю. Е., Бедненко Ю. И. Репрезентация концепта «人工智能 / искусственный интеллект» в языковом сознании носителей китайского языка	7
Персидская А. С. Грамматические трансформации при переводе текстов информационного жанра с русского языка на английский язык (на примере веб-сайта Минпросвещения России)	16
Соснина Л. В. Специальная военная операция как триггер деривационных процессов в русском языке	26
Трунова М. В. Языковая репрезентация перцептивного образа Сибири в произведениях томского поэта М. В. Андреева	36

РУССКИЙ ЯЗЫК

Островецкая И. В. Онимизация апеллятива <i>янтарь</i> в ономастике Калининградской области	45
Болотнова Н. С. Ценностные доминанты и средства их репрезентации в медиадискурсе программы «Очень личное» на канале «Открытое телевидение России»	54
Извекова Ю. Б. Особенности коммуникативного стиля писателя Татьяны Мейко в интервью	63
Исаева О. В. Особенности репрезентации концепта <i>жизнь</i> в лирике Н. А. Заболоцкого в свете теории регулятивности	71

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ

Пушкарёва Ю. Е. В. А. Жуковский в газете «Русский инвалид» 1813–1825 гг.: рецепция личности и творчества	80
Чернявская Ю. О. Приемы комического в «Повести Алика Деткина. Очень страшная история» А. Алексина в контексте культуры 1960–1970-х годов.	92
Ломакина М. И. Повесть Анны Ремез «Кошка с Юпитера и позвоночные»: признаки соответствия жанровой формуле о «попаданцах» и авторское своеобразие	103
Сушкова Д. В. Интерпретации проблемы «Ф. М. Достоевский и постмодернизм» в англоязычной критике XXI века	111

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

Дрейфельд О. В. Задания на основе творческой имитации речевых жанров в обучении русскому языку как иностранному студентов медико-биологического профиля	119
Козаренко О. М. Тема Отечества в преподавании иностранного языка в высших учебных заведениях	128
Пашковская С. С. Ода А. С. Пушкина «Клеветникам России» на уроках русского языка как иностранного	138
Фонова Е. Г., Шитц О. А. К вопросу о профессиональных компетенциях переводчиков в эпоху искусственного интеллекта.	148

CONTENTS

THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

<i>Arekeeva Yu. Ye., Bednenko Yu. I.</i> Representation of the concept 人工智能 / <i>artificial intelligence</i> in the linguistic consciousness of Chinese native speakers	7
<i>Persidskaya A. S.</i> Grammatical transformations in translating texts of information genre from Russian into English (analysis based on the website of the Ministry of Education of the Russian Federation)	16
<i>Sosnina L. V.</i> Special military operation as a trigger of derivational processes in Russian language	26
<i>Trunova M. V.</i> Linguistic representation of the perceptual image of Siberia in the works of Tomsk poet M. V. Andreev	36

RUSSIAN LANGUAGE

<i>Ostroverkhaia I. V.</i> Onimization of the appellative <i>янтарь</i> in the onomasticon of the Kaliningrad Region	45
<i>Bolotnova N. S.</i> Value dominants and means of their representation in the media discourse of the program «Very personal» on the channel «Open Television of Russia»	54
<i>Izvekova Yu. B.</i> Features of the writer Tatiana Meiko's communication style in an interview	63
<i>Isaeva O. V.</i> Features of the representation of the concept <i>life</i> in N. A. Zabolotsky's lyrics in a view of the theory of regularity	71

RUSSIAN LITERATURE AND INTERCULTURAL LITERARY RELATIONS

<i>Pushkareva Yu. E. V. A. Zhukovsky</i> in the newspaper <i>Russky Invalid</i> (1813–1825): reception of his personality and works	80
<i>Tchernyavskaya Yu. O.</i> Comic techniques in A. Aleksin's novella "The story of Alik Detkin. A very scary story" in the context of the culture of the 1960–1970 years	92
<i>Lomakina M. I.</i> Anna Remez's story "The cat from Jupiter and invertebrates": features of following the genre formula about "time travelers to the USSR" and the author's originality	103
<i>Sushkova D. V.</i> Interpretations of the Problem "F. M. Dostoevsky and Postmodernism" in English-language Slavistics of the XXI century	111

METHODOLOGICAL ASPECTS OF MODERN PHILOLOGY

<i>Dreifeld O. V.</i> Creative writing assignments based on imitation of speech genres in teaching Russian as a foreign language to medical and biological students	119
<i>Kozarenko O. M.</i> The theme of Motherland in foreign language teaching in higher education	128
<i>Pashkovskaya S. S. A. S.</i> Pushkin's Ode "To the Slanderers of Russia" in the lessons of Russian as a foreign language	138
<i>Fonova E. G., Schitz O. A.</i> On translator' and interpreter's professional competences in the era of artificial intelligence	148

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'42

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-7-15>

Репрезентация концепта «人工智能 / искусственный интеллект» в языковом сознании носителей китайского языка

Юлия Евгеньевна Арекеева¹, Юлия Игоревна Бедненко²

¹ Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия, izh4yu@gmail.com, 0000-0003-2016-745X

² Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, bednenko.yuliya@mail.ru, 0009-0008-5208-5540

Аннотация

Представлен анализ ассоциативно-вербального поля концепта «人工智能 / искусственный интеллект». Объектом исследования является актуализация концепта «人工智能 / искусственный интеллект» в сознании современных носителей китайского языка. Цель исследования – определить ключевые элементы репрезентации концепта и смоделировать его ассоциативно-вербальное поле. Материалом исследования послужили ассоциаты на слово-стимул «人工智能 / искусственный интеллект», полученные в результате проведения психолингвистического эксперимента. Используются методы свободного ассоциативного эксперимента, количественного анализа, прием классификации. Исследование обобщает подходы к концепту «人工智能 / искусственный интеллект» и расширяет знания о его национально-культурных особенностях. Результаты исследования могут быть успешно применены в процессе обучения русскому и китайским языкам как иностранным, на курсах по психолингвистике и когнитивной лингвистике, а также имеют практическую ценность для всех, кто интересуется культурой Китая. Полученные в результате свободного ассоциативного эксперимента ассоциаты распределены по семантическим модулям на основе общности выражаемых ими признаков. Семантические модули, в свою очередь, могут включать микромодули. Построенная модель ассоциативно-вербального поля исследуемого концепта включает ядерный, промежуточный и периферийный слои, в которых наиболее частотные реакции отражают положительное отношение к возможностям искусственного интеллекта и репрезентируют быстрый темп развития, эффективность и постоянное совершенствование его технологий. В результате анализа модели ассоциативно-вербального поля концепта «人工智能 / искусственный интеллект» была выявлена структура значения данного понятия у представителей различных социальных групп, подтверждающая их оптимистичное отношение к потенциалу искусственного интеллекта. Данные ассоциативного эксперимента расширяют и дополняют существующее представление о репрезентации концепта «人工智能 / искусственный интеллект» в ментальном лексиконе носителей китайского языка, их необходимо учитывать при составлении толковых словарей и словарных статей.

Ключевые слова: концепт, искусственный интеллект, языковое сознание, семантический модуль, ассоциативно-вербальное поле

Для цитирования: Арекеева Ю. Е., Бедненко Ю. И. Репрезентация концепта «人工智能 / искусственный интеллект» в языковом сознании носителей китайского языка // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 1 (237). С. 7–15. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-7-15>

THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

Representation of the concept 人工智能 / *artificial intelligence* in the linguistic consciousness of Chinese native speakers

Yuliya Ye. Arekeeva¹, Yuliya I. Bednenko²

¹ Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation, izh4yu@gmail.com, 0000-0003-2016-745X

² Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation bednenko.yuliya@mail.ru, 0009-0008-5208-5540

Abstract

The article is devoted to the analysis of the associative-verbal field of the concept 人工智能 / *artificial intelligence*. The object of the study is the actualization of the concept 人工智能 / *artificial intelligence* in the consciousness of modern native Chinese speakers. The purpose of the study is to determine the key elements of the concept representation and model its associative-verbal field. The material of the study was the associates to the stimulus word 人工智能 / *artificial intelligence*, obtained as a result of a psycholinguistic experiment. The article uses the methods of free associative experiment, quantitative analysis, and classification technique. The study generalizes approaches to the concept 人工智能 / *artificial intelligence* and expands knowledge about its national and cultural features. The results of the study can be successfully applied in the process of teaching Russian and Chinese as foreign languages, in courses on psycholinguistics and cognitive linguistics, and also have practical value for all those interested in the culture of China.

The associates obtained as a result of the free associative experiment are distributed among semantic modules based on the commonality of the features they express. Semantic modules, in turn, can include micromodules. The constructed model of the associative-verbal field of the concept under study includes the core, intermediate and peripheral layers, in which the most frequent reactions reflect a positive attitude towards the capabilities of artificial intelligence and represent the rapid pace of development, efficiency and continuous improvement of its technologies. As a result of the analysis of the model of the associative-verbal field of the concept 人工智能 / *artificial intelligence*, the structure of the meaning of this concept was revealed among representatives of various social groups, confirming their optimistic attitude towards the potential of artificial intelligence. The data of the associative experiment expand and complement the existing understanding of the representation of the concept 人工智能 / *artificial intelligence* in the mental lexicon of Chinese speakers; they must be taken into account when compiling explanatory dictionaries and dictionary entries.

Keywords: concept, artificial intelligence, linguistic consciousness, semantic module, associative-verbal field

For citation: Arekeeva I. Ye., Bednenko Yu. I. Reprezentatsiya kontsepta 人工智能 / *iskusstvennyy intellekt* v yazykovom soznanii nositeley kitayskogo yazyka [Representation of the concept 人工智能 / *artificial intelligence* in the linguistic consciousness of Chinese native speakers]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 1 (237), pp. 7–15 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-7-15>

Введение

В настоящей статье составлена модель ассоциативно-вербального поля концепта «人工智能 / искусственный интеллект» в языковом сознании носителей китайского языка. Цель исследования – построение ассоциативно-вербального поля концепта «人工智能 / искусственный интеллект» в китайском языке. Объект – репрезентация концепта «人工智能 / искусственный интеллект». Актуальность данного исследования обусловлена тем, что оно опирается на достижения гуманитарных наук в контексте современной антропоцентрической парадигмы изучения языка. Научная новизна работы состоит в том, что впервые на материале китайско-

го языка в рамках психолингвистического исследования разработана модель ассоциативно-вербального поля концепта «人工智能 / искусственный интеллект». Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в расширении представлений о национально-культурной специфике концепта «人工智能 / искусственный интеллект», языковом сознании носителей китайской лингвокультуры. Практическая значимость работы определяется тем, что результаты исследования могут быть использованы в преподавании курсов по теории языка, когнитивной и психолингвистике, преподавании русского и китайского языков как иностранных, переводческой практике.

В последнее время изучение концептов как ментальных единиц сознания, отражающих совокупное знание об объекте, привлекает многих исследователей из разных областей науки – когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, психолингвистики, философии и других.

К проблеме концепта в разные периоды времени обращались С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова, М. В. Пименова и другие [1–4]. Многие годы исследователи формулируют определение понятия «концепт» с разных позиций, поскольку данный ненаблюдаемый феномен можно толковать по-разному и весьма субъективно.

По мнению Р. И. Павилениса, концепт – это «часть концептуальной системы – то, что индивид думает, воображает, предполагает, знает об объектах мира» [5, с. 279]. Е. С. Кубрякова полагает, что концепт – «это оперативная содержательная единица памяти ментального лексикона, концептуальной системы мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [3, с. 90]. В связи с этим можно сделать вывод о том, что концепт – это тот или иной образ, который возникает в сознании человека и является отражением действительности в зависимости от его личного опыта.

На современном этапе развития научной мысли концепт «искусственный интеллект» стал популярным объектом исследования в философии, когнитивной лингвистике, дискурсе, лингвокультурологии. Исследованием концепта «искусственный интеллект» в разной степени занимались такие авторы, как П. Аруноаст, В. Г. Арутюнян, Т. Н. Винокурова, И. Ю. Привалова, Е. М. Чухарев, А. А. Шестова и др. [6–11].

А. Л. Ткаченко рассматривает концепт «искусственный интеллект» с позиции философии. Автор указывает на то, что научный поиск в области искусственного интеллекта должен критиковаться с точки зрения традиции разграничения разума и рассудка. «Все программы являются синтаксическими системами, в которых не происходит осмысленных процессов, а сознание человека – семантическая система, в которой происходит интерпретация словосочетаний и предложений» [12, с. 406]. Автор приходит к выводу, что, независимо от уровня сложности программы, компьютер в итоге не способен понять смысл своих действий.

Ю. С. Моркина также рассматривает искусственный интеллект с точки зрения философии, в своей работе задается вопросом: возможно ли сознание у искусственного интеллекта? Автор указывает, что «результаты большинства мысленных экспериментов, связанных с проблемой сознания и концепта “искусственный интеллект”, зависят только от способности или неспособности экспериментатора вообразить какую-либо ситуацию» [13, с. 25].

М. А. Курочкина, Е. В. Челпанова провели исследование языковых средств, используемых для представления концепта «искусственный интеллект» в англоязычной художественной литературе. Проанализировав новеллы Айзека Азимова, авторы приходят к выводу, что «в морфологическом плане преобладает глагольная семантика разрушения, силы, точного действия, однообразного порядка. Отмечается развитая система синонимов в номинации объектов, представляющих искусственный интеллект, различия которых указывают на их внешний вид и функционал» [14, с. 65].

А. В. Кокова и Д. В. Фомин проанализировали концепт «искусственный интеллект» в англоязычном публицистическом дискурсе. Исследователи приходят к выводу, что такие характеристики, как «высокая скорость», «адекватность умозаключений», «универсальность инструментария» и «объектность», обладают, как правило, положительной коннотацией, в то время как характеристики «непредсказуемость», «риск», «неадекватность выводимых суждений и умозаключений» и «субъектность» зачастую характеризуются негативной оценочностью. Нейтральной оценочности в публицистическом дискурсе по искусственному интеллекту практически не наблюдается, поскольку тематика статей публицистического дискурса всегда связана с особо актуальными социокультурными проблемами реальности [15, с. 501].

О. Г. Дубровская и И. В. Зыкова в своем исследовании в области когнитивной лингвистики отмечают, что «в процессе “общения” искусственный интеллект способен активизировать контекст коллективных знаний, ему доступна причинно-следственная связь, аргументация. В целом, опираясь на массивы языковых данных и обучаясь на них, искусственный интеллект демонстрирует так называемый “надконцептуальный уровень” в виде семи метаконцептов: роль, норма, ценность, стереотип, языковой опыт, пространство, время, которые обуславливают социокультурную специфику дискурса» [16, с. 939].

Т. В. Дроздова, анализируя определение концепта «искусственный интеллект» обыденным сознанием, с точки зрения когнитивной лингвистики, отмечает, что «формируемая когнитивная структура, представляет собой «антигештальт»: не целостное представление идеи, а некий конгломерат противоположных концептуальных смыслов. Связи этих признаков между собой и с другими концептами повседневной картины мира представлены пропозициональными конструкциями» [17, с. 326].

Л. А. Кочетова в своей работе проводит исследование с точки зрения лингвокультурологии, где рассматривает заголовки медийных текстов и отмечает, что метафорическое осмысление концепта

«искусственный интеллект» в русскоязычных СМИ опирается на антропоморфные и зооморфные метафорические модели, образованные лексическими единицами как отрицательной так и положительной оценочной семантики, задающими специфику его восприятия непрофессиональной читательской аудиторией и отражающими поведенческие паттерны, направленные на осуществление над ним контроля, с одной стороны, и необходимости квалифицированной ответственной заботы о нем, защиты от враждебных социальных групп – с другой [18, с. 265].

Материал и методы

Проведенный анализ опирается на использование наиболее эффективного метода исследования языкового сознания в психолингвистике – свободного ассоциативного эксперимента. Согласно определению О. В. Евсеевой, «ассоциативный эксперимент – это прием, направленный на выявление ассоциаций, сложившихся у индивида в его предшествующем опыте» [19, с. 82–83].

В качестве слова-стимула использовалось слово «人工智能» («искусственный интеллект»). Эксперимент был проведен авторами настоящей статьи в электронной онлайн-форме; испытуемым – носителям китайского языка – было предложено выполнить следующее задание: «人工智能: _____ (请写出您想到的关联的词语、短语、句子、成语、谚语、俗语等, 越多越好)» («Напишите Ваши ассоциации (слова, словосочетания, предложения, поговорки, пословицы и т. д.) к слову “искусственный интеллект”»).

В эксперименте в 2024 г. среди носителей китайского языка участвовали 50 человек в возрасте от 19 до 53 лет, из них 72 % женщин и 28 % мужчин. Рисунок 1 показывает, что большинство участников эксперимента (76 %) находятся в возрасте от 14 до 25 лет. Участники в возрасте от 26 до 49 лет составили 22 % от общего количества испытуемых. Один участник попал в возрастную категорию «50 и старше», что составило 2 %. В отношении уровня образования, исходя из полученных данных, преобладают участники с незаконченным

высшим образованием (66 %), что связано с участием в данном эксперименте студентов китайских вузов.

В ходе исследования было собрано 175 реакций. Каждый участник предоставил от 1 до 14 ответов, в среднем по 4 реакции. Все полученные ассоциации, собранные в результате свободного ассоциативного эксперимента, были классифицированы по семантическим модулям. Согласно определению, данному Е. О. Зубаревой, С. В. Шустовой, «семантический модуль – это отдельно оформленный элемент структуры микрополя, состоящий из лексических единиц, отражающих конкретный компонент значения» [20, с. 50]. Объединение полученных реакций в семантические модули происходило на основе общности выраженных в них семантических признаков. Ядро и предъядерная зона модели ассоциативно-вербального поля концепта «人工智能 / искусственный интеллект» были определены на основе точек слома объемов семантических модулей в местах их наибольшего убывания.

Результаты исследования

Рассмотрим распределение полученных в ходе свободного ассоциативного эксперимента реакций по семантическим модулям ассоциативно-вербального поля концепта «人工智能 / искусственный интеллект».

Рисунок 2 демонстрирует модель ассоциативно-вербального поля концепта «人工智能 / искусственный интеллект» для носителей китайского языка. Когнитивный анализ результатов выявил, что центральным элементом ассоциативно-вербального поля концепта «人工智能 / искусственный интеллект» является семантический модуль «ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ОЦЕНКА». Он включает 33 ассоциата с преобладанием микромодуля «ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ». В зону ближней периферии входят модули «ПОВЕДЕНИЕ», «ПРОГРАММИРОВАНИЕ», «ТЕХНОЛОГИИ», «ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА», «УСТРОЙСТВА», «ОБУЧЕНИЕ», «ИНФОРМАЦИЯ» с количеством реакций от 11 до 21. Остальные модули, встречаю-

Социальная характеристика		Всего, абс.	Доля, %
Пол	Мужской	14	28
	Женский	36	72
Возраст	14-25	38	76
	26-49	11	22
	50 и старше	1	2
Образование	Незаконченное высшее	33	66
	Высшее	17	34
Всего:		50	100

Рис. 1. Характеристика выборки участников эксперимента

Семантический модуль «ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ОЦЕНКА» (33)	
1.1. Микромодуль «ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ» (23)	精妙绝伦 / изысканный и непревзойденный; бесподобный (2); 快速 / быстрый, скорый (2); 十全十美 / полностью и без изъяна; совершенный во всех отношениях (2); 方便快捷 / удобный и быстрый (1); 方便我们的生活 / делает нашу жизнь более удобной (1); 尽己所能 / делаю все, что в своих силах (1); 居家必备 / незаменим для дома (1); 魅力四射 / привлекательный, соблазнительный, чарующий, влекущий (1); 前沿 / передовой, новейший (1); 人工智能是一把«双刃剑» / искусственный интеллект – это обоюдоострый меч («палка о двух концах») (1); 人工智能可以为善也可以为恶 / искусственный интеллект можно использовать как во благо, так и во зло (1); 人工智能造福人类 / искусственный интеллект приносит пользу человечеству (1); 深奥 / глубокий, сокровенный; трудный для понимания (1); 省时省力 / экономит время и силы (1); 是可怕的事物 / это пугающая вещь (1); 迅捷 / быстрый, скорый, стремительный (1); 严谨 / тщательный, точный, скрупулезный, старательный (1); 以身作则 / подавать личный пример, являть собой пример, выступать примером (1); «智能让生活更美好» / интеллектуальные технологии делают жизнь комфортнее (1); 智能之光照耀未来 / свет разума освещает будущее (1)
1.2. Микромодуль «ДИФФУЗНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ» (7)	不可预知的 / то, что невозможно заранее предсказать (1); 人工智能对人类的利与弊 / плюсы и минусы искусственного интеллекта для человека (1); 天若不爱酒, 地应无酒泉 / если бы небо не любило вино, на земле не было бы источников вина (если бы что-то было истинно плохо, то оно бы не существовало) (1); 未来的 / то, что в будущем (1); 心灵之境遥不可及 / границы интеллекта недостижимы (1); 栩栩如生 / как живой, словно настоящий (1); 有利有弊 / есть плюсы и минусы (1)
1.3. Микромодуль «ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ» (3):	买椟还珠 / не разобраться в истинной ценности; скользить по поверхности, не вглядываться в сущность; не отличать важное от второстепенного (1); 五十步笑百步 / несколько не лучше, недалеко ушел; в чужом глазу соломинку видеть, а в своем бревна не замечать (1); 朝三暮四 / переменчивый; непостоянный (1)
2. Семантический модуль «ПОВЕДЕНИЕ» (21)	
2.1. Микромодуль «ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» (19)	精益求精 / не останавливаться на достигнутом, неустанно совершенствоваться (2); 步步为营 / на каждом шагу закреплять свои позиции (обр. в знач.: а) продвигаться шаг за шагом, обдумывать каждый шаг; б) действовать взвешенно; постепенно) (1); 超越 / обгонять, опережать (1); 迭代 / последовательно сменяться (повторяться); сменять друг друга, итерация (1); 二龙戏珠 / два дракона играют с жемчужиной (обр. игра на высшем уровне) (1); 发展的越来越好 / развивается все лучше и лучше (1); 高速发展 / стремительное развитие (1); 艰苦奋斗 / упорно бороться (1); 技术改变生活 / технологии меняют жизнь (1); 科技兴国 / возрождать страну за счет науки и техники (1); 人工智能将改变人们的生活 / искусственный интеллект изменит жизнь людей (1); 人工智能觉醒 / пробуждение искусственного интеллекта (1); 日新月异 / непрерывно обновляться (1); 它会提升智能手机智能水平 / он повысит уровень интеллекта смартфонов (1); 效率提升 / повышение эффективности (1); 鹬蚌相争 / воздушное сальто; неожиданный поворот событий (1); 一帆风顺 / без препятствий, гладко; проходить гладко; все идет как по маслу (1); 智能迭代, 日新月异 / интеллектуальные технологии постоянно развиваются, изменяясь с каждым днем (1)
2.2. Микромодуль «МОРАЛЬ» (2)	君子爱财, 取之有道 / благородный человек зарабатывает честным путем (1); 君子一言, 驷马难追 / если достойный человек сказал слово, то его не вернешь и на упряжке из 4 лошадей; сказанное слово не вернешь (1)
3. Семантический модуль «ПРОГРАММИРОВАНИЕ» (19)	
3.1. Микромодуль «ПРОГРАММА» (12)	Chat GPT / чат-бот с генеративным искусственным интеллектом (5); Siri / облачный персональный помощник и вопросно-ответная система (2); 阿尔法狗 / Альфа-собака (название программы искусственного интеллекта AlphaGo, разработанной компанией DeepMind) (1); AI助手 / ИИ-помощник (1); 神经网络 / нейросеть (1); 文心一言 / языковая модель Вэньсинь (чат-бот с искусственным интеллектом, разработанный компанией Baidu) (1); 智能语音助手 / интеллектуальный голосовой помощник (1)
3.2. Микромодуль «РАЗРАБОТКА ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ» (5)	云计算 / облачное программирование (2); 算法 / алгоритм (1); 智能算法 / интеллектуальный алгоритм (1); 自动化 / автоматизация (1)
3.3. Микромодуль «ЯЗЫКИ ПРОГРАММИРОВАНИЯ» (2)	C语言 / язык C (1); Java / язык Java (1)

4. Семантический модуль «ТЕХНОЛОГИИ» (19)	
AI / искусственный интеллект (10); 机器翻译 / машинный перевод (1); 计算机视觉 / компьютерное зрение (1); 科技赋能 / внедрение технологий (1); 深度语言处理 / глубокая обработка языка (1); 信息技术 / информационные технологии (1); 语音程序 / голосовые программы (1); 语音识别 / распознавание речи (1); 智能家居 / умный дом (1); 自然语言处理 / обработка естественного языка, NLP (1)	
5. Семантический модуль «ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА» (17)	
5.1. Микромодуль «СПОСОБНОСТИ» (10)	神机妙算 / гениальный замысел (план) и тонкий расчет (2); 智慧生活 / разумная жизнь (2); 技术精湛 / высокое мастерство (2); 匠心独运 / умелые руки и изобретательный ум (1); «机器学习, 智慧无限» / с машинным обучением мудрость не знает границ (1); 马到成功 / добиться быстрых успехов (1); 醍醐灌顶 / открытый разум (1)
5.2. Микромодуль «ЧУВСТВА» (7)	得意忘形 / головокружение от успехов; возгордиться, зазнаваться (1); 二心二意 / проявлять нерешительность, непостоянство (1); 改革春风吹满地, 中国人民真争气 / повсюду веет весенний ветер реформ, а китайский народ по-настоящему верен себе (1); 来日方长 / в будущем ты будешь поражен, как Су Цин ¹ (1); 七上八下 / быть в смятении, быть растерянным, быть нерешительным, переживать (1); 世人睥睨我自笑 / мир меня презирает, а я сам смеюсь (1); 啼笑皆非 / в смятении чувств; то ли плакать, то ли смеяться; трагикомизм (1)
6. Семантический модуль «УСТРОЙСТВА» (17)	
机器人 / робот (3); 计算机 / компьютер (2); 机械 / механизм (2); «AI赋能, 万物互联» / активация ИИ, Интернет всего (1); 键盘 / клавиатура (1); 家电 / бытовые приборы (1); 空调 / кондиционер (1); 手机 / мобильный телефон (1); 万物互联 / Интернет всего (1); 无人驾驶 / беспилотный транспорт (1); 智能机器人 / интеллектуальный робот (1); 主机 / хост, сервер (1); 自动驾驶 / автопилот (1)	
7. Семантический модуль «ОБУЧЕНИЕ» (12)	
机器学习 / машинное обучение (5); 深度学习 / глубинное обучение (4); 三人行必有我师焉 / из троих идущих обязательно есть у кого можно поучиться (1); 图像学习 / обучение по изображениям (1); 自然学习 / естественное обучение (1)	
8. Семантический модуль «ИНФОРМАЦИЯ» (11)	
大数据 / большие данные (3); 数据挖掘 / интеллектуальный анализ данных (2); 大数据驱动 / управление большими данными (1); 数据库 / база данных (1); 数据迁移 / перенос данных (1); 网页 / веб-страница (1); 信息安全 / информационная безопасность (1); 云 / облако (1)	
9. Семантический модуль «ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ» (8)	
嗨, Siri / Привет, Siri (1); 姜太公钓鱼, 愿者上钩 / Цзян Тайгун удит (без наживки), если рыба захочет, клонет и так (1); 交互 / взаимодействие, интерактивный (1); 首当其冲 / первому оказаться под ударом; принять на себя первый удар; пострадать (1); 投其所好 / угождать, стараться угодить; идти навстречу желанию (1); 稳扎稳打 / бить наверняка, уверенно, твердо (1); 心有灵犀 / родство душ (1); 周瑜打黄盖, 一个愿打一个愿挨 / Чжоу Юй сражается с Хуан Гаем – по обоюдному согласию, взаимная выгода (1)	
10. Семантический модуль «ЛЮДИ» (6)	
10.1. Микромодуль «ЧЕЛОВЕК» (2)	人工智能是否会取代人类 / сможет ли искусственный интеллект заменить человечество (1); 人山人海 / море людей, народу видимо-невидимо (полным-полно); яблоку негде упасть (1)
10.2. Микромодуль «ЧАСТИ ТЕЛА И ОРГАНЫ» (2)	人工智能是人类的第二个大脑 / искусственный интеллект – второй мозг человека (1); 自然语言 / естественный язык (1)
10.3. Микромодуль «ПРОФЕССИЯ» (2)	人工智能对现代翻译人员的冲击 / воздействие искусственного интеллекта на профессию переводчика в современном мире (1); 人工智能是否取代翻译人员的工作 / сможет ли искусственный интеллект заменить работу переводчиков? (1)
11. Семантический модуль «ОБРАЗ» (5):	
蓝色 / синий цвет (1); 理想 / идеал, мечта (1); 模型 / модель, образец (1); 神机妙算 / гениальный план (1); 暂时想不到 / пока ничего не приходит на ум (1)	
12. Семантический модуль «ПРОСТРАНСТВО» (4)	
12.1. Микромодуль «ВРЕМЯ» (3)	人工智能时代 / эпоха ИИ (1); 未来可期 / Не стоит полагаться на будущее (1); «智能时代, AI先行» / в эпоху интеллекта ИИ – впереди всех (1)
12.2. Микромодуль «ЛОКАЛИЗАЦИЯ» (1)	无人超市 / супермаркет без продавцов (1).
13. Семантический модуль «КУЛЬТУРА» (3):	
科技 / наука и техника (2); 艺术 / искусство (1)	

¹ Су Цин (Su Qin) был известным дипломатом и политическим деятелем периода Воюющих Царств в древнем Китае. Он был известен своим красноречием и умением убеждать. Фраза 惊苏秦 используется для выражения сильного поражения или удивления (прим. авторов).

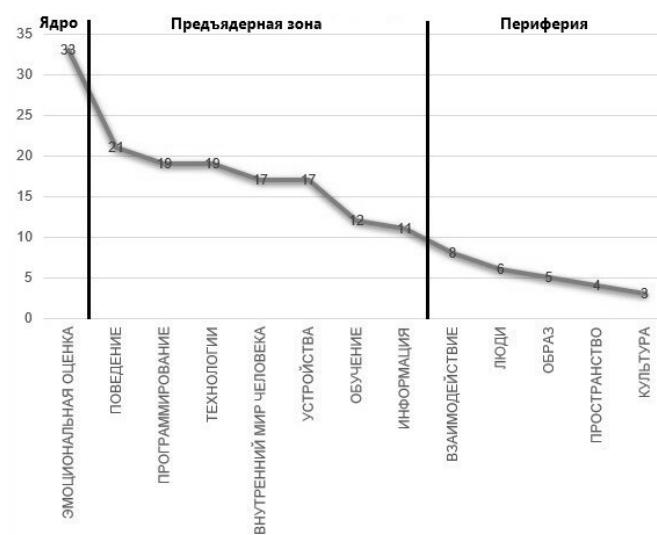

Рис. 2. Модель ассоциативно-вербального поля концепта «人工智能 / искусственный интеллект»

щиеся 8 и менее раз, находятся в зоне дальней периферии.

Заключение

Анализ модели ассоциативно-вербального поля концепта «人工智能 / искусственный интеллект» свидетельствует о том, что этот концепт активно присутствует в сознании носителей китайского языка. Так, образ искусственного интеллекта репрезентируется в эмоциональной оценке способности машины или компьютерной системы выполнять задачи, для которых обычно требуется человеческий интеллект, со значительным преобладанием позитивного отношения к его возможностям, о чем свидетельствует частотность вербализующих данный концепт реакций.

Концепт «人工智能 / искусственный интеллект» в ментальном лексиконе китайоязычных ис-

пытующих распространяется на поведенческие установки, нормы морали и человеческие чувства, представлен в виде технологий и процессов создания компьютерных программ, различных устройств и носителей информации. В ходе свободного ассоциативного эксперимента большинство ассоциатов, полученных в ответ на словостимул «人工智能 / искусственный интеллект», отражают такие свойства, как «быстрый», «перспективный», «эффективный», «неустанно совершенствующийся». Таким образом, проведенный свободный ассоциативный эксперимент позволяет выявить отношение представителей лингвокультурного сообщества к разным социально значимым аспектам современной культуры, демонстрируя одобрительное отношение носителей китайского языка к возможностям искусственного интеллекта.

Список источников

1. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
2. Карасик В. И. Концепт как единица лингвокультурного кода // Известия ВГПУ. 2009. Т. 44, № 10. С. 4–11.
3. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. 245 с.
4. Пименова М. В. Концепт сердце: образ, понятие, символ. Кемерово: Кемеровский гос. университет, 2007. 497 с.
5. Павиленис Р. И. Язык, смысл, понимание // Язык. Наука. Философия. Логико-методологический и семиологический анализ. Вильнюс, 1986. С. 212–289.
6. Аруноаст П. Языковая экспликация концептов «Искусственный интеллект» и «мораль» в современных российских СМИ (функционально-семантический аспект) // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 1 (74). С. 348–350.
7. Арутюнян В. Г. Структура ментальных репрезентаций: извлечение текста из памяти, нейронная сеть и искусственный интеллект // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. № 4 (24). С. 133–139.
8. Винокурова Т. Н. Особенности терминологии, передающей понятия искусственного интеллекта в английском языке // Омский научный вестник. 2010. № 1 (85). С. 113–115.

9. Привалова И. Ю. Искусственный интеллект: философско-богословский дискурс // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2020. № 4 (28). С. 101–106.
10. Чухарев Е. М., Худяков А. А. Когнитивная лингвистика и искусственный интеллект: результаты и тенденции взаимодействия // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 2–3. С. 93–105.
11. Шестова А. А. Семантическая связь между отражающими явления техногенной цивилизации словами в русском и английском языках // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2014. № 3 (4). С. 71–75.
12. Ткаченко А. Л. Концепт «искусственный интеллект» в зеркале философской рефлексии // Россия и мировые тенденции развития: материалы Всероссийской научно-практ. конф. с междунар. участием / науч. ред. П. Г. Макухин. Омск: Омский государственный технический университет, 2019. С. 402–409.
13. Моркина Ю. С. Сознание как антиномия (антиномичность понятия «сознание» и философия искусственного интеллекта) // Философия науки и техники, 2024. Т. 29, № 1. С. 20–33.
14. Курочкина М. А., Челпанова Е. В. Языковая репрезентация концепта «искусственный интеллект» в англоязычном художественном дискурсе // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы XI Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Ч. 1. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2022. С. 59–65.
15. Кокова А. В., Фомин Д. В. Лингвистические средства оценочности в англоязычных текстах публицистического дискурса по искусственному интеллекту // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 6 (103). С. 499–502.
16. Дубровская О. Г., Зыкова И. В. Искусственный интеллект сквозь призму лингвокогнитивной деятельности // Когнитивные исследования языка, 2023. № 4 (55). С. 938–942.
17. Дроздова Т. В. Концепт «искусственный интеллект» в обыденном сознании // Когнитивные исследования языка. 2023. № 5 (56). С. 323–327.
18. Кочетова Л. А. Метафорическое осмысление концепта «искусственный интеллект» в русскоязычных СМИ // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2-1 (58). С. 262–265.
19. Евсеева О. В. Ассоциативный эксперимент как исследовательская процедура в психолингвистике // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2009. № 2 (135). С. 82–84.
20. Зубарева Е. О., Шустова С. В. Концептуальное поле «Миграция»: опыт лингвистического моделирования. М.: URSS, 2022. 180 с.

References

1. Vorkachev S. G. Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', kontsept: stanovleniye antropotsentricheskoy paradigmy v yazykoznanii [Linguocultural studies, linguistic personality, concept: formation of the anthropocentric paradigm in linguistics]. *Filologicheskiye nauki – Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 2001, no. 1, pp. 64–72 (in Russian).
2. Karasik V. I. Kontsept kak edinita lingvokul'turnogo koda [Concept as a unit of linguacultural code]. *Izvestiya VGPU – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2009, vol. 44, no. 10, pp. 4–11 (in Russian).
3. Kubryakova E. S., Dem'yankov V. Z., Pankrats Yu. G., Luzina L. G. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [A Brief Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow, Filol. f-t MGU im. M. V. Lomonosova Pub., 1996. 245 p. (in Russian).
4. Pimenova M. V. *Kontsept serdtse: obraz, ponyatiye, simvol* [Concept heart: image, concept, symbol]. Kemerovo, Kemerovo State University Publ., 2007. 497 p. (in Russian).
5. Pavilenis R. I. Yazyk, smysl, ponimaniye [Language, meaning, understanding]. *Yazyk. Nauka. Filosofiya. Logiko-metodologicheskii i semiologicheskii analiz* [Language. Science. Philosophy. Logical-methodological and semiological analysis]. Vilnius, 1986. Pp. 212–289 (in Russian).
6. Arunoast P. Yazykovaya eksplikatsiya kontseptov «iskusstvennyy intellekt» i «moral'» v sovremennykh rossiyskikh SMI (funktsional'no-semanticheskii aspekt) [Linguistic explication of the concepts of “Artificial intelligence” and “morality” in modern Russian media (functional-semantic aspect)]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The world of science, culture and education*, 2019, no. 1 (74), pp. 348–350 (in Russian).
7. Arutyunyan V. G. Struktura mental'nykh reprezentatsiy: izvlecheniye teksta iz pamyati, neyronnaya set' i iskusstvennyy intellekt [The Structure of Mental Representations: Text Extraction from Memory, Neural Networks, and Artificial Intelligence]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2013, no. 4 (24), pp. 133–139 (in Russian).
8. Vinokurova T. N. Osobennosti terminologii, peredayushchey ponyatiya iskusstvennogo intellekta v angliyskom yazyke [Features of the terminology conveying the concepts of artificial intelligence in English]. *Omskiy nauchnyy vestnik – Omsk Scientific Bulletin*, 2010, no. 1 (85), pp. 113–115 (in Russian).
9. Privalova I. Yu. Iskusstvennyy intellekt: filosofsko-bogoslovskiy diskurs [Artificial Intelligence: A Philosophical and Theological Discourse]. *Ekonomicheskiye i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*, 2020, no. 4 (28), pp. 101–106 (in Russian).
10. Chukharev E. M., Khudyakov A. A. Kognitivnaya lingvistika i iskusstvennyy intellekt: rezul'taty i tendentsii vzaimodeystviya [Cognitive linguistics and artificial intelligence: results and trends of interaction]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2004, no. 2-3, pp. 93–105 (in Russian).

11. Shestova A. A. Semanticheskaya svyaz' mezhdu otrazhayushchimi yavleniya technogennoy tsivilizatsii slovami v russkom i angliyskom yazykakh [Semantic connection between words reflecting the phenomena of technogenic civilization in Russian and English languages]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya – Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research*, 2014, no. 3 (4), pp. 71–75 (in Russian).
12. Tkachenko A. L. Kontsept “iskusstvennyy intellekt” v zerkale filosofskoy refleksii [The concept of “Artificial Intelligence” in the mirror of philosophical reflection]. *Rossiya i mirovye tendentsii razvitiya: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem* [Russia and global development trends: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation]. Omsk, Omsk State Technical University Publ., 2019. Pp. 402–409 (in Russian).
13. Morkina Yu. S. Soznaniye kak antinomiya (antinomichnost' ponyatiya «soznaniye» i filosofiya iskusstvennogo intellekta) [Consciousness as an antinomy (the antinomy of the concept of “consciousness” and the philosophy of artificial intelligence)]. *Filosofiya nauki i tekhniki – Philosophy of Science and Technology*, 2024, vol. 29, no. 1, pp. 20–33 (in Russian).
14. Kurochkina M. A., Chelpanova E. V. Yazykovaya reprezentatsiya kontsepta «iskusstvennyy intellekt» v angloyazychnom khudozhestvennom diskurse [Linguistic representation of the concept “Artificial Intelligence” in English-language artistic discourse]. *Slovo, vyskazyvaniye, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektakh: materialy XI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii: v 2 chastyakh, chast' 1* [Word, utterance, text in cognitive, pragmatic and cultural aspects: materials of the XI International scientific conference: in 2 parts, part 1]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University Publ., 2022. Pp. 59–65 (in Russian).
15. Kokova A. V., Fomin D. V. Lingvisticheskiye sredstva otsenochnosti v angloyazychnykh tekstakh publitsisticheskogo diskursa po iskusstvennomu intellektu [Linguistic means of evaluativeness in English-language texts of journalistic discourse on artificial intelligence]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The world of science, culture and education*, 2023, no. 6 (103), pp. 499–502 (in Russian).
16. Dubrovskaya O. G., Zyкова I. V. Iskustvennyy intellekt skvoz' prizmu lingvokognitivnoy deyatel'nosti [Artificial Intelligence through the Prism of Linguocognitive Activity]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka – Cognitive Studies of Language*, 2023, no. 4 (55), pp. 938–942 (in Russian).
17. Drozdova T. V. Kontsept “iskusstvennyy intellekt” v obydennom soznanii [The concept of artificial intelligence in everyday consciousness]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka – Cognitive Studies of Language*, 2023, no. 5 (56), pp. 323–327 (in Russian).
18. Kochetova L. A. Metaforicheskoye osmysleniye kontsepta “iskusstvennyy intellekt” v russkoyazychnykh SMI [Metaphorical understanding of the concept of “artificial intelligence” in Russian-language media]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka – Cognitive Studies of Language*, 2024, no. 2-1 (58), pp. 262–265 (in Russian).
19. Evseeva O. V. Assotsiativnyy yeksperiment kak issledovatel'skaya protsedura v psikholingvistike [Associative experiment as a research procedure in psycholinguistics]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika – Bulletin of the South Ural State University*, 2009, no. 2 (135), pp. 82–84 (in Russian).
20. Zubareva E. O., Shustova S. V. Kontseptual'noye pole «Migratsiya»: opyt lingvisticheskogo modelirovaniya [Conceptual field “Migration”: experience of linguistic modeling]. Moscow, URSS Publ., 2022. 180 p. (in Russian).

Информация об авторах

Арекеева Ю. Е., кандидат филологических наук, доцент кафедры, Удмуртский государственный университет (ул. Университетская, 1, Ижевск, Россия, 426034).

E-mail: izh4yu@gmail.com. ORCID ID: 0000-0003-2016-745X. SPIN-код: 5853-1581

Бедненко Ю. И., преподаватель кафедры, Российский государственный гуманитарный университет (Миусская площадь, д. 6, корпус 3, Москва, Россия, 125267).

E-mail: bednenko.yuliya@mail.ru. ORCID ID: 0009-0008-5208-5540. SPIN-код: 4899-0340.

Information about the authors

Arekeeva Yu. Ye., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Udmurt State University (ul. Universitetskaya, 1, Izhevsk, Russian Federation, 426034).

E-mail: izh4yu@gmail.com. ORCID ID: 0000-0003-2016-745X. SPIN-code: 5853-1581

Bednenko Yu. I., Lecturer, Russian State University for the Humanities (pl. Miusskaya, Building 6, Building 3, Moscow, Russian Federation, 125267).

E-mail: bednenko.yuliya@mail.ru. ORCID ID: 0009-0008-5208-5540. SPIN-code: 4899-0340.

Статья поступила в редакцию 02.09.2024; принята к публикации 29.11.2024
The article was submitted 02.09.2024; accepted for publication 29.11.2024

УДК 811.111; 811.161.1
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-16-25>

Грамматические трансформации при переводе текстов информационного жанра с русского языка на английский язык (на примере веб-сайта Министерства просвещения России)

Анастасия Сергеевна Персидская

*Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия,
persidskayaas@tspu.edu.ru, 0000-0002-7844-2867*

Аннотация

Предпринятое научное исследование посвящено выявлению наиболее частотных грамматических трансформаций, применяемых при переводе текстов информационных жанров с русского языка на английский язык. Материалами исследования послужили тексты, размещенные на сайте Министерства просвещения Российской Федерации, и их переводы на английский язык. Общий объем исследования составляет 94 предложения на английском и русском языках. Исследование проведено с использованием общенаучных методов, а именно: анализ и синтез, обобщение, классификация, количественный метод, а также лингвистических методов: описательный, сопоставительный, метод контекстуального анализа перевода. Актуальность исследования заключается в необходимости изучения подходов к переводу текстов, размещенных на веб-сайтах, как современной форме коммуникации, а также грамматических трансформаций при переводе с русского языка на английский язык ввиду ограниченного количества исследований, посвященных данному аспекту. Автором предпринята попытка проанализировать способы перевода текстов информационных жанров на двух верхних уровнях языка – текста и высказывания. В ходе исследования автором установлено, что для текстов подобных жанров используется сокращенный способ перевода. При этом вид перевода – выборочный. Анализ уровня высказывания структурирован согласно классификации грамматических трансформаций, используемых при переводе. Проведенное исследование позволило выявить основные грамматические трансформации, применяемые при переводе текстов информационных жанров, на синтаксическом уровне. Наиболее частотными являются грамматические замены (члена предложения, части речи, формы слова). Реже используется синтаксическое уподобление или дословный перевод. К наиболее редким грамматическим трансформациям относятся: членение предложения (как внешнее, так и внутреннее) и объединение предложения. Грамматические замены часто сопровождаются другими трансформациями (как грамматическими, так и лексическими). В данном исследовании не только определены наиболее частотные грамматические трансформации, но и проведен анализ причин их использования, а также даны теоретические пояснения специфики выявленных грамматических трансформаций.

Ключевые слова: грамматические трансформации, синтаксическое уподобление, членение предложения, объединение предложения, грамматические замены, переводческие трансформации, информационные жанры

Для цитирования: Персидская А. С. Грамматические трансформации при переводе текстов информационного жанра с русского языка на английский язык (на примере веб-сайта Минпросвещения России) // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 1 (237). С. 16–25. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-16-25>

Grammatical transformations in translating texts of information genre from Russian into English (analysis based on the website of the Ministry of Education of the Russian Federation)

Anastasia S. Persidskaya

*Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, persidskayaas@tspu.edu.ru,
0000-0002-7844-2867*

Abstract

This research is devoted to the identification of the most frequent grammatical transformations used in translating texts of information genres from Russian into English. The material of the study is the texts posted on the website of the Ministry of Education of the Russian Federation and their translations into English. The total volume of the study is 94 sentences in English and Russian. The research has been conducted using general scientific methods, namely: analysis and synthesis, generalization, classification, quantitative method, as well as linguistic methods: descriptive, comparative, method of contextual analysis of translation. The relevance of the research is defined by the need to study ap-

proaches to the translation of texts posted on websites as a modern form of communication, as well as grammatical transformations when translating from Russian into English in view of the limited number of studies devoted to this aspect. The author has attempted to analyze the ways of translating texts of information genres at the two upper levels of language – the level of text and the level of utterance. In the course of the study, the author has found that the summary translation is used for texts of such genres. The type of translation is selective. The analysis of the utterance level is structured according to the classification of grammatical transformations used in translation. The research identifies the main grammatical transformations used in translating texts of information genres at the syntactic level. The most frequent are grammatical substitutions (change of a sentence member, change of a part of speech, change of a word form). Syntactic assimilation or literal translation is used less frequently. The rarest grammatical transformations include: sentence partitioning (both external and internal) and sentence integration. Grammatical substitutions are often accompanied by other transformations (both grammatical and lexical). This study does not only identify the most frequent grammatical transformations, but also analyzes the reasons for their use and provides theoretical explanations of the specifics of the identified grammatical transformations.

Keywords: *grammatical transformations, syntactic assimilation, sentence partitioning, sentence integration, grammatical substitutions, translation transformations, informational genres*

For citation: Persidskaya A. S. Grammaticheskiye transformatsii pri perevode tekstov informatsionnogo zhanra s russkogo yazyka na angliyskiy yazyk (na primere veb-sayta Minprosveshcheniya Rossii) [Grammatical transformations in translating texts of information genre from Russian into English (analysis based on the website of the Ministry of Education of the Russian Federation)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 1 (237), pp. 16–25 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-16-25>

Введение

В современном мире коммуникация власти с обществом преобразуется, поскольку изменяются каналы связи между ними. Неотъемлемой частью деятельности ведомств стала электронная форма коммуникации, в частности использование официального сайта органа власти. Веб-сайты представляют информацию о министерстве и его деятельности, в том числе мы можем обнаружить раздел «Новости». При этом «новость» в профессиональной журналистике именуется гиперонимом «информационные жанры», который распадается на подвиды [1, с. 9]. Новости публикуются как на русском языке, так и на иностранных языках. В силу структурных различий языков и наличия различных жанровых особенностей текстов в русском и английском языках, перевод текстов новостей сопровождается переводческими трансформациями. Грамматические трансформации составляют их основу. Раздел «Новости» регулярно пополняется и, соответственно, требует постоянного перевода. Таким образом, анализ специфики перевода текстов информационного жанра является актуальным исследованием. Описание способов грамматических преобразований при переводе особенно полезно для начинающих переводчиков.

Грамматические трансформации при переводе неоднократно становились объектом изучения лингвистов, однако в большей степени в работах отечественных ученых. Имеются исследования, посвященные грамматическим трансформациям в общем и связанному с ними качеству перевода [2]. Лингвисты рассматривали также грамматические трансформации при переводе текстов определенного стиля, например: технических [3], официаль-

но-деловых [4, 5] и публицистических [6, 7]. Проводились исследования синтаксических трансформаций при переводе текстов жанра эссе [8]. Изучались способы перевода отдельных частей речи, например перевод имен прилагательных и наречий [9]. При этом при переводе с русского языка на английский язык объектом исследования в основном выступают лексические трансформации [10, 11]. Таким образом, на данный момент наблюдается недостаточность освещения особенностей перевода текстов информационных жанров. Притом, что в большей части исследований рассматриваются трансформации при переводе текстов с английского языка на русский язык, возникает необходимость изучения грамматических трансформаций при переводе именно с русского языка на английский язык. Следовательно, представляется необходимым проведение исследования, источником материала которого выступают тексты информационных жанров, а целью анализа является процесс перевода с русского языка на английский язык.

Цель статьи – выявить наиболее частотные грамматические трансформации, применяемые при переводе текстов информационных жанров с русского языка на английский язык на примере текстов, размещенных на веб-сайте Министерства просвещения Российской Федерации.

Материал и методы

В предпринятом исследовании применяются общенаучные методы, а именно: анализ и синтез, обобщение, классификация, количественный метод, а также лингвистические методы: описательный, сопоставительный, метод контекстуального анализа перевода.

Материалами исследования послужили тексты информационных жанров, размещенные на сайте Министерства просвещения РФ, и их переводы на английский язык [12–17]. Всего рассмотрено три текста в русской версии объемом 46 предложений (21, 13, 12) и их перевод на английский язык в количестве 48 предложений (21, 13, 14).

Предметом исследования являются грамматические трансформации, объект исследования – русскоязычные тексты новостей и их переводы на английский язык.

Результаты исследования

Существует много определений понятию «грамматическая трансформация». Согласно определению Я. И. Рецкера, с мнением которого мы солидаризируемся, «грамматические трансформации заключаются в преобразовании структуры предложения в процессе перевода в соответствии с нормами переводящего языка» [18, с. 80]

Система языка имеет шесть уровней: фонемный, морфемный, уровень слова, уровень словосочетания, уровень предложения, уровень текста. Однако язык неразрывно связан с речью, при этом граница между языком и речью размыта, в связи с чем указанные уровни языка могут быть структурированы по-другому: 1) уровни фонем и морфем относятся к языку; 2) уровни слов (в основном языковой), словосочетаний (речезыковой), высказываний/предложений (в основном речевой) – к промежуточной зоне; 3) уровень текста/дискурса – к речи [19, с. 108]. Так как данная исследовательская работа посвящена анализу грамматических трансформаций при переводе, то основной интерес связан со способами перевода уровней промежуточной зоны.

Однако в начале стоит отметить некоторые особенности подхода к переводу, присущие текстам информационных жанров, на уровне текста. В текстах информационных жанров, опубликованных на веб-сайтах ведомств, при переводе на иностранный язык текст значительно сокращается путем опущения целых абзацев. Например, в проанализированных трех новостных сообщениях, размещенных на веб-сайте Министерства просвещения Российской Федерации, исходные русскоязычные тексты насчитывают 24, 18 и 41 предложение, в то время как в английской версии новостей содержится 21, 13 и 14 предложений соответственно. Переводчик опускает информацию, которую считает не важной для иностранного читателя, и подвергает переводу только ключевую информацию. Однако при этом не происходит сокращения информации внутри тех абзацев и предложений, которые выбраны для перевода. Таким образом, можем определить способ перевода подобных видов текста как

сокращенный, а вид перевода – как выборочный. Такой тезисно-реферативный вид перевода довольно часто используется при переводе текстов информационных жанров.

Второй уровень для рассмотрения – это уровень высказывания или предложения, который связан с синтаксисом. Грамматические трансформации включают в себя: 1) синтаксическое уподобление (дословный перевод); 2) членение предложения; 3) объединение предложения; 4) грамматические замены (формы слова, части речи, члена предложения). Все четыре трансформации связаны с уровнем предложения.

Синтаксическое уподобление (дословный перевод) – это «нулевой» тип трансформации. Он встречается в тех случаях, когда в оригинальном тексте и тексте перевода используются одинаковые синтаксические структуры. Синтаксическая структура предложения представляет собой конструктивный состав его компонентов, необходимых для построения высказывания, которые при этом соответствуют грамматическим нормам данного языка. Конструктивные компоненты, или члены предложения, являются, с одной стороны, самостоятельными частями речи, с другой стороны, функционально значимыми составными частями предложения. Следовательно, возникают следующие вопросы: 1) как соотносятся главные и второстепенные члены предложения; 2) как соотносятся члены предложения и части речи.

Между членами предложения и частями речи существует определенное соответствие, поскольку члены предложения выражают содержание, отражающее лексическое значение различных самостоятельных частей речи. При этом нельзя установить полный параллелизм между членами предложения и частями речи, так как члены предложения являются результатом взаимодействия слов с другими языковыми единицами. Основными типами синтаксической связи считаются: 1) предикативная связь (между подлежащим и сказуемым); 2) атрибутивная связь (определенный комплекс внутри предложения); 3) комплетивная связь (случаи обособления с вводными словами, обращениями и другими аналогичными конструкциями).

Значит, если все слова в предложении имеют синтаксические связи друг с другом, стоит обратить внимание на правомерность использования фразы «порядок слов», который часто встречается в работах по проведению анализа перевода. Не вполне уместно использовать термин «порядок слов» применительно к предложению, так как предложение состоит не из слов, а из членов предложения, поэтому его следовало бы закрепить исключительно за словосочетанием, а применительно к предложению правильнее было бы говорить о

порядке членов предложения или конstituентов предложения.

В английском языке, в силу наличия в его структуре сильнейших изолирующих тенденций, не только знаменательные части речи, вовлекающиеся в механизм конверсии, но и служебные части речи могут менять свой частеречный статус в конкретной синтаксической структуре. Таким образом, для английского слова значимость его позиции в синтаксической структуре является решающей для определения его статуса как части речи.

Многими учеными высказывается идея о том, что язык – это система с двумя «центрами притяжения» – предложение и слово, все остальные знаковые уровни являются производными от них.

Уточним, что в русском языке к самостоятельным частям речи относятся: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие, категория состояния; к служебным словам – союзы, предлоги, частицы. В английском языке имя существительное, имя прилагательное, слова категории состояния, местоимение, имя числительное, глагол, наречие – это самостоятельные части речи, а союзы, предлоги, артикли, частицы, послелог – служебные слова.

Стоит отметить, что долгое время лингвисты не имели единой точки зрения относительно того, какой частью речи является артикль: самостоятельной или служебной. Существовали мнения, что артикль – это имя прилагательное или местоимение. Однако в современной лингвистике артикль считается служебной частью речи и не может быть отнесен к разряду других частей речи, так как он является самостоятельным словом, которое обладает собственными значениями и функциями [20, с. 180].

Таким образом, определяя способ перевода как «синтаксическое уподобление», мы имеем в виду наличие параллелей между членами предложения, которые обладают одним из трех представленных типов синтаксической связи (предикативную, атрибутивную, комплетивную), а это чаще всего самостоятельные части речи, за исключением английских случаев конверсии и особой позиции служебной части речи, а также аналогичный порядок данных членов предложения в оригинале и переводе.

Разберем трансформацию «синтаксическое уподобление» на примере текста информационного жанра, размещенного на веб-сайте Минпросвещения РФ: (1) *Сергей Кравцов | отметил | высокий уровень готовности к | проведению Чемпионата высоких технологий | в Великом Новгороде* ‘Sergey Kravtsov | noted | the high level of readiness to | the High Technologies Championship | in Veliky Novgorod’. И в оригинале предложения, и в переводе мы можем выделить следующие члены пред-

ложения: подлежащее (*Сергей Кравцов* ‘Sergey Kravtsov’), сказуемое (*отметил* ‘noted’), прямое дополнение (*высокий уровень готовности к* ‘the high level of readiness to’), косвенное дополнение (*проведению Чемпионата высоких технологий* ‘the High Technologies Championship’), обстоятельство места (*в Великом Новгороде* ‘in Veliky Novgorod’). Порядок данных членов предложения совпадает в русском и английском языках.

Однако если рассматривать внутренний состав данных членов предложения, можно найти расхождения в силу разности языкового строя. Например, при переводе прямого дополнения происходит добавление предлога и артикля: (2) *высокий уровень готовности к* ‘the high level of readiness to’; при переводе косвенного дополнения происходит опущение имени существительного и перестановка слов внутри словосочетания: (3) *проведению Чемпионата высоких технологий* ‘the High Technologies Championship’. Но так как эти трансформации не меняют функцию и порядок следования данных членов предложения, а происходят только внутри них, перевод можно считать синтаксическим уподоблением. В анализируемом материале выявлено 12 случаев перевода с помощью трансформации «синтаксическое уподобление».

Следующая трансформация уровня предложения – членение предложения. *Членение предложения* или *членение высказывания* – это способ перевода, при котором синтаксическая структура предложения в оригинале преобразуется в две или более предикативные структуры в языке перевода. Членение высказываний может быть двух видов: внешним (одно высказывание преобразуется в два и более) и внутренним (замена простого предложения сложноподчиненным) [21, с. 731].

В анализируемом материале выявлено пять случаев применения трансформации «членение предложения», из них четыре – внешних и одно – внутреннее. Рассмотрим данные примеры и начнем с примеров внешнего членения предложения.

Во всех четырех выявленных сложных предложениях присутствует форма бессоюзной связи, выраженная через двоеточие, тире и запятую. Именно по этой бессоюзной связи переводчики делят предложения на два при переводе на английский язык без каких-либо семантических или грамматических потерь: (4) *Хочу сказать, что в целом результаты очень позитивные: несмотря на санкции, подавляющее число регионов проводят работы в срок, и в новом учебном году у нас будет открыто порядка 400 новых школ.* ‘I would like to say that the results are very positive in general. Despite the sanctions the vast majority of the regions are carrying out the works on time and about 400 new schools will be opened in the new academic year.’ (2 аналогичных

примера); (5) Он создан на основе действующего учебника – мы бережно сохранили все ключевые разделы, но при этом появились принципиально новые, в том числе связанные со специальной военной операцией и с вхождением в состав нашей страны новых регионов. ‘It was created on the basis of the current textbook. We carefully preserved all the key sections of the book, at the same time, fundamentally new ones have been added.’ (6). Программа капитального ремонта положительно воспринимается людьми, они отмечают колоссальный эффект. ‘The overhaul program is positively perceived by people. They acknowledge its enormous impact.’

Основным поводом для подобного членения могут служить разные грамматические особенности языков: русский язык позволяет наличие сложных структур в письменной речи, в то время как в английском языке не прибегают к использованию тире и двоеточий, а представляют информацию в разных предложениях, если эта информация не рассматривается как неделимое целое, о чем и свидетельствует наличие бессоюзной связи в русском предложении.

Выявленный пример внутреннего членения предложения также основывается на разности грамматических структур рассматриваемых языков: (7) По словам Сергея Кравцова, **лицей станет** одной из ключевых площадок подготовки кадров для ядерной медицины и **будет сотрудничать** с ведущими отраслевыми предприятиями региона. ‘According to Sergey Kravtsov the **lyceum will be** one of the key centers for training specialists in nuclear medicine and **it will cooperate** with the leading industry’s enterprises in the region’. В русском языке присутствуют однородные сказуемые при наличии одного подлежащего. В английском языке в силу того, что сказуемое представлено разными по своим свойствам и функциям глаголами – статичным *be*, выполняющим в основном грамматическую функцию сказуемого, и динамичным *cooperate*, выполняющим и грамматическую, и семантическую функции – требуется добавление подлежащего после союза. В данном предложении мы находим второе подлежащее, выраженное личным местоимением *it*.

Далее рассмотрим трансформацию «объединение предложения». Объединение предложения – грамматическая трансформация, которая представляет собой соединение двух предложений текста исходного языка в одно предложение текста переводящего языка [22].

В анализируемом материале обнаружен один случай применения переводческой трансформации «объединение предложения»: (8) В начале учебного года российских школьников встретят 1293

школы в 73 регионах, восстановленные в рамках программы капитального ремонта. В 2023 году в России будет построено порядка 400 новых школ. Об этом сообщил секретарь Генерального совета партии «Единая Россия» Андрей Турчак на Всероссийском штабе по контролю за строительством и капитальным ремонтом школ. ‘During the All-Russian meeting on control over the construction and overhaul of schools the Secretary of the General Council of United Russia Andrey Turchak announced that 1,293 schools would be opened after a major overhaul in 73 regions of our country and about 400 new schools would be built in Russia in 2023.’

В приведенном примере при переводе объединены три русских предложения в одно английское предложение. При этом основная трансформация объединения предложения сопровождается другими грамматическими трансформациями, такими как перестановка, замена активного залога сказуемого на пассивный (*встретят 1293 школы* ‘1,293 schools ‘would be opened’) и опущение (*В начале учебного года российских школьников; восстановленные в рамках программы*).

Трансформация объединения предложений обусловлена тем, что первые два русских предложения объединены общей тематикой и относятся к высказыванию одного человека, указанного в третьем предложении, т. е. три предложения могут быть объединены в одно сложноподчиненное косвенное предложение. Замена залога сказуемого диктуется грамматическими нормами английского языка, опущения – избыточностью русского языка в сравнении с английским.

Следующая трансформация – трансформация грамматической замены может быть трех видов: формы слова, части речи и члена предложения. Так как мы на данном этапе рассматриваем трансформации на уровне предложения, то логично начать с последнего вида как наиболее явно связанного со структурой предложения – замена члена предложения.

В большинстве случаев данная трансформация идет в сопровождении других как грамматических, так и лексических трансформаций. Например, нами выявлено три случая, когда подлежащее и дополнение меняются местами при переводе, например: (9) по поручению Президента реализуется программа капитального ремонта школ «Модернизация школьных систем образования» в рамках государственной программы «Развитие образования» ‘the President of the Russian Federation initiated the program of the schools’ overhaul “Modernization of the school education systems” within the framework of the state program “Development of Education”’.

Наряду с изменением подлежащего и дополнения меняется и семантика глагола (три примера).

В двух случаях происходит конкретизация значения: (10) *мы посмотрели две школы, в которых идут работы по федеральной программе капремонта* ‘we visited two schools that **are being renovated** under the federal overhaul program’; (11) *но при этом появились принципиально новые* ‘at the same time, fundamentally new ones **have been added**’; в одном случае – генерализация: (12) *у нас заложены средства в бюджете* ‘we **have** funds in the budget’.

В одном случае подлежащее становится именной частью сказуемого, а дополнение – подлежащим: (13) *участниками Чемпионата высоких технологий станут студенты учреждений среднего профессионального образования и учащиеся старших классов школ более чем из 25 регионов страны* ‘the **participants** of the High Technologies championship are **students** of colleges and students of grades 10-11 from more than 25 regions of our country’.

Изменения могут происходить и с обстоятельством (два примера). Подлежащее становится дополнением, а обстоятельство места – подлежащим: (14) *в этом году в России пройдут два чемпионата в сфере среднего профессионального образования*. ‘this year **Russia** will host **two championships** in the sphere of vocational education’. Подлежащее становится именной частью сказуемого, а обстоятельство места опускается: (15) *в них есть QR-коды* ‘thereare **QR-codes**’.

Выявлен один случай, когда смена залога сопровождается заменой семантики глагола, основанной на смысловом развитии, и опущением дополнения: (16) *школьников встретят 1293 школы в 73 регионах, восстановленные в рамках программы капитального ремонта* ‘1,293 schools **would be opened** after a major overhaul in 73 regions of our country’.

Ранее уже упоминалось, что части речи и члены предложения тесно взаимосвязаны, поэтому трансформацию «замена части речи» также стоит рассматривать в рамках уровня предложения. О том, что замена части речи вносит значительные изменения в структуру предложения, свидетельствуют и выявленные примеры. Замены данного вида можно распределить на несколько групп: 1) замена имени существительного на глагол: (17) *в которых завершается модернизация* ‘that **are being modernized**’; (18) *проводятся капремонты* ‘[schools] **are being overhauled**’; (19) *ввод школ* ‘**to commission** schools’; 2) замена сочетания имени существительного с предлогом на сочетание глагола с вопросительным местоимением: (20) *предложения по оформлению здания* ‘proposals **how to decorate** the building’; 3) замена местоимения именем существительным: (21) *по некоторым объек-*

там они [работы] выполнены с опережением графика ‘**works** on some sites were completed of the schedule’; 4) замена предлога причастием настоящего времени: (22) *будут изучать историю по новому, современному учебнику* ‘would study history **using** a new modern textbook’.

Отдельным пунктом стоит рассмотреть случай замены номинативной фразы придаточным предложением: (23) *проверяют готовность школ* ‘checking if the schools are ready to the beginning of the new academic year’. Отнести этот случай только к трансформации замены части речи не будет верным, так как происходит более глобальное изменение – добавление придаточной части предложения.

Трансформация замены формы слова может относиться как к уровню предложения, так и к уровню фразы или слова. Начнем наш анализ со случаев, касающихся уровня предложения.

В анализируемом материале трансформация замены формы слова при переводе чаще всего происходит с глаголом (11 случаев). В основном происходит замена активного залога глагола в русском языке на пассивный залог в английском переводе (8 примеров): (24) *состоится первый Чемпионат* ‘the first Championship **would be held**’, (25) *состоится чемпионат «Профессионалы»* ‘the championship “Professionals” **would be held**’, (26) *предложения давали сами дети* ‘proposals **were made** by children’, (27) *об этом заявил Министр просвещения* ‘this **was announced** by the Minister of Education’, (28) *всероссийское августовское педагогическое совещание будет проходить* ‘the All-Russian August Pedagogical Conference **will be held**’, (29) *при этом появились принципиально новые [разделы учебника]* ‘fundamentally new ones **have been added**’, (30) *августовский педсовет прошел* ‘the August Pedagogical Council **was held**’, (31) *150 учебных заведений откроются* ‘150 educational institutions **will be opened**’.

В первых двух примерах можем отметить также замену будущего времени на будущее время в прошедшем. Во втором примере замена обоснована тем, что данное высказывание входит в состав сложного косвенного предложения, о чем свидетельствует начальная фраза «Министр просвещения напомнил, что...». В первом примере условием для использования ‘would’ является то, что данное высказывание входит в состав сложного предложения, описывающего события, уже состоявшиеся, выраженные в прошедшем времени. Таким образом, замена видовременной формы глагола определена дополнительными грамматическими требованиями английского языка.

Реже встречается замена пассивного залога активным (2 примера): (32) *по поручению Президен-*

та реализуется программа ‘the President of the Russian Federation **initiated** the program’, (33) у нас **заложены** средства ‘we **have** funds’. В первом примере при переводе меняется также его видо-временная форма – глагол в форме настоящего времени меняется на глагол в форме прошедшего времени. Данная замена происходит согласно правилу согласования времен в английском косвенном предложении (предложение начинается со слов «Глава Минпросвещения напомнил, что...»). Во втором примере наблюдается обратный процесс – то, что выражено в русском языке глаголом в форме прошедшего времени (заложены), передается английским глаголом в форме настоящего времени (‘have’), но обладающим семантикой результата действия, который имеется на данный момент. Эти трансформации сопровождаются другими изменениями, а именно трансформацией «замена члена предложения».

Выявлен один случай замены глагола в форме настоящего времени глаголом в форме будущего времени при переводе: (34) *участниками **станут** студенты* ‘the participants **are** students’. Выбор переводчиком такой видо-временной формы глагола не совсем ясен, так как говорится о будущем проведении чемпионата и он состоится впервые, таким образом, никак не подчеркивается регулярность проведения мероприятия.

Кроме того, выявлено по одному случаю изменения числа существительного при переводе: 1) замена имени существительного в единственном числе именем существительным во множественном числе: (35) *в Год **педагога и наставника*** ‘in the Year of **Teachers and Mentors**’; 2) замена имени существительного во множественном числе именем существительным в единственном числе: (36) *мы **закладываем основы** новой традиции* ‘we are laying the **foundation** of a new tradition’. В первом случае предпочтение переводчиком множественного числа имени существительного может объясняться стремлением передать идею об отношении события ко всем учителям и наставникам. Во втором случае в русском языке принято называть «основы» во множественном числе, при этом данная лексема может относиться к другому имени суще-

ствительному как во множественном числе, так и в единственном числе (*традиция*). В английском же языке лучше использовать форму единственного числа имени существительного ‘foundation’, так как оно подчеркивает свое отношение к другому имени существительному в единственном числе (‘*anewtradition*’). Происходит согласование числа зависимых имен существительных.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить основные грамматические трансформации, применяемые при переводе текстов информационных жанров, на синтаксическом уровне. Наиболее частотными являются грамматические замены (31 случай) – замена члена предложения (девять случаев), замена части речи (четыре случая), замена формы слова (16 случаев). Более чем в два раза реже используется синтаксическое уподобление или дословный перевод (12 случаев). Наиболее редкие грамматические трансформации – членение предложения (пять случаев, из них четыре – внешних и одно – внутреннее); объединение предложения (один случай). Достаточно низкая частотность использования синтаксического уподобления и, напротив, высокая частотность использования трансформаций замены обусловлена различиями грамматических структур анализируемых языков и стремлением английского языка к лаконичности в отличие от присущей русскому языку эксплицитности. Количественное преобладание трансформаций членения предложения над трансформациями объединения предложений связано с тенденцией использовать более простые предложения в английском тексте информационного жанра, представляющие собой отдельные законченные высказывания. В то время как в русском языке даже в текстах, ориентированных на массового читателя, прослеживается тенденция к использованию сложных по своей структуре предложений. Таким образом, данное исследование позволило не только определить наиболее частотные грамматических замены, но и проанализировать причину их использования, а также дать некоторые теоретические пояснения сути выявленных грамматических трансформаций.

Список источников

1. Иванова С. В. Новость как дискурсивный жанр: не отсутствующая структура // Terra Linguistica. 2022. № 3. Т. 13. С. 7–14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novost-kak-diskursivnyy-zhanr-ne-otsutstvuyuschaya-struktura> (дата обращения: 19.10.2024).
2. Данилова Е. С., Ромашина О. Ю. О грамматических трансформациях и качестве перевода: материалы VI Междунар. науч. конф. «Взаимодействие языков и культур». Череповец: Череповецкий государственный университет, 2017. С. 49–55. URL: https://www.researchgate.net/publication/327052675_ON_GRAMMATICAL_TRANSFORMATIONS_AND_TRANSLATION_QUALITY (дата обращения: 19.10.2024).
3. Andashova R. M., Jumaliev G. E. Lexical and grammatical transformations in translation of texts in the field of information technologies. 2022. URL: https://www.researchgate.net/publication/363636806_LEXICAL_AND_GRAMMATICAL

TRANSFORMATIONS_IN_TRANSLATION_OF_TEXTS_IN_THE_FIELD_OF_INFORMATION_TECHNOLOGIES (дата обращения: 19.10.2024).

4. Елисеева Д. Ф., Манченко Е. С. К вопросу перевода грамматических трансформаций с английского языка на русский в резолюциях Совета безопасности ООН // Креативная лингвистика. 2020. № 172–177. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43948637> (дата обращения: 19.10.2024).
5. Bayankina E. G., Pegov S. V. Specific Grammatical Aspects of Translating the IAEA Regulatory Documents into the Russian Language. 2024. URL: https://www.researchgate.net/publication/380530880_Specific_Grammatical_Aspects_of_Translating_the_Iaea_Regulatory_Documents_into_the_Russian_Language (дата обращения: 19.10.2024).
6. Васильев Г. И. Роль грамматических преобразований в газетной публицистике // Вопросы филологии и переводоведения в контексте межкультурной коммуникации: междунар. сб. науч. ст. 2023. С. 174–178. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_53987951_83595712.pdf (дата обращения: 19.10.2024).
7. Грызлова М. Д. Грамматические трансформации при переводе англоязычных газетно-публицистических материалов на русский язык: материалы XI Всерос. студенческой научно-практ. конф. с междунар. участием «Молодежь XXI века: образование, наука, инновации»: в 4 ч. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2023. Ч. 3. С. 67–69. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53859961> (дата обращения: 19.10.2024).
8. Соломатина С. Ю. Синтаксические трансформации при переводе текстов с английского языка на русский язык (на материале английских эссе) // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2024. № 2, т. 34. С. 365–368. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_67216204_44787881.pdf (дата обращения: 19.10.2024).
9. Slepovitch V. Grammatical equivalence in translating Russian adjectives and adverbs into English // Vertimo Studijos. 2011. № 4. Р. 118–124. URL: https://www.researchgate.net/publication/316498443_GRAMMATICAL_EQUIVALENCE_IN_TRANSLATING_RUSSIAN_ADJECTIVES_AND_ADVERBS_INTO_ENGLISH (дата обращения: 19.10.2024).
10. Данилова И. И., Прокопенко А. И. Музейная экспозиция как диалог культур: особенности перевода // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. № 2 (16). С. 56–65.
11. Tikhomirova Yu. A. Translating a fact, creating a myth: Rosa Newmark's images of Russia // Tomsk State University Journal of Philology. 2019. № 57. Р. 253–265.
12. Министр просвещения объявил 23 августа единым днем проведения всероссийского ежегодного педагогического совета. URL: <https://edu.gov.ru/press/7412/ministr-prosveshcheniya-obyavil-23-avgusta-edinyim-dnem-provedeniya-vserossiyskih-ezhogodnyh-pedagogicheskikh-sovetov/> (дата обращения: 19.10.2024).
13. Почти 1,3 тысячи школ откроются после капитального ремонта 1 сентября. URL: <https://edu.gov.ru/press/7389/pochti-13-tysyachi-shkol-otkroyutsya-posle-kapitalnogo-remonta-1-sentyabrya/> (дата обращения: 19.10.2024).
14. Сергей Кравцов отметил высокий уровень готовности к проведению чемпионата высоких технологий в Великом Новгороде. URL: <https://edu.gov.ru/press/7372/sergey-kravcov-otmetil-vysokiy-uroven-gotovnosti-k-provedeniyu-chempionata-vysokih-tehnologiy-v-velikom-novgorode/> (дата обращения: 19.10.2024).
15. About 1,300 schools to be opened after a major overhaul on September 1. URL: <https://edu.gov.ru/en/press/2472/about-1300-schools-to-be-opened-after-a-major-overhaul-on-september-1/> (дата обращения: 19.10.2024).
16. Sergey Kravtsov noted the high level of readiness to the High Technologies Championship in Veliky Novgorod. URL: <https://edu.gov.ru/en/press/2471/sergey-kravtsov-noted-the-high-level-of-readiness-to-the-high-technologies-championship-in-veliky-novgorod/> (дата обращения: 19.10.2024).
17. The Minister of Education declared August 23 as a single day of the All-Russian Annual Pedagogical Council. URL: <https://edu.gov.ru/en/press/2473/the-minister-of-education-declared-august-23-as-a-single-day-of-the-all-russian-annual-pedagogical-council/> (дата обращения: 19.10.2024).
18. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Международные отношения, 1974. 216 с. URL: [https://cpcl.info/text/retsker_teoriya-perevoda_1974/\\$p0/](https://cpcl.info/text/retsker_teoriya-perevoda_1974/$p0/) (дата обращения: 19.10.2024).
19. Доладова О. В. Проблема уровней языковой иерархии // Вестник Самарского университета. История. Педагогика. Филология. 2016. № 4. С. 105–112. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-urovney-yazykovoy-ierarhii> (дата обращения: 19.10.2024).
20. Назмутдинова Ю. И. Трудности передачи значения артикля при переводе с английского на русский язык // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2019. № 2 (22). С. 179–182. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudnosti-peredachi-znacheniya-artiklya-pri-perevode-s-angliyskogo-na-russkiy-yazyk> (дата обращения: 19.10.2024).
21. Ван Вэньлинь, Трегубова Н. А. Членение и объединение предложений при переводе научно-популярных текстов с английского языка на русский язык // Вестник науки. 2023. № 6 (63), т. 3. С. 726–732. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chlenenie-i-obedinenie-predlozheniy-pri-perevode-nauchno-populyarnyh-tekstov-s-angliyskogo-yazyka-na-russkiy> (дата обращения: 19.10.2024).
22. Захарова Л. Д. Прием членения предложения. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priem-chleneniya-predlozheniya/viewer> (дата обращения: 19.10.2024).

References

1. Ivanova S. V. Novost' kak diskursivnyy zhanr: ne otsutstvuyushchaya struktura [News as a genre of discourse: a non-missing structure]. *Terra Linguistica*, 2022, no. 3, vol. 13, pp. 7–14 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novost-kak-diskursivnyy-zhanr-ne-otsutstvuyushchaya-struktura> (accessed 19 October 2024).
2. Danilova E. S., Romashina O. Yu. O grammaticheskikh transformatsiyakh i kachestve perevoda [On grammatical transformations and translation quality]. *Materialy VI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Vzaimodeystviye yazykov i kul'tur – Proceedings of the 6th International Scientific Conference "Interaction of Languages and Cultures"*, 2017, pp. 49–55 (in Russian). URL: https://www.researchgate.net/publication/327052675_ON_GRAMMATICAL_TRANSFORMATIONS_AND_TRANSLATION_QUALITY (accessed 19 October 2024).
3. Andashova R. M., Jumalieva G. E. *Lexical and grammatical transformations in translation of texts in the field of information technologies*. 2022. URL: https://www.researchgate.net/publication/363636806_LEXICAL_AND_GRAMMATICAL_TRANSFORMATIONS_IN_TRANSLATION_OF_TEXTS_IN_THE_FIELD_OF_INFORMATION_TECHNOLOGIES (accessed 19 October 2024).
4. Eliseeva D. F., Manchenko E. S. K voprosu perevoda grammaticheskikh transformatsiy s angliyskogo yazyka na russkiy v resolytsiyakh Soveta bezopasnosti OON [On translating grammatical transformations from English into Russian in UN Security Council resolutions]. *Kreativnaya lingvistika – Creative Linguistics*, 2020, pp. 172–177 (in Russian). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43948637> (accessed 19 October 2024).
5. Bayankina E. G., Pegov S. V. *Specific Grammatical Aspects of Translating the IAEA Regulatory Documents into the Russian Language*. 2024. URL: https://www.researchgate.net/publication/380530880_Specific_Grammatical_Aspects_of_Translating_the_Iaea_Regulatory_Documents_into_the_Russian_Language (accessed 19 October 2024).
6. Vasiliev G. I. Rol' grammaticheskikh preobrazovaniy v gazetnoy publitsistike [The role of grammatical transformations in newspaper journalism]. *Sbornik nauchnykh statey XXXIV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 175-letiyu I. Ya. Yakovleva "Voprosy filologii i perevodovedeniya v kontekste mezhkul'turnoy kommunikatsii" – Issues of philology and translation studies in the context of intercultural communication: international scientific proceedings*, 2023, pp. 174–178 (in Russian). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_53987951_83595712.pdf (accessed 19 October 2024).
7. Gryzlova M. D. Grammaticheskiye transformatsii pri perevode angloyazychnykh gazetno-publitsisticheskikh materialov na russkiy yazyk [Grammatical transformations in translating English newspaper and journalistic materials into Russian]. *Materialy XI Vserossiyskoy studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem "Molodezh XXI veka: obrazovaniye, nauka, innovatsii": v 4 chastyakh. Chast' 3 [Youth of the 21st Century: Education, Science, Innovations: all-russian student scientific proceedings. 4 parts. Part 3]*. Novosibirsk, NSPU Publ., 2023. Pp. 67–69 (in Russian). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53859961> (accessed 19 October 2024).
8. Solomatina S. Yu. Sintaksicheskiye transformatsii pri perevode tekстов s angliyskogo yazyka na russkiy yazyk (na material angliyskikh esse) [Syntactic transformations in the Russian translation (on the material of authentic English essays)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya – Bulletin of Udmurt University. History and Philology*, 2024, no. 2, vol. 34, pp. 365–368. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_67216204_44787881.pdf (accessed 19 October 2024).
9. Slepovitch V. Grammatical equivalence in translating Russian adjectives and adverbs into English. *Vertimo Studijos*, 2011, no 4, pp. 118–124. URL: https://www.researchgate.net/publication/316498443_GRAMMATICAL_EQUIVALENCE_IN_TRANSLATING_RUSSIAN_ADJECTIVES_AND_ADVERBS_INTO_ENGLISH (accessed 19 October 2024).
10. Danilova I. I., Prokopenko A. I. Muzeynaya ekspozitsiya kak dialog kul'tur: osobennosti perevoda [Museum exposition as dialogue of cultures: translation features]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2017, no. 2 (16), pp. 56–65 (in Russian).
11. Tikhomirova Yu. A. Translating a fact, creating a myth: Rosa Newmark's images of Russia. *Tomsk State University Journal of Philology*, 2019, no. 57, pp. 253–265.
12. *Ministr prosveshcheniya ob'yavil 23 avgusta edinyim dnem provedeniya vserossiyskogo ezhegodnogo pedagogicheskogo soveta* [The Minister of Education declared August 23 as a single day of the All-Russian Annual Pedagogical Council] (in Russian). URL: <https://edu.gov.ru/press/7412/ministr-prosveshcheniya-obyavil-23-avgusta-edinyim-dnem-provedeniya-vserossiyskih-ezhegodnyh-pedagogicheskikh-sovetov/> (accessed 19 October 2024).
13. *Pochti 1,3 tysyachi shkol otkroyutsya posle kapital'nogo remonta 1 sentyabrya* [About 1,300 schools to be opened after a major overhaul on September 1] (in Russian). URL: <https://edu.gov.ru/press/7389/pochti-13-tysyachi-shkol-otkroyutsya-posle-kapitalnogo-remonta-1-sentyabrya/> (accessed 19 October 2024).
14. *Sergey Kravtsov otmetil vysokiy uriven' gotovnosti k provedeniyu chempionata vysokikh technologiy v Velikom Novgorode* [Sergey Kravtsov noted the high level of readiness to the High Technologies Championship in Veliky Novgorod] (in Russian). URL: <https://edu.gov.ru/press/7372/sergey-kravcov-otmetil-vysokiy-uroven-gotovnosti-k-provedeniyu-chempionata-vysokih-tehnologiy-v-velikom-novgorode/> (accessed 19 October 2024).
15. *About 1,300 schools to be opened after a major overhaul on September 1*. URL: <https://edu.gov.ru/en/press/2472/about-1300-schools-to-be-opened-after-a-major-overhaul-on-september-1/> (accessed 19 October 2024).
16. *Sergey Kravtsov noted the high level of readiness to the High Technologies Championship in Veliky Novgorod*. URL: <https://edu.gov.ru/en/press/2471/sergey-kravtsov-noted-the-high-level-of-readiness-to-the-high-technologies-championship-in-veliky-novgorod/> (accessed 19 October 2024).

17. *The Minister of Education declared August 23 as a single day of the All-Russian Annual Pedagogical Council*. URL: <https://edu.gov.ru/en/press/2473/the-minister-of-education-declared-august-23-as-a-single-day-of-the-all-russian-annual-pedagogical-council/> (accessed 19 October 2024).
18. Retsker Ya. I. *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika* [Theory of translation and translation practice]. Moscow, Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1974. 216 p. URL: [https://cpcl.info/text/retsker_teoriya-perevoda_1974/\\$p0/](https://cpcl.info/text/retsker_teoriya-perevoda_1974/$p0/) (accessed 19 October 2024).
19. Doladova O. V. Problema urovney yazykovoy ierarhii [Problem of the levels of language hierarchy]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya. Pedagogika. Filologiya – Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2016, no. 4, pp. 105–112 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-urovney-yazykovoy-ierarhii> (accessed 19 October 2024).
20. Nazmutdinova Yu. I. Trudnosti peredachi znacheniya artiklya pri perevode s angliyskogo yazyka na russkiy yazyk [Difficulties in translating articles from English into Russian]. *Ekonomicheskiye i sotsial'no-gumanitarnyye issledovaniya – Economic and social-humanitarian studies*, 2019, no. 2 (22), pp. 179–182 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudnosti-pere-dachi-znacheniya-artiklya-pri-perevode-s-angliyskogo-na-russkiy-yazyk> (accessed 19 October 2024).
21. Van Venlin, Tregubova N. A. Chleneniye i obyedineniye predlozheniy pri perevode nauchno-popularnykh tekstov s angliyskogo yazyka na russkiy yazyk [Sentence splitting and combining when translating popular science texts from English into Russian]. *Vestnik nauki – Bulletin of Science*, 2023, no. 6 (63), vol. 3, pp. 726–732 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chlenenie-i-obyedinenie-predlozheniy-pri-perevode-nauchno-popularnykh-tekstov-s-angliyskogo-yazyka-na-russkiy> (accessed 19 October 2024).
22. Zakharova L. D. *Priyem chleneniya predlozheniya* [The technique of sentence splitting] (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priem-chleneniya-predlozheniya/viewer> (accessed 19 October 2024).

Информация об авторе

Персидская А. С., кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).
E-mail: yatsan86@bk.ru, persidskayaas@tspu.edu.ru. ORCID ID: 0000-0002-7844-2867. Scopus Author ID: 56703668900. Researcher ID: GXF-8100-2022.

Information about the author

Persidskaya A. S., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: yatsan86@bk.ru, persidskayaas@tspu.edu.ru. ORCID ID: 0000-0002-7844-2867. Scopus Author ID: 56703668900. Researcher ID: GXF-8100-2022.

Статья поступила в редакцию 22.08.2024; принята к публикации 29.11.2024

The article was submitted 22.08.2024; accepted for publication 29.11.2024

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-26-35>

Специальная военная операция как триггер деривационных процессов в русском языке

Людмила Васильевна Соснина

Донецкий национальный технический университет, Донецк, Россия,
ludmilasosnina@gmail.com, 0000-0002-9823-5152

Аннотация

В современной лингвистике изучение языка войны находится в фокусе внимания многих ученых и развивает новое комплексное направление исследований. Данный научный труд является частью многоаспектного изучения языка современного медийного дискурса, где ставится цель – описать деривационные процессы и проанализировать отдельные аспекты языкового контента телеграм-каналов. Обращение к языку специальной военной операции позволяет изучить особенности медиакоммуникационной агрессии, которую мы трактуем как набор лексических средств негативной оценки для выражения неприязненного или враждебного отношения. Научная новизна работы заключается в том, что впервые предпринята попытка анализа векторов реализации лингвокреативного потенциала фразеологических единиц в контексте языка войны, а также рассмотрены деривационные особенности языковых единиц, являющихся результатом контаминации. Методологической основой изучения языка специальной военной операции явился синтез методов дериватологии, лексикологии, стилистики и лингвокогнитивного подхода. Наиболее продуктивным оказался метод количественного анализа, использованный для определения частотности употребления новообразований и тем самым для обеспечения объективности исследования. Материалом для изучения послужили номинативные единицы, представленные авторской картотекой на основе телеграм-каналов, анализирующих события специальной военной операции. Лингвокреативность рассматривается как языковой потенциал лексической единицы, направленный на достижение заданных коммуникативных целей. Результатом отфраземного словообразования являются номинативные единицы, образованные при участии наиболее продуктивных суффиксов. Деривационные характеристики данных единиц и основные направления реализации гибридных слов в языке популярных телеграм-каналов исследуются в русле компрессивного словообразования. Контаминация является заметным языковым явлением, используемым в речи как способ выражения мысли адресанта, который придает высказыванию или тексту выразительность, подчеркивает нужные смысловые акценты. Контаминация языковых единиц является одним из основных источников расширения лексического состава языка и служит повышению экспрессивности медийных текстов, а также привлечению внимания к наиболее острым социальным проблемам, в том числе событиям специальной военной операции.

Ключевые слова: деривация, компрессия, контаминация, лингвокреативный потенциал, речевая агрессия, фразеологизм, язык войны

Для цитирования: Соснина Л. В. Специальная военная операция как триггер деривационных процессов в русском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 1 (237). С. 26–35. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-26-35>

Special military operation as a trigger of derivational processes in the Russian language

Lyudmila V. Sosnina

Donetsk National Technical University, Donetsk, Russian Federation,
ludmilasosnina@gmail.com, 0000-0002-9823-5152

Abstract

In modern linguistics, the study of the language of war is in the focus of attention of many scientists and it has developed a new complex research direction. Our article is a part of a multivariate study of the language of modern media discourse. We intend to describe derivational processes and analyze certain aspects of the Telegram channels linguistic content. Turning to the language of a special military operation allows us to study the peculiarities of media-communicative aggression, which we interpret as a set of lexical means of negative evaluation to express an unpleasant or hostile attitude. The work scientific novelty lies in the fact that for the first time we have made an attempt to analyze the vectors of the phraseological units linguocreative potential realization in the context of the war language as well as the derivational features of linguistic units resulting from contamination have been considered. The

methodological basis for studying the language of a special military operation was a synthesis of methods of derivatology, lexicology, stylistics and linguocognitive approach. Of great importance is the method of quantitative analysis, we have used it to determine the frequency of new forms usage and thus to ensure the study objectivity. The material for the study was the nominative units presented by the author's card formed on the basis of telegram channels analyzing the events of a special military operation. We have considered linguocreativity as the lexical unit linguistic potential aimed at achieving the given communicative goals. The material for the study was provided with the nominative units extracted by continuous sampling means from the most popular Telegram channels covering the events of the special military operation. We considered linguocreativity as transformation of the words and word combinations meaning available in the language in order to achieve an emotional or pragmatic effect. The result of word formation is nominative units that affect the consciousness and perception of reality by a person. The derivational characteristics of these units and the main directions of the implementation of hybrid words in the language of popular Telegram channels are studied in the context of compressive word formation. Contamination is an important linguistic phenomenon used in speech as a way of expressing the addressee's thought. It gives expressiveness to an utterance or text and emphasizes the necessary semantic accents. Linguistic units contamination is one of the main sources of expanding the language lexical level and it serves to increase the expressiveness of media texts, as well as attracting the attention to the most urgent social problems, including the special military operation events.

Keywords: *derivation, compression, contamination, linguocreative potential, speech aggression, phraseologism, war language*

For citation: Sosnina L. V. Spetsial'naya voennaya operatsiya kak trigger derivatsionnykh protsessov v russkom yazyke [Special military operation as a trigger of derivational processes in the Russian language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 1 (237), pp. 26–35 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-26-35>

Введение

Специальная военная операция задумывалась как акт освобождения русских людей на территориях, прилегающих к Российской Федерации. Последние несколько лет нам приходится жить в условиях очень жесткой информационной войны, которая является составной частью масштабной гибридной войны. Мы наблюдаем противостояние двух и более сторон, которое осуществляется разнообразными методами и средствами. Вооруженный конфликт на Украине является важным этапом для определения современного мироустройства и путей развития цивилизации. Несмотря на то, что в современном политическом дискурсе специальную военную операцию все чаще называют «революцией смыслов», де-факто спецоперация относится к числу «гибридных войн XXI столетия, которые подразумевают не столько противостояние на театре боевых действий, сколько выполнение целого ряда сопутствующих задач, в том числе формирование негативного имиджа противника, вплоть до его демонизации» [1, с. 71–72]. Медиакоммуникационную агрессию вполне можно рассматривать в качестве главного оружия гибридной войны против РФ. Считаем уместным процитировать Д. В. Соловьеву в той части, где «вербальная агрессия используется, как правило, когда не хватает аргументов, в мнимом споре начинает преобладать эмоциональная составляющая, рациональность отходит на второй план или вовсе исчезает» [2, с. 248].

В последние десятилетия весьма актуальными являются проблемы национальной идентичности и

национальной культуры, в том числе языковой, поскольку «язык всегда является «ядром национальной культуры, в нем отражены история страны, накопленные ценности, культурные нормы, которые сохраняются и передаются из поколения в поколение» [3, с. 173]. Однако любой язык позволяет описать реальность в различных аспектах и при этом не всегда благовидных, а «дискурсивные трансформации способны пробудить региональные конфликты и войны, которые происходят по всему миру» [4, с. 823].

В современной лингвистике существует несколько определений языка войны, но мы считаем важным мнение В. И. Теркулова о том, что «язык войны формирует некую отчужденную реальность боевых действий, фиксирует истоки, модели протекания, сущности войны, причем делает это путем сопряжения языковой фиксации событий войны через языковые картины мира участников конфликта» [5, с. 865]. Актуальность данного исследования определяется необходимостью анализа и систематизации лексических единиц, представленных в виде авторской картотеки на основе телеграм-каналов, описывающих события СВО. Обращение к телеграм-каналам вполне объяснимо – это новостная площадка, предоставляющая оперативную информацию и имеющая постоянно увеличивающееся количество пользователей. Настоящая статья является частью многоаспектного изучения языка современного медийного дискурса, где будет предпринята попытка описать деривационные процессы и проанализировать отдельные аспекты языкового контента телеграм-каналов. Научная новиз-

на работы заключается в том, что впервые предпринята попытка анализа векторов реализации лингвокреативного потенциала фразеологических единиц в контексте языка войны, а также рассмотрены деривационные особенности языковых единиц, являющихся результатом контаминации. Исследование голофрастических конструкций и контаминантов вполне возможно в рамках компрессивного словопроизводства. Оценивая практическую значимость работы, можно предположить, что материалы и выводы статьи могут найти применение в вузовской практике в процессе преподавания курсов и спецкурсов по словообразованию, стилистике, медиалингвистике, когнитивной лингвистике, дискурсологии, лингвокреативности и др.

Анализ лингвистической креативности или лингвокреативного потенциала языковых единиц называется сегодня одной из фундаментальных проблем языкознания в целом [6, с. 42]. О. М. Литвишко трактует лингвокреативность как «умение носителей языка использовать возможности языка в создании новых слов, трансформации значения имеющихся в языке слов и словосочетаний, тем самым способствуя достижению эмоционального или прагматического эффекта» [7, с. 120]. По мнению ученого, «основой лингвокреативности выступает комплекс знаний о языке, языковая картина мира, которой располагают носители, а также их способность использовать собственные знания о языковой системе в инновационном ключе» [7, с. 120]. Полагаем необходимым отметить, что «лингвистическая креативность – это своеобразная модификация языковых форм для речевой (дискурсивной) фиксации существующей материальной и иной действительности» [8, с. 377].

Действительность такова, что даже далекие от политики люди следят за событиями специальной военной операции. Обращение к языку телеграм-каналов видится весьма своевременным, так как экспрессивные средства постоянно обновляются с целью поддержания устойчивого интереса к контенту. Необходимость всестороннего изучения языка войны считает приоритетным В. И. Теркулов, который определяет свои задачи как «многомерное, объемное изучение и описание лексикона, тезауруса и прагматикона войны, представленных в текстах разных типов, отражающих ее видение всеми участниками конфликта» [5, с. 863]. Согласимся с автором, что можно выделить два типа лексикона – лексикон воздействия и лексикон восприятия. Поскольку работа происходит с официальными телеграм-каналами с включенными комментариями, можно предположить, что предметом данного исследования выступает лексикон обоих заявленных типов. При этом несомненно, что факты «массового лингвокреатива», разнородные с

точки зрения лингвистической ценности и этической составляющей, должны быть соответствующим образом отобраны и прокомментированы [9, с. 84]. В работе будут проанализированы особенности отфраземного словообразования и определены основные направления реализации гибридных слов в языке популярных телеграм-каналов. Необходимо заметить, что слово «триггер» в названии статьи используется для обозначения событий СВО, которые послужили стимулом к образованию новых деривационных единиц.

Материал и методы

Методология изучения языка специальной военной операции представляет собой синтез методов дериватологии, ономазиологии, лексикологии, стилистики и дискурсологии. Материалом исследования послужили номинативные единицы, извлеченные способом сплошной выборки из популярных телеграм-каналов, анализирующих события специальной военной операции. Были отобраны 22 канала с числом подписчиков от 10 тысяч до 2,5 миллиона. Метод количественного анализа был использован для определения частотности употребления заявленных языковых единиц и тем самым для обеспечения объективности исследования. Теоретическое обоснование исследования стало возможным при сравнении существующих научных концепций за счет метода логического сопоставления. Метод дистрибутивного анализа использовался для изучения взаимосвязи языковых единиц с их окружением или контекстом. Метод компонентного анализа, целью которого является разложение значения на минимальные семантические элементы, позволил изучить содержательную составляющую языковых структур. Данный метод оказался весьма полезным в части изучения явления контаминации. Описательный метод использовался при описании структурных разновидностей номинативных единиц.

Результаты исследования

Фразеологизмы. Процесс образования слов на базе фразеологических единиц до сих пор является недостаточно изученным и не имеет четкого обозначения в современных лингвистических исследованиях. Мы встретили несколько терминов, детерминирующих данный процесс, а именно: отфразеологическое словообразование (Е. Н. Ермакова, Т. П. Белоусова, О. И. Литвинникова), отфраземное словообразование (Е. В. Сенько, В. Н. Пугач), отфразеологическое словопроизводство (А. М. Бушуй), лексикализация словосочетания (Р. Н. Попов), семантическое сжатие (Т. Н. Семенова), фразеологическая деривация (С. Н. Денисенко, А. В. Петров), окказиональная лексическая дерива-

ция (М. А. Алексеенко). В качестве рабочего предлагаем использовать термин «отфраземное словообразование», который реализуется в двух направлениях – процесс механического сложения слов без всяких видимых изменений и использование одного из компонентов фразеологизма в качестве единицы со свободным лексическим значением.

Согласимся с Н. Ф. Алефиренко, что производящие единицы и дериваты связаны довольно сложными семантико-словообразовательными отношениями, характер которых определяется «способом словообразования и структурно-семантическими свойствами производящих основ и деривационных аффиксов» [10, с. 101].

Далее будут рассмотрены особенности образования новых номинативных единиц в контексте специальной военной операции, когда в качестве производящего словосочетания выступают фразеологизмы *моя хата с краю* и *пиши пропало* (все пропало).

Моя хата с краю – это меня совершенно не касается, это абсолютно не мое дело. Выражение является усеченным вариантом поговорки *Моя хата с краю, я ничего не знаю*, современная интерпретация которого применима к человеку, не желающему участвовать в разрешении конфликтов и демонстрирующему отстраненность от происходящего. В телеграм-каналах появился вариант данного фразеологизма – *хата с краю* или голофрастическая конструкция *хата с краю*, которые имеют отрицательные коннотации и являются производящей основой для образования прилагательного *хатаскрайний* и номинативной единицы *хатаскрайник*, например: *Вы обычные, «хатаскрайние» мрази* [11]; *Хатаскрайники плющат друг другу рыла, сметая всю воду в магазинах* [12]; *Не будьте «хатаскрайниками»*. *Подумайте о других* [13]; *Российские «хатаскрайники» должны понимать* [14]; *Уйти из публичной сферы. Стать хатаскрайником* [11]; *Но «хатаскрайники» видимо, в нашем обществе не переведутся никогда* [13].

Выражение *пиши пропало* существовало в русском языке XIX в. и характеризовало недобросовестных чиновников, которые пытались списать пропавший товар. Эту фразеологическую идиому В. В. Виноградов относит к так называемым фразеологическим сращениям, то есть единицам с немотивированной внутренней формой (ср. *чего доброго, вот тебе и на, так и быть, как бы не так*). Позже появились варианты *все пропало* (шуточное *Шеф, все пропало!*) или конструкция *все пропало* – как мы уже отмечали ранее, в современном словообразовании одним из самых заметных процессов является голофразис. Многие лингвисты (И. В. Ляшенко, И. А. Ковынева, Т. В. Власкина, Л. Ю. Мирзоева и др.) полагают, что голофразис направлен на

экономии речевых усилий и дает возможность к новому осмыслению русского словообразования.

Ставшее уже привычным слово *всёпропальщик* характеризует личность, склонную усматривать катастрофу в любом событии, жить в состоянии нагнетания паники, отчаяния, полной беспомощности и безнадежности с элементами вселенской скорби. Это восприятие мира в черных красках с позиций непреодолимости, безвыходности, неправимости и предрешенности негативных жизненных ситуаций. Каждая неприятная для *всёпропальщика* жизненная ситуация превращается в бедствие, трагедию и ужас. Если говорить о манипулятивном воздействии на личность (очернение, запугивание, хаос, распространение среди населения паники и страха), то зачастую блогеры сознательно занимают позицию *всёпропальщика*. Им известно, что люди в большинстве своем активнее реагируют на «все пропало», чем на «все будет хорошо». Подтверждаем следующими примерами: *А всёпропальщиков в мусор и в бан* [11]; *Всёпропальщики сегодня* [12]; *Куда деваются всёпропальщики каждый раз, когда их истерика оказывается паранойей?* [12]; *Второй день всёпропальщики и чубняваяцисня бесятся* [12]; *Всёпропальщик хуже зрадника* [12]; *Друзья, особо активных «всёпропальщиков», «наспредательщиков» и «насливальщиков» мы будем банить без предупреждения* [14]; *Ура-патриоты становятся «всёпропальщиками»*; *В том числе со стороны всёпропальщически настроенных граждан* [15]; *Но видео я советую посмотреть всем всёпропальщикам* [16]; *Не утихают спекуляции «всёпропальщиков» по поводу будущего трибунала над нацистами* [17].

Суффиксация. По данным нашей картотеки, языковые единицы, образованные по аналогии со словом *всёпропальщики* на базе голофрастических конструкций *наспредали*, *насливают*, *путинвсёслил*, *байденвсёслил*, весьма популярны в телеграм-каналах, зафиксировано 37 употреблений. Здесь стоит отметить высокую продуктивность суффикса *-щик* как одного из наиболее распространенных и узнаваемых в русском языке, который придает словам новое значение, часто указывает на статус человека и выражает признак, характеристику или отношение к чему-либо, например: *Тысячи наших путинвсёслильщиков плевались в экраны своих гаджетов* [14]; *Представляю американских всёпропальщиков и байденвсёслильщиков* [18]; *А для «всёпропальщиков» и «слильщиков», ну может хорош!?* [14].

Конструкции *мызамир* и *нетвойне* служат производящей основой для окказионализмов *нетвойняшки* и *мызамирцы* (*мызамирец* по модели *миротворец*). Напомним, что суффикс *-ец* служит для

обозначения лиц по принадлежности к какому-нибудь общественному, идейному течению, какой-нибудь организации, по какому-нибудь действию, деятельности или по признаку, качеству, определяющему характер лица. Современное состояние российского общества таково, что мы наблюдаем противопоставление наименований *зэтки* (*зэтовцы, зэтовинисты, завойнисты*) и *нетвойняшки*. В медийном дискурсе реализуется концепция презрительного отношения к противникам войны, обобщенное представление о которых выражается словом *нетвойняшки* (корень *нет*, корень *войн*, суффикс *яшк*). Как правило, речь идет о представителях либеральных течений, артистической богемы и пацифистски настроенной интеллигенции. Приведем следующие примеры: *Народ прозвал их нетвойняшками и мызмирцами* [16]; *Как и почему пацифизм «нетвойняшек» перетекает в работу на вражескую разведку* [17]; *Он не забыл про «нетвойняшек»: им пусть можно будет в Европу* [17]; *Оказывается, все соевые недоумки и светловицы нетвойняшки обожают войну* [12].

Креативный потенциал отдельных номинативных единиц является «проявлением глобального свойства языка, его динамичности, его стремления к эволюционированию» [19, с. 161]. Экспликация креативного потенциала наблюдается при определенных условиях, в данном случае всплеск словообразовательной активности связан с политическими событиями, вернее сказать, с самой острой и неординарной фазой военного конфликта.

Контаминация. В современной лингвистике не существует четкого разграничения понятий *блендинг* и *контаминация*. Многие лингвисты придерживаются терминов *телескопия* или *телескопические слова* (*слова-гибриды*), который по сути своей не полностью синонимичен терминам *контаминация* или *блендинг*, но все исследователи сходятся во мнении, что каждое из перечисленных языковых явлений является продуктивным способом возникновения окказиональных новообразований. Более того, существует мнение, что по своей природе контаминация предполагает «привлечение основных когнитивных и творческих способностей человека, что обусловлено желанием выразить мысль как можно полнее, точнее и ярче» [20, с. 20]. Л. Т. Касперова определяет блендинг как способ языковой игры, который «обеспечивает создание экспрессивных окказионализмов, служит показателем высокого уровня метаязыковой рефлексии наивных пользователей языка» [21, с. 244]. Медийный же дискурс способствует проникновению в состав языка новых, необычных слов, призванных не только «побуждать интерес читателей к предоставляемой информации, но и реализовать

один из принципов языка — экономию языковых средств посредством компрессии» [22, с. 78].

Е. А. Земской принадлежат важнейшие открытия в области компрессивного словообразования. Ученый рассматривает контаминацию как одно из стратегически важных направлений развития словообразовательной системы русского языка, определяя его как специфический прием, при котором «слова накладываются, наезжают друг на друга», «конец одного является началом другого»: *каламбурильщики* от *каламбур* и *бурильщики* [23, с. 91]. Именно Е. А. Земская обратила внимание на некоторые различия в образовании гибридных слов с участием целых или усеченных основ, однако в целом данные конструкции вряд ли могут быть противопоставлены.

В одной из наших предыдущих работ мы обращались к проблеме контаминации и отметили, что процесс междусловного наложения является предметом изучения многих современных лингвистов, которые рассматривают его как часть неологизации лексического состава русского языка. Авторы сходятся во мнении, что «отличительной особенностью контаминации как специфического способа деривации выступает объединение двух мотивирующих слов в рамках одной производной единицы, что способствует компрессии и «свертыванию» семантики словосочетания или предикативной единицы в одно слово» [24, с. 58]. Контаминация используется в речи как «мотивированный коммуникативными целями, условиями речевого общения стилистически значимый способ выражения мысли адресанта, чтобы придать высказыванию или тексту экспрессию, повысить выразительность речи, подчеркнуть нужные адресанту смысловые, оценочные, эмоциональные акценты, определенную тональность слов, фразы, абзаца, текста в целом» [25, с. 6].

Полагаем, что экспрессивность текстов в медийном дискурсе, в частности сообщений в телеграм-каналах, достигается путем использования моделей окказионального словообразования, в том числе контаминантов: *Любопытные вещи стали происходить с нашими «гастрольбайтерами» за рубежом* [26]; *Многохихловочка — мы тактически отступаем* [12]; *Пока Быдломыкола думает, где бы найти бронезилет из рессор* [16].

Как вполне справедливо пишет З. И. Минеева, данные конструкции ставят цель «привлечь внимание адресата необычной формой, нарушающей автоматизм восприятия текста, успешно акцентировать внимание на наиболее актуальных проблемах современного социума» [24, с. 65]. Учитывая особую экспрессивность контаминантов, лингвисты полагают, что при их участии «осуществляется языковая игра, передача имплицитных смыслов,

которые по разным причинам не могут быть выражены явно» [24, с. 66]. К проблеме языковой игры обращается и Л. Т. Касперова, заявляя, что интернет-коммуникации присущ «высокий уровень метаязыковой рефлексии, которая характеризует все формы лингвокреативной деятельности, включая языковую игру» [21, с. 241].

В традиционной лингвистике существует мнение, что контаминация языковых единиц является одним из основных источников многочисленных нарушений языковой нормы [27, с. 1781]. Наименование *Бандерштадт* может рассматриваться как производное от фамилии *Бандера* и слова *штадт* (или часто встречающийся вариант *штат*), которое в немецком языке обозначает 'город'. Под *Бандерштадтом* понимается Украина как государство, а также Львов и Луцк как самые западные и националистически настроенные города, например: *Дебиловатый оператор тоже отправился в Небесный Бандерштадт* [28]; *То, что вы сейчас видите, официально называется «Фестиваль украинского духа «Бандерштадт»* [28]; *Хорошая идея, но мне кажется, что Бандерштадт или Бандербург будет звучать естественней* [11]; *Бандерштадт всей душой с Павлоградом* [29]; *Хороший бандерштадт – мертвый бандерштадт* [28]; *Между тем в бандерштате считают, что линия фронта может удлиниться* [16]; *Пусть вам выделит новый Бандерштат на своей территории* [16]; *Есть Украина, а есть Бандерштат* [30].

В телеграм-канале Дмитрия Медведева встречается окказионализм *Бандероукраина*, здесь наблюдаем явление афезы – начальное усечение основы слова *Украина*, например: *Требуется принять на сохранение Бандероукраину* [31]; *Бывший премьер Британии Бориска Джонсон предложил принять Бандероукраину в НАТО «без условий»* [31]. К числу окказиональных образований отнесем наименование *Бахтемовск* (*Бахмут* + *Артемовск*), где наблюдается усечение основы первого слова и двух первых букв второго: *Бахтёмовск* – почему вредно переименовывать города [17].

Особое внимание стоит уделить лексическим единицам, созданным по уже имеющимся в языке словообразовательным моделям, возникновение которых можно объяснить потребностью в соответствующем наименовании. Зачастую конструктом выступают иноязычные слова, формирующие агрессивную лексему, например: *харрасмент* – *тарасмент*, *шейминг* – *свиношейминг/хохлошейминг*: *Все, что останется, обещаю потратить на свиношейминг и абьюзивный тарасмент* [12]; *Все, что останется, обещаю потратить на казино Житомира, абьюзивную свиноотравлю, мизогенный хохлошейминг и неприкрытый тарасмент* [12].

Подтверждая слухи о зависимости Зеленского от употребления кокаина, резко увеличивается количество употреблений контаминанта *кокаиниссимус* (*кокаин* + *генералиссимус*), наблюдаем слияние основы первого слова с усеченной частью основы второго, например: *Кокаиниссимус сказал – «Всем спать»* [13]; По мнению украинского командования и *Кокаиниссимуса* [28]; *Кокаиниссимус решил кинуть доблестный УкрВермахт в очередной раз* [14]. В продолжение темы наркотической зависимости В. Зеленского в телеграм-каналах реализуется окказионализм *наркомандующий* (*наркоман* + *командующий*), слово стало популярным в 2022 г. после начала боевых действий: *Хохлы и тут не придумали ничего умнее, чем зазеркалить со своего снюханного наркомандующего* [12]; *Наркомандующий утверждает, что Россия разместила «похожие на взрывчатку предметы» на блоках ЗАЭС* [16].

По аналогии с моделью *кокаиниссимус* образовано слово *кварталиссимус* (*квартал* + *генералиссимус*), где квартал указывает на род занятий В. Зеленского в прошлом, когда он участвовал в популярном шоу «95 квартал»: *Пока украинское общество, ведомое кварталиссимусом, уговаривает себя, что все будет хорошо, Россия поменяла тактику* [29]; *Началось все с заявления их кварталиссимуса о том, что режим в Киеве готов судиться с «партнерами», запрещающими импорт зерна из хохлостана* [16]; *А теперь сам кварталиссимус их озвучил* [29].

Используя метод количественного анализа, было установлено, что самую многочисленную часть картотеки образуют контаминанты с префиксом *укро-* (всего 311 наименований). Поэтому целесообразно определить статус субъектов/объектов и выделить следующие группы:

1) наименования украинских военных формирований, например: *Укрофашистов святого ничего ни в голове, ни в душах* [13]; *Так сейчас нужны укроармии для войны с «орками»* [30]; *Укромрази бьют по Верхнекальмиусскому водохранилищу уже несколько месяцев* [32]; *Укромрази из ВСУ забросали центральные улицы Донецка «лепестками», противопехотными минами* [28]; *Раз уж они решили принять деятельное участие в выучке укротеррористов* [29]; *Укронациков откалибровывали* [29]; *Как думаете, что мычат укропитеки на этот счет?* [30]; *Но укропитеки вроде бы его предъявляют живого* [28]; *Сейчас укровоаяку разыскивают* [17]; *Уничтожение блиндажа укровоаяк вместе с установкой АГС* [28]; *Укровоаяки оказались понятливые и тут же вылезли на поверхность, где наши бойцы их и скрутили* [29]; *Одно из разведподразделений укрововермахта попыталось зайти в село Белогрудово* [22]; *Зеленский после*

конфуза в Изюме полностью избегает общения с местным населением на захваченных **укровермахтом** территориях [29]; В Красном Лимане – **укровермахт** на улицах [14]; К тому же это – севернее основного, купянского, участка сосредоточения сил **укровермахта** [29];

2) наименования, содержащие украинизмы (перемога – победа, зрада – предательство, наступ – наступление), например: Несмотря на все **укроперемоги** под Киевом, Кличко заявил, что эвакуация из города невозможна [28]; Каждая информационная **укроперемога** мутит сознание наших граждан [14]; **Угрозрада**. Еще двое побрели к бандере [33]; Вот такой мясной **укронаступ** [28].

Заметим, что А. В. Савченко считает характерной особенностью украинизмов способность «создавать в контексте больший комический эффект, выражать повышенную иронию, даже сарказм; нередко они также служат элементом “языкового стеба”, а в некоторых случаях и языковой агрессии» [34, с. 1119]. Используя украинизмы, авторы «выражают свои политические взгляды, придают текстам эмоционально-экспрессивную окраску» [35, с. 46]. Кроме того, в значении большинства подобных единиц присутствуют эмоционально окрашенные компоненты, отражающие ироническое отношение к происходящим событиям [36, с. 51];

3) наименования украинских медийных ресурсов, например: **Укросми** публикуют видео, где большая колонна полученной ВСУ американской и британской техники двигается под Бахмут [28]; ПВО работает по беспилотникам, но судя по реакции **укроСМИ**, без особого успеха [14]; **УкросМИ** сообщают, что Россия подняла в воздух стратегическую авиацию [29]; Пару дней назад выдал **укропропаганде** сногшибательную статистику [29]; Все, что остается сейчас **укропропаганде** – это лепить фейки с нарисованными буквами Z [17];

4) наименования политического режима Украины, например: Просто выявить тех, кто сомневается и может быть потенциальным предателем и может действовать против **укрорейха** [28]; Шпионские игры, расследования и свободный Донбасс как начало конца **Укрорейха** [26]; Из закрытых чатов **укрорейха** говорят, то значит, что ваши дроны полетят по целям укрорейха и НАТОвской техники [29]; По сообщениям из украинских каналов, ракеты кружили над центральной частью **укрорейха** [16];

5) именованная президента Украины В. Зеленского, например: Словом, **укробонапарт Зеленский** все просчитывает [28]; Поздравляем **укрофюрера** с очередной «перемогой» своих подопечных [32]; Жинка **укрофюрера** похвасталась в интервью британскому Talk TV о том, что «они с

мужем стали больше интересоваться друг другом» после начала спецоперации [14]; Владеющий навыками НЛП советник **укрофюрера** Алексей Арестович [28];

б) наименования украинских журналистов, блогеров, например: Можно понять организаторов встречи **укрожурналистов** с Зеленским [29]; Оставшиеся за бортом начальственных симпатий укрогеббельсы ожидаемо устроили шум и потасовку [14]; Сколько еще крови должно пролиться, чтобы исчез этот долбаный комплекс неполноценности!?» – возмущался **укрожурналиюга** [14]; Два дня **укроблогеры** радостно постили фотографию реконструкции набережной российского Крыма [28]; **Укроблогеры** постят картинку со «сбитой 44 ракеты из 50» [29]; **Укроблогерша-эскортница** Ксюша Манекен опубликовала странное фото в честь «дня независимости Украины» [14].

В рамках одной статьи довольно сложно проанализировать все аспекты реализации контаминантов, но мы настаиваем на том, что языковые единицы, содержащие конструкт укро-, относятся к средствам вербализации языковой агрессии.

Заключение

В результате проведенного исследования приходим к заключению, что специальная военная операция явилась триггером деривационных процессов в современном русском языке. Поскольку любая война представляет собой явление уникальное, следовательно, лингвистический аспект ее изучения предполагает анализ окказиональных образований, отличающихся выразительностью и необычностью. Итогом работы явилось уточнение креативного потенциала лексической единицы как способности неординарного выражения ее значения путем экспликации скрытых смыслов. Фразеологические обороты *моя хата с краю* и *пиши пропагло*, а также их многочисленные варианты (особенно голофрастические конструкции) являются производящей основой для возникновения суффиксальных дериватов *хатаскрайкини*, *всепропальщики* и т. п. Следует отметить высокий деривационный потенциал голофрастических конструкций. Контаминация трактуется как один из основных способов компрессивного словообразования, объединяющий мотивирующие слова в одну основу при свертывании значения словосочетания в одно целое. В то же время контаминация языковых единиц является источником многочисленных нарушений языковой нормы, но, вне всякого сомнения, служит повышению экспрессивности медийных текстов и привлечению внимания адресатов к наиболее острым социальным проблемам.

Окказиональные образования прочно укрепились в русском языке, однако в пределах данной работы мы не беремся утверждать, насколько основательной и устойчивой окажется данная тенденция.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в изучении этнофолизмов как одного из способов реализации речевой агрессии в современном медийном дискурсе.

Список источников

1. Шатилов А. Б. Информационное и PR-сопровождение специальной военной операции России на Украине: основные тренды и уроки первого этапа. Гуманитарные науки // Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12 (4). С. 71–76. doi: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-71-76
2. Соловьева Д. В. Семантика противостояния в лексемах современных медиатекстов // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. В. Лобачевского. 2017. № 3. С. 247–253.
3. Васенина И. В., Прончев Г. Б. Речевая агрессия в социальных сетях Интернета // Образование и право. 2018. № 2. С. 170–177.
4. Пушина Н. И., Пушин О. М. Язык войны vs язык мира // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2020. Т. 30, вып. 5. С. 820–827. doi: 10.35634/2412-9534-2020-30-5-820-827
5. Теркулов В. И. Лингвистика войны: тактики восприятия и воздействия // Журнал Сибирского федерального ун-та. Гуманитарные науки. 2023. Т. 16 (6). С. 862–870.
6. Дускаева Л. Р., Иванова Л. Ю. Лингвокреативность в создании паратекста телеграм-канала // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2023. № 20 (1). С. 40–60.
7. Литвишко О. М., Руденко Н. С., Чалая Ю. П. Лингвокреативность в дискурсе электронных СМИ: средства и методы // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. № 1. С. 117–130. doi: 10.29025/2079-6021-2022-1-117-130
8. Абдуллаева Ч. Б. Лингвокреативность в контексте антропоцентризма // Бюллетень науки и практики. 2021. Т. 7, № 3. С. 375–379.
9. Ремчукова Е. Н. Массовый лингвокреатив: преодоление стандарта // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2013. № 2. С. 83–89.
10. Алефиренко Н. Ф., Семененко Н. Н. Фразеология и паремиология: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. 344 с.
11. Говорит Долгов. URL: <https://t.me/superdolgov> (дата обращения: 27.12.2023).
12. Салобой. URL: <https://t.me/SALOBOY> (дата обращения: 16.11.2023).
13. ЧП Донецк. URL: https://t.me/chp_donetska (дата обращения: 14.01.2024).
14. Петя Первый. URL: https://t.me/Petya_perviy (дата обращения: 11.01.2024).
15. МИГ России. URL: <https://t.me/mig41> (дата обращения: 28.01.2024).
16. Тройка. URL: <https://t.me/rustroyka1945> (дата обращения: 07.02.2024).
17. Ридовка. URL: <https://t.me/readovkanews> (дата обращения: 08.11.2023).
18. Нелавров. URL: <https://t.me/nelavrov> (дата обращения: 16.11.2023).
19. Попова А. Р. Лексическая единица как носитель креативного потенциала // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2010. № 3-2. С. 159–163.
20. Абросимова Л. С. Блендинг в аспекте когнитивно-коммуникативной парадигмы // Вестник Саратовского университета. Серия: Филология, журналистика. 2012. Т. 12. С. 18–22.
21. Касперова Л. Т. Блендинг в интернет-коммуникации: лингвокреативный аспект (на материале социальной сети «ВКонтакте») // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 7. С. 231–250. doi: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-231-250
22. Слепцова С. В., Акиншина И. Б., Авилова И. А. К вопросу о типологии телескопных единиц (на материале французской публицистики) // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2023. Вып. 4 (228). С. 76–83. doi: 10.23951/1609-624X-2023-4-76-83
23. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства. Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 90–141.
24. Минеева З. И. Контаминация в образовании номинаций человека // Вестник Удмуртского университета. 2015. Т. 25, вып. 2. С. 58–68.
25. Соснина Л. В. Языковые особенности военного конфликта в медийном дискурсе // Вестник ДонНУ. Серия Д: Филология и психология. 2021. № 3. С. 3–8.
26. Белорусский силовик. URL: https://t.me/belarusian_silovik (дата обращения: 21.02.2024).
27. Мурясов Р. З., Каштанова Д. Д. Контаминации в системе словообразования // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17, № 4. С. 1781–1783.
28. Борис Рожин Colonelcassad. URL: https://t.me/boris_rozhin (дата обращения: 08.01.2024).
29. Украина.ру. URL: https://t.me/ukraina_ru (дата обращения: 12.02.2024).

30. Военный Z Донецк. URL: <https://t.me/militarydonetsk> (дата обращения: 18.01.2024).
31. Дмитрий Медведев. URL: https://t.me/medvedev_telegram (дата обращения: 19.10.2023).
32. Репортер Руденко. URL: <https://t.me/RtrDonetsk> (дата обращения: 12.02.2024).
33. Неофициальный Безсонов. URL: <https://t.me/NeoficialniyBeZsonoV> (дата обращения: 19.10.2023).
34. Савченко А. В. Лексико-семантические украинизмы в русском языке: стилистико-прагматический аспект // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6, № 4. С. 1105–1124.
35. Колесник Н. Г. Новейшие украинские заимствования в современном русском языке // Социоллингвистика. 2022. № 4 (8). С. 47–59. doi: 10.37892/2713-2951-4-8-47-59
36. Колесник Т. И. Украинизмы с пейоративной семантикой в современном медиадискурсе: лингвоэкологический аспект // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 97, № 2. С. 45–49. doi: 10.18522/2070-1403-2023-97-2-45-49

References

1. Shatilov A. B. Informationsnoye i PR-soprovozhdeniye spetsial'noy voennoy operatsii Rossii na Ukraine: osnovnye trendy i uroki pervogo etapa [Information and PR support of Russia's special military operation in Ukraine: Major trends and lessons of the first stage]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta – Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2022, no. 12(4), pp. 71–76 (in Russian). doi: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-71-76
2. Solov'eva D. V. Semantika protivostoyaniya v leksemakh sovremennykh mediatekstv [The semantics of confrontation in lexemes of modern media texts]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. V. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*, 2017, no. 3, pp. 247–253 (in Russian).
3. Vasenina I. V., Pronchev G. B. Rechevaya agressiya v sotsial'nykh setyakh Interneta [Verbal aggression in social networks on the Internet]. *Obrazovaniye i pravo – Education and Law*, 2018, no. 2, pp. 170–177 (in Russian).
4. Pushina N. I., Pushin O. M. Yazyk voyny vs yazyk mira [the language of war and the language of peace]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya – Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*, 2020, vol. 16, no. 5, pp. 820–827 (in Russian). doi: 10.35634/2412-9534-2020-30-5-820-827
5. Terkulov V. I. Lingvistika vojny: taktiki vospriyatiya i vozdeystviya [War Linguistics: Perception and Influence Tactics]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki – Journal of Siberian Federal University. Humanities and social sciences*, 2023, no. 16 (6), pp. 862–870 (in Russian).
6. Duskaeva L. R., Ivanova L. Ju. Lingvokreativnost' v sozdanii parateksta telegram-kanala [Linguocreativity in composing a telegram channel paratext]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Jazyk i literatura – Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2023. no. 20 (1), pp. 40–60 (in Russian).
7. Litvishko O. M., Rudenko N. S., Chalaya Yu. P. Lingvokreativnost' v diskurse elektronnykh SMI: sredstva i metody [Linguistic Creativity in Electronic Mass Media Discourse: Means and Methods]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki – Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2022, no. 1, pp. 117–130 (in Russian). doi: 10.29025/2079-6021-2022-1-117-130
8. Abdullaeva Ch. B. Lingvokreativnost' v kontekste antropotsentrizma [Linguocreativity in anthropocentric context]. *Byulleten' nauki i praktiki – Bulletin of Science and Practice*, 2021, vol. 7, no. 3, pp. 375–379 (in Russian).
9. Remchukova E. N. Massovyy lingvokreativ: preodoleniye standartov [Mass linguocreativity: surmounting standards]. *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika – RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2013, no. 2, pp. 83–89 (in Russian).
10. Alefirenko N. F., Semenenko N. N. *Frazeologiya i paremiologiya: uchebnoye posobiye* [Phraseology and paremiology textbook]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2009. 344 p. (in Russian).
11. *Govorit Dolgov* (in Russian). URL: <https://t.me/superdolgov> (accessed 27 December 2024) (in Russian).
12. *Saloboy* (in Russian). URL: <https://t.me/SALOBOY> (accessed 16 November 2023) (in Russian).
13. *ChP Donetsk* (in Russian). URL: https://t.me/chp_donetska (accessed 14 January 2024) (in Russian).
14. *Petya Pervyy* (in Russian). URL: https://t.me/Petya_perviy (accessed 11 January 2024) (in Russian).
15. *MIG Rossii* (in Russian). URL: <https://t.me/mig41> (accessed 28 January 2024) (in Russian).
16. *Troyka* (in Russian). URL: <https://t.me/rustroyka1945> (accessed 7 February 2024) (in Russian).
17. *Ridovka* (in Russian). URL: <https://t.me/readovkanews> (accessed 8 November 2023) (in Russian).
18. *Nelavrov* (in Russian). URL: <https://t.me/nelavrov> (accessed 16 November 2023) (in Russian).
19. Popova A. R. Leksicheskaya edinica kak nositel' kreativnogo potentsiala [Lexical item as a holder of creative potential]. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki*, 2010. no. 3-2, pp. 159–163 (in Russian).
20. Abrosimova L. S. Blending v aspekte kognitivno-kommunikativnoy paradigmy [Blending from the Aspect of cognitive-communicative paradigm]. *Vestnik Saratovskogo universiteta. Seriya: Filologiya, zhurnalistika*, 2012. no. 12, pp. 18–22 (in Russian).
21. Kasperova L. T. Blending v internet-kommunikatsii: lingvokreativnyy aspekt (na materiale social'noy seti «VKontakte») [Blending in Internet Communication: Linguistic and Creative Aspect (“VKontakte” Social Network)]. *Nauchnyy dialog*, 2022, vol. 11, no. 7, pp. 231–250 (in Russian). doi: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-231-250

22. SSleptsova S. V., Akinshina I. B., Avilova I. A. K voprosu o tipologii teleskopnykh edinit (na materiale frantsuzskoy publitsistiki) [On the typology of telescoped words (based on the material of French journalism)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 4 (228), pp. 76–83 (in Russian). doi: 10.23951/1609-624X-2023-4-76–83
23. Zemskaya E. A. *Aktual'nye protsessy sovremennogo slovoпроизводства. Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [Active processes of modern word production. Russian language of the end of XX century (1985–1995)]. Moscow, 2000. 491 p. (in Russian).
24. Mineeva Z. I. Kontaminatsiya v obrazovanii nominatsiy cheloveka [Contamination in the formation of human nominations]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta – Bulletin of Udmurt University*, 2015, no. 25 (2), pp. 58–68 (in Russian).
25. Sosnina L. V. Yazykovye osobennosti voennogo konflikta v mediynom diskurse [Language features of military conflict in media discourse]. *Vestnik DonNU. Seriya D: Filologiya i psihologiya – Bulletin of Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology*, 2021, no. 3, pp. 3–8 (in Russian).
26. *Belorusskiy silovik* (in Russian). URL: https://t.me/belarusian_silovik (accessed 21 February 2024) (in Russian).
27. Murjasov R. Z., Kashtanova D. D. Kontaminatsii v sisteme slovoobrazovaniya [Contamination in word-formation system]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2012, vol. 17, no. 4, pp. 1781–1783 (in Russian).
28. *Boris Rozhin Colonelcassad* (in Russian). URL: https://t.me/boris_rozhin (accessed 8 January 2024) (in Russian).
29. *Ukraina.ru* (in Russian). URL: https://t.me/ukraina_ru (accessed 12 February 2024) (in Russian).
30. *Voennyi Z Doneck* (in Russian). URL: <https://t.me/militarydonetsk> (accessed 18 January 2024) (in Russian).
31. *Dmitrij Medvedev* (in Russian). URL: https://t.me/medvedev_telegram (accessed 19 October 2023) (in Russian).
32. *Reporter Rudenko* (in Russian). URL: <https://t.me/RtrDonetsk> (accessed 12 February 2024) (in Russian).
33. *Neofitsial'nyy Bezsonov* (in Russian). URL: <https://t.me/NeofitsialnyBeZsonoV> (accessed 19 October 2023) (in Russian).
34. Savchenko A. V. Leksiko-semanticheskiye ukrainizmy v russkom yazyke: stilistiko-pragmaticheskiy aspekt [Lexico-semantic ukrainisms in Russian: stylistic and pragmatic aspect]. *Kommunikativnye issledovaniya – Communication Studies*, 2019, vol. 6, no. 4, pp. 1105–1124 (in Russian).
35. Kolesnik N. G. Noveyshiye ukrainskiye zaimstvovaniya v sovremennom russkom yazyke [The latest Ukrainian borrowings in modern Russian]. *Sotsiolingvistika (elektronnyy resurs) – Sociolinguistics (online)*, 2022, no. 4 (8), pp. 47–59 (in Russian). doi: 10.37892/2713-2951-4-8-47-59
36. Kolesnik T. I. Ukrainizmy s peyorativnoy semantikoy v sovremennom mediadiskurse: lingvoekologicheskiy aspekt [Ukrainisms with pejorative semantics in contemporary media discourse: linguoecological aspect]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki – The Humanities and Social Sciences*, 2023, vol. 97, no. 2, pp. 45–49 (in Russian). doi: 10.18522/2070-1403-2023-97-2-45-49

Информация об авторе

Соснина Л. В., доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой английского языка, Донецкий национальный технический университет (ул. Артема, 58, Донецк, ДНР, Россия, 283000).

E-mail: ludmilasosnina@gmail.com. ORCID ID: 0000-0002-9823-5152. SPIN-код: 3481-0957. Author ID: 855784.

Web of Science Researcher ID: D-1581-2016

Information about the author

Sosnina L. V., Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Head of English Language Department, Donetsk National Technical University (ul. Artyoma, 58, Donetsk, DPR, Russian Federation, 283000).

E-mail: ludmilasosnina@gmail.com. ORCID ID: 0000-0002-9823-5152. SPIN-code: 3481-0957. Author ID: 855784.

Web of Science Researcher ID: D-1581-2016.

Статья поступила в редакцию 25.03.2024; принята к публикации 29.11.2024

The article was submitted 25.03.2024; accepted for publication 29.11.2024

УДК 81'42

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-36-44>

Языковая репрезентация перцептивного образа Сибири в произведениях томского поэта М. В. Андреева

Марина Васильевна Трунова^{1, 2}

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

² *Томский государственный архитектурно-строительный университет, Томск, Россия*

^{1, 2} *trunova87@yandex.ru, 0009-0004-9316-7607*

Аннотация

Представлен анализ лингвистических средств выражения чувственного восприятия Сибири в региональном поэтическом тексте. Материалом для исследования послужили стихотворения М. В. Андреева, составляющие сборник «По материнской линии», методом сплошной выборки были выделены контексты, привязанные к Сибирскому региону и городу Томску. Работа выполнена в рамках социокультурного подхода к исследованию региональных художественных текстов, анализ языкового материала, его систематизация и интерпретация проведены с опорой на основные положения перцептивной лингвистики, лексической семантики и функциональной стилистики текста. В процессе работы использовались методы контекстного, семантического и стилистического анализа поэтического текста. Выявлены языковые единицы, формирующие перцептивный образ Сибири в творчестве М. В. Андреева, и проанализированы изобразительно-выразительные средства, используемые автором. В процессе лингвистического моделирования образа автор реализует широкий спектр языковых средств с перцептивной семантикой, характеризующих соответствующий фрагмент индивидуально-авторской поэтической картины мира. Перцептивный образ Сибири может быть определен как «макрообраз», включающий различные «микрообразы»: тишины, темноты, холода и их взаимодействие в процессе текстового развертывания. Перцептивные единицы реализуют определенные авторские задачи: поэт стремится описать окружающую его действительность и передать эмоциональные переживания, особенности мироощущения. Проведенное исследование показывает, что в процессе лингвистического моделирования перцептивного образа Сибири в поэтических текстах М. В. Андреева внимание акцентируется не просто на описании природы или климата Сибирского региона, а на авторском отношении к тому, что становится объектом поэтического восприятия. Синестетические сочетания, встречающиеся в исследуемых поэтических текстах, демонстрируют высокую степень взаимопроникновения различных видов восприятия. В результате исследования определено, что для создания сенсорного напряжения регулярно используются олицетворения, сравнения и метафоры. Среди перцептивных метафор наиболее востребованными являются словосочетания, имеющие зрительное, слуховое и тактильное основания, метафорические образы восприятия часто построены на антитезе.

Ключевые слова: *восприятие, перцептивный образ, региональный поэтический текст, поэтическая картина мира*

Для цитирования: Трунова М. В. Языковая репрезентация перцептивного образа Сибири в произведениях томского поэта М. В. Андреева // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 1 (237). С. 36–44. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-36-44>

Linguistic representation of the perceptual image of Siberia in the works of Tomsk poet M. V. Andreev

Marina V. Trunova^{1, 2}

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

² *Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering, Tomsk, Russian Federation*

^{1, 2} *trunova87@yandex.ru, 0009-0004-9316-7607*

Abstract

The article analyzes the linguistic means of expressing the sensual perception of Siberia in the regional poetic text. The material for the research is the poems by M. V. Andreev that make up the collection "On the Mother's Side", the contexts tied to the Siberian region and the city of Tomsk were selected by the method of continuous sampling. The work was carried out within the framework of the sociocultural approach to the study of regional art texts; the analysis of the linguistic material, its systematization and interpretation were carried out on the basis of the main provisions of perceptual

linguistics, lexical semantics and functional text stylistics. In the process of research, the methods of contextual, semantic and stylistic analysis of the poetic text were used. The lexical-semantic groups forming the perceptual image of Siberia in M. V. Andreev's poems were identified and the pictorial and expressive means used by the author were analyzed. In the process of linguistic modeling of the image, the author implements a wide range of linguistic means with perceptual semantics, characterizing the corresponding fragment of the author's individual poetic worldview. The perceptual image of Siberia can be defined as a "macro-image" including various "micro-images": "silence", "darkness", "cold" and their "interaction" in the process of textual deployment. The research has shown that perceptual units realize certain author's tasks: the poet seeks to describe the reality around him and convey his worldview. Synesthetic combinations found in M. V. Andreev's poetic texts demonstrate a high degree of interpenetration of different types of perception. Somatisms play an important role in the process of linguistic modeling. The analysis of words that have the meaning of color, showed the dominance of green color, which indicates the life-affirming nature of perception of Siberian nature and is associated with spring, life and youth. As a result of the research it was determined that personifications, comparisons and metaphors are regularly used to create sensory tension. Among perceptual metaphors, the most popular are word combinations having visual, auditory and tactile bases, metaphorical images of perception are often constructed on antithesis. The linguistic analysis of M. V. Andreev's imagery system in the perceptual aspect allowed us to reveal both traditional characteristics and individual features of the author's poetic worldview.

Keywords: *perception, perceptual imagery, regional poetic text, poetic worldview*

For citation: Trunova M. V. Yazykovaya reprezentatsiya pertseptivnogo obraza Sibiri v proizvedeniyakh tomskogo poeta M. V. Andreeva [Linguistic representation of the perceptual image of Siberia in the works of Tomsk poet M. V. Andreev]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 1 (237), pp. 36–44 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-36-44>

Введение

Тенденция к поиску региональной идентичности в настоящее время наблюдается в различных областях знаний: социологии, философии, культурологии, фольклористике и др. В филологической науке данное направление развивается достаточно динамично, исследователи устанавливают связь между историей края и социально-культурным творчеством его жителей, проявляя большой интерес к литературному краеведческому материалу. При формировании современного взгляда на региональную историю важны как собственно исторические исследования, так и разработки в смежных научных областях, таких как краеведение, литературоведение, языкознание, историческая лингвистика и лингвокультурология. Комплексный подход обеспечивает преемственность духовных, культурных и литературных традиций.

В контексте предлагаемого исследования актуальным видится понятие *локальный текст*. В. В. Абашев отмечает: «Его (текст) следовало бы назвать локальным, поскольку он поставлен в соответствие локусу и формируется из его семиотических ресурсов» [1, с. 36]. *Локальный текст* создается вокруг городов или регионов: московский, петербургский, сибирский, крымский и др. При этом он выступает одновременно и как культурное, и как литературное явление.

Исследование поэтических текстов томского поэта М. В. Андреева видится актуальным, так как *региональный художественный текст* является особенной структурой и в эстетическом, и языковом плане, а в качестве объекта изучения обладает уникальностью и особой культурной ценностью.

В. А. Храпова характеризует *региональный художественный текст* как ключевой элемент региональной культуры. *Региональный текст* в широком значении определен как «совокупность *локальных текстов*, которые хранят в себе семантический и идеологический код, фиксирующий информацию о своеобразии пространства, позволяя его идентифицировать» [2, с. 103].

В. К. Харченко считает, что «региональной поэзии не везет по определению: местных поэтов все больше слушают по радио..., а вот читают мало, тем более перечитывают. Быть не только прочитанным, но время от времени, под настроение, еще и перечитываемым, как известно, удел классики и классиков» [3, с. 96].

В рамках анализа перцептивной семантики на материале художественных текстов поэтические произведения региональных авторов практически не попадали в фокус внимания лингвистов. При этом В. К. Харченко отмечает важность повторного контакта с *локальным поэтическим текстом*, поскольку региональное поэтическое творчество может содержать в себе и талантливо переданные сенсорные образы, и звуко-символизм, и лирический пафос [3, с. 96–97]. Таким образом, рассмотрение особенностей восприятия окружающего мира в локальных текстах (с учетом их культурной и краевой специфики) также является актуальным.

Цель предлагаемой статьи – рассмотреть особенности языковой репрезентации перцептивного образа Сибири в произведениях томского поэта М. В. Андреева.

Научная новизна исследования заключается в том, что до настоящего момента *региональный поэ-*

тический текст не являлся предметом отдельного рассмотрения в лингвистических работах, посвященных проблемам перцептивности. Анализ языкового материала, его классификация, систематизация и интерпретация проводятся с опорой на основные положения современных исследований лексической семантики, функциональной стилистики и теории текста. В работе определяется специфика языкового выражения чувственного восприятия Сибири в *региональном поэтическом тексте*.

Материал и методы

Материалом для исследования послужили поэтические тексты М. В. Андреева, которые могут быть определены как *локальные*, так как они привязаны к Сибирскому региону и непосредственно к городу Томску. Стихотворения, включенные в сборник «По материнской линии» [4] (Все исследуемые поэтические тексты в дальнейшем цитируются по данному сборнику. – М. Т.), разнообразны по сюжетному наполнению. В фокусе внимания тексты, в которых отражен городской пейзаж, природа, культура и особенности Сибири. Во введении к сборнику Игорь Сашов писал: «Стихотворения, собранные в книге “По материнской линии”, пронизаны теплом родины поэта: томская земля, Чинский район, Бундюрский лесоучасток... Из земли исходит гул, гул поэзии, остается только его уловить...» [4, с. 9].

Работа выполнена в рамках социокультурного подхода к исследованию региональных художественных текстов. Основные методы – структурно-семантический и контекстный анализ языковых средств разных уровней, элементы стилистического анализа поэтического текста.

Результаты исследования

Теоретические работы О. Ю. Авдевиной [5], С. Ю. Лавровой [6], В. К. Харченко [3], С. Корячанковой [7] и др. посвящены исследованию семантической категории восприятия в различных типах дискурса. В данных работах представлен обзор основных направлений, в рамках которых в настоящий момент проводится изучение перцептивной семантики: когнитивное, семантическое, стилистическое, психолингвистическое, грамматическое, исследование языковой картины мира и др. [6, с. 34–42].

Особое внимание уделяется художественным текстам, в которых семантика восприятия, репрезентированная широким спектром языковых средств, развивается, трансформируется и обогащается. О. Ю. Авдевина отмечает, что усложнение перцептивной семантики можно выявить главным образом в художественном тексте, и «системность языковой семантики восприятия может из-

учаться только на материале художественного текста» [8, с. 360]. А. В. Бондарко в работах о грамматической перцептивности писал, что «образно-поэтическая перцептивность» связана с поэтическим временем, пространством и образом перцептора, его восприятием мира, выражением чувств и мыслей [9, с. 277–279]. О. Ю. Авдевина, обосновывая категориальный статус перцептивности, подчеркивает, что «именно в условиях художественного функционирования проявляется динамика, разнообразие и системная организация перцептивных значений» [5, с. 56].

В процессе анализа категории перцептивности исследователи отмечают, что моделирование ситуации восприятия признано параметром художественного текста [10, с. 48]. Языковые средства создания перцептивных образов являются важнейшим инструментом анализа литературного произведения и позволяют исследовать художественную картину мира отдельного автора.

В предлагаемом исследовании объектом анализа является перцептивный образ. Обоснование данного термина представлено и осмыслено в монографии С. Ю. Лавровой [6]. *Перцептивный образ* – это «ментальный оценочный образ, физиологической основой которого является сенсорная составляющая», «одна из форм субъективного образа, получающего конкретное лексико-грамматическое наполнение в индивидуально-авторской модели мира субъекта» [6, с. 44].

В цикле работ Л. Б. Крюковой и А. В. Хизниченко представлен анализ перцептивных образов в художественной картине мира Б. Л. Пастернака. Например, анализируя образы звучания, авторы отмечают, что тексты многих стихотворений формально и содержательно базируются на высказываниях слухового восприятия. Реализация семантики звучания представлена двумя разновидностями: «1) ситуации, связанные со звуками, которые издает сам человек (он является источником звука); 2) ситуация звукового состояния изображаемой внешней среды. Особняком стоит “отсутствие звучания”» [7, с. 137]. Рассмотрение перцептивности в качестве основы художественной образности позволяет исследователям «продемонстрировать особенности реализации перцептивной семантики на разных текстовых уровнях и определить ее текстообразующий потенциал» [11, с. 71]. Таким образом, анализ перцептивной картины мира поэта является способом исследования авторского идиостиля, а система перцептивных образов опирается на особенности мировосприятия автора.

В предлагаемом исследовании рассматриваются языковые единицы с семантикой чувственного восприятия в поэтических текстах М. В. Андреева. В анализируемых стихотворениях перцептивные

единицы реализуют определенные авторские задачи: поэт стремится описать окружающую его действительность, передать мироощущение, определить авторскую позицию во времени, пространстве и по отношению к событиям, происходящим вокруг.

В поэтических текстах М. В. Андреева именно образ Сибири может быть определен как ключевой *перцептивный образ*. Детальный анализ языковых средств и способов выражения перцептивной семантики позволяет описать один из центральных фрагментов художественной картины мира автора.

Перцептивный образ Сибири в картине мира М. В. Андреева представлен полно и многоаспектно. Этому способствует использование различных языковых средств, имеющих ярко выраженную стилистическую окраску. Исследуемые языковые единицы с перцептивной семантикой могут быть определены как образные. *Образность слова* Н. С. Болотнова трактует как «способность вызывать конкретно-чувственные представления (зрительные, слуховые, вкусовые, обонятельные, тактильные и моторно-двигательные) о различных реалиях» и отмечает, что исследователи выделяют *тропеическую* и *нетропеическую образность* [12, с. 136]. В контексте данной статьи интерес представляет *тропеическая образность*, которая основывается на употреблении слов и выражений в переносном значении.

В. К. Харченко, описывая перечень приемов создания сенсорного напряжения («усиления сенсорного образа, приемов, задействованных в художественном дискурсе, в языке прозы и поэзии»), отмечает, что самую многочисленную группу составляют *тропеические* (образ-порождающие) приемы, «приемы метафоризации в широком понимании термина» [3, с. 72–75].

В сборнике «По материнской линии...» выявлено более 70 стихотворений, в которых М. В. Андреев использует различные *тропеические* приемы создания сенсорного напряжения. Анализируя поэтические тексты о Сибири, необходимо говорить о преобладании метафорического способа репрезентации перцептивных значений. Наиболее частотными изобразительно-выразительными средствами являются *олицетворения*, *сравнения* и *метафоры*.

Зрительный модус перцепции достаточно часто является инструментом восприятия и познания мира, что находит отражение в поэтическом тексте. А. В. Бондарко пишет, что изображенная действительность в тексте предстает как «открывшийся взору автора образ зримого мира. Поэтический текст имплицитно потенциальную воспроизводимость этого образа в каждом акте прочтения данного произведения» [9, с. 279].

В исследуемых художественных текстах самыми частотными становятся *олицетворения*, относя-

щиеся преимущественно к *зрительному модусу* перцепции. Автор регулярно использует языковые единицы с семантикой *света* и *цвета*, чтобы передать ощущения восприятия сибирской природы: *Рябина красная дорогу / Перебегает там и тут; Тополя прикармливали ночью электрический свет; Обливается светом земля; Росточки молятся серому снегу; Чтоб раньше всех увидеть солнце, / Трава на цыпочки встает* и др.

Олицетворения, выражающие слуховую перцепцию, помогают читателю услышать звуки сибирской природы – *скрип, гул, шум, стон, пенье* и др.: *Пристань старая, дощатая, надывается, скрипит; Корни деревьев жили / В глине сырой и мгле, / Подземные слушая токи / И гул холодной земли, / Шум величавой осоки / Расслышать они не могли; Дома в сугробах темных тонут, / И, разбивая сладость снов, / В оградах проволоки стонут / Сцепями осторожных псов; И точно те же облака, / Здесь на земле у поплавок, / Плынут речное слушать пенье*.

Особого внимания заслуживает образ *тишины*. В поэтических текстах М. В. Андреева *тишина* связана с таинственностью сибирской природы, с помощью данного образа происходит «вслушивание» в окружающий мир, беззвучие приобретает позитивные коннотации: *Туман бережет лодки и тихо стоит над водой; Какое легкое дыханье у наступившей тишины; Ты молчишь, / Огонь скажет больше, чем шерстяная тишь*. В заключительном высказывании используется перцептивная метафора *шерстяная тишь*, что позволяет читателю практически ощутить шерстяную, мягкую, пушистую тишь не только на слух, но и одновременно прочувствовать ее тактильно. Все чувства читателя «сливаются» в общее сенсорное впечатление, следует говорить о *синестезии* (осознание – слух).

Природа синестетического сочетания метафорична по своей сути. В предлагаемом исследовании данный термин понимается как «слияние разных типов восприятия на основе метафорической связи в рамках простого словосочетания» [7, с. 79]. Синестетические сочетания, встречающиеся в поэтических текстах М. В. Андреева, демонстрируют высокую степень взаимопроникновения и взаимовлияния различных видов восприятий: *И в объятьях подземного гула / Это древо стоит на яру*. В словосочетании *в объятьях гула* наблюдается синестезия слухового и тактильного модуса перцепции.

Среди примеров метафоризации тактильной перцепции ведущую роль играет прием олицетворения: *Так лист в предосеннюю пору / Согнет, прижмет к забору; Плывет наш катер налегке / В объятьях утреннего рая; Частотными являются олицетворения, включающие семантику дро-*

жи: *И дрожат за рекою поля; И по руке гуляла дрожь; И в бутылке веточка дрожала.*

Исследование ситуации чувственного восприятия в творчестве М. В. Андреева позволяет говорить о том, что *тактильное восприятие* является важной составляющей индивидуально-авторского мироощущения и восприятия Сибири. В процессе лингвистического моделирования важную роль играют соматизмы (названия органов восприятия): *руки, пальцы, губы*, иногда и все тело целиком: *И мелькают листья, и неподвластные годы / Цепляются к ногам, как семена череды; Не имеют пальцы, вложенные в рану света; Убывают дни, и в горле мечется ком.* Тактильные метафорические образы часто построены на антитезе: *Обжигают его суховеи, / Налетают и пламя, и лед, / Как змея под рубахой твоею, / По корням его холод ползет.*

При анализе поэтических произведений М. В. Андреева были выявлены различные типы перцептивных метафор. Глубокое проникновение в дух сибирской природы представлено с помощью образа *света* (зрительное основание): *Прямой наводкой бьет по лесу заря; И изогнуто светится речка; Как подсолнечным медленным маслом / Обливается светом земля.* Слуховая семантика реализована в процессе характеристики внешней среды, с помощью перцептивных метафор описываются звуки сибирской природы: *Ручьев несмолкающий свист; Чавкает сытно тряси́на; Там реки весною режут, / В клочки берега разрывая.*

В поэтической картине мира М. В. Андреева частотными являются сравнения со значением зрительного и слухового восприятия: *Зеленые листья то там, то тут возникают, / Как перебежчики перед войной; Как полевой весенний птенчик, / Коровий маленький бубенчик / До неба самого звучал; В тулупе сторож конный / Горланит, как река; Горело небо, словно лампа.*

В исследуемых региональных текстах встретился оксюморон, являющийся *парадокс-приемом* [3, с. 75] в процессе моделирования перцептивного образа Сибири (тактильное основание): *А потом в бо́льшой город / Ты пришла, где жгучий холод, / Жизнь оставив на потом...* При описании Сибири метафорически репрезентированы и ситуации обонятельной перцепции: *Густо пахло воздухом весны / И еще рассадой помидорной; Люблю дышать сосновыми борами.* Реализация вкусовой семантики представлена метафорами и сравнениями: *И сладчайшую в кровь землянику / Из фуражек помятых едят; Жизнь горька, как осиновая кора; Пустота толще белого снега, / Жесткая, горькая, как медвежья желчь.*

Говоря о перцептивности в художественном тексте, В. К. Харченко вводит понятие *сенсорное напряжение*, определяемое как «обилие перцеп-

тивных проекций на единицу текста, нацеленное на пробуждение средствами языка перцептивных образов» [3, с. 71]. Исследуемые поэтические тексты о Сибири активизируют воображение читателя, *перцептивный образ* моделируется с помощью многочисленных языковых единиц с семантикой восприятия: *И гул холодной земли, / И шум величавой осоки / Расслышать они не могли; Слово ничто, звук – это животное; Ты молчишь, / Огонь скажет больше, чем шерстяная тишь; Внутри холодного ствола / В молчанье теплится смола / И токов темное движение; Кожа впитывает почти моментально / Вокзалов запах и сирени свист.* В последнем примере сенсорное напряжение создается при помощи синестезии, актуализируются разные типы восприятия: обонятельное (*запах вокзала*), слуховое (*свист сирени*) и тактильное (*кожа впитывает*). Использование в качестве однородных членов предложения контекстных антонимов (*вокзал* и *сирень*) способствует усилению эмоционального воздействия на читателя.

Образ *сирени* в творчестве М. В. Андреева может быть проанализирован в рамках поэтической традиции. Например, *сирень* как ключевой перцептивный образ в творчестве Б. Л. Пастернака рассматривается в статьях Л. Б. Крюковой и А. В. Хизниченко [11]. Основное значение включает указание на цвет и информацию об одоративном признаке – «душистый». Авторы статьи отмечают, что «в поэзии Б. Л. Пастернака образ сирени, сохраняя все узусные характеристики, реализует разноплановые ассоциативные связи, для него характерно вариативное “наслоение” признаков» [11, с. 64–65]. В поэтических текстах М. В. Андреева образ *сирени* приобретает звуковые характеристики. *Свист сирени* – синестетическое словосочетание, основанное на смежности ощущений. Образ сирени способствует реализации различных ассоциативных связей: *Опять “застукала” врасплох / Весна печальные сирени.*

Перцептивные *эпитеты*, определяемые как приемы создания сенсорного напряжения [3, с. 71], в поэтических текстах М. В. Андреева также встречаются: *Волнистые поля; Сладок туман в предрассветную пору; Лишь под утро сладкий сон; Шерстяная тишь.*

В реестре приемов усиления сенсорного напряжения В. К. Харченко указывает *дубль-приемы*, заключающиеся в повторе предложения, слова, корня слова [3, с. 75]. В процессе лингвистического моделирования перцептивного образа Сибири дубль-приемы являются частотными: *Красные листья осин, / Желтые листья берез... / В желтых конвертах – печаль, / В красных конвертах – любовь; Чтобы увидеть, есть ли на свете неба, / Обязательно надо, чтоб кто-то тебе был рад... /*

Чтобы увидеть, надо подойти поближе; Пошлю ей в красивой коробке золотых-золотых чебаков.

Таким образом, в процессе анализа изобразительно-выразительных средств, репрезентирующих перцептивный образ Сибири в поэтических текстах М. В. Андреева, было выявлено большое количество олицетворений, метафор и сравнений, имеющих перцептивное основание – преобладают зрительное и слуховое. Особого внимания заслуживают синестетические метафоры, включающие языковые единицы, репрезентирующие различные модусы перцепции.

В поэтическом тексте важны и одинаково значимы все языковые средства, Н. С. Болотнова отмечает, что «роль нейтральных в стилистическом и эмоциональном плане языковых средств может быть очень значительной» [13, с. 33]. Нейтральные языковые средства отражают идейно-тематическое и образное содержание и выполняют эстетическую функцию. Изучение поэтической картины мира писателя можно проводить с помощью анализа авторских лексико-семантических полей, организованных и упорядоченных в соответствии с авторским мировосприятием [14, с. 145–146].

Характер поэтической картины мира того или иного автора определяется в том числе и наличием в ней разных чувственных доминант. Ж. Н. Маслова, говоря о поэтической картине мира, отмечает, что на нее «оказывают влияние все модусы перцепции, отвечая одной из целей поэтического текста – созданию чувственных впечатлений» [15, с. 150].

Перцептивный образ Сибири в поэтической картине мира М. В. Андреева моделируется в основном с помощью единиц трех лексико-семантических полей (ЛСП): «холод» (тактильное основание), «темнота» (зрительное основание), «тишина» (слуховое основание).

ЛСП «холод» представлено следующими словами (всего в сборнике 69 единиц): прилагательное *холодный* (12), наречие *холодно* (7), глаголы *леденеть* (2), *разморозить* (1), *вмерзнуть* (1); существительные *иней* (2), *снег* (17), *льдина* (2), *мороз* (2), *ветер* (10), *вьюга* (3), *зима* (8), *лавина* (2).

Лексические единицы в процессе текстового развертывания вступают в различные типы синтаксических и смысловых отношений, в связи с чем следует говорить о том, что перцептивный образ моделируется при помощи словосочетаний и предикативных единиц [16, с. 41–42]: *В нем холодно было и просто, / Как свет незашедшей луны; Как черный крест, она под ветром леденеет; Подвода медленная катит / По размороженной земле; А когда вмерзнут в заводи лодки, / Я вернусь под кедровый свой кров; За речкой Тотьмо было это, / Где били вьюги наповал; Прими холодное утро и ровно дыши, / должно быть там, где из снегов ру-*

чьи вытекают, / географическое положение души; Холодным туманом дыша, ходит лошадь; Когда лениво, не спеша, зима заполнит равнины, / Приответствует опять душа снегов холодные лавины; Треск льдины в густом тростнике; Падает скошенный снег; Наподобие жизни цветок, что не смог обрести / И покоя под небом, над инеем.

При исследовании ЛСП «холод» становится очевидна репрезентация темы холодного сибирского климата, автор реализует в тексте устойчивые синтагматические и ассоциативные связи, которые частично нейтрализуют, трансформируют негативную оценочность семы «холод».

Перцептивный образ Сибири включает не только тактильную характеристику *холодный*, но и зрительную характеристику *темный*. ЛСП «темнота» представлено 25 единицами: прилагательное *темный* (8), наречие *темно* (1), *дотемна* (3), существительные *темнота* (9), *тьма* (2), *мрак* (2).

Языковые единицы, составляющие в ряде стихотворений смысловое поле образа темноты, выполняют смыслообразующую функцию, являясь средством выражения перцептивного образа Сибири: *Ветры в двери бьют и рамы, / От темноты до темноты; Береста на сибирских березах темна; Из темной трещины обрыва; Чистота, переходящая во мрак, не больше тени коровы; Темнота тоже хочет нравиться.*

ЛСП «тишина» включает 15 единиц: прилагательное *тихий* (1), наречие *тихо* (2), глагол *молчать* (3), существительные *молчание* (1), *тишь* (3), *тишина* (5). Приведенные лексические единицы в поэзии М. В. Андреева характеризуют состояние окружающего мира: *Туман бережет лодки и тихо стоит над водой / Какое легкое дыханье у наступившей тишины / Ты молчишь, огонь скажет больше, чем шерстяная тишь.* Репрезентация образа тишины также может быть рассмотрена в рамках поэтической традиции. Например, в поэзии Б. Л. Пастернака «тишина регулярно связана со сном, зимой, холодом», позитивное восприятие тишины встречается не часто, тишина является поводом «вслушаться в мир, прозреть, добраться до сути вещей, она обостряет воображение, мыслительную деятельность, удваивает чуткость и способность воспринимать не столько физически, сколько интуитивно» [17, с. 52–53].

Отдельного внимания требует анализ колоративов (зрительное основание, субмодус «цвет») в сборнике М. В. Андреева: *черный* (5), *красный* (5), *белый* (5), *желтый* (3), *зеленый* (9). Символика колоративов зависит от контекста, в результате чего один и тот же цвет может приобретать как отрицательную, так положительную коннотацию. Перцептивный образ Сибири характеризуется как многоцветный, но особо значимым является зеленый:

прилагательное *зеленый* (6) и глагол *зеленеть* (3). Доминирование данного цвета свидетельствует о том, что природа Сибири воспринимается автором в жизнеутверждающем ключе, зеленый цвет традиционно ассоциируется с весной, плодородием, новой жизнью. *Зеленый* – «цвет зелени, травы, листы (обозначение одного из семи цветов солнечного спектра)» [18, с. 63]. В исследуемых текстах зеленый цвет преобладает в описании природы (цвет травы, листы на деревьях), а также ассоциируется с весной, жизнью и молодостью: *Сперло дыхание. Пространство залило молвой. / Зеленые листья то там, то тут возникают, / как перебежчики перед войной; Соки в зеленой черноземной траве; Оно играет и манит, / и лист весною зеленил; Чтоб зеленела трава у крыльца твоего, / семь раз отмерь и не режь ничего...; Насмешливо, как для забавы, / И счета не зная дням, / Тянулись зеленые травы / По мертвым краям.*

Таким образом, анализ языковых средств с семантикой перцепции показал, что в процессе лингвистического моделирования образа Сибири в поэтических текстах М. В. Андреева внимание акцентируется на авторском отношении к тому, что становится объектом его поэтического восприятия [19, с. 275–276]: *Когда лениво, не спеша, зима заполнит равнины, приветствует опять душа снегов холодные лавины.* Автор не просто описывает природу, климат и особенности жизни в Сибири, а проводит параллель между внешними ощущениями и внутренними переживаниями. Выбор языковых единиц в процессе формирования перцептивных образов в поэтических текстах М. В. Андреева свидетельствует об индивидуально-авторском восприятии окружающего мира (любви и привязанности к родной земле), а также стремлении поэта ярко и точно передать читателю желаемые ощущения и впечатления.

Заключение

Проведенный анализ стихотворений поэтического сборника М. В. Андреева «По материнской линии...» [4] позволяет говорить о том, что образ Сибири, являющийся одним из центральных в творчестве поэта, может быть определен как *перцептивный*, так как в процессе его лингвистического моделирования автор использует широкий спектр языковых средств с семантикой восприятия, характеризующих соответствующий фрагмент индивидуально-авторской поэтической картины мира. В данном сборнике присутствует большое количество поэтических текстов, в которых отражен городской пейзаж, природа, климат и культура Сибирского региона. Образы-символы, репрезентирующие внутреннее состояние поэта, его чувства, эмоции и непосредственное отношение к Сибири, в частности к сибирской природе, вербализуются преимущественно языковыми единицами со звуковой/слуховой, зрительной и тактильной семантикой. Наиболее ярко в стихотворениях М. В. Андреева представлены языковые единицы лексико-семантических полей «холод», «тишина», «темнота».

Анализ изобразительно-выразительных средств свидетельствует о том, что для создания сенсорного напряжения автор чаще всего использует *олицетворения, метафоры и сравнения*. Среди перцептивных метафор наиболее яркими являются синестетические сочетания, имеющие зрительное, слуховое и тактильное основания.

Перцептивный образ Сибири может быть определен как «макрообраз», включающий различные «микрообразы». Региональный компонент, представленный в поэтических текстах языковыми средствами с перцептивной семантикой, является эстетически значимым и свидетельствует о том, локальный текст обладает особой самобытностью, своеобразием и духовной национальной ценностью.

Список источников

1. Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX в. Пермь: Звезда, 2008. 399 с.
2. Храпова В. А. Региональный текст как фактор организации современного социального пространства // LOGOS ET PRAXIS. 2019. № 4. С. 102–107.
3. Харченко В. К. Лингвосенсорика. Фундаментальные и прикладные аспекты. М.: Либроком, 2012. 216 с.
4. Андреев М. В. По материнской линии. Стихи. Томск: Красное знамя, 1997. 142 с.
5. Авдеев О. Ю. Перцептивная семантика: закономерности формирования и потенциал художественной реализации. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2013. 340 с.
6. Лаврова С. Ю. Говорящий как наблюдатель: лингвоаксиологический аспект. Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 2017. 240 с.
7. Корячканова С., Крюкова Л., Хизниченко А. Поэтическая картина мира сквозь призму категории перцептивности. Врно: Masarivkova univerzita, 2016. 236 с.
8. Авдеев О. Ю. Ситуация восприятия в аспекте ее синтаксического и художественного моделирования. Саратов: Саратовская гос. юрид. академия, 2022. 416 с.
9. Бондарко А. В. К вопросу о перцептивности // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 276–282.

10. Крюкова Л. Б. Перцептивный строй поэтического текста: к вопросу о терминологическом аппарате исследования // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. 2019. № 447. С. 47–54.
11. Крюкова Л. Б., Хизниченко А. В. Система перцептивных образов в поэтическом творчестве Б. Л. Пастернака (лексикографический и идиостилевые аспекты) // Отечественная филология. Серия: Русская филология. 2023. № 4. С. 58–73.
12. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М.: Флинта: Наука, 2009. 384 с.
13. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста: учеб. пособие. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2007. 520 с.
14. Демешкина Т. А., Верхотурова Н. А., Крюкова Л. Б., Курикова Н. В. Лингвистическое моделирование ситуации восприятия в региональном и общероссийском дискурсе / под ред. Т. А. Демешкиной. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2006. 194 с.
15. Маслова Ж. Н. Поэтическая картина мира и ее репрезентация в языке // Альманах современной науки и образования. 2007. № 3. С. 149–151.
16. Халикова Н. В. Категория образности художественного прозаического текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 45 с.
17. Крюкова Л. Б., Хизниченко А. В. Проект словаря перцептивных образов поэтического творчества Б. Л. Пастернака // Вопросы лексикографии. 2018. № 13. С. 44–57.
18. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Атлант, 2013. 800 с.
19. Халикова Н. В. Словесный образ как структурная единица в художественном тексте // Русистика и компаративистика: сб. науч. тр. по филологии. М., 2019. С. 268–280.
20. Андреев М. В. Литературный сайт писателя М. В. Андреева. URL: <https://elbib.tomsk.ru/purl/1-523/> (дата обращения: 16.01.2024).

References

1. Abashev V. V. *Perm' kak tekst. Perm' v russkoy kul'ture i literature XX v.* [Perm as a text. Perm in Russian culture and literature of the XX century]. Perm, Zvezda Publ., 2008. 399 p. (in Russian).
2. Khrapova V. A. Regional'nyy tekst kak faktor organizatsii sovremennogo sotsial'nogo prostranstva [Regional text as a factor in the organization of modern social space]. *LOGOS ET PRAXIS*, 2019, no. 4, pp. 102–107 (in Russian).
3. Kharchenko V. K. *Lingvosensorika. Fundamenta'nye i prikladnye aspekty* [Linguistic sensorics. Fundamental and applied aspects]. Moscow, Librocom Publ., 2012. 216 p. (in Russian).
4. Andreev M. V. *Po materinskoy linii. Stikhi* [On my mother's side. Poems]. Tomsk, Krasnoye znamya Publ., 1997. 142 p. (in Russian).
5. Avdevnina O. Yu. *Pertseptivnaya semantika: zakonomernosti formirovaniya i potentsial khudozhestvennoy realizatsii* [Perceptual Semantics: Patterns of Formation and the Potential of Artistic Realization]. Saratov, Saratov University Publ., 2013. 340 p. (in Russian).
6. Lavrova S. Yu. *Govoryashchiy kak nablyudatel': lingvoaksiologicheskiy aspekt* [The speaker as an observer: the linguo-axiological aspect]. Cherepovets, Cherepovets State University Publ., 2017. 240 p. (in Russian).
7. Korychankova S., Kryukova L., Khiznichenko A. *Poeticheskaya kartina mira skvoz' prizmu kategorii perceptivnosti* [Poetic Picture of the World through the Prism of the Category of Perceptivity]. Brno, Masarykova univerzita Publ., 2016. 236 p.
8. Avdevnina O. Yu. *Situatsiya vospriyatiya v aspekte eye sintaksicheskogo i khudozhestvennogo modelirovaniya* [The Situation of Perception in the Aspect of Its Syntactic and Artistic Modeling]. Saratov, Saratov State Law Academy Publ., 2022. 416 p. (in Russian).
9. Bondarko A. V. *K voprosu o pertseptivnosti* [On the Issue of Perceptivity]. *Sokrovennye smysly: Slovo. Tekst. Kul'tura* [Secret Meanings: Word. Text. Culture]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. Pp. 276–282 (in Russian).
10. Kryukova L. B. *Pertseptivnyy stroy poeticheskogo teksta: k voprosu o terminologicheskom apparate issledovaniya* [The perceptual structure of a poetic text: on the question of the terminological apparatus of research]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2019, no. 447, pp. 47–54 (in Russian).
11. Kryukova L. B., Khiznichenko A. V. *Sistema pertseptivnykh obrazov v poeticheskom tvorchestve B. L. Pasternaka (leksikograficheskiy i idiosilevyye aspekty)* [The system of perceptual images in the poetic work of B. L. Pasternak (lexicographic and idiostyle aspects)]. *Otechestvennaya filologiya – Russian Philology*, 2023, no. 4, pp. 58–73 (in Russian).
12. Bolotnova N. S. *Kommunikativnaya stilistika teksta: slovar'-tezaurus* [Communicative stylistics of the text: thesaurus dictionary]. Moscow, Flinta Publ.; Nauka Publ., 2009. 384 p. (in Russian).
13. Bolotnova N. S. *Filologicheskiy analiz teksta: uchebnoye posobiye* [Philological analysis of the text: a textbook]. Moscow, Flinta Publ.; Nauka Publ., 2007. 520 p. (in Russian).
14. Demeshkina T. A., Verkhoturva N. A., Kryukova L. B., Kurikova N. V. *Lingvisticheskoye modelirovaniye situatsii vospriyatiya v regional'nom i obshcherossiyskom diskurse* [Linguistic modeling of the situation of perception in regional and Russian national discourse]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2006. 194 p. (in Russian).

15. Maslova Zh. N. Poeticheskaya kartina mira i ee reprezentatsiya v yazyke [The poetic picture of the world and its representation in language]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya – Almanac of Modern Science and Education*, 2007, no. 3, pp. 149–151 (in Russian).
16. Khalikova N. V. *Kategoriya obraznosti khudozhestvennogo prozaicheskogo teksta. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk* [The category of imagery of an artistic prose text. Abstract of thesis ... doct. philol. sci.]. Moscow, 2004. 45 p. (in Russian).
17. Kryukova L. B., Khiznichenko A. V. [The Project of the Dictionary of Perceptual Images Used in B. Pasternak's Poetic Works]. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*, 2018, no. 13, pp. 44–57 (in Russian).
18. Ushakov D. N. *Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the modern Russian language]. Moscow, Atlant Publ., 2013. 800 p. (in Russian).
19. Khalikova N. V. Slovesnyy obraz kak strukturnaya edinita v khudozhestvennom tekste [Verbal image as a structural unit in a literary text]. *Rusistika i komparativistika: sbornik nauchnykh trudov po filologii* [Russian Studies and Comparative Studies: Collection of Scientific Papers on Philology]. Moscow, 2019. Pp. 268–280 (in Russian).
20. Andreev M. V. *Literaturnyy sait pisatelya M. V. Andreeva* [Literary website of the writer M. V. Andreev] (in Russian). URL: dlya za-registrirovannykh pol'zovatelej. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-523/> (accessed 16 January 2024).

Информация об авторе

Трунова М. В., аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050); ассистент кафедры РЯ и СД ИМС, Томский государственный архитектурно-строительный университет (пл. Соляная, 2, Томск, Россия, 634003).

E-mail: trunova87@yandex.ru. ORCID ID: 0009-0004-9316-7607. SPIN-код: 8217-0896. Author ID: 1270215.

Information about the authors

Trunova M. V., graduate student, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050); assistant of the Department of Russian Language and Special Disciplines, Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering (pl. Solyanaya, 2, Tomsk, Russian Federation, 634003).

E-mail: trunova87@yandex.ru. ORCID ID: 0009-0004-9316-7607. SPIN-code: 8217-0896. Author ID: 1270215.

Статья поступила в редакцию 19.03.2024; принята к публикации 29.11.2024

The article was submitted 19.03.2024; accepted for publication 29.11.2024

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 811.161.1'373.222

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-45-53>

Онимизация апеллятива *янтарь* в ономастиконе Калининградской области

Ирина Владимировна Островерхая

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия,
iostroverkhaya@kantiana.ru, 0000-0001-9144-0084

Аннотация

Настоящее исследование выполнено в культурологическом аспекте и посвящено выявлению ономастической специфики отапельлятивных онимов *Янтарь* в ономастическом пространстве Калининградской области, за которой закрепился образ Янтарного края ввиду сосредоточения 90 % мирового запаса янтаря. Эмпирическую базу исследования составили 104 онима *Янтарь*, извлеченные методом сплошной выборки из электронных справочников региональных топообъектов, государственного реестра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, размещенного на портале Федеральной налоговой службы Российской Федерации, интернет-публикаций, а также зафиксированные в ходе полевых исследований. Изучение материала проводилось посредством общенаучных методов (анализа, сравнения, обобщения, наблюдения), элементов лингвокультурологической и социолингвистической методики, дескриптивного метода, приема количественных подсчетов и с помощью анкетирования, респондентами которого стали обучающиеся Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта. Показано, что онимизация апеллятива *янтарь* является устойчивым онимообразовательным процессом в ономастиконе Калининградской области, в результате которого образуются онимы, относящиеся не только к янтарной отрасли, но и к широкому спектру объектов, не имеющих прямого отношения к добыче, переработке, продаже и популяризации янтаря. Выяснено, что «янтарный» кластер актуализирует тезоименные эмпоронимы, которые образуются прямым способом номинации и характеризуются прямой связью с денотатом, абсолютной мотивированностью и информативностью, тогда как «неянтарный» кластер включает ономимичные онимы различных ономастических разрядов, представленных эргонимами (включая эмпоронимы и трапезонимы), гемеронимами, порейонимами, единичными ойкодомонимом и фелисонимом, которые образуются символическим способом номинации и характеризуются безотносительностью к денотату, немотивированностью и неинформативностью в случае употребления без номенклатурного индикатора. Сделан вывод о том, что отапельлятивный оним *Янтарь* в ономастиконе Калининградской области представляет собой продуктивное имиджевое имя-символ, специфическими особенностями которого являются многообразие означаемых денотатов и их разномасштабность (закрывающаяся в способности онима *Янтарь* именовать как значимые регионообразующие объекты, так и объекты, относящиеся к сфере малого бизнеса), динамичность функционирования, ономастическая активность, незамкнутый ономастический потенциал.

Ключевые слова: оним, апеллятив, онимизация апеллятива, региональная идентичность, ономастическая активность, ономастический потенциал

Для цитирования: Островерхая И. В. Онимизация апеллятива *янтарь* в ономастиконе Калининградской области // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 1 (237). С. 45–53. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-45-53>

RUSSIAN LANGUAGE

Onimization of the appellative **янтарь** in the onomasticon of the Kaliningrad Region

Irina V. Ostroverkhaya

*Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation,
iostroverkhaya@kantiana.ru, 0000-0001-9144-0084*

Abstract

The study was carried out in the culturological aspect and is aimed at identifying the onomastic specifics of the appellative onyms **Янтарь** in the onomastic space of the Kaliningrad Region, which is known as the Amber Region due to about 90% of the world's amber reserves concentration. The empirical base of the study consisted of 104 **Янтарь** onyms, extracted by a continuous sampling method from electronic directories of regional topographical objects, the state register of legal entities and individual entrepreneurs of the Federal Tax Service of the Russian Federation, internet publications, as well as recorded during field research. The material was studied using general scientific methods (analysis, comparison, generalization, observation), elements of linguistic-cultural and sociolinguistic methods, a descriptive method, quantitative calculations, and a questionnaire, whose respondents were students of Immanuel Kant Baltic Federal University. It is shown that the onymization of the appellative **янтарь** is a sustainable onym formation process in the Kaliningrad Region's onomasticon resulting in creation of onyms related not only to the amber industry, but also to a wide range of objects that are not connected with mining, processing, sale, and popularization of amber. It was found that the "amber" cluster actualizes the namesake emporonyms, which are formed by the direct method of nomination and are characterized by a direct connection with the referent, absolute motivation, and informativeness, while the "non-amber" cluster includes homonymous onyms of various onomastic categories represented by ergonyms (including emporonyms and trapezonyms), gemeronyms, poreonyms, single oikodomonym and felisonym, which are formed by the symbolic method of nomination and are characterized by irrelevance to the referent, lack of motivation, and non-informativeness in case of nomenclature indicator absence. Onym **Янтарь** in the onomasticon of the Kaliningrad Region turns to be a productive image name-symbol, the specific features of which are the variety and multi-scale nature of referents (consisting in the ability of onym **Янтарь** to name both significant regional-forming objects and small business objects), dynamic functioning, onomastic activity, and non-closed onomastic potential.

Keywords: *onym, appellative, appellative onymization, regional identity, onomastic activity, onomastic potential*

For citation: Ostroverkhaya I. V. Onimizatsiya apellyativa *yantar'* v onomastikone Kaliningradskoy oblasti [Onimization of the appellative **янтарь** in the onomasticon of the Kaliningrad Region]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 1 (237), pp. 45–53 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-45-53>

В груди нашей бьется благородный янтарь
В душе нашей солнце и синяя даль
Алексей Горшенёв, «Калининград»

Введение

Экспликация региональной идентичности через ономастические единицы является предметом пристального изучения ученых-ономатологов, которые прежде всего сосредотачивают свое внимание на урбанонимах (именах внутригородских топографических объектов). Так, например, детально описаны урбанонимические системы Екатеринбурга [1, 2], Невьянска и Кыштыма [3], Томска [4, 5], Уфы [6], Шадринска [7] и др. Анализ библиографического материала показывает, что кроме урбанонимов трансляторами региональной идентичности могут выступать онимы и других ономастических разрядов, имеющих историко-культурную

обусловленность. В данном отношении особый интерес представляют работы, посвященные ономастическому портретированию Великого Новгорода [8], Комсомольска-на-Амуре [9], Перми [10], Самары [11], Тюмени [12] и др.

Активно ведутся исследования ономастического пространства самого западного региона Российской Федерации – Калининградской области. О. В. Петешова изучает особенности массовых реноминаций топонимов (гидронимов (потамонимов, гелонимов и лимнонимов), ойконимов, оронимов), проведенных на территории бывшей Северо-Восточной Пруссии после ее включения в состав СССР в 1945 г. [13]. Т. М. Шкапенко и Е. В. Зу-

брицкая анализируют гибридные номинации в лингвистическом ландшафте города Калининграда [14].

Импульсом к проведению настоящего исследования послужила многолетняя реализация (2018–2024 гг.) его автором мультиформатного проекта «Янтарный Марафон»¹, направленного на интеграцию регионоведческого компонента в процесс преподавания английского языка обучающимся нелингвистических специальностей Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (БФУ им. И. Канта), которое было вызвано возрастающей академической мобильностью студентов, приезжающих в Калининград из других регионов с целью получения высшего образования [15]. Проект включал изучение легенд и мифов о янтаре, фактов о его происхождении, добыче, обработке, свойствах, составе, инклюзах и цветовой гамме, а также знакомил с местными байками, которые с известной долей бахвальства и иронии гласят буквально следующее: «Ты калининградец, если... <...> не считаешь янтарь даже полудрагоценным камнем; название колхоза “Путь Ленина” возмущает тебя до глубины души: “А почему не “Янтарь?”»; знаешь, что янтарным может быть все – от скорого поезда и до артиста филармонии»². В процессе работы с регионально маркированным контентом был осуществлен выход в ономастическое лингвокраеведение, практическим воплощением которого стал сбор региональной базы «янтарных» онимов. С опорой на утверждение А. С. Щербак о том, что «ономастический материал обладает огромным культуроведческим потенциалом и является источником информации о духовной культуре» [16, с. 100], был составлен исследовательский корпус региональных онимов, включающий такие компоненты, как *янтарь*, *янтарик*, *янтарный*, *янтарная*, *янтарное*, *янтарные*, *амбер* (транслитерация английского апеллятива *amber* ‘янтарь’), *amber* и др. Собранные онимы относятся к различным областям ономастического пространства, что дает основание для утверждения о наличии янтарного кода в ономастиконе Калининградской области, за которой прочно закрепился образ Янтарного края ввиду сосредоточения 90 % мирового запаса янтаря.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении ономастической специфики онимов, образованных в результате онимизации апеллятива *янтарь*, для достижения которой необходимо определить репертуар основных разрядов онимов, яв-

ляющихся продуктом онимизации апеллятива *янтарь*, их мотивировку, способы номинации, особенности функционирования и потенциал возможной ономастической активности. Актуальность проведенного исследования определяется его лингвокраеведческой направленностью, способствующей расширению представлений о русском языке как о лингво-культурно-историческом феномене.

Материал и методы

Источниками, из которых велась сплошная выборка ономастических единиц, образованных в результате онимизации апеллятива *янтарь*, послужили электронный справочник 2ГИС (2gis.ru/kaliningrad); сервис по предоставлению сведений из единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ) и единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей (ЕГРИП), размещенный на портале Федеральной налоговой службы Российской Федерации (egrul.nalog.ru); региональный интернет-портал Калининградской области и города Калининграда «Новый Калининград.Ru» (newkaliningrad.ru); интернет-публикации. Сбор онимов также осуществлялся автором в ходе полевых исследований на территории Калининграда, Балтийска, Зеленоградска и Светлогорска.

В общей сложности эмпирический корпус настоящего исследования составили 104 одноименные ономастические единицы *Янтарь*, что, как подчеркивал выдающийся советский и российский ономастолог А. К. Матвеев, демонстрирует поразительное свойство имени, состоящее в «его способности обслуживать общество даже при очень высокой повторяемости компонентов» [17, с. 11–12]. За рамками настоящего исследования остаются такие сложные и составные онимы с компонентом *янтарь*, как, например, *Авто Янтарь Град*, *Империя Янтаря*, *Янтарь Холл*, *Янтарьстройбетон*, *Янтарьэнергосбыт* и др.

Изучение собранного материала проводилось с помощью общенаучных методов (анализа, сравнения, обобщения, наблюдения) и приема количественных подсчетов. Для установления соотносительности выявленных онимов с культурными, историческими и социальными реалиями задействовались элементы лингвокультурологической и социолингвистической методики. Определение ономастического потенциала ономастического онима *янтарь* велось с помощью анкетирования, в котором в период с ноября 2018 г. по июнь 2024 г. приняли участие 117 обучающихся БФУ им. И. Канта, сред-

¹ «Янтарный Марафон» на занятиях по английскому языку в БФУ им. И. Канта // БФУ. 22.01.2018. URL: <https://kantiana.ru/news/yantarnyy-marafon-na-zanyatiyakh-po-angliyskomu-yazyku-v-bfu-im-i-kanta/> (дата обращения: 08.06.2024).

² Собираем байки: Ты калининградец, если... // Клопс. 14.09.2010. URL: <https://klops.ru/news/obschestvo/32355-sobiraem-bayki-ty-kaliningradets-esli> (дата обращения: 08.06.2024).

ний возраст которых составил 20 лет. Презентация полученных результатов осуществляется посредством применения дескриптивного метода.

Результаты исследования

Янтарь, являясь главным природным ресурсом Калининградской области, находит яркое отражение в региональных ономастических единицах, несущих «культурные смыслы» и «ценностные представления» о локации [2, с. 198] и способствующих воссозданию облика их «номинаторов (назывателей), обладавших в конкретное время определенным стереотипом мышления, социальным опытом, а также существовавшими коммуникативными установками» [18, с. 8]. Анализ показывает, что онимы, составляющие эмпирическую базу настоящего исследования, относятся либо к янтарной отрасли, связанной с добычей и переработкой янтаря, либо к отраслям, не имеющим отношения к янтарной индустрии.

Показательно, что частотность онимов «неянтарного» кластера составляет 82 % от общего количества зафиксированных отапельлятивных онимов, что практически в 4,5 раза превышает частотность онимов «янтарного» кластера, на долю которых приходится лишь 18 % соответственно. Данный факт подтверждает тезис о том, что онимы, являющиеся продуктом онимизации апеллятива *янтарь*, служат маркерами региональной идентичности, поскольку они несут в себе «лингвокультурную информацию о регионе» и отражают «типизированное представление жителей о нем, его особенностях, значимых событиях истории и людях, а также о местной социокультурной и экономической сфере» [1, с. 205]. Рассмотрим онимы выявленных кластеров подробнее.

«Янтарный» кластер. «Янтарный» кластер представлен 19 тезоимёнными эмпоронимами *Янтарь*, именующими розничные магазины, владельцы которых «не обнаруживают больших ономастических амбиций» [8, с. 182], прибегая к прямой отоъектной номинации, мотивированной продаваемым товаром. Характерной особенностью указанных эмпоронимов является их явно выраженная информативность, очевидная «не только для номинаторов или местных уроженцев, но и для стороннего реципиента» [1, с. 205].

«Неянтарный» кластер. «Неянтарный» кластер в исследовательском корпусе представлен 85 онимами *Янтарь*, к которым принадлежат ныне действующие региональные объекты, а также объекты, которые в разное время функционировали на территории Калининградской области, но прекратили свою деятельность ввиду различных причин. Данные онимы образованы символическим способом номинации, не учитывающим свойства номинируемых объектов. Их отличительными качествами являются безотносительность к денотату, немо-

тивированность и неинформативность. Рассматриваемые онимы построены по модели «описательный номенклатурный индикатор + онимизированный апеллятив *янтарь*». Причем сигнификативно-номинативно-дефинитивную функцию выполняет именно термин-индикатор, без помощи которого установить вид деятельности, стоящий за соответствующим онимом *Янтарь*, не представляется возможным, например: *Авиакомпания «Янтарь»*, *Ателье «Янтарь»*, *Охранное предприятие «Янтарь»*, *Хоккейный клуб «Янтарь»* и др.

Подавляющее большинство онимов «неянтарного» кластера представляют эргонимы (имена собственные организаций, предприятий, учреждений и заведений), частотность которых в рассматриваемом кластере равна 78 %.

Чрезвычайно популярным имя *Янтарь* оказывается в жилищно-строительной отрасли, а также в сфере управления недвижимостью и содержания жилья. В исследовательском корпусе имеется 25 эргонимов *Янтарь*, относящихся к таким объектам, как строительные фирмы и компании, строительномонтажное управление, жилищно-строительные кооперативы, проектно-конструкторские бюро, жилой комплекс, товарищества собственников жилья, жилищно-эксплуатационный участок.

Достаточно продуктивной для эргонима *Янтарь* является сфера, связанная с физической культурой и спортом, которая представлена девятью объектами, включающими спортивный комплекс, детско-юношескую спортивную школу, спортивный клуб единоборств, спортивно-технический клуб, региональную спортивную школу рукопашного боя, федерацию футбола инвалидов, хоккейный клуб, фитнес-клуб, надувной аквапарк.

Специфичной для эргонима *Янтарь* оказывается сельскохозяйственная тема, зафиксированная применительно к трем садоводческим некоммерческим товариществам, дачному некоммерческому товариществу и четырем фермерским хозяйствам. В сфере промышленного производства имя *Янтарь* присвоено судостроительному заводу, машиностроительному предприятию, веломотозаводу и компании, связанной с передачей электроэнергии.

Четыре эргонима *Янтарь* актуализируются в транспортной сфере, именуя авиакомпанию, автотранспортное предприятие, такси и фирму, специализирующуюся на торговле автомобильными деталями. К онимам транспортной сферы примыкают также названия трех гаражных потребительских обществ.

Трижды название *Янтарь* употребляется применительно к финансовой сфере. Это коммерческий банк, межбанковская фондовая биржа и кредитно-кассовый офис Альфа-Банка.

В сфере гостеприимства эргоним *Янтарь* зафиксирован по отношению к двум гостиницам и

санаторию, один из корпусов которого также именуется *Янтарь*, а в сфере общественного питания именем *Янтарь* отмечены два эргонима, являющиеся трапезонимами, которые обозначают собственные имена бистро и ресторана фастфуда, а также эргоним, относящийся к компании по доставке продуктов питания ресторанам и населению. Три эргонима представляют досуговую сферу, номинируя дворец творчества детей и молодежи, кинотеатр и цирк.

Единичные эргонимы *Янтарь* именуют ателье по пошиву женской одежды, охранный предприятие, бюро пропусков, страховую компанию, сервисный центр, центр маркировки и международный центр правовой помощи.

Наряду с вышерассмотренными эргонимами в исследовательской базе также имеются омонимичные онимы *Янтарь*, принадлежащие к другим ономастическим разрядам. Так, три онима *Янтарь* относятся к порейонимам, обозначающим собственное имя поезда, имя океанографического исследовательского судна и имя электромобиля.

Гемеронимы представляют телевизионную и радиовещательную компанию, а также рекламное информационное агентство.

В плане экспликации региональной идентичности показателен ойкодомоним *Янтарь*, присвоенный Государственной резиденции управления делами Президента Российской Федерации.

В эмпирическом корпусе настоящего исследования присутствует также метафорический (ассоциативно-символический) фелисоним *Янтарь*, который гости Янтарного края выбрали в качестве имени для «усыновленного» ими рыжего калининградского котенка³. Данный пример, на наш взгляд, служит прямым доказательством того, что янтарь представляет устойчивый символ региональной уникальности, ярким воплощением которой являются ономастические средства.

Особенности функционирования региональных онимов *Янтарь*. Проведенный анализ показывает, что для региональных онимов, образованных в результате онимизации апеллатива *янтарь*, характерно не только многообразие означаемых денотатов, но и их разномасштабность, заключающаяся в способности именовать как значимые регионообразующие объекты, так и многочисленные компании и фирмы, относящиеся к сфере малого бизнеса.

Среди знаковых региональных объектов выделяется *Прибалтийский судостроительный завод «Янтарь»*, производящий современные боевые корабли и гражданские суда, который был образован в 1945 г. и для которого представители первого поколения советских жителей Калининградской

области выбрали имя-символ, репрезентирующий «гений места» [19, с. 189]. С 1961 г. «визитной карточкой» Калининградской области за ее пределами служит *Фирменный поезд «Янтарь»*, ежедневно курсирующий по маршруту «Калининград – Москва – Калининград». С 1972 г. предлагает отдых и лечение местным жителям и гостям области *Санаторий «Янтарь»* (в 2020 г. вошедший в сеть санаториев «AZIMUT Здоровье»), расположенный в курортном городе Светлогорске. Открывшаяся в Пионерском в 2011 г. *Государственная резиденция управления делами Президента Российской Федерации «Янтарь»* функционирует не только для приема первых лиц государства, но и выступает площадкой для проведения международных встреч на высшем уровне.

Симптоматично, что на момент написания настоящей статьи (июнь 2024 г.) из 104 ономастических единиц, составляющих исследовательский корпус, лишь 58 % (60 онимов) именовали действующие объекты в ономастиконе Калининградской области. Остальные 42 % (44 онима) относились к объектам, которые в федеральном реестре ЕГРИЛ/ЕГРИП значились как реорганизованные и ликвидированные либо находящиеся в стадии банкротства и проходящие процедуру конкурсного производства. Выявленный факт дает основание для утверждения о динамичности функционирования апеллятивных онимов *Янтарь* в ономастиконе Калининградской области, а также о том, что проблема возможной избыточности названий *Янтарь* получает экстралингвистическое урегулирование.

Обращает на себя внимание то, что применительно к реорганизованным и получившим новые собственные имена предприятиям оним *Янтарь* остается фактом их ономастической биографии. Примерами таких объектов являются *Государственная телевизионная и радиовещательная компания (ГТРК) «Янтарь»*, созданная в 1992 г. и переименованная в ГТРК «Калининград» в процессе реорганизации в 2006 г., а также *Свободная экономическая зона «Янтарь»* (1991 г. создания), утратившая силу в связи с принятием Федерального закона «Об Особой экономической зоне в Калининградской области» в 2006 г.

Вместе с тем имеющийся в исследовательском корпусе эмпирический материал свидетельствует и об ономастической активности онима *Янтарь*, присваиваемого номинаторами вновь создаваемым объектам, что наглядно видно на примере калининградского *Бистро «Янтарь»*, открывшего свои двери посетителям в 2022 г., и на примере *Электромобиля «Янтарь»*, производство которого было

³ Знакомьтесь, это наш Янтарь с берегов Балтийского моря // Кот растёт. 25.03.2023. URL: <https://vk.com/wall-152141431?q=Знакомьтесь%2С%20это%20наш%20Янтарь%20с%20берегов%20Балтийского%20моря> (дата обращения: 08.06.2024).

запущено на калининградском заводе «Автотор» в 2023 г. Ярким показателем ономастической активности онима *Янтарь*, одновременно эксплицирующим преемственность поколений, служит *Океанографическое исследовательское судно «Янтарь»*, заложенное потомками первых калининградских корабелов в день 65-летия *Прибалтийского судостроительного завода «Янтарь»* и введенное в эксплуатацию к 70-летию юбилею завода в 2015 г.

Потенциал ономастической активности онима *Янтарь*. Изучение возможной ономастической активности отапельлятивного онима *Янтарь* в ономастиконе Калининградской области велось с помощью опроса первокурсников и второкурсников БФУ им. И. Канта, обучающихся на биологических специальностях и направлениях. Анкета включала два вопроса открытого типа:

– Согласны ли Вы с тем, что в Калининградской области имя «Янтарь» может использоваться для наименования объектов, не связанных с добычей, обработкой, продажей и популяризацией янтаря?

– Какие три объекта (предприятия, компании, учреждения, заведения, фирмы, мероприятия и др.), не имеющие прямого отношения к янтарной отрасли, могут носить имя «Янтарь»?

Полученные результаты оказались вполне очевидными. Лишь 24 % опрошенных (28 респондентов) безоговорочно отвергли идею использования названия *Янтарь* для обозначения объектов, непосредственно не связанных с производством и продажей янтарных изделий. Приведем некоторые из высказанных аргументов, в которых прочитывается неподдельная обеспокоенность молодых людей проблемой формирования положительного имиджа Калининградской области в глазах местных жителей, гостей и туристов: «Понимаю, что янтарь – один из символов Калининграда, но называть любое предприятие именем “Янтарь” в нынешнее время считаю в некоторой степени атавизмом»⁴; «Не понимаю тягу называть “Янтарь” и “Кант” все подряд, это обесценивает символы Калининграда»; «Не нужно перебарщивать с названием “Янтарь”. Если таких мест станет слишком много, то это может отпугнуть посетителей и туристов».

Подавляющее большинство респондентов оказалось менее категоричным, указав три вида региональных объектов, которым может быть присвоено имя *Янтарь*. Абсолютным лидером стал такой эргообъект, как кинотеатр (38 упоминаний), что имеет особый исторический символизм, поскольку именно *Кинотеатр «Янтарь»* стал первым крупным объектом, который был сооружен строителями в курортном городе Зеленоградске в 1965 г. и который на протяжении долгого времени оставался

центром притяжения местных жителей и туристов, но постепенно перестал им быть и прекратил свое существование.

Далее, согласно проведенному опросу, объектами с именем *Янтарь* могли бы стать торговый центр (33 упоминания), ресторан (28 упоминаний), гостиница (26 упоминаний) и туристическое агентство (24 упоминания). Более пяти раз упоминаются библиотека, детский сад, летний лагерь, магазин канцтоваров, мебельный магазин, пекарня и салон. Третье упоминание получили строительная компания, агентство недвижимости, клуб аквалангистов, магазин по продаже товаров местного производства, театр и яхт-клуб.

Показательно, что некоторые респонденты попытались найти ассоциативно-метафорическую связь возможного объекта номинации со свойствами янтаря, предложив присвоить имя *Янтарь* гончарной студии («оттенки глины схожи с оттенками янтаря»), карамельному мороженому («карамель похожа на янтарь»), кофейне («янтарный цвет кофе»), магазину или ярмарке меда («по сходству цвета меда с цветом янтаря»), магазину люстр и светильников («свет теплый как янтарь»), огненно-му шоу («по ассоциации с теплом солнечного камня»), оптике и магазину солнцезащитных очков («потому, что янтарь пропускает свет, красиво его рассеивая»), пивоварне («пиво янтарного цвета»), солярию («янтарный цвет кожи»), фабрике обогревателей («янтарь – теплый камень»), чайному бару («янтарный цвет чая»), яблочному соку («сходство по цвету») и др.

В ответах респондентов приводятся также весьма неожиданные объекты: автосалон, автомойка, агентство праздников, аптека, баня, барахолка, ветеринарная клиника, зоомагазин, коворкинг, книжное издательство, квест-комната, караоке-бар, каток, конный клуб, лесопилка, магазин бытовой техники, магазин товаров для творчества, магазин электроники, маяк, маркетплейс, медицинский центр, мясная лавка, парк аттракционов, патристический клуб, стеклодувная мастерская, пиццерия, прачечная, спортивная команда, суши-бар и др.

Итак, обратная связь, полученная от респондентов, дает основание для утверждения о незамкнутом ономастическом потенциале отапельлятивного онима *Янтарь*, который может быть присвоен практически любому объекту без каких-либо ограничений.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов:

– янтарь, представляя основной природный ресурс Калининградской области, служит маркером

⁴ Здесь и далее сохраняется авторский стиль и орфография респондентов.

региональной идентичности, одним из воплощений которой выступают региональные ономастические единицы;

– онимизация апеллятива *янтарь* является устойчивым ономообразовательным процессом в ономастике Калининградской области, в результате которого образуются онимы, относящиеся не только к янтарной отрасли, но и к широкому спектру объектов, не имеющих прямого отношения к добыче, переработке, продаже и популяризации янтаря;

– «янтарный» кластер актуализирует тезоименные эмпоронимы, которые образуются прямым способом номинации и характеризуются прямой связью с денотатом, абсолютной мотивированностью и информативностью, тогда как «неянтарный» кластер включает омонимичные онимы различных ономастических разрядов, представленных эргонимами (включая эмпоронимы и трапезонимы), гемеронимами, порейонимами, единичными ойкодомонимом и фелисонимом, которые образуются символическим способом номинации и характеризуются безотносительностью к денотату, немотивированностью и неинформативностью в случае употребления без номенклатурного индикатора;

– отапельлятивный оним *Янтарь* в ономастике Калининградской области представляет собой продуктивное имиджевое имя-символ, специфическими особенностями которого являются многообразие означаемых денотатов и их разномасштабность (включающаяся в способности онима *Янтарь* именовать как значимые регионообразующие объекты, так и объекты, относящиеся к сфере малого бизнеса), динамичность функционирования, ономастическая активность, незамкнутый ономастический потенциал.

Результаты, полученные в ходе настоящего исследования, согласуются с выводами других ученых-ономатологов о том, что «для каждого региона

нашей страны характерна относительная частотность употребления тех или иных ономастических единиц» [20, с. 191], и о существовании «удобных» для символической номинации онимов (состоящих из одного слова и не имеющих ярко выраженной внутренней формы), которые могут «потенциально применяться в любой сфере человеческой деятельности по отношению к эргообъекту любого типа» [21, с. 162, с. 164].

Перспектива дальнейших исследований состоит в детальном описании янтарного кода ономастического пространства Калининградской области. Необходимо изучить сложные и составные онимы с компонентом *янтарь*, многочисленные онимы, включающие производные от апеллятива *янтарь*, а также онимы, образованные на основе иноязычных апеллятивов. Продолжение изучения «янтарных» ономастических единиц является актуальным в аспекте лингвокраеведения и может способствовать распространению «гражданско-патриотических знаний в обществе ономастическими средствами» [22, с. 63], повышению эрудиции, увеличению словарного запаса и развитию речи обучающихся [4, с. 185]. В плане сказанного уместно завершить настоящую статью суждением о янтаре доктора философских наук В. А. Чалого в ходе работы комиссии по выбору названия для светлогорского театра эстрады, построенного в 2015 г.: «Во влечении к янтарию не вижу ничего плохого. Наоборот, хорошо, что никакой лишней смысловой нагрузки этот символ не несет. В нем любовь к своей земле, в которой янтарь скрывается до поры, к морю, которое выбрасывает янтарь на берег, к солнцу, на которое янтарь похож цветом. Очень правильная, древняя, глубокая и жизнеутверждающая форма патриотизма выражена в этом символе»⁵.

Список источников

1. Разумов Р. В., Горяев С. О. Трансляция региональной идентичности в урбанонимии российских городов: современное состояние // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17, № 2. С. 201–219. doi: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.024
2. Кривошапова Ю. А., Горяев С. О. «Каменные» улицы Екатеринбурга // Вопросы ономастики. 2022. Т. 19, № 2. С. 197–207. doi: 10.15826/vopr_onom.2022.19.2.023
3. Голомидова М. В., Дмитриева А. В. Отражение территориальной идентичности в топонимическом ландшафте малых городов Урала // Вопросы ономастики. 2023. Т. 20, № 2. С. 144–173. doi: 10.15826/vopr_onom.2023.20.2.019
4. Захарова Л. А., Нестерова Н. Г., Старикова Г. Н. Аспекты изучения топонимической системы города Томска // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 277. С. 177–185.
5. Старикова Г. Н., Захарова Л. А., Иванцова Е. В. История названий томских улиц. Томск: Д-Принт, 2012. 367 с.
6. Голомидова М. В. Городские топонимы в аспекте трансляции региональной идентичности: кейс города Уфы // Вопросы ономастики. 2022. Т. 19, № 1. С. 160–179. doi: 10.15826/vopr_onom.2022.19.1.008
7. Голомидова М. В., Горяев С. О. Топонимический ландшафт Шадринска в аспекте региональной и локальной идентичности: социолингвистическое исследование // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 10. С. 28–48. doi: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-28-48
8. Шмелёва Т. В. Великий Новгород: ономастический портрет. Великий Новгород: ТПК «Печатный Двор», 2020. 288 с.

⁵ «От янтара уже тошнит»: эксперты о названии Театра эстрады // Калининградский деловой портал RUGRAD. 24.04.2015. URL: <https://rugrad.online/afisha/news/ot-yanarya-uzhe-toshnit-eksperty-o-nazvanii-teatra-estrady/> (дата обращения: 08.06.2024).

9. Шушарина Г. А. Экспликация региональной идентичности Комсомольска-на-Амуре в региональном ономастическом пространстве // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2016. Вып. 2 (167). С. 76–80.
10. Назукина М. В. Эргонимы как маркеры территориальных идентичностей Перми // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2019. № 2. С. 63–69. doi: 10.7242/2658-705X/2019.2.7
11. Хохлова А. А. Эргонимы Самарской области с региональным компонентом // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 77–3. С. 66–69. doi: 10.18411/trnio-09-2021-95
12. Багирова Е. П., Гаврикова Э. О. Языковой имидж современного города (на материале топонимов и эргонимов г. Тюмень) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2015. Т. 1, № 4. С. 43–55.
13. Петешова О. В. Переименования природных объектов в Калининградской области // Вопросы ономастики. 2023. Т. 20, № 1. С. 167–182. doi: 10.15826/vopr_onom.2023.20.1.010
14. Шкапенко Т. М., Зубрицкая Е. В. Гибридные номинации в лингвистическом ландшафте г. Калининграда // Мир русского слова. 2021. № 4. С. 4–13.
15. Острове́рхая И. В., Андреева Н. В., Егорова И. Р. Опыт интеграции краеведческого компонента в обучение английскому языку в нелингвистическом вузе // Вестник педагогических инноваций. 2019. № 4 (56). С. 71–77.
16. Щербак А. С. Ономастическая составляющая современного филологического образования в лингвокультурологическом аспекте // Лингвокультурологическая составляющая современного филологического образования: материалы Всерос. научно-практ. конф. Тула, 29 октября 2021 года. Тула: Ин-т повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования Тульской области, 2021. С. 98–106.
17. Матвеев А. К. Апология имени // Вопросы ономастики. 2004. № 1. С. 7–13.
18. Мезенко А. М. Урбанонимный континуум как упорядоченное семантическое пространство: содержание, особенности организации // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. науч. ст. к юбилею доктора филол. наук, профессора А. М. Мезенко. Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2023. С. 7–13.
19. Голомидова М. В. Современная урбанонимическая номинация: стратегические подходы и практические решения // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14, № 3. С. 185–203. doi: 10.15826/vopr_onom.2017.14.3.029
20. Щербак А. С. Ономастика и краеведение // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований: коллективная монография памяти заслуженного деятеля науки Республики Адыгея и Кубани, профессора Розы Юсуфовны Намитковой / науч. ред. В. И. Супрун, С. В. Ильясова. Майкоп: Магарин Олег Григорьевич, 2017. С. 184–200.
21. Горяев С. О. Астронимы в эрго- и прагматонимии // В созвездии слов и имен: сб. научных ст. к юбилею Марии Эдуардовны Рут. Екатеринбург: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2017. С. 155–168.
22. Щербак А. С. Формирование гражданско-патриотических знаний ономастическими средствами // Молодежь и социум. 2013. № 2 (14). С. 63–68.

References

1. Razymov R. V., Goryaev S. O. Translyatsiya regional'noy identichnosti v urbanonimii rossiyskikh gorodov: sovremennoye sostoyaniye [Manifestation of regional identity in contemporary Russian urbanonymy]. *Voprosy onomastiki – Problems of Onomastics*, 2020, vol. 17, no. 1 (10), pp. 51–62 (in Russian). doi: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.024
2. Krivoshchapova Yu. A., Goryaev S. O. «Kamennyye» ulitsy Yekaterinburga [“Stone” streets of Ekaterinburg]. *Voprosy onomastiki – Problems of Onomastics*, 2022, vol. 19, no. 2, pp. 197–207 (in Russian). doi: 10.15826/vopr_onom.2022.19.2.023
3. Golomidova M. V., Dmitrieva A. V. Otrazheniye territorial'noy identichnosti v toponimicheskom landshafte malykh gorodov Urala [Reflection of territorial identity in the toponymic landscape of small Ural towns]. *Voprosy onomastiki – Problems of Onomastics*, 2023, vol. 20, no. 2, pp. 144–173 (in Russian). doi: 10.15826/vopr_onom.2023.20.2.019
4. Zakharova L. A., Nesterova N. G., Starikova G. N. Aspekty izucheniya toponimicheskoy sistemy goroda Tomsk [Aspects of studying the toponymic system of the city of Tomsk]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2003, no. 277, pp. 177–185 (in Russian).
5. Starikova G. N., Zakharova L. A., Ivantsova Ye. V. *Istoriya nazvaniy tomskikh ulits* [History of the names of Tomsk streets]. Tomsk, D-Print Publ., 2012. 367 p. (in Russian).
6. Golomidova M. V. Gorodskie toponimy v aspekte translyatsii regional'noy identichnosti: keys goroda Ufy [Urban toponymy as a means of manifesting regional identity: the case of Ufa city]. *Voprosy onomastiki – Problems of Onomastics*, 2022, vol. 19, no. 1, pp. 160–179 (in Russian). doi: 10.15826/vopr_onom.2022.19.1.008
7. Golomidova M. V., Goryaev S. O. Toponimicheskii landshaft Shadrinsk v aspekte regional'noy i lokal'noy identichnosti: sotsiolingvisticheskoye issledovaniye [Toponymic landscape of Shadrinsk in aspect of regional and local identity: a sociolinguistic study]. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*, 2023, no. 12 (10), pp. 28–48 (in Russian). doi: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-28-48
8. Shmeleva T. V. *Velikiy Novgorod: onomasticheskiy portret* [Veliky Novgorod: onomastic portrait]. Veliky Novgorod, TPK “Pechatny Dvor” Publ., 2020. 288 p. (in Russian).
9. Shusharina G. A. Eksplikatsiya regional'noy identichnosti Komsomol'ska-na-Amure v regional'nom onomasticheskom prostranstve [Regional identity explication in regional onomastic space of Komsomolsk-on-Amur]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2016, vol. 2 (167), pp. 76–80 (in Russian).

10. Nazukina M. V. Ergonimy kak markery territorial'nykh identichnostey Permi [Ergonyms as markers of Perm territorial identities]. *Vestnik Permskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra – Perm Federal Research Centre Journal*, 2019, no. 2, pp. 63–69 (in Russian). doi: 10.7242/2658-705X/2019.2.7
11. Khokhlova A. A. Ergonimy Samarskoy oblasti s regional'nym komponentom [The Samara Region's ergonyms with a regional component]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya – Trends in the development of science and education*, 2021, no. 77–3, pp. 66–69 (in Russian). doi: 10.18411/trnio-09-2021-95
12. Bagirova E. P., Gavrikova E. O. Yazykovoy imidzh sovremennogo goroda (na materiale godonimov i ergonimov g. Tyumen') [Linguistic image of a modern city (the study of toponyms and ergonyms of Tyumen city)]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya. Humanitates – Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 2015, vol. 1, no. 4, pp. 43–55 (in Russian).
13. Peteshova O. V. Pereimenovaniya prirodnykh ob'yektov v Kaliningradskoy oblasti [Renaming of natural features in the Kaliningrad Region]. *Voprosy onomastiki – Problems of Onomastics*, 2023, vol. 20, no. 1, pp. 167–182 (in Russian). doi: 10.15826/vopr_onom.2023.20.1.010
14. Shkapenko T. M., Zubritskaya E. V. Gibridnyye nominatsii v lingvisticheskom landshafte g. Kaliningrada [Hybrid nominations in the linguistic landscape of Kaliningrad]. *Mir russkogo slova – World of the Russian Word*, 2021, no. 4, pp. 4–13 (in Russian).
15. Ostroverkhaya I. V., Andreeva N. V., Egorova I. R. Opyt integratsii krayevedcheskogo komponenta v obucheniye angliyskomu yazyku v nelingvisticheskom vuze [The experience of local lore component integration into teaching English to non-linguists at university]. *Vestnik pedagogicheskikh innovatsiy – Journal of Pedagogical Innovations*, 2019, no. 4 (56), pp. 71–77 (in Russian).
16. Shcherbak A. S. Onomasticheskaya sostavlyayushchaya sovremennogo filologicheskogo obrazovaniya v lingvokul'turologicheskoy aspekte [Onomastic component of modern philological education in the linguoculturological aspect]. *Lingvokul'turologicheskaya sostavlyayushchaya sovremennogo filologicheskogo obrazovaniya: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Tula, 29 oktyabrya 2021 goda* [Linguoculturological component of modern philological education: Materials of the All-Russian scientific and practical conference, Tula, October 29, 2021]. Tula, Institute for Advanced Training and Professional Retraining of Education Workers of the Tula Region Publ., 2021. Pp. 98–106 (in Russian).
17. Matveyev A. K. Apologiya imeni [Apology of name]. *Voprosy onomastiki – Problems of Onomastics*, 2004, no. 1, pp. 7–13 (in Russian).
18. Mezenko A. M. Urbanonimnyy kontinuum kak uporyadochennoye semanticheskoye prostranstvo: sodержaniye, osobennosti organizatsii [Urbanonymous continuum as an ordered semantic space: content, features of organization]. *Regional'naya onomastika: problemy i perspektivy issledovaniya: sbornik nauchnykh statey k yubileyu doktora filologicheskikh nauk, professora A. M. Mezenko* [Regional onomastics: problems and prospects for re-search: Collection of scientific articles for the anniversary of Doctor of Philology, Professor A. M. Mezenko]. Vitebsk, Vitebsk State University named after P. M. Masherov Publ., 2023. Pp. 7–13 (in Russian).
19. Golomidova M. V. Modern urban naming practices: strategic approaches and practical solutions. *Voprosy onomastiki – Problems of Onomastics*, 2017, vol. 14, no. 3, pp. 185–203 (in Russian). doi: 10.15826/vopr_onom.2017.14.3.029
20. Shcherbak A. S. Onomastika i krayevedeniye [Onomastics and local history]. *Teoriya i praktika onomasticheskikh i derivatologicheskikh issledovaniy: kollektivnaya monografiya pamyati zaslužennogo deyatelya nauki Respubliki Adygeya i Kubani, professora Rozy Yusufovny Namitokovoy. Nauchnyye redaktory V. I. Suprun, S. V. Il'yasova* [Theory and practice of onomastic and derivatological research: Collective monograph in memory of the Honored Scientist of the Republic of Adygea and Kuban, Professor Rosa Yusufovna Namitokova. Scientific editors V. I. Suprun, S. V. Il'yasova]. Maykop, Magarin Oleg Grigorievich Publ., 2017. Pp. 184–200 (in Russian).
21. Goryaev S. O. Astronimy v ergo- i pragmatonimii [Astronyms in ergo- and pragmatonymy]. *V sozvezdii slov i imon: sbornik nauchnykh statey k yubileyu Marii Eduardovny Rut* [In the constellation of words and names: a collection of scientific articles for the anniversary of Maria Eduardovna Ruth]. Ekaterinburg, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin Publ., 2017. Pp. 155–168 (in Russian).
22. Shcherbak A. S. Formation of civil and patriotic knowledge by means of onomastics. *Molodezh' i sotsium – Youth and society*, 2013, no. 2 (14), pp. 63–68 (in Russian).

Информация об авторе

Островерхая И. В., доцент, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (ул. А. Невского, 14, Калининград, Российская Федерация, 236041).

E-mail: iostroverkhaya@kantiana.ru. ORCID: 0000-0001-9144-0084. Author ID: 973247. Researcher ID: M-4968-2018. SPIN-код: 8515-1181.

Information about the author

Ostroverkhaya I. V., Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University (ul. Nevskogo, 14, Kaliningrad, Russian Federation, 236041).

E-mail: iostroverkhaya@kantiana.ru. ORCID: 0000-0001-9144-0084. Author ID: 973247. Researcher ID: M-4968-2018. SPIN-code: 8515-1181.

Статья поступила в редакцию 17.07.2024; принята к публикации 29.11.2024

The article was submitted 17.07.2024; accepted for publication 29.11.2024

УДК 811.161.1'38'42:316.454:654.197

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-54-62>

Ценностные доминанты и средства их репрезентации в медиадискурсе программы «Очень личное» на канале «Открытое телевидение России»

Нина Сергеевна Болотнова

*Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, nsb@tspu.edu.ru,
0000-0003-4655-5194*

Аннотация

Изучение аксиосферы и средств ее репрезентации относится к актуальным проблемам современной лингвистики. Особенно это касается изучения медиакоммуникации в связи с коммуникативно-когнитивной научной парадигмой и медийным вектором развития русистики. Анализ ценностных доминант в дискурсах публичных личностей представляет интерес как объект восприятия массового адресата и воздействия на него. Цель статьи – выявить языковую репрезентацию ценностных доминант участников авторской телевизионной программы Виктора Лошака «Очень личное» на канале «Общественное телевидение России», учитывая структуру, содержание и прагматику медиадискурса программы. Исследование дискурсивных практик гостя и ведущего опирается на теорию регулятивности, разработанную в коммуникативной стилистике текста, включает использование дискурсивного и семантико-стилистического анализа. В качестве материала исследования используется выпуск программы «Очень личное» на канале «ОТР» с участием народного артиста СССР Владимира Васильева. Среди средств репрезентации ценностной картины мира личности выделены эксплицитные и имплицитные, лингвистические и экстралингвистические, включая невербальное поведение. К характерным для дискурса участников программы «Очень личное» лингвистическим регулятивным средствам и структурам, имеющим коммуникативно-прагматический эффект, относятся: мелиоративная оценочная лексика, стилистические приемы повтора, градации, антитезы, синтаксический параллелизм, риторические вопросы и восклицания, проясняющие ценностную картину мира гостя и журналиста. В дискурсе гостя отмечено употребление смысловых текстовых парадигм синонимического типа, актуализирующих ценностные доминанты личности, прежде всего полную самоотдачу в творчестве. Эксплицитная регулятивная стратегия усилительно-конвергентного типа в дискурсах Владимира Васильева и ведущего авторской программы позволяет формировать у адресата целостное представление об их ценностях и предпочтениях. Среди экстралингвистических средств репрезентации ценностной картины мира рассмотрены жесты и мимика, взгляд, внешний облик и обстановка общения участников передачи. Под ценностными доминантами в дискурсе языковой личности понимается сопряженность различных языковых и неязыковых сигналов, усиливающих прямо или косвенно ценностные смыслы, важные для личности и характерные для нее. Установлено, что выявленные в исследовании регулятивные средства и структуры репрезентируют ценностные смыслы гостя программы: полную самоотдачу в творчестве, служение обществу, верность любимому делу, честность, скромность, любовь, искренность, желание дарить радость и др. Многочисленные комментарии слушателей и зрителей программы подтверждают, что именно эти ценностные доминанты были восприняты аудиторией. Использование теории регулятивности позволяет конкретизировать особенности репрезентации ценностной картины мира участников медиакоммуникации, что было продемонстрировано на примере авторской программы «Очень личное» Виктора Лошака на Общественном телевидении России. Полученные наблюдения представляют интерес для аксиологической лингвистики, медиалингвистики, теории и практики речевой коммуникации.

Ключевые слова: *ценностная картина мира, ценностные доминанты, коммуникативная стилистика, регулятивные средства, регулятивные структуры, регулятивная стратегия, медиадискурс, Виктор Лошак, Владимир Васильев*

Для цитирования: Болотнова Н. С. Ценностные доминанты и средства их репрезентации в медиадискурсе программы «Очень личное» на канале «Открытое телевидение России» // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 1 (237). С. 54–62. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-54-62>

Value dominants and means of their representation in the media discourse of the program «Very personal» on the channel «Open Television of Russia»

Nina S. Bolotnova

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, nsb@tspu.edu.ru, 0000-0003-4655-5194

Abstract

The study of axiological sphere and means of its representation is one of the up-to-date problems of linguistics. This is especially true for the study of media communication in view of the communicative-cognitive scientific paradigm and the media vector of Russian studies' development. The interpretation of value dominants in the discourses of public personalities is of interest as an object of perception of the mass addressee and influence on him. The aim of the article is to define language representation of value dominants of the participants of the author program "Very personal" on the channel "Open Television of Russia", taking into account the structure, content and pragmatics of the media discourse of the program. The study of discursive practices of the guest and the host is based on the theory of regulation, developed in the communicative stylistics of the text. This study includes the use of discursive and semantic-stylistic analysis. The material of the study is the release of the program "Very personal" on the channel "OTR" with the participation of People's Artist of the USSR Vladimir Vasiliev. The means of representing the value picture of the world of a person are the following: explicit and implicit, linguistic and extralinguistic, including non-verbal behavior. The characteristic linguistic regulatory means and structures of the discourse of the participants of the "Very Personal" program, which have a communicative-pragmatic impact, include: melioration evaluative vocabulary, stylistic devices of repetition, gradation, antithesis, syntactic parallelism, rhetorical questions and exclamations, making clear the value picture of the world of the guest and the journalist. The guest's discourse is characterized by the usage of semantic text paradigms of the synonymous type, actualizing the value dominants of the personality, first of all, *complete dedication in creative work*. The explicit regulatory strategy of the intensifying-convergent type in the discourses of Vladimir Vasiliev and the host of the author's program allows the recipient to form an integral idea of their values and preferences. Gestures and facial expressions, look, appearance and communication environment of the program participants as the extralinguistic means of representing the value picture of the world are considered. We interpret value dominants in the discourse of a language personality as the conjugation of various linguistic and non-linguistic signals that directly or indirectly intensify value meanings that are important to the personality and characteristic of it. It was determined that the regulatory means and structures represent the value meanings of the program guest: *complete dedication to creative work, service to society, loyalty to a lifework, honesty, modesty, love, sincerity, the desire to give joy*, etc. Numerous comments from listeners and viewers of the program confirm that these value dominants were perceived by the audience. The regulatory theory's use allows to specify the peculiarities of the representation of the value picture of the world of media communication participants, which was demonstrated using the example of the author's program "Very Personal" by Viktor Loshak on Public Television of Russia. The results of analysis are of interest for axiological linguistics, media linguistics, theory and practice of speech communication.

Keywords: value picture of the world, value dominants, communicative stylistics, regulatory means, regulatory structures, regulatory strategy, media discourse, Viktor Loshak, Vladimir Vasiliev

For citation: Bolotnova N. S. Tsennostnye dominanty i sredstva ikh reprezentatsii v mediadiskurse programmy «Ochen' lichnoye» na kanale «Otkrytoye televideniye Rossii» [Value dominants and means of their representation in the media discourse of the program "Very personal" on the channel "Open Television of Russia"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 1 (237), pp. 54–62 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-54-62>

Введение

Авторская программа известного журналиста Виктора Лошака на телевизионном канале «Общественное телевидение России» отличается высокой гуманистической направленностью и вызывает интерес тем, что ведущий приглашает к участию в передаче известных общественных деятелей, специалистов из разных сфер, достигших общественного признания и заслуживших всеобщее уважение. В ходе беседы с журналистом уточняются жизненный путь приглашенной публичной личности и ее кредо, «правила жизни», актуальные для общества в целом.

Передача отличается познавательным характером и имеет безусловное воспитательное значение, когда в ненавязчивой форме массовому адресату представляется Личность со свойственной ей ценностной картиной мира, с наглядными примерами служения любимому делу и обществу, выходом из порой сложных обстоятельств, случающихся в жизни каждого человека. Акцентируется то, во что верит человек и что помогает ему жить полноценно и преодолевать все трудности на пути к успеху.

Аксиологический подход к изучению разных видов деятельности, включая профессиональную, образовательную, научную, коммуникативную и

др., был всегда актуальным, но в последние годы приобрел особую значимость в российском обществе.

Аксиосфера привлекала внимание философов [1–5 и др.]; специалистов, исследующих массмедиа [6–10 и др.]; лингвистов [11–16 и др.]. Данным проблемам посвящали свои исследования социологи [17 и др.], культурологи [18 и др.] и литературоведы [19 и др.]. В сфере языкового образования широкую известность получила научная школа Аксиологической методики преподавания русского языка А. Д. Дейкиной [20]. В когнитивной лингвистике и лингвокультурологии в последние годы особое внимание уделяется ценностной картине мира и значимым для формирования нравственных ориентиров в обществе ценностным концептам [11, 16, 18 и др.].

В этом контексте представляется целесообразным рассмотреть ценностные доминанты в современном медиадискурсе в связи с растущей ролью массмедиа в эпоху Интернета и актуальностью проблемы воспитания духовной культуры личности.

Ценностная картина мира «реконструируется в виде взаимосвязанных оценочных суждений, соотносимых с юридическими, религиозными, моральными кодексами, общепринятыми суждениями здравого смысла, типичными фольклорными и известными литературными сюжетами», – считает В. И. Карасик [12, с. 117]. «В ценностной картине мира существуют наиболее существенные для данной культуры смыслы, культурные доминанты...», которые отражаются и сохраняются в языке [там же].

По мнению В. А. Масловой, «ценностью является для человека все, что имеет для него определенную значимость, личностный или общественный смысл» [18, с. 383]. В соотношении понятий «концепт» и «ценность» представляется справедливой точка зрения В. А. Масловой: «Мы можем рассматривать ряд концептов как ценности, и средства их языковой репрезентации (объективации) совпадают, но если языковые знаки представляют концепты в коммуникации, то для ценностей важнее интенция языковой личности, это интерпретационный конструкт» [18, с. 386].

Цель статьи – выявить языковую репрезентацию ценностных доминант участников авторской телевизионной программы Виктора Лошака «Очень личное» на канале «Общественное телевидение России», учитывая структуру, содержание и прагматику медиадискурса программы.

Материал и методы

Исследование опирается на использование методологии коммуникативной стилистики текста с опорой на теорию регулятивности и применение методов дискурсивного и семантико-стилистического анализа.

Теория регулятивности [21, 22 и др.] основана на коммуникативно-деятельностном подходе к тексту и его регулятивности как одному из системных качеств (наряду с информативностью, структурностью, интегративностью [23]), позволяющему «управлять» познавательной деятельностью адресата. Воздействие на адресата происходит на уровне как отдельных элементов текста (регулятивных средств разных типов), так и на уровне регулятивных структур (стилистических приемов, текстовых парадигм разных видов, типов выдвижения). Их использование обусловлено регулятивными стратегиями автора, отражающими творческий замысел, интенцию создателя. Взгляд на текст вообще и медиадискурс, в частности, в аспекте их регулятивности актуален для выявления ценностной картины мира «стоящих» за ними личностей.

Авторская программа «Очень личное» известного журналиста Виктора Лошака на канале «Общественное телевидение России» включает беседу ведущего с интересными собеседниками. Среди них известные деятели науки и искусства, писатели, журналисты и общественные деятели: ректор МГУ Виктор Садовничий, известный ученый Татьяна Черниговская, журналист и издатель, владелец издательского дома «Московский комсомолец» Павел Гусев, Герой Труда врач Марьяна Лысенко и др.

В качестве материала в данной статье анализируется выпуск передачи «Очень личное» 30.12.2023 года с участием народного артиста СССР Владимира Васильева [24].

Результаты исследования

Среди средств репрезентации ценностной картины мира личности в медиадискурсе можно выделить эксплицитные и имплицитные, лингвистические и экстралингвистические, включая невербальное поведение и обстоятельства общения.

Программа журналиста Виктора Лошака гармонично организована: на фоне приятной спокойной музыкальной заставки и названия на экране «Очень личное» появляется ведущий, делающий краткий, но ёмкий анонс: «Это “Очень личное” – программа о принципах и правилах жизни». Жесты и мимика, умный взгляд, спокойная поза автора программы располагают к размышлениям и последующей интересной беседе с гостем. Корректные вопросы, доверительная тональность общения с собеседником, уважение и заинтересованность ведущего создают атмосферу искренности и позволяют гостю чувствовать себя комфортно, рассказывая о себе и о тех, с кем связывала его жизнь. В заключение программы каждый собеседник отвечает на вопрос ведущего о правилах жизни. Эти правила отражают ценностные доминанты человека, то, чем он руководствуется в своей многогранной деятельности.

Средствами выражения ценностных доминант могут быть как явно выраженные суждения личности, так и весь его дискурс: внешний вид, особенности речевого поведения, включая косвенные детали, жесты и мимика, поза, особый эмоциональный стиль и т. д. Таким образом, можно говорить об эксплицитных и имплицитных, лингвистических и экстралингвистических средствах репрезентации ценностной картины мира.

Под ценностными доминантами в дискурсе языковой личности нами понимается сопряженность различных языковых и неязыковых сигналов, усиливающих прямо или косвенно ценностные смыслы, важные для личности и характерные для нее. Это не только и не столько ее декларация о своих ценностях, сколько то, что воспринимается как ценность для данной личности окружающими во всей связанности и целостности разных сигналов, языковых и неязыковых, демонстрирующих внутреннюю сущность человека.

Характерно, что уже в самом представлении ведущим гостя есть интрига, определяющая не только содержание последующей беседы, но и ее прагматику (выдающийся артист балета представлен как поэт и художник): «*Народный артист СССР Владимир Васильев – о балете и о своей новой жизни: поэта и художника*» (здесь и далее материал цитируется по источнику [24]).

Дискурс ведущего включает жанры *приветствия, вопроса, комплимента, просьбы, уточнения, прощания* и отличается метафорическим стилем с использованием различных регулятивных средств и структур (см. об их разных видах в работе [22]), обладающих прагматическим эффектом:

– метафор (ср. вопросы ведущего гостю: *Скажите, а как получилось, что вас жизнь соединила с танцем? То есть, какой бы ты ни был звездой, тебя встраивают в спектакль, а не пишут для тебя?*);

– эпитетов, различных повторов (**Виктор Лошак**: *Потому что это был удивительный дуэт в творчестве. Это была удивительная пара в жизни. Расскажите о ваших отношениях. Как они сложились? Где вы встретились? Ну, это многим, многим было бы интересно*).

Каскад уточняющих вопросов с использованием разговорных средств и конструкций, создающих атмосферу естественности и доверительности беседы с предполагаемым ответом, в сочетании с приемами повтора, градации, антитезы, синтаксического параллелизма в целом характерен для индивидуального стиля Виктора Лошака, как уже было отмечено нами ранее [25]. Ср. пример из беседы с В. Васильевым: **Вот** мне кажется, что великий актер, великий танцовщик выходит на спектакль, как на последний в жизни. Или это все на-

ходится в рамках профессии? **Вот** чем отличается великий от хорошего, отличного? **И тот** умеет столько фруэте, и этот умеет столько фруэте. **И это и то, вот чем отличается?**

Все это демонстрирует искренность и заинтересованность журналиста и влияет на общую эмоциональную тональность беседы.

Что касается дискурса гостя, для него также характерна искренность, свобода и естественность в общении. Об этом можно судить по разговорным конструкциям в речи, включая использование инверсии, разговорной лексики и особой интонации в условиях спонтанного общения: **Владимир Васильев**: *А это «случайность». Это было уже, наверное, я жил на улице Осипенко с мамой и с отцом, которого, кстати, увидел я только после войны, в 1945 году. И в 1947 году, я помню, я гулял во дворе, и мой товарищ по соседнему подъезду, Славка, Славка выходит и говорит: «Ой, Васька! Ты чего делаешь?» Звали меня «Васькой», потому что Васильев. Естественно, вот.*

В качестве регулятивной доминанты в медиадискурсе гостя можно отметить активное использование эпитетов (нами отмечено более 100, из них особенно частным является эпитет *удивительный*, выражающий высшую степень восхищения). Все эпитеты передают высокую оценку и искренние эмоции в характеристике тех, с кем довелось общаться и жить. Сравним примеры: 1) **Владимир Васильев**: *Да. Танцовщица великая. Лучшая, безусловно, танцовщица кубинского балета* (об Алисии Алонсо); 2) **Владимир Васильев**: *Первый состав – был Фадеечев Николай Борисович, потрясающий танцовщик. У него удивительная была, не могу сказать, общая такая органика и все, но направленность как раз на роли благородных принцев, это было во всем! Это была какая-то удивительная, как бы сказать, аристократичность его.*

Приведем еще пример, иллюстрирующий способность В. Васильева видеть в людях только хорошее и ни о ком не говорить плохо, даже если, возможно, были непонимание и сложности во взаимоотношениях: **Владимир Васильев**: *Я даже сейчас вспоминаю: с кем у меня были простые отношения? И, пожалуй, ни с кем, потому что они были всегда сложные, но всегда интересные.*

А с Юрием Николаевичем, я был просто влюблен в творчество Григоровича. Он для меня был царь и Бог! То, что он для меня в то время, когда это начиналось, когда он пришел в Большой театр только-только. Был самым лучшим балетмейстером в мире.

Мы могли друг другу сказать все, что угодно, и никогда у нас не было никаких проблем, не было этой неприязни и нежелания дальше работать вместе. И поэтому все свои первые работы, кото-

рые были сделаны с Юрием Николаевичем, это и «Щелкунчик», это и «Спартак» – **это было полное растворение друг в друге**. Я думаю, что я для него был очень хорошим материалом...

Среди ценностных смыслов гостя передачи «Очень личное» отметим прежде всего **полную самоотдачу в творчестве**, которую он ценил и в других и связывал с представлением о **честности**. Одним из средств выражения данных ценностных смыслов в дискурсе В. Васильева является смысловая лексическая парадигма синонимического типа, связанная с концептом **творчество**. В состав этой смысловой парадигмы в качестве номинаций входят такие определения:

1) **полное растворение друг в друге** (о сотворчестве с Григоровичем);

2) **наполнение балета жизнью** (Владимир Васильев: *Это значит тогда – весь, без остатка: каждая пора твоего существования, она говорящая. В ней нет: это важно, а это не важно. А вот в этот момент мне очень важно, как знаете, вот ваше лицо, и видеть ваши глаза, и все. И если только этим руководствоваться, это будет честно. Самоотдача, честность*);

3) **соединение органики, когда все в целом** (...Вот это соединение этой органики – органики, когда все в целом, когда ты не замечаешь Майи Плисецкой...);

4) **правда чувств** (...Вы не сможете все равно передать правду чувств – вот чувство, которое в нас сидит, эмоции, которые нас переполняют. Оно в каждом движении, в каждом повороте, вот именно в каждой поре твоего тела вот она просвечивает. И когда это все собирается в органическое целое, как огромный оркестр. Потому что наше тело – это крупнейший оркестр. И причем это не только в балете...).

К ценностям смыслам В. Васильева можно отнести **отсутствие зависти, бескорыстие**, проявляющиеся в умении искренне восторгаться другими. Сравним использование восклицаний, эпитетов, риторических вопросов, повторов, междометий, подчеркивающих волнение и эмоции гостя в оценке таланта Майи Плисецкой: **Владимир Васильев**: ... Ни Майи Плисецкой, которая просто, понимаете, она самая, пожалуй, талантливая из всех балерин, которых я видел, по своему диапазону, силой своей личности, еще плюс ко всему. Понимаете? И у нее недостатки были. Но удивительно, что когда смотрели на нее люди, ее нельзя было разбирать по частям.

Когда люди смотрели на нее, они не видели никаких недостатков, ничего. Это было: «Ах!» Это было, застав дыхание, люди смотрели и думали: «Боже мой! Да, вот это вот невероятное совершенно было!».

Для Владимира Васильева в качестве одной из ценностных доминант является **труд**, не только физический, но и интеллектуальный. Это прямо и косвенно отражается в дискурсе гостя программы:

Виктор Лошак: А как в балете нужно тело готовить к спектаклю?

Владимир Васильев: А вот это – да! Это уже отдельная, конечно, история. Потому что она **требует большого труда**. Чтобы не думать о том... В классе все происходит так: «Выверни пяточку! Продолжай. Поставь носочек. Вытяни подъем. Да! Вот, чтобы линия была длинная там». Это все частности, понимаете? А когда ты уже работаешь над образом...

И вот мой педагог Алексей Николаевич Ермолаев, Царствие ему Небесное, говорил: «**Мне абсолютно безразлично, сколько пируэтов...**». Потому что я всегда ему говорил: Дайте, я сейчас сделаю пируэт. Там у меня не получается!» И еще раз. И еще раз. И еще раз. Он говорил: «Этим ты должен заниматься каждый день в классе. **А мы с тобой должны заниматься тем: во имя чего? Почему именно так? Зачем ты это делаешь?**»

Скромность и совесть – важные ценностные смыслы, характерные для дискурса В. Васильева. В качестве одного из примеров сошлемся на фрагмент беседы о балете «Анюта», в котором в качестве постановщика выступил сам гость программы:

Виктор Лошак: Вы сказали о нем то, что нужно для меня, для расшифровки, что это самый национальный балет?

Владимир Васильев: Если я это сказал, **это было нехорошо. Так, особенно о своих вещах, лучше не говорить так. И я стараюсь не говорить. И если это прорывается, то это не делает для меня ничего хорошего. Вот.**

Среди ценностных доминант в дискурсе гостя программы «Очень личное» отметим и **любовь** в многообразии ее проявлений по отношению

– к любимой женщине – жене Екатерине Максимовой (**Я полюбил ее очень! Необыкновенная совершенно! Я ее провожал до дома, до Брюсова переулка...; ... Так вот, я там, на последний этаж – я возвращаюсь к этому – я готов был нести ее на руках, туда до конца, всю жизнь...**);

– к учителям: трепетное отношение к ним многократно подчеркивается В. Васильевым; сравним фрагмент беседы о балете «Спартак», поставленном Ю. Н. Григоровичем, когда в качестве исполнителя партии Красса был Марис Лиєпа (**Владимир Васильев**: Я думаю, что просто для него очень было важно, чтобы два соперника были одинаковы: и в техническом отношении, и в актерском, и внешне. Спартак – получилось так, наверное – это широта, это безграничность линии, ко-

торая в моем танце была. Потому что мой учитель Михаил Маркович Габович говорил: «Каждое движение ваше должно быть значительно! Это каждый жест должен быть беспримечен!». «Ну а как же так, Михаил Маркович, ну а если надо мелкие движения?». «Надо сделать эти мелкие движения так значительно, чтобы они все поняли, что это мелкие движения, это маленькие движения, но в них так...»);

– любовь к людям, с которыми довелось общаться (В. Васильев: ... А те люди, которые меня окружали всю жизнь здесь? Да каждое имя – оно просто удивительно! Это та радость в моей жизни, которую я с собой, наверное, и возьму туда).

Не случайно, отвечая на вопрос о «правилах жизни», Владимир Васильев признался: «Правила жизни у меня меняются постоянно. Остается неизблемым мне кажется только одно – это вот дарить людям радость...».

Заключение

Таким образом, к ценностным доминантам в картине мира Владимира Васильева относятся: полная самоотдача в творчестве, честность, правда жизни, отсутствие зависти, бескорыстие, труд, скромность и совесть, любовь в ее многообразных проявлениях, желание дарить радость.

Средствами выражения данных ценностных смыслов являются не только прямые признания личности, включая использование в оценках лиц и реалий окружающего мира различных регулятивных изобразительно-выразительных средств, пре-

жде всего эпитетов. Важны и регулятивные структуры, прямо или косвенно отражающие ценностную картину мира личности: стилистические приемы повтора, антитезы, градации, контраста, синтаксического параллелизма, а также лексические смысловые парадигмы синонимического типа.

Благодаря регулятивной стратегии эксплицитного усилительно-конвергентного типа, когда все элементы вербального и невербального речевого поведения гостя и ведущего программы гармонично связаны общей эмоциональной тональностью, создается сильный прагматический эффект.

Не случайно лингвистические и экстралингвистические сигналы, репрезентирующие ценностные доминанты в мировидении гостя программы «Очень личное», вызвали ответный эмоциональный отклик у аудитории. В многочисленных восторженных комментариях к программе с участием Владимира Васильева были отмечены такие особенности личности, как *порядочность, честность, скромность, высокая культура, талант, душевность, внутренняя красота, глубина, ясный ум и неугасаемый интеллект, гениальность*. Все это можно отнести к ценностным доминантам тех, кто воспринимал и оценивал гостя программы, выделяя в нем не только качества великого артиста балета, но человека.

Дальнейшее изучение ценностной картины мира публичных языковых личностей, оказывающих влияние на общество, представляет интерес не только для аксиологической лингвистики, но и для теории и практики коммуникации, речевого воздействия, медиалингвистики.

Список источников

1. Андреева И. В. Ценностная картина мира как лингвистическая и философская категория // Аналитика культурологии. 2006. Вып. 2 (6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnaya-kartina-mira-kak-lingvisticheskaya-i-filosofskaya-kategoriya> (дата обращения: 21.09.2024).
2. Васильев В. В. Персональные ценности // Вопросы философии. 2008. № 5. С. 149–153.
3. Дожикова Р. Н. К вопросу об аксиологических основаниях обыденного познания // Вопросы философии. 2013. № 2. С. 33–41.
4. Левикова С. И. Две модели динамики ценностей культуры (на примере молодежной субкультуры) // Вопросы философии. 2006. № 4. С. 71–79.
5. Рачков П. А. Правда-справедливость // Вестник МГУ. Сер. 7: Философия. 2006. № 1. С. 83–107.
6. Анненкова И. В. Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ. М.: Изд-во МГУ, 2011. 392 с.
7. Ерофеева И. В. Аксиология медиатекста в российской культуре (репрезентация ценностей в журналистике начала XXI века): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2010. 54 с.
8. Пушкарева И. А. Имя концепта «правда» в региональном медиадискурсе 1980-х гг. (на материале городской газеты «Кузнецкий рабочий» // Русская речевая культура и текст: материалы VIII Международной научной конференции / под общ. ред. проф. Н. С. Болотновой. Томск: ЦНТИ, 2014. С. 189–195.
9. Пушкарева И. А. Ценностные категории Правда/Истина в российском медиадискурсе конца XX – начала XXI века: семантико-стилистический анализ на материале городской газеты «Кузнецкий рабочий» (Новокузнецк) / под ред. Н. С. Болотновой. Томск: Издательство Томского ЦНТИ, 2016. 308 с.
10. Резанова З. И., Мишанкина Н. А. Ценностные картины современной чат-коммуникации // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте / отв. ред. З. И. Резанова. Томск: ТГУ, 2005. С. 299–320.

11. Арутюнова Н. Д. ИСТИНА, ДОБРО, КРАСОТА: взаимодействие концептов // Логический анализ языка. Языки эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2004. С. 5–20.
12. Карасик В. И. Культурные доминанты // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 116–144.
13. Карасик В. И. Аксиологическая лингвистика: перспективы развития // Ментальность и изменяющийся мир: к 75-летию проф. В. В. Колесова / отв. ред. М. В. Пименова. Севастополь: Рибэст, 2009. С. 13–20.
14. Карасик В. И. Аксиогенная ситуация как единица ценностной картины мира // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 65–75.
15. Королева Л. Ю. Аксиологические аспекты современной интернет-коммуникации // Ценностные ориентации эпохи цифровизации: лингвопрагматический аспект: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Тамбов: Издат. центр ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2022. С. 65–69. URL: <https://www.tstu.ru/book/elib/pdf/2022/gunina4.pdf> (дата обращения: 21.09.2024).
16. Тубалова И. В., Эмер Ю. А. Ценностная картина мира традиционного и современного фольклора // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте / отв. ред. З. И. Резанова. Томск: ТГУ, 2005. С. 259–298.
17. Кудрина С. А. Ценностные приоритеты и их онтологические основания // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 37–46.
18. Маслова В. А. Концепты и ценности: содержание понятий, языковая репрезентация // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2011. № 2-1. С. 383–387. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepty-i-tsennosti-soderzhanie-ponyatiy-yazykovaya-reprezentatsiya> (дата обращения: 23.09.2024).
19. Казаков А. А. Ценностная архитектура произведений Ф. М. Достоевского. Томск: ТГУ. 2012. 254 с.
20. Аксиологическая лингвометодика: мировоззренческие и ценностные аспекты в школьном и вузовском преподавании русского языка (к юбилею профессора А. Д. Дейкиной и ее научной школы): материалы междунар. научно-практ. конф., г. Москва, 22–23 марта 2019 г.: в 2 ч. Ч. 1 / науч. ред.: А. Д. Дейкина; сост.: А. Д. Дейкина, В. Д. Янченко, О. Н. Левушкина, О. Е. Дроздова. М.: МПГУ, 2019. 312 с.
21. Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности / Н. С. Болотнова, И. И. Бабенко, Е. А. Бакланова, А. В. Болотнов, А. А. Васильева, А. В. Громова, С. М. Карпенко, И. В. Кочетова, А. В. Курьянович, О. В. Орлова, Н. Г. Петрова, И. Н. Тюкова, Т. Е. Яцуга; под ред. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во ТГПУ, 2011. 492 с.
22. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М.: Флинта: Наука, 2009. 384 с.
23. Сидоров Е. В. Проблемы речевой системности. М., 1987. 140 с.
24. Очень личное. Программа с Виктором Лошаком. 30.12.2023. URL: <https://otr-online.ru/programmy/ochen-lichnoe-s-viktorom-loshakom/vladimir-vasilev-74326.html> (дата обращения: 23.09.2024).
25. Болотнова Н. С. Гармонизация общения участников интервью в авторской телевизионной программе: коммуникативно-прагматический и регулятивный аспекты // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2023. Вып. 1 (225). С. 86–94. doi: 10.23951/1609-624X-2023-1-86-94

References

1. Andreeva I. V. Tsennostnaya kartina mira kak lingvisticheskaya i filosofskaya kategoriya [The value picture of the world as a linguistic and philosophical category]. *Analitika kul'turologii – Analytics of cultural studies*, 2006, no. 2 (6) (in Russian) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnaya-kartina-mira-kak-lingvisticheskaya-i-filosofskaya-kategoriya> (accessed 21 September 2024).
2. Vasilyev V. V. Personal'nye tsennosti [Personal values]. *Voprosy filosofii – Questions of philosophy*, 2008, no. 5, pp. 149–153 (in Russian).
3. Dozhdikova R. N. K voprosu ob aksiologicheskikh osnovaniyakh obydenno go poznaniya [On the question of the axiological foundations of everyday knowledge]. *Voprosy filosofii – Questions of philosophy*, 2013, no. 2, pp. 33–41 (in Russian).
4. Levikova S. I. Dve modeli dinamiki tsennostey kul'tury (na primere molodezhnoy subkul'tury) [Two models of the dynamics of cultural values (using the example of youth subculture)]. *Voprosy filosofii – Questions of philosophy*, 2006, no. 4, pp. 71–79 (in Russian).
5. Rachkov P. A. Pravda-spravedlivost' [Truth and justice]. *Vestnik MGU. Seriya 7: Filosofiya – Bulletin of Moscow State University. Series 7: Philosophy*, 2006, no. 1, pp. 83–107 (in Russian).
6. Annenkova I. V. Mediadiskurs XXI veka. Lingvofilosofskiy aspekt yazyka SMI [Media discourse of the 21st century. Linguistic and philosophical aspect of media language]. Moscow, Moscow State University Publ., 2011. 392 p. (in Russian).
7. Erofeeva I. V. Aksiologiya mediateksta v rossiyskoy kul'ture (reprezentatsiya tsennostey v zhurnalistike nachala XXI veka). Avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk [Axiology of media text in Russian culture (representation of values in journalism of the early 21st century). Abstract of thesis ... dr. philol. sci.]. Saint Petersburg, 2010. 54 p. (in Russian).
8. Pushkareva I. A. Imya kontsepta «pravda» v regional'nom mediadiskurse 1980-h gg. (na materiale gorodskoy gazety «Kuznetskiy rabochiy») [The name of the concept "truth" in the regional media discourse of the 1980s (based on the city newspaper "Kuznetsky Rabochy")]. *Materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Russkaya rechevaya kul'tura i tekst)* [Materials of the VIII International scientific conference (Russian speech culture and text)]. Tomsk, Tomsk TsNTI Publ., 2014. Pp. 189–195 (in Russian).

9. Pushkareva I. A. *Tsennostnye kategorii Pravda/Istina v rossiyskom mediadiskurse kontsa XX – nachala XXI veka: semantiko-stilisticheskii analiz na materiale gorodskoy gazety «Kuznetskiy rabochiy» (Novokuznetsk)* [Value categories Pravda/Istina in the Russian media discourse of the late 20th – early 21st century: semantic and stylistic analysis based on the city newspaper "Kuznetsky Rabochy" (Novokuznetsk)]. Tomsk, Tomsk TsNTI Publ., 2016. 308 p. (in Russian).
10. Rezanova Z. I., Mishankina N. A. *Tsennostnye kartiny sovremennoy chat-kommunikatsii* [Value pictures of modern chat communication]. *Kartiny russkogo mira: aksiologiya v yazyke i tekste* [Pictures of the Russian world: axiology in language and text]. Tomsk, TSU Publ., 2005. Pp. 299–320 (in Russian).
11. Arutyunova N. D. ISTINA, DOBRO, KRASOTA: vzaimodeystviye kontseptov [TRUTH, GOOD, BEAUTY: interaction of concepts]. *Logicheskii analiz yazyka. Yazyki estetiki: kontseptual'nye polya prekrasnogo i bezobraznogo. Otvetstvennyy redaktor N. D. Arutyunova* [Logical analysis of language. Languages of aesthetics: conceptual fields of the beautiful and the ugly. Ed. N. D. Arutyunova]. Moscow, Indrik Publ., 2004. Pp. 5–20 (in Russian).
12. Karasik V. I. Kul'turnye dominanty [Cultural dominants]. *Yazykovy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. Pp. 116–144 (in Russian).
13. Karasik V. I. Aksiologicheskaya lingvistika: perspektivy razvitiya [Axiological linguistics: development prospects]. *Mental'nost' i izmenyayushchisya mir: k 75-letiyu professora V. V. Kolesova. Otvetstvennyy redaktor M. V. Pimenov* [Mentality and the changing world: for the 75th anniversary of prof. V. V. Kolesov. Ed. M. V. Pimenov]. Sevastopol, Ribest Publ., 2009. Pp. 13–20 (in Russian).
14. Karasik V. I. Aksiogennaya situatsiya kak edinita tsennostnoy kartiny mira [Axiogenic situation as a unit of the value picture of the world]. *Politicheskaya lingvistika – Political linguistics*, 2014, no. 1 (47), pp. 65–75 (in Russian).
15. Koroleva L. Yu. Aksiologicheskiye aspekty sovremennoy internet-kommunikatsii [Axiological aspects of modern Internet communication]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Tsennostnye orientatsii epokhi tsifrovizatsii: lingvopragmaticheskiy aspekt)* [Materials of the international scientific and practical conference (Value orientations of the digitalization era: linguopragmatic aspect)]. Tambov, TSTU Publ., 2022. Pp. 65–69 (in Russian). URL: <https://www.tstu.ru/book/elib/pdf/2022/gunina4.pdf> (accessed 21 of September 2024).
16. Tubalova I. V., Emer Yu. A. Tsennostnaya kartina mira traditsionnogo i sovremenno go fo'klora [Value picture of the world of traditional and modern folklore]. *Kartiny russkogo mira: aksiologiya v yazyke i tekste. Otvetstvennyy redaktor Z. I. Rezanova* [Pictures of the Russian world: axiology in language and text. Ed. Z. I. Rezanova]. Tomsk, TSU Publ., 2005. Pp. 259–298 (in Russian).
17. Kudrina S. A. Tsennostnye priority i ikh ontologicheskkiye osnovaniya [Value priorities and their ontological foundations]. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya – Sociological studies*, 2010, no. 1, pp. 37–46 (in Russian).
18. Maslova V. A. Kontsepty i tsennosti: sodержaniye ponyatiy, yazykovaya reprezentatsiya [Concepts and values: content of concepts, linguistic representation]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskkiye nauki – Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Philological sciences*, 2011, no. 2-1. Pp. 383–387 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepty-i-tsennosti-soderzhanie-ponyatiy-yazykovaya-reprezentatsiya> (accessed 23 of September 2024).
19. Kazakov A. A. *Tsennostnaya arkhitektonika proizvedeniy F. M. Dostoevskogo* [The value architectonics of the works of F. M. Dostoevsky]. Tomsk, TSU Publ., 2012. 254 p. (in Russian).
20. Aksiologicheskaya lingvometodika: mirovozzrencheskiye i tsennostnye aspekty v shkol'nom i vuzovskom prepodavanii russkogo yazyka (k yubileyu professora A. D. Deykinoy i yeye nauchnoy shkoly) [Axiological linguistic methodology: worldview and value aspects in school and university teaching of the Russian language (to the anniversary of Professor A. D. Deikina and her scientific school)]. *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Materials of the international scientific and practical conference]. Moscow, MPSU Publ., 2019. 312 p. (in Russian).
21. *Kommunikativnaya stilistika teksta: leksicheskaya regul'yativnost' v tekstovoy deyatel'nosti* [Communicative style of the text: lexical regularity in text activity]. Bolotnova N. S., Babenko I. I., Baklanova E. A., Bolotnov A. V., Vasiliev A. A. et al. Ed. N. S. Bolotnova. Tomsk, TSPU Publ., 2011. 492 p. (in Russian).
22. Bolotnova N. S. *Kommunikativnaya stilistika teksta: Slovar'-tezaurus* [Communicative style of the text: Dictionary-thesaurus]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2009. 384 p. (in Russian).
23. Sidorov E. V. *Problemy rechevoy sistemnosti* [Problems of speech system]. Moscow, 1987. 140 p. (in Russian).
24. *Ochen' lichnoye. Programma s Viktorom Loshakom*. 30.12.2023 [Very personal. Program with Victor Loshak] (in Russian). URL: <https://otr-online.ru/programmy/ochen-lichnoe-s-viktorom-loshakom/vladimir-vasilev-74326.html> (accessed 23 of September 2024).
25. Bolotnova N. S. Garmonizatsiya obshcheniya uchastnikov interv'y u v avtorskoy televizionnoy programme: kommunikativno-pragmaticheskiy i regul'yativnyy aspekty [Harmonization of communication between interview participants in an author's television program: communicative, pragmatic and regulatory aspects]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, no. 1 (225), pp. 86–94 (in Russian). doi: 10.23951/1609-624X-2023-1-86-94

Информация об авторе

Болотнова Н. С., доктор филологических наук, профессор, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

E-mail: nsb@tspu.edu.ru. ORCID ID: 0000-0003-4655-5194. Researcher ID: C-4107-2018. Scopus Author ID: 57110427900. SPIN-код: 3708-6465.

Information about the author

Bolotnova N. S., Doctor of Philological Sciences, Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

E-mail: nsb@tspu.edu.ru. ORCID ID: 0000-0003-4655-5194. Researcher ID: C-4107-2018. Scopus Author ID: 57110427900. SPIN-code: 3708-6465.

Статья поступила в редакцию 08.08.2024; принята к публикации 29.11.2024

The article was submitted 08.08.2024; accepted for publication 29.11.2024

УДК 811.161.1'38'42:316.77:070(047.53)

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-63-70>

Особенности коммуникативного стиля писателя Татьяны Мейко в интервью

Юлия Борисовна Извекова

*Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия,
vjatkina2009@yandex.ru, 0009-0006-8300-6011*

Аннотация

Изучение медиадискурса публичных языковых личностей относится к актуальным направлениям современной лингвистики. Особый интерес представляет анализ интервью с участием писателя как творческой личности, обладающей особым мировидением и способностью ориентироваться на массового адресата. Цель статьи – выявление специфики коммуникативного стиля творческой медийной языковой личности писателя на основе его речевого поведения в интервью. Анализируется материал четырех интервью 2013–2023 гг. с участием члена Союза писателей России Татьяны Ефремовны Мейко. Исследование выполнено в русле коммуникативной стилистики с использованием разработанной в рамках данного направления теории регулятивности и применением методов дискурсивного анализа, семантико-стилистического, контекстуального анализа и эксперимента на основе опроса информантов. Установлено, что в интервью Т. Мейко раскрывает себя как личность творческая, эмоциональная, увлеченная, постоянно находящаяся в поиске, способная поддерживать юных писателей, делаясь опытом. В интервью автор часто использует коммуникативные стратегии воздействия, самопрезентации, позитивного настроя, открытости, доверительности. Это нашло отражение в вербальном и невербальном поведении личности, включая фоновые особенности, жесты и мимику. Выявлено, что для писателя в публичной медиакommunikации характерен образный метафорический стиль, который проявляется в использовании ярких регулятивных средств (метафор, эпитетов, сравнений), а также стилистических приемов повтора, контраста, риторических вопросов и восклицаний. Из регулятивных стратегий в дискурсе писателя преобладают сильные эксплицитные регулятивные стратегии смешанного последовательно-конвергентного типа с точки зрения однородности/неоднородности использованных регулятивных средств, выполняющих одну функцию. Эксперимент на узнаваемость писателя и восприятие его как личности и участника интервью показал, что Татьяну Мейко знает большинство участников эксперимента и оценивает ее как творческую личность, открытую для позитивного общения, способную эмоционально воздействовать на адресата. Теория регулятивности позволяет раскрыть индивидуально-авторские особенности коммуникативного стиля публичной языковой личности писателя, выявить характерные для нее стратегии общения, а также различные средства и способы эффективного воздействия на адресата.

Ключевые слова: коммуникативный стиль, публичная языковая личность, интервью, коммуникативная стилистика, теория регулятивности

Для цитирования: Извекова Ю. Б. Особенности коммуникативного стиля писателя Татьяны Мейко в интервью // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 1 (237). С. 63–70. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-63-70>

Features of the writer Tatiana Meiko's communicative style in an interview

Yuliya B. Izvekova

*Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, vjatkina2009@yandex.ru,
0009-0006-8300-6011*

Abstract

The study of the media discourse of public linguistic personalities belongs to the relevant areas of modern linguistics. Of particular interest is the analysis of interviews with the participation of the writer as a creative personality with a special worldview and the ability to focus on the mass addressee. The purpose of the article is to identify the specifics of the communicative style of the creative media linguistic personality of the writer based on his speech behavior in interviews. The article analyzes the material of 4 interviews in 2013–2023 with the participation of Tatyana Efremovna Meiko, a member of the Union of Writers of Russia. The research was carried out in line with communicative stylistics using the theory of regularity developed within the framework of this

direction and using methods of discursive analysis, semantic-stylistic, contextual analysis and experiment based on a survey of informants. It is established that in the interview T. Meiko reveals herself as a creative, emotional, passionate person, constantly on the lookout, able to support young writers by sharing his experience. In interviews, the author often uses communicative strategies of influence, self-presentation, positive attitude, openness, and trust. This is reflected in the verbal and non-verbal behavior of the individual, including phonation features, gestures and facial expressions. It is revealed that the writer in public media communication is characterized by a figurative metaphorical style, which manifests itself in the use of vivid regulatory means (metaphors, epithets, comparisons), as well as stylistic techniques of repetition, contrast, rhetorical questions and exclamations. Of the regulatory strategies in the writer's discourse, strong explicit regulatory strategies of a mixed sequential-convergent type prevail in terms of uniformity / heterogeneity of the regulatory tools used, performing one function. The experiment on the recognition of the writer and his perception as a person and participant in the interview showed that most of the participants in the experiment know Tatiana Meiko and assess her as a creative person, open to positive communication, capable of emotionally influencing the recipient. The theory of regularity makes it possible to reveal the individual author's peculiarities of the communicative style of the writer's public linguistic personality, to identify communication strategies characteristic of it, as well as various means and methods of effective influence on the addressee.

Keywords: *communicative style, public linguistic personality, interview, communicative style, theory of regularity*

For citation: Izvekova Yu. B. Osobennosti kommunikativnogo stilya pisatelya Tat'yany Meyko v interv'yuu [Features of the writer Tatiana Meiko's communication style in an interview]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 1 (237), pp. 63–70 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-63-70>

Введение

В современном мире усиливается интерес к дискурсивным практикам публичных языковых личностей, это связано в первую очередь с растущей ролью массмедиа. Для публичной личности свойственны «частые выступления перед публикой, известность, авторитетность в рамках общественной и профессиональной деятельности для целевой аудитории, способность ставить общественно значимые политико-экономические, морально-этические или социально-культурные проблемы, актуальные для определенного этапа в развитии общества, и влиять, хотя и в разной степени, на их решение» [1, с. 53].

Изучение медиатекстов относится к актуальным проблемам современной лингвистики, учитывая «медиатизацию современного общества» и то, что «медиа являются катализатором принятия политических решений, осуществления социальных проектов и масштабных интеграций» [2, с. 26].

Исследование проводится в русле коммуникативной стилистики текста – одного из направлений современной стилистики, «комплексно изучающего целый текст как форму коммуникации и явление идиостиля» [3, с. 55], развивается на стыке с другими научными дисциплинами. Данное направление выходит за рамки изучения стилистики текста, выделенной В. В. Одинцовой в 1980-е годы, «интегрируясь с комплексом других наук о тексте как форме коммуникации» [3, с. 55].

В настоящее время направление сформировалось в целостную теоретическую систему. Эта теория, разработанная Н. С. Болотновой и возглавляемая ею коллективом стилистов Томского государственного педагогического университета, «осно-

вывается на классических положениях стилистики художественной речи, функциональной стилистики и реализует потенциал новых идей, относящихся к языковой личности, концептуальной картине мира, сопряженности познавательной-коммуникативной деятельности автора и адресата, уровневой организации текста как формы общения, текстовым ассоциациям и др.» [4, с. 225].

Коммуникативная стилистика текста выступает «не только деятельностью по своей направленности, но и интегративной, ориентированной на комплексный подход к тексту с учетом отраженных в нем лингвистических и экстралингвистических факторов» [3, с. 57]. Конкретное содержание любого текста, авторское истолкование текста и коммуникативно-прагматический эффект являются основными объектами для изучения в коммуникативной стилистике. «Стилистический узус при этом, несомненно, учитывается, но главным является исследование как общих, так и индивидуально-авторских закономерностей стилистической организации текста, обеспечивающих наибольшую эффективность совместной текстовой деятельности автора и адресата» [3, с. 57].

С учетом общих тенденций в области русистики в последние годы в коммуникативной стилистике текста усиливается медийный вектор исследований. Для проведения сопоставительного анализа медиатекстов разных жанров необходим комплексный подход, который затрагивает как коммуникативно-прагматические, так и когнитивные критерии. Такое деление следует рассматривать условно, так как «многие из этих параметров являются и когнитивными, и коммуникативными» [5, с. 89].

К коммуникативно-прагматическим, по словам Т. П. Карпилович, относятся, во-первых, «языковые характеристики коммуникативной ситуации, отраженной в текстах изучаемых жанров», во-вторых, «коммуникативные стратегии, тактики и реализующие их языковые средства, способствующие достижению коммуникативных целей» [там же]. Этот параметр является одновременно «и когнитивным, поскольку стратегии, как известно, представляют собой план (т. е. своего рода ментальную программу построения текстового жанра в зависимости от ситуации, ее участников), направленный на реализацию основной цели» [5, с. 89].

Остановимся на ключевых для данной статьи понятиях «коммуникативная и речевая стратегии и тактики», «регулятивная стратегия». Эти понятия отражают коммуникативный стиль языковой личности, который является проявлением общего идиостиля человека, наряду с присущим ему когнитивным и культурно-речевым стилями (см. подробнее [6, 7]).

Под коммуникативной стратегией понимают «совокупность запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели» [8, с. 59].

Одним из видов коммуникативной стратегии, по словам Н. С. Болотновой, является регулятивная стратегия, «отражающая управление интерпретационной деятельностью адресата средствами текста в соответствии с интенцией автора» [3, с. 59]. Регулятивная стратегия напрямую связана с коммуникативной, «являясь ее составляющей, средством, дающим ключ к осознанию авторского замысла, его целей и мотивов» [9, с. 35].

Н. С. Болотновой предложена типология регулятивных стратегий текста как формы коммуникации по следующим критериям: с точки зрения меры и способа подачи информации (эксплицитная/имплицитная регулятивные стратегии); в зависимости от регулятивной силы текста (сильная/слабая регулятивные стратегии); с точки зрения однородности/неоднородности доминирующих средств регулятивности (регулятивные стратегии однородного/неоднородного (смешанного) типов); с учетом способов регулятивности (регулятивные стратегии обманутого ожидания, последовательно-конвергентного и парадоксально-контрастивного типов) [9, с. 35].

О. С. Иссерс под речевой стратегией понимает «план комплексного речевого воздействия, которое осуществляет говорящий для «обработки» партнера», т. е. «специфические способы речевого поведения, осуществляемые под контролем “глобального намерения”» [10, с. 105]. Речевая тактика – это последовательность действий, кото-

рые раскрывают реализации стратегий. «Задача описания речевых стратегий заключается в том, чтобы представить номенклатуру типовых тактик, реализующих конкретную речевую стратегию» [10, с. 112].

О. С. Иссерс в своей классификации выделяет общие и частные стратегии: «Общая стратегия дискредитации реализуется в частных стратегиях обвинения, оскорбления, насмешки» [10, с. 112]. С функциональной точки зрения выделяются основные и вспомогательные стратегии. Основная стратегия «является наиболее значимой с точки зрения иерархии, мотивов и целей». Вспомогательная стратегия выступает в роли «эффективной организации диалогового взаимодействия, оптимального воздействия на адресата» [10, с. 106]. Для организации диалога автор употребляет термин «диалоговые стратегии», «которые используются для мониторинга темы, инициативы, степени понимания в процессе общения». Особую значимость исследователь отводит риторическим стратегиям, «в рамках которых используются различные приемы ораторского искусства и риторические техники эффективного воздействия на адресата» [10, с. 107].

Представляет особый интерес отражение разных коммуникативных и регулятивных стратегий и тактик в публичных дискурсивных практиках писателя как носителя элитарной речевой культуры. Н. Д. Арутюнова определяет дискурс как «речь, погруженную в жизнь», «связанный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте» [11, с. 136].

Целью данной статьи является выявление специфики коммуникативного стиля творческой медийной языковой личности писателя на основе его речевого поведения в интервью.

Материал и методы

Исследование проводится на материале медиадискурса Татьяны Ефремовны Мейко, писателя, поэта, члена Союза писателей России с 1994 г. В задачи данной статьи входит выявить тематику и проблематику медиатекстов автора, рассмотреть коммуникативный стиль Т. Мейко на основе использования ею языковых средств разных уровней в интервью. Для исследования привлечен материал четырех интервью 2013–2023 гг. с участием писателя.

С опорой на теорию регулятивности, разработанную в коммуникативной стилистике текста, в исследовании применяется комплекс методов, включая дискурсивный анализ, семантико-стилистический, контекстуальный и эксперимент.

Результаты исследования

Интервью Татьяны Мейко разноплановые – в одних она раскрывает секреты своего творчества, связанные с особым призванием как поэта; в других писатель проявляет себя как личность, способную не только творить прекрасное, но и помогающую раскрыться юным талантам. В одном из интервью журналист задал вопрос Т. Мейко, связанный с обучением творчеству детей и подростков. Ответный монолог позволяет судить о Татьяне Мейко как о глубокой личности, способной вдохнуть творческий потенциал в детей и раскрыть его в ярких красках:

*Меня часто спрашивают, всех детей я беру в студию или только **одаренных**. Есть разный уровень проявления способностей – у кого-то **получается складывать строчки и рифмовать быстро**, и он делает это легко, а у кого-то **что-то долго копится внутри, чего он сам не понимает**, но, когда что-то пробивается и он начинает высказываться, это всегда серьезно. У нас был **один мальчик**, который ходил на занятия несколько лет, сидел в сторонке, участия в обсуждениях не принимал, **особых способностей не проявлял, и было непонятно, зачем он ходит**. А потом **вдруг начал писать**. И очень хорошо – **личностно, глубоко...** [12].*

Есть интервью с участием писателя, которые связаны с анализом отдельных произведений автора. О глубине личности Татьяны Мейко, все время находящейся в творческом поиске, можно судить по ее высказыванию: *«В каждой сказке у меня есть вопрос, на который я хочу найти ответ»* [12]. Если внимательно рассмотреть каждое произведение Татьяны Мейко, то можно прийти к заключению, что все творчество писателя уникально, пронизано любовью к окружающему миру и людям.

Выступая публично, автор делится секретами своего творчества, приобщая слушателя к своей творческой лаборатории:

...Когда садишься за чистый лист бумаги, то все обычно так неопределенно, только брезжит. Вроде бы и опыт есть, а каждый раз, как впервые берешься за новую сказку и не знаешь, что получится [12].

Одна из главных стратегий медиакommunikации – стратегия воздействия, в рамках которой можно выделить стратегию самопрезентации. Она основана на прямом и косвенном оценивании себя и других людей, на причастности себя к определенному сообществу и на ориентацию внешней формы. «Восприимчивость к нововведениям, готовность к творческому поиску все более связываются не только с проявлением духовной сущности человека, но и с его внешним обликом, хорошими манерами и умением себя подать» [13, с. 110]. Дан-

ная стратегия реализуется во многих интервью Т. Мейко.

В беседе с журналистом Н. П. Губской Т. Мейко отметила, что ей иногда приходится прислушиваться к мнению читателей и менять концовки своих произведений. Так, автор призналась: *«Однажды я спасла своего героя, Колдуна, который в конце умирал, но дети так расстроились, что я переписала конец, и все закончилось благополучно»* [12].

Во время одного из выступлений Татьяны Мейко прозвучал вопрос о сохранении памяти, своих национальных корней. О значимости этого для писателя можно судить по ответу: *«Всякий мыслящий человек должен знать, кто он и откуда. Чем богаче его собственная историческая и национальная память, тем он сам ценнее как личность!»* [14, с. 52].

Свое творчество Т. Мейко оценивала с малых лет и уже в этом возрасте начала осознавать себя человеком, которому можно писать художественные тексты: *«...Я была просто счастлива от того, что, оказывается, не только каким-то удивительным, избранным людям можно это делать, мне тоже можно, я тут же написала стихотворение куклы...»*

Просто действительно нужно погрузиться во все это, уйти от суеты, почувствовать себя тем, кем ты есть на самом деле, потому что я не знаю, как другие, но я только в творчестве это чувствую, в творчестве и в любви, например, в любви... [15].

В медиадискурсе автора стратегия самопрезентации занимает важное место среди других стратегий воздействия на аудиторию. Это связано с тем, что, раскрывая себя и свое мировидение, публичная личность вызывает доверие аудитории.

Изучая прагматически-ориентированные способы выражения в медиатексте, можно обнаружить важные оценочные единицы, которые могут использоваться эксплицитно и имплицитно. «Имплицитность и эксплицитность характеризуют степень открытости/скрытости выражения оценочного значения при восприятии оценочно-маркированного элемента адресатом, что особенно важно при изучении медийного текста в аспекте его воздействующей функции» [16, с. 55].

В интервью 2021 г. Татьяна Мейко четко выражает свою позицию. Об этом можно судить, например, по ее отношению к творчеству других поэтов и писателей:

*Да, у меня, конечно, есть свои **любимые авторы**, но я люблю даже не читать, а перечитывать. У каждого писателя есть произведение, которое **вызывает восхищение**. У каждого хорошего писателя то, что **стало уже классикой**. Я это часто перечитываю, просто **наслаждаясь, наслаждаясь сочетанием слов, формой** [15].*

Автор открыто выражает симпатию к писателю Виктору Дмитриевичу Колупаеву, который, по ее словам, был не только замечательным писателем, но и учителем для нее:

...Для меня было **очень важно**, что на самом раннем этапе Виктор Дмитриевич был рядом, что я прошла со своими первыми рассказами через его оценку. **Я очень любила его как писателя. Когда мне попадались сборники, в которых был Колупаев, мне всегда казалось, что его рассказы лучшие. Потому что они мне близки. Они очень человеческие – его рассказы** [17].

Приведенные примеры отражают сильные эксплицитные регулятивные стратегии смешанного типа с точки зрения однородности/неоднородности использованных регулятивных средств, характерных для автора, подчеркивают открытость и доверительность ее общения с широкой аудиторией. Татьяна Ефремовна позитивно отзывается о деятельности многих писателей. Это помогает увидеть в ней разностороннюю личность, которая умеет ценить красоту слова в творчестве других авторов.

На уровне когнитивных особенностей личности отметим, что для Татьяны Мейко характерен метафорический стиль мышления. Приведем примеры:

1. Это подтверждается обилием образных средств, включая метафоры: ...Мне всегда хотелось **найти ответы на самые простые** и в то же время **самые неразрешимые вопросы**: **зачем мы живем, что такое добро и зло, что делать, когда бывает грустно и тоскливо?**

...я любила, когда **книга поддерживала меня** в моих лучших стремлениях, **делая добрее, хоть немножко, хотя бы на то время, пока я держу ее в руках** [14].

...**Всякий мыслящий человек должен знать, кто он и откуда. Чем богаче его собственная история и национальная память, тем он ценнее как личность** [14].

...**Вот идешь по улице, а красота такая, что с нею не хочется расставаться. Или прочитаешь какую-то строчку, а она настолько прекрасна, что хочется придумать что-то такое же хорошее. Или возникает внутреннее состояние, которое хочется передать на бумаге. А то вдруг удивит неожиданное сочетание слов или промелькнет мысль, которую не хочется упустить** [12].

2. Важным в плане воздействия и самопрезентации языковой личности является использование эпитетов, влияющих на выразительность речи и выражающих различные оценки и характеристики: ...**прекрасный замысел, все остальное мне казалось скучным и слишком узким**... [17].

...Мне хотелось прикоснуться к **прекрасному, вечному** [15].

...Самые важные, главные мысли, мы многого не знаем про наш мир. Он такой **огромный, непостижимый**, в нем есть что-то большее, чем мы сами, – больше того, что мы видим и чувствуем, пытаемся понять [12].

...Это было очень **красиво и трогательно**. Стояла **необыкновенная**, какая-то неземная осень. Все это так трогало душу! [12].

3. В интервью автора часто используются сравнения: ...**для детей нужно писать так же, как для взрослых, только лучшие** [17].

...**Мысль, она как птичка, она не хочет быть пойманной** [15].

...**Выкладывать на бумагу все, что придет в голову, это тоже не дело, потому что вот как в колоде должна накопиться чистая вода, а если уже все вычерпано до дна и мы начнем черпать то, что там есть, то кроме песка, грязи, мусора мы ничего не будем**... [15].

4. Для интервью с участием Татьяны Мейко характерен прием антитезы: ...**Это продолжение моих поисков радости. Все плохо и грустно, а хочется, чтобы было светло и весело** [14].

5. Искренность, естественность речевого поведения языковой личности формируют атмосферу ее доверительного общения с аудиторией. О некоторых особенностях Татьяны Мейко (эмоциональности, темпераменте, увлеченности профессиональным делом) можно судить по использованию в речи риторических вопросов: ...**коротенький сюжет с названием «За воду – плати, за тепло – плати!»**. **Куда современнее? Как про это не написать?**

...Он (мир) такой огромный, непостижимый, в нем есть что-то большее, чем мы сами, – больше того, что мы видим и чувствуем, пытаемся понять. **Но как пробиться к нему?** [12].

6. В публичном дискурсе автора часто встречаются риторические восклицания: ...**Она (сказка) лежала у меня долго невостребованной, а оказалось, что это так интересно! Глубокая старина – и вдруг самолет пролетел!**

...В одном из сюжетов герой сидит у очага, ему жарко, он резко отодвигается, и очаг отодвигается от него, и дом, и тайга, и Земля, так что он оказывается в космосе. **Фантастика!**

...**А этот изумительный самобытный северный колорит, своеобразие местного быта и бытаев!** [12].

К важным аспектам изучения медиадискурса публичной языковой личности можно отнести паралингвистические характеристики, к которым относятся «фонационные особенности речевого поведения (темп речи, тембр и громкость голоса, интонация, специфика артикуляции и дикции)». Кинетические средства коммуникативного поведения,

такие как поза, жесты, мимика, в свою очередь «дополняют речевой портрет журналиста, делая его визуально-осознаваемым» [18, с.72]. Паралингвистические средства могут использоваться не только в сочетании со словесными сообщениями, но и самостоятельно.

В интервью Татьяна Мейко часто искренне улыбается, особенно в ситуациях, когда речь заходит о творческом процессе. Это подчеркивает позитивный настрой автора и увлеченность, стремление двигаться к своей цели, отражая положительные эмоции в своих произведениях.

В интервью 2021 г. журналист поинтересовался у автора о специфических приемах поиска вдохновения. В ответ Татьяна Мейко призналась: *«Я, в общем-то, не ищу специальное вдохновение, я пишу, когда хочется, как говорил мой учитель ... Виктор Дмитриевич Колупаев, первый писатель, с которым я познакомилась ...он говорил, зачем писать, когда не хочется. Не хочешь – не пиши»* [15].

Покачивание головой в знак согласия и жесты руками, которые как бы призывают к общению, демонстрируют заинтересованность автора в беседе, негромкий голос и мягкий тембр характеризуют Татьяну Мейко как спокойного, уверенного человека. Темп речи небыстрый, отвечая на вопросы, она как бы детально анализирует ситуацию. Особенности интонации Татьяны Мейко связаны с логическими и эмфатическими ударениями, она намеренно обращает внимание на слово или словосочетание, подчеркивая его важность в данном контексте. Следует также отметить эмоционально выделенные метафоры, которые не только украшают речь, но и привлекают внимание слушателей.

...Есть хорошие люди, а есть просто люди близкие, близкие по душе... [15].

...хотелось бы возможности не засорять свой ум...

...чтобы достигнуть успеха в любом деле, это уверенность в правильности того, что вы это делаете, это правильно, что вы выбрали свой путь правильно, и готовность посвятить этому свою жизнь... [15].

В рамках данной статьи был проведен эксперимент как на узнаваемость писателя и его произведений, так и на выявление индивидуально-авторских лингвистических и экстралингвистических регулятивных средств, отражающих коммуникативный стиль писателя.

В эксперименте участвовали 27 человек разного возраста от 10 до 55 лет. Имеют высшее образование, постоянную работу 50 % опрошенных (взрослая аудитория). У большинства респондентов деятельность связана с руководящими должностями. Оставшаяся часть – это дети школьного возраста, любящие русский язык. Выяснилось, что с творче-

ством Мейко знакомы 15 человек, т. е. почти 55 % опрошенных, 7 из них определили основной жанр произведений писателя – сказки, но лишь 5 % смогли озвучить название некоторых сказок.

С эмоциональной точки зрения почти все участники эксперимента (25 человек из 27) охарактеризовали Татьяну Мейко как человека позитивного и «горячо любящего» свое ремесло. Также почти все (88 %) оценили писателя как человека, который проявляет твердую гражданскую позицию. Было отмечено, что своим творчеством Мейко показывает не только красоту окружающего мира, но и проявляет себя как глубокий и интересный писатель, способный позитивно воздействовать на читателя и внести вклад в развитие современной литературы.

Заключение

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Теория регулятивности позволяет раскрыть индивидуально-авторские особенности коммуникативного стиля публичной языковой личности писателя. Анализ использованных ею регулятивных стратегий, которые реализуются с помощью регулятивных средств и регулятивных структур, дает возможность судить как об идиостиле, так и о личности в целом. Выделяются различные типы регулятивных стратегий, их использование зависит от автора, который сам выбирает наиболее подходящие. В зависимости от интенции и идиостиля автора стратегия может быть слабой или сильной, эксплицитной или имплицитной, однородной (неоднородной). В рассмотренных интервью с участием Татьяны Мейко используются средства и приемы, характерные для сильной эксплицитной регулятивной стратегии смешанного последовательно-конвергентного типа с точки зрения однородности/неоднородности использованных регулятивных средств, выполняющих одну функцию. Это позволяет эффективно воздействовать на адресата.

2. Индивидуально-авторские лингвистические и экстралингвистические регулятивные средства и структуры отражают коммуникативный стиль писателя и позитивно воздействуют на адресата. Опрос показал, что большинство респондентов, даже если не знакомы с творчеством писателя, судя по восприятию фрагментов интервью с участием автора, высоко оценили его позитивный настрой и увлеченность литературным творчеством.

3. К особенностям коммуникативного стиля писателя можно отнести высокую степень эмоциональности медиадискурса. Это связано с образно-метафорическим стилем мышления, который свойственен творческим натурам, имеющим отношение к искусству. В интервью писатель остается писателем. Это явно видно из того, как Татьяна Мейко ис-

пользует разнообразные изобразительно-выразительные средства, особенно характерные для личности с метафорическим когнитивным стилем.

Так как Татьяна Мейко является профессиональным писателем, она, безусловно, причисляет себя к данной группе и раскрывает разные стороны творческого процесса, дает оценку разным авторам, что свидетельствует о ее опыте и широте знаний. рассу-

ждая о своем творчестве, автор подчеркивает, какой кропотливый труд стоит за каждым созданным им произведением, будь то небольшая сказка или лирическое стихотворение малого объема. В каждом созданном тексте Татьяна Мейко видит не только то, что способно вызвать положительные эмоции и эстетическое наслаждение у читателя, но и место данного произведения в литературном процессе.

Список источников

1. Болотнова Н. С. Индивидуально-персонологические особенности публичной языковой личности как фактор воздействия в медиадискурсе // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2017. Вып. 1. С. 53–59.
2. Ивченков В. И. Медиалингвистика как научное направление в сферах языкознания и журналистики // Медиалингвистика. Вып. 4: Профессиональная речевая коммуникация в массмедиа: сб. ст. / под ред. Л. Р. Дускаевой. СПб., 2015. С. 26–29.
3. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М.: Флинта, Наука, 2009. 384 с.
4. Салимовский В. А. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. Томск, 2008. 384 с. // Сибирский филологический журнал. 2010. № 3. С. 223–226.
5. Карпилович Т. П. Медиа́текст в коммуникативно-когнитивном аспекте // Вестник Белорусского государственного экономического университета. 2012. № 5. С. 89–95.
6. Болотнова Н. С., Болотнов А. В. Когнитивный стиль языковой личности в структуре модели идиости́ля: к постановке проблемы // Сибирский филологический журнал. 2012. № 4. С. 187–193.
7. Болотнов А. В. Текстовая деятельность как отражение коммуникативного и когнитивного стилей информационно-медийной языковой личности. Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2015. 274 с.
8. Клюев Е. В. Речевая коммуникация: Успешность речевого взаимодействия. М.: РИПОЛ Классик, 2002. 316 с.
9. Болотнова Н. С. О типологии регулятивных структур в тексте как форме коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2011. Вып. 3. С. 34–40.
10. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.: Лки, 2008. 284 с.
11. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 136–137.
12. Интервью Н. П. Губской с Татьяной Мейко. Как поймать чувство волшебства // Томские новости. 2022. № 12. С. 13.
13. Аксенова А. В. Стратегия самопрезентации как средство формирования имиджа в разных видах дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2013. № 15. С. 109–114.
14. Интервью Крайсман Ирины с Татьяной Мейко. Посмотреть с точки зрения птицы // Территория согласия. 2013. № 1. С. 52–53.
15. Интервью. Я – писатель. Татьяна Мейко. 2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hvz0bCe4pv8> (дата обращения: 25.08.2024).
16. Куликова В. А. ИмPLICITная и эксплицитная оценочность новообразований в заголовках интернет-медиа // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка: сб. ст. по материалам VII международного научного семинара. 2020. С. 54–61.
17. Интервью. В стихах мне не хватало чуда. Татьяна Мейко. 28.02.2014. URL: https://ros-nauka.ucoz.ru/publ/obshhestvo/ljudi_portrety_intervju/tatjana_mejko_v_stikhakh_mne_ne_khvatalo_chuda/14-1-0-440 (дата обращения: 25.08.2024).
18. Каширин А. А. Критерии коммуникативно-прагматического анализа индивидуального медиадискурса тележурналиста-ведущего итоговой информационно-аналитической программы // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2014. Вып. 9 (150). С. 70–74.

References

1. Bolotnova N. S. Individual'no-personologicheskiye osobennosti publichnoy yazykovoy lichnosti kak faktor vozdeystviya v mediadiskurse [Individual-personological features of a public linguistic personality as a factor of influence in media discourse]. *Vestnik TGPU – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2017, no. 1, pp. 53–59 (in Russian).
2. Ivchenkov V. I. Medialingvistika kak nauchnoye napravleniye v sferakh yazykozniya i zhurnalistiki [Media linguistics as a scientific direction in the fields of linguistics and journalism]. *Medialingvistika. Vyp. 4: Professional'naya rechevaya kommunikatsiya v massmedia: sbornik statey. Pod redaktsiyey L. R. Duskaevoy* [Medialinguistics. Issue 4: Professional speech communication in the mass media: collection of articles. Edited by L. R. Duskaeva]. Saint. Petersburg, 2015. Pp. 26–29 (in Russian).

3. Bolotnova N. S. *Kommunikativnaya stilistika teksta: slovar'-tezaurs* [Communicative stylistics of the text: thesaurus dictionary]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2009. 384 p. (in Russian).
4. Salimovskiy V. A. Bolotnova N. S. *Kommunikativnaya stilistika teksta: slovar'-tezaurs* [Communicative stylistics of the text: thesaurus dictionary]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2010, no. 3, pp. 223–226 (in Russian).
5. Karpilovich T. P. *Mediatekst v kommunikativno-kognitivnom aspekte* [Mediatext in a communicative and cognitive aspect]. *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta – Belarusian State Economic University Bulletin*, 2012, no. 5, pp. 89–95 (in Russian).
6. Bolotnova N. S., Bolotnov A. V. *Kognitivnyy stil' yazykovoy lichnosti v strukture modeli idiostilya: k postanovke problemy* [The cognitive style of a linguistic personality in the structure of the idiostyle model: towards the formulation of the problem]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Philological Journal*, 2012, no. 4, pp. 187–193 (in Russian).
7. Bolotnov A. V. *Tekstovaya deyatel'nost' kak otrazheniye kommunikativnogo i kognitivnogo stiley informatsionno-mediynoy yazykovoy lichnosti* [Textual activity as a reflection of the communicative and cognitive styles of an information and media linguistic personality. Tomsk]. Tomsk, TsNTI Publ., 2015. 274 p. (in Russian).
8. Klyuev E. V. *Rechevaya kommunikatsiya: Uspeshnost' rechevogo vzaimodeystviya* [Speech communication: The success of speech interaction]. Moscow, RIPOL Klassik Publ., 2002. 316 p. (in Russian).
9. Bolotnova N. S. *O tipologii regulativnykh struktur v tekste kak forme kommunikatsii* [On the typology of regulatory structures in the text as a form of communication]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2011, vol. 3, pp. 34–40 (in Russian).
10. Issers O. S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow, Lki Publ., 2008. 284 p. (in Russian).
11. Arutyunova N. D. *Diskurs* [Discourse]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'.* Glavnyy redaktor V. N. Yartseva [Linguistic encyclopedic dictionary. Ed. V. N. Yartseva]. Moscow, Sovetskaya entsyklopediya Publ., 1990. Pp. 136–137 (in Russian).
12. Interv'yu N. P. Gubskoy s Tat'yanoy Meyko. *Kak poymat' chuvstvo volshebstva* [Interview of N.P. Gubskaya with Tatiana Meiko. How to catch the feeling of magic]. *Tomskie novosti*, 2022, no. 12, pp. 13 (in Russian).
13. Aksenova A. V. *Strategiya samoprezentatsii kak sredstvo formirovaniya imidzha v raznykh vidakh diskursa* [Strategy of self-presentation as a means of image formation in different types of discourse]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki – Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2013, no. 15, pp. 109–114 (in Russian).
14. Interv'yu Kraysman Iriny s Tat'yanoy Meyko. *Posmotret' s tochki zreniya ptitsy* [Irina Kreisman's interview with Tatiana Meiko. View from the bird's point of view]. *Territoriya soglasiya*, 2013, no. 1, pp. 52–53 (in Russian).
15. Interv'yu. *Ya – pisatel'. Tat'yana Meyko* [Interview. I am a writer. Tatiana Meiko]. 2021 (in Russian) URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hzv0bCe4pv8> (accessed 25 August 2024).
16. Kulikova V. A. *Implitsitnaya i eksplitsitnaya otsenochnost' novoobrazovaniy v zagolovkakh internet-media* [Implicit and explicit evaluation of neoplasms in the headlines of Internet media]. *Razvitiye slovoobrazovatel'noy i leksicheskoy sistemy russkogo yazyka: sbornik statey po materialam VII mezhdunarodnogo nauchnogo seminar* [Development of the word-formation and lexical system of the Russian language: a collection of articles based on the materials of the VII international scientific seminar]. 2020. Pp. 54–61 (in Russian).
17. Interv'yu. *V stikhakh mne ne khvatalo chuda. Tat'yana Meyko* [Interview. I was missing a miracle in poetry. Tatiana Meiko]. 28.02.2014 (in Russian). URL: https://ros-nauka.ucoz.ru/publ/obshhestvo/ljudi_portrety_intervju/tatjana_meyko_v_stikhakh_mne_ne_khvatalo_chuda/14-1-0-440 (accessed 25 August 2024).
18. Kashirin A. A. *Kriterii kommunikativno-pragmaticheskogo analiza individual'nogo mediadiskursa telezhurnalista-vedushchego itogovoy informatsionno-analiticheskoy programmy* [Criteria for the communicative and pragmatic analysis of the individual media discourse of a TV journalist leading the final information and analytical program]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University*, 2014, no. 9 (150), pp. 70–74 (in Russian).

Информация об авторе

Извекова Ю. Б., аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

E-mail: vjatkina2009@yandex.ru. ORCID ID: 0009-0006-8300-6011.

Information about the author

Izvekova Yu. B., graduate student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

E-mail: vjatkina2009@yandex.ru. ORCID ID: 0009-0006-8300-6011.

Статья поступила в редакцию 03.05.2024; принята к публикации 29.11.2024

The article was submitted 03.05.2024; accepted for publication 29.11.2024

УДК 811.161.1'42

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-71-79>

Особенности репрезентации концепта *жизнь* в лирике Н. А. Заболоцкого в свете теории регулятивности

Ольга Викторовна Исаева

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, solvayg@mail.ru, 0009-0005-0041-5702

Аннотация

Концепт *жизнь*, являясь ключевым для национальной картины мира и творчества Н. А. Заболоцкого, находит отражение в творчестве поэта как раннего периода, представленного сборником «Столбцы и поэмы», так и позднего периода («Стихотворения (1932–1958)»). Поскольку содержание и средства репрезентации концепта претерпевают изменения вместе с разным мироощущением автора, представляется актуальным выявление динамики в творчестве известного поэта. Целью статьи является изучение особенностей репрезентации концепта *жизнь* в лирике Н. А. Заболоцкого на основе теории регулятивности, разработанной в коммуникативной стилистике текста. Представлены результаты анализа стихотворений, написанных в разные годы. Используются различные методы анализа, включая концептуальный, биографический, сравнительно-сопоставительный, которые позволили выявить регулятивные средства и способы репрезентации ключевого концепта *жизнь* и отражение в них динамики его поэтической картины мира. В ранней лирике Н. А. Заболоцкий представляет жизнь как череду карнавальных шествий, наполненных одушевленными предметами. В позднем творчестве восприятие жизни поэтом меняется. Под влиянием натурфилософского учения поэт тесно связывает жизнь природы и жизнь человека, которые наделены разумом, чувствами и гармонично дополняют друг друга.

Ключевые слова: коммуникативная стилистика текста, теория регулятивности, художественный концепт, стилистический прием, средства регулятивности, способы регулятивности

Для цитирования: Исаева О. В. Особенности репрезентации концепта *жизнь* в лирике Н. А. Заболоцкого в свете теории регулятивности // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 1 (237). С. 71–79. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-71-79>

Features of the representation of the concept *life* in N. A. Zabolotsky's lyrics in a view of the theory of regularity

Olga V. Isaeva

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, solvayg@mail.ru, 0009-0005-0041-5702

Abstract

The concept of *life*, being the key to the national picture of the world and the creations of N. A. Zabolotsky, is reflected in the poet's creations both of the early period, represented by the collection «Columns and Poems», and of the late period («Poems (1932-1958)»). The content and means of representation of the concept changed with the author's different worldview, it seems relevant to identify the dynamics in the work of the famous poet. The goal of the article is to study the peculiarities of the representation of the concept of life in N.A. Zabolotsky's lyrics based on the theory of regularity developed in the communicative style of the text. The article contains the results of the analysis of poems written in different years. Various methods of analysis was used in the research, including conceptual, biographical, comparative, which made it possible to identify regulatory means and ways of representing the key concept of *life* and reflecting in them the dynamics of his poetic picture of the world. In his early lyrics, N.A. Zabolotsky presents life as a series of carnival processions filled with animate objects; life is turned upside down. In his later creations, the poet's perception of life changes. Being influenced of natural philosophy, the poet closely connects the life of nature and human life, which are endowed with reason, feelings and harmoniously complement each other.

Keywords: *communicative stylistics of the text, theory of regularity, artistic concept, stylistic device, means of regularity, methods of regularity*

For citation: Isaeva O. V. Osobennosti reprezentatsii kontsepta *zhizn'* v lirike N. A. Zabolotskogo v svete teorii regulativnosti [Features of the representation of the concept *life* in N. A. Zabolotsky's lyrics in a view of the theory of regularity]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 1 (237), pp. 71–79 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-71-79>

Введение

Художественный текст в русле коммуникативной стилистики рассматривается как форма коммуникации, которой присуще отражение и стилистического узуса, и идиостиля автора [1, с. 55]. Помимо образно воплощенного в тексте фрагмента действительности и языковой системы, в тексте проявляются языковая личность автора и образ адресата.

Изучение творчества поэта в этом ключе позволяет выявить средства и способы воздействия на читателя как адресата текста. Такое качество текста, определенное Е. В. Сидоровым, как *регулятивность* [2], отражает «способность текста “управлять” интерпретационной деятельностью адресата в соответствии с интенцией автора» [1, с. 161]. Н. С. Болотнова подчеркивает, что регулятивность художественного текста специфична: она «отличается подвижностью, образной ориентацией, ассоциативной направленностью» [1, с. 162].

Рассматривая художественный текст с точки зрения коммуникативной стилистики, важно отметить, что выбор автором средств и способов регулятивности зависит от многих факторов, в числе которых можно выделить индивидуальное мировоззрение, принадлежность к тому или иному литературному течению и др.

Важно подчеркнуть, что «коммуникативный подход к художественному произведению предполагает комплексность исследования его элементов и ориентацию на смысловые качества (категории) текста, среди которых важное место занимают интегративность и структурность» [3, с. 172]. Наряду с этими качествами текста, как отмечает Н. С. Болотнова, можно выделить и эстетически ориентированную концептуальность [1, с. 322]. Под концептом понимается «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга... всей картины мира, отраженной в человеческой психике...» [4, с. 90]. Проблеме изучения воздействия художественных и публицистических текстов на адресата посвящены работы ряда современных исследователей, выполненные в русле коммуникативной стилистики [5–11 и др.].

На уровне элементов текста выделяются регулятивные средства, из них наиболее значимы в плане воздействия лексические. Под регулятивными средствами вслед за Н. С. Болотновой мы пони-

маем такие элементы текста, с помощью которых «выполняется та или иная психологическая операция в интерпретационной деятельности читателя» [1, с. 163]. В другой работе исследователь также отмечает, что «идиостиль автора проявляется в выборе регулятивных средств и регулятивных структур, по-разному организующих интерпретационную деятельность адресата» [12, с. 6].

Среди регулятивных средств выделяются *лингвистические* (ритмико-звуковые, лексические, морфологические, словообразовательные, синтаксические) и *экстралингвистические* (композиционные, логические, графические) [5, с. 34]. Исследователи обращаются к изучению как отдельных регулятивных средств в творчестве того или иного автора, так и к анализу комплекса данных средств – *регулятивных структур (регулятивов)*, отражающих их взаимосвязь. Среди регулятивных структур выделяются стилистические приемы, текстовые парадигмы разных типов, типы выдвижения [1, 3, 6, 9, 11, 13 и др.].

Правомерно говорить и о разных *способах регулятивности*, под которыми вслед за Н. С. Болотновой мы понимаем «принципы и приемы организации текстовых макроструктур, регулирующих процесс восприятия текста адресатом на основе соотношенности с целевой программой текста и спецификой канала связи» [1, с. 206]. С коммуникативной стратегией текста связана регулятивная стратегия, которая является ее составляющей, дающей ключ к осознанию авторского замысла, целей и мотивов. *Регулятивная стратегия текста* – поэтапный процесс регулирования познавательной деятельности адресата средствами текста в целях эффективного общения. В исследованиях описаны различные виды регулятивной стратегии, классифицированные по разным основаниям. Так, например, в зависимости от *регулятивной силы текста* (наличия/отсутствия ярких регулятивных средств, многоканальности регулирования познавательной деятельности читателя, регулятивного эффекта) различаются сильная и слабая регулятивная стратегия текста. Н. С. Болотнова обращает внимание на то, что «выбор регулятивных средств и структур определяется авторским замыслом и регулятивной стратегией текстового развертывания» [5, с. 34–35].

Целью статьи является изучение особенностей репрезентации концепта *жизнь* в лирике Н. А. За-

болоцкого на основе теории регулятивности, разработанной в коммуникативной стилистике текста.

Материал и методы

Материалом исследования послужили поэтические тексты Н. А. Заболоцкого, написанные в разные годы [14], в которых репрезентируется концепт *жизнь*. Исследование выполнено с опорой на теорию регулятивности коммуникативной стилистики текста. Использованы биографический, семантико-стилистический, концептуальный, сравнительно-сопоставительный методы, которые позволили выявить регулятивные средства и способы репрезентации ключевых концептов и отражение в них динамики поэтической картины мира автора.

Результаты исследования

В составленной нами картотеке средств репрезентации ключевых концептов в творчестве Н. А. Заболоцкого выявлено более 300 различных средств вербализации концепта *жизнь* в лирике 1926–1958 гг.

Хотя концепт *жизнь* в творчестве Н. А. Заболоцкого ранее рассматривался А. А. Талицкой [15–18] и Е. В. Туктангуловой [19–20], однако исследований, выполненных в русле коммуникативно-деятельностного подхода к поэтическим текстам автора, пока не проводилось.

Е. В. Туктангулова анализирует художественный концепт *жизнь* в аспекте триады «ключевое слово – словообраз – художественный концепт», рассматривая концепт *жизнь*, манифестированный ключевыми словами «ночь», «жизнь», «любовь», с точки зрения категории времени.

А. А. Талицкая в своих работах [15–18] отмечает, что «эффективным способом изучения концептов является изучение концептуальных моделей, в которых он воплощается» [18, с. 94], при этом автор определяет концептуальную модель как «бинарную структуру, левый компонент которой задает тему, а правый – способ ее поэтического осмысления» [18, с. 94].

Исследования А. А. Талицкой, посвященные изучению концепта *жизнь* в творчестве Н. А. Заболоцкого, основаны на выделении пяти концептуальных моделей, с помощью которых, по мнению автора, репрезентируется данный концепт: «жизнь как цепь бесконечных метаморфоз», «жизнь как история души», «жизнь как густое пекло бытия», «жизнь как существование природы», «жизнь как свеча» [17, 18]. Как отмечает автор, необходимо «дать многоаспектное описание индивидуального мировосприятия автора и представить вербальное выражение этого восприятия» [17, с. 67].

Соглашаясь с исследователем, необходимо подчеркнуть, что важно рассматривать текст в комму-

никативном аспекте, с точки зрения организации диалога с адресатом, выявляя способы воздействия на читателей, формирования у них тех или иных ассоциаций, помогающих глубже понять и эстетически осмыслить художественное произведение. Считаем целесообразным в связи с этим при изучении концепта *жизнь* в лирике Н. А. Заболоцкого опираться на теорию текстовых ассоциаций и теорию регулятивности, разработанных в коммуникативной стилистике. В рамках коммуникативно-деятельностного подхода к тексту исследование основывается на данных словарей, анализе ключевых слов в образной перспективе целого текста или ряда текстов и охватывает как отдельный текст, так и систему текстов в целом.

Прежде чем рассмотреть концепт *жизнь* в лирике Н. А. Заболоцкого в коммуникативно-деятельностном аспекте, отметим узуальное значение номинанта – ключевой лексемы, обратившись к «Малому академическому словарю». Авторы выделяют 8 значений слова: «Жизнь. 1. Особая форма движения материи, возникающая на определенном этапе ее развития. *Возникновение жизни на Земле.* <...> 2. Физиологическое состояние человека, животного, растения от зарождения до смерти. <...> *Самое дорогое у человека – это жизнь.* Н. Островский. <...> 3. Полнота проявления физических и духовных сил. *В глуши, во мраке заточенья / Тянулись тихо дни мои / Без божества, без вдохновенья, / Без слез, без жизни, без любви.* Пушкин <...> 4. Период существования кого-либо. *Жизнь прожить – не поле перейти.* Пословица <...> 5. Образ существования кого-либо. *Жизнь обитателей Покровского была однообразна.* Пушкин <...> 6. *Кого-чего или какая.* Деятельность общества и человека в тех или иных ее проявлениях, в различных областях, сферах. *Хозяйственная жизнь страны* <...> 7. Окружающая нас реальная действительность; бытие. *В жизни, окружавшей меня тою порой, было много интересного.* М. Горький <...> 8. Оживление, возбуждение, вызываемое деятельностью живых существ. <...> *С огнями пробудилась и жизнь: на реке послышались гудки автомашин, у берега затрепал трактор.* Ажаев <...>» [21, с. 484–485].

Осмысление концепта *жизнь* в русской картине мира на уровне узуса представлено в исследовании О. А. Ипановой [22]. Автор отмечает, что «концепт заложен не в слове, а в корне слова и реализуется во всей словообразовательной парадигме..., анализ однокоренных с лексемой *жизнь* слов, т. е. вербальных репрезентаций анализируемого концепта, позволит более полно описать концепт ЖИЗНЬ» [22, с. 150]. Исследователь выделяет 18 концептуальных метафор, которые отражают русскую картину мира. Среди них выделены, например, концептуальные метафоры «жизнь – путь», «жизнь –

ценность», «жизнь — собственность», «жизнь — книга» и др., отмечены и особые отношения дополнения между концептами *жизнь* и *смерть* [22].

Лексему «жизнь» и ее словоформы, по нашему мнению, целесообразно рассматривать включенными в контекст (у Н. А. Заболоцкого она обычно становится частью стилистических приемов). Из 300 случаев лексической репрезентации концепта *жизнь* в лирике поэта более 200 лексем имеют общие семы с номинантом концепта. Выделено 90 случаев употребления автором ключевой лексемы-номинанта концепта и ее словоформ, из которых всего 24 случая употребления выявлено в раннем творчестве — авторском сборнике «Столбцы и поэмы».

Раннее творчество поэта формировалось на фоне участия Н. А. Заболоцкого в группе писателей и деятелей культуры ОБЭРИУ (Объединение реального искусства), функционировавшей в 1927 — начале 1930-х годов в Ленинграде. Члены группы призывали отказаться от традиционных форм искусства, а также выступали за обновление методов изображения действительности; широко использовали такие приемы, как алогизм, гротеск. Концепт *жизнь*, являющийся ключевым как для русской национальной картины мира, так и идиостиля поэта, имеет в творчестве Н. А. Заболоцкого определенные особенности репрезентации и использования средств и способов регулятивности. В ранней лирике автор изображает новую жизнь, фактически перевернувшуюся вверх ногами: то, что является живым в привычном понимании, становится мертвым, бездуховным, а изначально неживым предметам и явлениям приписываются свойства и качества живых.

Номинант концепта в ранней лирике Н. А. Заболоцкого часто является элементом неожиданных стилистических приемов, усиливая описание фантазмагоричности мира периода нэпа: «Я — *новой жизни ополченец*», «*Две гирьки, мирно встав на блюде, / Определяют жизни ход*», «*Мы тут живем умно и некрасиво, / Справляя жизнь, рождаясь от людей, / Мы забываем о деревьях*». Деепричастие «справляя» в сочетании с лексемой «жизнь» приобретает актуальный смысл «делая, выполняя (какую-либо работу)», что лишает жизнь духовности и высокого звучания.

Можно выделить следующие лексемы, ассоциативно и семантически связанные с концептом *жизнь*, в ранней лирике:

- прилагательные «живой», «жилой», «житейские» и их словоформы (20 употреблений);
- глаголы «живет», «жил» (14 употреблений);
- существительные «жилец», «жилище», «старожил» и их словоформы (12 употреблений);
- существительные «бытие», «быт» и их словоформы (6 употреблений);

— единично представлены лексемы «существовать», «смертные» («живущие, но рано или поздно подверженные смерти») и «бессмертие» («способность избежать смерти, остаться живым»).

Жизнь неразрывно связана со смертью в русской национальной картине мира. Так, по данным «Русского ассоциативного словаря», на стимул «жизнь» получено 62 реакции «смерть» [23, с. 199].

А. А. Талицкая обобщает способы концептуализации понятия «жизнь», представленного в «Столбцах», с помощью метафоры «густое пекло бытия», взятой из стихотворения «Народный дом». Автор отмечает, что «в рамках поэтического сборника “Столбцы” жизнь оказывается равной смерти» [16, с. 123], а также подчеркивает, что в ранней лирике Н. А. Заболоцкого «концепт “жизнь” получает многостороннее воплощение..., жизнь плоти, материи, мира, наполненного множеством вещей, осознается Н. Заболоцким амбивалентно» [16, с. 125]. Исследователь выделяет как отрицательную оценку поэтом новой жизни, так и положительную, связывая последнюю с лексемами тематической группы «Праздник». Особое внимание А. А. Талицкая уделяет образу ребенка-учителя, который считает манифестантом чистоты и непорочности детской души.

Не только регулятивные средства, ассоциативно и семантически связанные с концептом *жизнь*, являются его репрезентантами в лирике Н. А. Заболоцкого. В ранней лирике поэта регулятивную функцию часто выполняет олицетворение, причем номинант концепта в тексте может отсутствовать.

Так, в стихотворении «Белая ночь» (1926), открывающем авторский цикл «Городские столбцы», отсутствует лексема «жизнь» и ее производные, но на уровне целого текста одним из способов выдвижения является конвергенция приемов персонификации и гротеска. Концепт репрезентируется здесь с помощью данных стилистических приемов, а не с помощью своего номинанта. Поэт изображает алогичный, перевернутый мир в виде неистового карнавала, шаша (ср. «и *всюду сумасшедший бред*»). Текст отличается обилием олицетворений: «ночи *ходят*», «*летает хохот поугаем*», «*любовь стелет* <...>, *меняется местами, то подойдет, то отойдет*», «*барабан заговорил*», «*качали кольцами деревья*» [14, с. 30] и т. д. Практически все неживые предметы, описанные в стихотворении, одушевляются, персонифицируются. Так, описание концепта *жизнь* предстает перед читателем в абсурдном виде: в ситуации «сумасшедшего бреда», карнавала, живым является все то, что таким не является по своей природе, но законы природы нарушены.

В стихотворении «Футбол» (1926) автор с помощью олицетворения, сопряженного с гротеском,

рисует жизнь предметов, которые не просто одушевляются, персонифицируются, но и вступают в противоборство с истинной жизнью. Так, футбольный мяч, напоминающий непредсказуемую шаровую молнию, не просто попадает в ворота, а «*вертится между стен, / дымится, пучится, хохочет*», а завершается этот градационный ряд угрозой для футболиста, созданной предметом из мира вещей: «*форварда замучить хочет*». Обратившись к «Малому академическому словарю», представим узуальное значение слова «замучить»: «1. Муками, истязаниями довести до смерти. 2. Заставить страдать, мучиться от чего-либо» [21, с. 548]. В «Русском ассоциативном словаре» на стимул «замучить» подавляющее большинство реакций (23) – «до смерти». Сравним также реакции: «насмерть» – 4 ответа, «кошку» – 6, «вопросами» – 5 [23, с. 209].

Таким образом, «оживший» предмет стремится не просто «жить», но и умертвить изначально живое по всем законам природы существо. Мир предметов в раннем творчестве становится не просто одушевленным, но вступающим в противоборство с миром живых, «переворачивая» или поглощая многовековой уклад. Подобные мотивы мы находим во многих стихотворениях авторских циклов «Городские столбцы» и «Смешанные столбцы»: «Офорт», «Свадьба», «Пекарня», «В жилищах наших» и др.

Учитывая выводы А. А. Талицкой, узуальные значения лексемы «жизнь» и собственные наблюдения, обобщим и расширим варианты представления концепта *жизнь* в ранней лирике Н. А. Заболоцкого. По нашему мнению, можно выделить следующие способы концептуализации в стихах этого периода в творчестве поэта:

- «жизнь как карнавал» – бесконечная смена одушевленных предметов, шествие нечистой силы, думающая и действующая как единый организм толпа и т. п. (см. стихи «Белая ночь», «Цирк», «Новый быт», «Свадьба», «Рыбная лавка» и др.);

- «жизнь предметов» – одушевление предметов и явлений, которые предстают в художественном мире «Столбцов» более живыми, чем действительно одушевленные существа (стихи «Футбол», «Свадьба», «В жилищах наших» и др.);

- «жизнь – то, что возникает в результате смерти других» (ср. стихи 1) «Искушение»: «*Из всех отверстий тела / Червяки глядят несмело*», «*Была дева – стали щип. <...> Из берцовой из кости / Будет деревце расти*»; 2) «Искусство»: «*Дом, деревянная постройка, / Составленная как кладбище деревьев, / Сложенная как шалаши из трупов*» и др.).

Различные грани в осмыслении автором концепта *жизнь*, как видно из примеров, могут пересекаться и наслаиваться в рамках одного текста.

Таким образом, структура концепта становится усложненной и многослойной. Ключевым способом регулятивности в раннем творчестве Н. А. Заболоцкого становится конвергенция, основанная на приемах персонификации (олицетворения) и гротеска, а регулятивной стратегией является парадоксально-контрастивная.

Позднее творчество поэта, к которому относится авторский сборник «Стихотворения (1932 – 1958)», характеризуется трансформацией философских взглядов автора и его поэтической картины мира. Меняется содержание ключевых концептов. Об этом можно судить по более частому использованию лексемы «жизнь» в поздней лирике, актуальный смысл которой коррелирует с узуальными значениями лексемы: «особая форма движения материи, возникающая на определенном этапе ее развития» и «физиологическое состояние человека, животного, растения от зарождения до смерти» [21, с. 484].

В «Стихотворениях (1932 – 1958)» номинант концепта *жизнь* встречается часто: выявлено 43 употребления лексемы «жизнь» и ее словоформ. Это связано с тем, что поэт в этот период стремится к переосмыслению важнейших концептов в связи с изменениями собственного мировосприятия. Как и в ранней лирике, жизнь часто соотносится поэтом со смертью, но это понятие в сборнике «Стихотворения (1932–1958)» также подвергается автором переосмыслению.

Отметим лексемы, ассоциативно и семантически связанные с номинантом концепта:

- прилагательное «живой» и его словоформы, а также единичные употребления лексем «пожилой», «прожитый» (43 употребления по сравнению с 20 словоупотреблениями в ранней лирике, что указывает на возросшую для автора роль концепта *жизнь* в позднем творчестве);

- прилагательные «бессмертный» (7 употреблений по сравнению с 1 в ранней лирике) и «нетленный» (2 употребления), являющиеся манифестантами нового мироощущения автора;

- глаголы «жить», «существовать» и его словоформы (20 употреблений, по сравнению с 14 в ранней лирике (увеличение числа глаголов также указывает на усиление роли *жизни* и ее непосредственной активности в поздней лирике);

- существительные «жилец», «жиле», «старожил», «житель» (4 употребления, в ранней лирике – 6); существительные «бытие», «быт» (8 употреблений по сравнению с 5 в ранней лирике); «существование», «существо» (8 употреблений);

- отдельно отметим прилагательные «животворный» (2 употребления), «животворящий» (1), «живительной» (1), которые не встречались в ранней лирике.

Эпитетом «животворный(-ая)» поэт наделяет свет (стихотворение «Старость» из цикла «Последняя любовь»: «*И животворный свет страданья*») и воду (стихотворение «Лесное озеро»: «*Склонялись воды животворной напиться*»). Эпитет «животворящий» автор использует, характеризуя русский язык: «*Вечно верует в животворящий, / Полный разума русский язык*» (стихотворение «Читая стихи»), а эпитетом «живительная» подчеркивает духовную силу в стихотворении «В кино»: «*Кто наполнил живительной силой Бесприютное сердце жены?*». Обратившись к «Малому академическому словарю», убедимся, что значения данных слов очень близки: «*Животворный*. Дающий жизнь, восстанавливающий силы, оживляющий» [21, с. 483]. «*Животворящий*. 1. Прич. От животворить – наполнять жизненной силой, оживлять. 2. То же, что животворный» [21, с. 483]. «*Живительный*. Укрепляющий, возбуждающий жизненные силы» [21, с. 481]. Кроме прочего, в употреблении данных лексем проявляется обновленный подход автора к концепту «жизнь».

Это больше не неистовый карнавал, не перевернутое с ног на голову бытие, а наполняющее силой и укрепляющее таинство. Жизнь природы и жизнь человека в поздней лирике тесно связаны и дополняют друг друга. В стихотворении «Я не ищу гармонии в природе» (1947) природе «*не мила... дикая свобода*», она стремится к единению с человеком и его трудом: «*И снится ей блестящий вал турбины, / И мерный звук разумного труда*» [14, с. 160]. Подобные отношения человека и природы, их сосуществование, параллели между ними находим во многих текстах поздней лирики (ср.: «*Лодейников*», «*Начало зимы*», «*Читайте, деревья, стихи Гесиода*» и др.).

Поэт, увлекшийся натурфилософскими трудами, считает, что жизнь расширяется от «человеческой» до бесконечно обновляющейся жизни природы, которая в позднем творчестве становится не просто живой, а одухотворенной. Сравним следующие строки: «*Нам непонятна эта красота – / Деревьев влажное дыханье*» («В жилищах наших»,

1926) [14, с. 79]. Деревьям приписывается качество живого, но они не одухотворены, не наделены душой и разумом. Другой пример возьмем из поздней лирики: «*Заплакав жалобно, придут в сознание травы, / Вздохнут дубы, подняв остатки рук*» («Засуха», 1936) [14, с. 177]. Это можно интерпретировать так: вечером, когда уходит жара, травы и дубы не просто дышат, а, словно разумные, облегченно вздыхают.

В целом, рассматривая особенности репрезентации концепта *жизнь* в позднем творчестве Н. А. Заболоцкого, можно отметить, что ведущим способом регулятивности можно назвать антропоморфизм, основанный на параллелизме существования природы и человека.

Заключение

Таким образом, ключевой для русской национальной картины мира и творчества Н. А. Заболоцкого концепт *жизнь* многогранен и претерпевает изменения в поэтической картине мира автора на протяжении его творческого пути. В ранней лирике ведущими способами регулятивности становится конвергенция с доминирующими приемами персонификации (олицетворения) и гротеска, в поздней – антропоморфизм, основанный на образном параллелизме существования природы и человека с опорой на прием персонификации.

На начальном этапе творчества, находясь под впечатлением от «нового быта» периода нэпа, Н. А. Заболоцкий изображает жизнь в нескольких ипостасях, которые условно можно обозначить следующим образом: «жизнь как карнавал», «жизнь предметов», «жизнь как то, что возникает в результате смерти других». В поздней лирике в связи с изменением мироощущения поэта меняются и содержание, и средства репрезентации концепта, среди которых к доминантам регулятивности можно отнести олицетворения и эпитеты. *Жизнь* в поздней лирике интерпретируется автором как форма движения материи и физиологическое состояние от зарождения до смерти.

Список источников

1. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М.: ФЛИНТА, 2012. 384 с.
2. Сидоров Е. В. Проблемы речевой системности. М.: Наука, 1987. 138 с.
3. Болотнова Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1992. 312 с.
4. Кубрякова Е. С. Концептуализация // Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. С. 93–94.
5. Болотнова Н. С. О типологии регулятивных структур в тексте как форме коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2011. Вып. 3 (105). С. 34–40.
6. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: способы регулятивности в медиадискурсе публичной языковой личности // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2013. Вып. 3 (131). С. 168–172.

7. Болотнова Н. С. О связи теории регулятивности текста с прагматикой // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2008. № 2 (3). С. 24–30.
8. Болотнова Н. С. Типы вербализованных в тексте художественных концептов и их взаимодействие // Сибирский филологический журнал. 2005. № 3–4. С. 54–60.
9. Шутова А. В. Регулятивный потенциал поэтических текстов О. Э. Мандельштама разных лет (по данным эксперимента) // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2021. Вып. 1 (213). С. 73–79.
10. Кабанина О. Л. Лексические регулятивные универсалии: к определению понятия // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2018. Вып. 4 (193). С. 41–45.
11. Иванченко С. А. Регулятивный потенциал стихотворения М. А. Волошина «Ступни горят, в пыли дорог душа...» (по данным экспериментов) // Русская речевая культура и текст: материалы XII Международной научной конференции, Томск, 20–21 мая 2022 года. Томск: Томский центр научно-технической информации, 2022. С. 51–59.
12. Болотнова Н. С. О трех направлениях коммуникативной стилистики художественного текста и изучении текстового слова // Коммуникативно-прагматические аспекты слова в художественном тексте: науч. тр. каф. совр. рус. яз. и стилистики Томского гос. пед. ун-та / под ред. проф. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во ЦНТИ, 2000. С. 4–8.
13. Петрова Н. Г. Типы лексических регулятивных структур в поэзии К. Бальмонта // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 1998. Вып. 6. С. 23–29.
14. Заболоцкий Н. А. Столбцы и поэмы 1926–1933. Стихотворения 1932–1958. Стихотворения разных лет. Проза // Собрание сочинений: в 3 т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 1. 655 с.
15. Талицкая А. А. Концепт «жизнь» в произведениях Н. Заболоцкого 1926–1929 гг. // Русское слово: литературный язык и народные говоры: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения д-ра филол. наук, проф. Г. Г. Мельниченко, Ярославль, 25–27 октября 2007 года / отв. ред. Т. К. Ховрина. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2008. С. 426–431.
16. Талицкая А. А. Особенности интерпретации Н. А. Заболоцким концепта «жизнь» в ранней лирике // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. № 4–2. С. 120–125.
17. Талицкая А. А. Концепт «жизнь» в художественном тексте (на материале поэзии Н. А. Заболоцкого) // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 3. С. 67–72.
18. Талицкая А. А. Языковая репрезентация концептуальной модели «жизнь как история души» в лирике Н. А. Заболоцкого // Язык русской литературы XX века: сб. науч. ст. / под общ. ред. О. П. Мурашовой, Н. А. Николиной. Т. 4. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2010. С. 94–102.
19. Туктангулова Е. В. Художественный концепт «жизнь» в идиостиле Н. А. Заболоцкого // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы VIII Международной научной конференции: в 2 т., Челябинск, 20–22 апреля 2016 года / отв. ред. Л. А. Нефедова. Т. 1. Челябинск: Энциклопедия, 2016. С. 287–290.
20. Туктангулова Е. В. Репрезентация художественного концепта «жизнь» в идиостиле Н. А. Заболоцкого (на материале цикла «Городские столбцы») // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2005. № 2. С. 53–56.
21. Словарь русского языка (Малый академический словарь): в 4 т. Т. 1: А–Й / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М.: Русский язык, 1985–1988. 696 с.
22. Ипанова О. А. Жизнь // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Т. 2. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 146–166.
23. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева и др. М., 2002. 781 с.

References

1. Bolotnova N. S. *Kommunikativnaya stilistika teksta: slovar'-tezaurus* [Communicative stylistics of the text: thesaurus dictionary]. Moscow, FLINTA Publ., 2012. 384 p. (in Russian).
2. Sidorov E. V. *Problemy rechevoy sistemnosti* [Problems of speech consistency]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 138 p. (in Russian).
3. Bolotnova N. S. *Khudozhestvennyy tekst v kommunikativnom aspekte i kompleksnyy analiz edinits leksicheskogo urovnya* [A literary text in the communicative aspect and a comprehensive analysis of lexical level units]. Tomsk, TSU Publ., 1992. 312 p. (in Russian).
4. Kubryakova E. S. *Kontseptualizatsiya* [Conceptualization]. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Concise Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow, 1996. Pp. 93–94 (in Russian).
5. Bolotnova N. S. O tipologii regulativnykh struktur v tekste kak forme kommunikatsii [About typology of regulatory structures in the text as a form of communication]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2011, vol. 3 (105), pp. 34–40 (in Russian).
6. Bolotnova N. S. *Kommunikativnaya stilistika teksta: sposoby regulativnosti v mediadiskurse publichnoy yazykovoy lichnosti* [Communicative stylistics of the text: ways of regularity in the media discourse of a public linguistic personality]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2013, vol. 3 (131), pp. 168–172 (in Russian).

7. Bolotnova N. S. O svyazi teorii regul'yativnosti teksta s pragmatikoy [About connection of the theory of regularity of the text with pragmatics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2008, vol. 2 (3), pp. 24–30 (in Russian).
8. Bolotnova N. S. Tipy verbalizovannykh v tekste khudozhestvennykh kontseptov i ikh vzaimodeystviye [Types of verbalized concepts in the text and their interaction]. *Sibirskiy filologicheskoy zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2005, no. 3-4, pp. 54–60 (in Russian).
9. Shutova A. V. Regul'yativnyy potentsial poeticheskikh tekstov O. E. Mandel'shtama raznykh let (po dannym eksperimenta) [The regulatory potential of O. E. Mandelstam's poetic texts from different years (according to experimental data)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2021, vol. 1 (213), pp. 73–79 (in Russian).
10. Kabanina O. L. Leksicheskiye regul'yativnye universalii: k opredeleniyu ponyatiya [Lexical regulatory universals: about the definition of the concept]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2018, vol. 4 (193), pp. 41–45 (in Russian).
11. Ivanchenko S. A. Regul'yativnyy potentsial stikhotvoreniya M. A. Voloshina «Stupni goryat, v pyli dorog dusha...» (po dannym eksperimentov) [The regulatory potential of M. A. Voloshin's poem "Feet are burning, the soul is in the dust ..." (according to experiments)]. *Russkaya rechevaya kul'tura i tekst: materialy XII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Tomsk, 20–21 maya 2022 goda* [Russian Speech Culture and Text: Proceedings of the XII International Scientific Conference, Tomsk, May 20–21, 2022]. Tomsk, TsNTI Publ., 2022. Pp. 51–59 (in Russian).
12. Bolotnova N. S. O tryokh napravleniyakh kommunikativnoy stilistiki khudozhestvennogo teksta i izuchenii tekstovogo slova [Three directions of the communicative stylistics of a literary text and the study of a text word]. *Kommunikativno-pragmaticheskiye aspekty slova v khudozhestvennom tekste: nauchnye trudy kafedry sovremennogo russkogo yazyka i stilistiki Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Pod redaktsiyey professora N. S. Bolotnovoy* [Communicative and pragmatic aspects of the word in a literary text: scientific works of the Department of Modern Russian Language and Stylistics of Tomsk State Pedagogical University. Edited by Professor N. S. Bolotnova]. Tomsk, TsNTI Publ., 2000. Pp. 4–8 (in Russian).
13. Petrova N. G. Tipy leksicheskikh regul'yativnykh struktur v poezii K. Bal'monta [Types of lexical regulatory structures in K. Balmont's poetry]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 1998, vol. 6, pp. 23–29 (in Russian).
14. Zabolotskiy N. A. Stolbtsy i poemyy 1926–1933. Stikhotvoreniya 1932–1958. Stikhotvoreniya raznykh let. Proza [Columns and poems 1926–1933. Poems 1932–1958. Poems from different years. Prose]. *Sobraniye sochineniy: v 3 tomakh* [Collected Works: in 3 volumes.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1983. Vol. 1. 655 p. (in Russian).
15. Talitskaya A. A. Kontsept zhizn' v proizvedeniyakh N. Zabolotskogo 1926–1929 gg. [The concept of life in the creations of N. Zabolotsky 1926–1929]. *Russkoye slovo: literaturnyy yazyk i narodnye govory: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya doktora filologicheskikh nauk, professora G. G. Melnichenko, Yaroslavl', 25–27 oktyabrya 2007 goda. Otvetstvennyy redaktor T. K. Khovrina* [The Russian word: literary language and folk dialects: materials of the All-Russian scientific conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of Doctor of Philological Sciences, Professor G. G. Melnichenko, Yaroslavl, October 25–27, 2007 / editor-in-chief T. K. Khovrina]. Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky Publ., 2008. Pp. 426–431 (in Russian).
16. Talitskaya A. A. Osobennosti interpretatsii N. A. Zabolotskim kontsepta «zhizn'» v ranney lirike [Features of N. A. Zabolotsky's interpretation of the concept of life in early lyrics]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 2009, no. 4–2, pp. 120–125 (in Russian).
17. Talitskaya A. A. Kontsept «zhizn'» v khudozhestvennom tekste (na materiale poezii N. A. Zabolotskogo) [The concept of life in a literary text (based on the material of N. A. Zabolotsky's poetry)]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskoy vestnik - Verkhnevolzhskiy philological bulletin*, 2016, no. 3, pp. 67–72 (in Russian).
18. Talitskaya A. A. Yazykovaya reprezentatsiya kontseptual'noy modeli «zhizn'» kak istoriya dushi» v lirike N. A. Zabolotskogo [Linguistic representation of the conceptual model «Life as the history of the soul» in N. A. Zabolotsky's lyrics]. *Yazyk russkoy literatury XX veka: sbornik nauchnykh statey. Pod obshchey redaktsiyey O. P. Murashevoy, N. A. Nikolinoy. Tom 4* [The Language of Russian Literature of the 20th Century: A Collection of Scientific Articles. Edited by O. P. Murasheva, N. A. Nikolina. Vol. 4]. Yaroslavl', Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky Publ., 2010. Pp. 94–102 (in Russian).
19. Tuktangulova E. V. Khudozhestvennyy kontsept «zhizn'» v idiostile N. A. Zabolotskogo [Art concept of «life» in the idiosyncrasy of N. A. Zabolotsky]. *Slovo, vyskazyvaniye, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektakh: materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii: v 2-kh tomakh, Chelyabinsk, 20–22 aprelya 2016 goda. Otvetstvennyy redaktor L. A. Nefedova. Tom 1* [Word, utterance, text in cognitive, pragmatic and cultural aspects: materials of the VIII International scientific conference: in 2 volumes, Chelyabinsk, April 20–22, 2016. Editor-in-chief L. A. Nefedova. Volume 1]. Chelyabinsk, Entsiklopediya Publ., 2016. Pp. 287–290 (in Russian).
20. Tuktangulova E. V. Reprezentatsiya khudozhestvennogo kontsepta «zhizn'» v idiostile N. A. Zabolotskogo (na materiale tsikla «Gorodskiy stolbtsy») [Representation of the art concept «life» in the idiosyncrasy of N. A. Zabolotsky (based on the material of the cycle «Urban Columns»)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya – Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*, 2005, no. 2, pp. 53–56 (in Russian).

21. *Slovar' russkogo yazyka (Malyy akademicheskiy slovar': v 4 tomakh. Tom 1: A–J. Pod redaktsiyey A. P. Evgen'evoy)* [Dictionary of the Russian language (Small Academic Dictionary): in 4 volumes. Volume 1]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1985–1988. 696 p. (in Russian).
22. Ipanova O. A. *Zhizn' [Life]. Antologiya kontseptov. Pod redaktsiye V. I. Karasika, I. A. Sternina. Tom 2* [Anthology of Concepts. Edited by V. I. Karasik, I. A. Sternin. Volume 2]. Volgograd, Paradigma Publ., 2005. Pp. 146 – 166 (in Russian).
23. *Russkiy assotsiativnyy slovar': v 2kh tomakh* [Russian associative dictionary: in 2 volumes]. Yu. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimtseva et al. Moscow, 2002. 781 p. (in Russian).

Информация об авторе

Исаева О. В., аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

E-mail: solvayg@mail.ru. ORCID ID: 0009-0005-0041-5702. SPIN-код: 9012-4732.

Information about the author

Isaeva O. V., graduate student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

E-mail: solvayg@mail.ru. ORCID ID: 0009-0005-0041-5702. SPIN-code: 9012-4732.

Статья поступила в редакцию 03.06.2024; принята к публикации 29.11.2024

The article was submitted 03.06.2024; accepted for publication 29.11.2024

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-80-91>

В. А. Жуковский в газете «Русский инвалид» 1813–1825 гг.: рецепция личности и творчества

Юлия Евгеньевна Пушкарёва

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Санкт-Петербург, Россия, j.e.pushkareva2016@yandex.ru, 0009-0008-4592-8001

Аннотация

Предмет исследования – рецепция личности и творчества В. А. Жуковского в военной газете «Русский инвалид» 1813–1825 гг. Выявлено 45 публикаций, имеющих отношение к Жуковскому. Публикации делятся на пять групп: 1) биографические материалы; 2) произведения поэта, отрывки из них, объявления об издании; 3) материалы о сборниках, альманахах, антологиях, содержащих произведения поэта; 4) параллели с творчеством других авторов; 5) критические статьи. Самой многочисленной группой является третья, так как в первой трети XIX в. в центре литературного процесса находились кружки и сообщества, альманахи, журналы, транслирующие разные эстетические позиции. Самая малочисленная группа – пятая: поскольку «Русский инвалид» не был сфокусирован на литературе, полноценные критические статьи публиковались в нем редко. Кроме того, большинство материалов о Жуковском (за исключением одного замечания) сугубо комплиментарны: он является не объектом критики, а эталоном, признанным гением. Тем не менее в газете есть попытки анализа произведений поэта: баллады «Эолова арфа», перевода поэмы Дж. Г. Байрона «Шильонский узник». Высоко оцениваются переводы Жуковского из Дж. Г. Байрона, Ф. Шиллера, Т. Мура, античных авторов. В газете опубликована его баллада «Лесной царь», встречаются отрывки из патриотических произведений; малоизвестные авторы дважды обращаются к его стихотворению «Певец в стане русских воинов», благодаря которому за Жуковским закрепляется номинация «русский Тиртей». Встречаются характеристики поэтики Жуковского: мечтательность, «отвлеченность», внимание к душе, эмоциональному миру, мистицизм, метафизический характер образов и мотивов, родство с немецкими романтиками. Отмечены биографические факты: повышение Жуковского в чине, вручение пенсионного ордена, принятие в Императорскую Российскую Академию, участие в обучении царевича Александра Николаевича. Таким образом, несмотря на далекое от литературы содержание «Русского инвалида», Жуковский разносторонне отражен в нем как личность, поэт и переводчик. Его творчество осмысливается как образец, национальное достояние, однако материалы газеты в этот период далеки от полноценной критики и анализа текстов.

Ключевые слова: В. А. Жуковский, «Русский инвалид», рецепция, романтизм, критика

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00386, <https://rscf.ru/project/24-18-00386/>

Для цитирования: Пушкарёва Ю. Е. В. А. Жуковский в газете «Русский инвалид» 1813–1825 гг.: рецепция личности и творчества // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 1 (237). С. 80–91. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-80-91>

RUSSIAN LITERATURE AND INTERCULTURAL LITERARY RELATIONS

V. A. Zhukovsky in the newspaper *Russky Invalid* (1813–1825): reception of his personality and works

Yu. E. Pushkareva

North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russian Federation, j.e.pushkareva2016@yandex.ru, 0009-0008-4592-8001

Abstract

The subject of research is reception of V. A. Zhukovsky's personality and works in a military newspaper *Russky Invalid* (1813–1825). The author discovers 45 materials related to Zhukovsky and divides them into 5 groups: 1) biographical materials; 2) works by the poet, fragments from the works, announcements; 3) materials about collections, almanacs, anthologies containing the poet's works; 4) parallels with works by other authors; 5) critical articles. The largest group is the third, because various communities, almanacs, magazines expressing different aesthetic positions were in the center of literary process in the 1800s – 1830s. The smallest group is the fifth: *Russky Invalid* did not focus on literature and rarely published critical articles. In addition, most of materials dedicated to Zhukovsky (except for one note) are complimentary: he is not an object of criticism, but a canon, a recognized genius. However, the newspaper contains some attempts to analyze the poet's works: the ballade *Eolova Arfa* (The Harp of Aeolus), the translation of the poem *The Prisoner of Chillon* by G. G. Byron. The newspaper appreciates Zhukovsky's translations from Byron, F. Schiller, T. Moore, ancient authors. *Russky Invalid* publishes his ballade *Lesnoy Tsar* (The Forest King), fragments from patriotic works; two little-known authors dedicate their works to his poem *Pevets v Stane Russkikh Voinov* (The Singer in the Camp of Russian Warriors), which gives to Zhukovsky the nomination "Russian Tyrtaeus". There are some characteristics of Zhukovsky's poetics: according to the newspaper, his poetry is dreamy, "abstract", attentive to soul and emotional world, mystic, metaphysical, close to German romanticists. The newspaper notes some Zhukovsky's biographical facts: his promotions at the court, awarding of a pension and orders, acceptance into the Imperial Russian Academy, education of Tsarevich Alexander Nikolaevich. In conclusion, although the newspaper *Russky Invalid* is far from literature, it reflects Zhukovsky as a personality, poet, and translator. The newspaper represents his works as an example, a national treasure; however, materials of that period are far from a real criticism and text analysis.

Keywords: V. A. Zhukovsky, *Russky Invalid*, reception, Romanticism, criticism

For citation: Pushkareva Yu. E. V. A. Zhukovskiy v gazete "Russkiy invalid" 1813–1825 gg.: retseptsiya lichnosti i tvorchestva [V. A. Zhukovsky in the newspaper *Russky Invalid* (1813–1825): reception of his personality and works]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 1 (237), pp. 80–91 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-80-91>

Введение

Газета «Русский инвалид, или Военные ведомости» (в дальнейшем – «Армия и флот свободной России») издавалась более ста лет – с 1813 по 1917 г. – и была одним из ведущих изданий своей эпохи. Большую часть времени газета выходила ежедневно и детально отразила внушительный пласт российской и зарубежной истории. В период наполеоновских войн она активно освещала заграничные походы русской армии; впоследствии значительная доля каждого выпуска посвящалась новостям армии и флота, но при этом развивались и другие рубрики: «Внутренние известия», «Заграничные известия», «Ученые и художественные известия», «Землеописание», «Биография», «Статистика», «Литература», «Смесь», даже появились развлекательные шарady. Что касается литера-

турных материалов, то из-за профиля газеты они, конечно, не выходили на первый план.

Идея увидеть в подобном издании имя В. А. Жуковского, чьи произведения наполнены романтическими, метафизическими образами и в основном не имеют военно-патриотической тематики, на первый взгляд кажется странной. Тем не менее, изучив выпуски газеты с 1813 по 1825 г., можно заметить, что знаменитый поэт, переводчик и педагог достаточно живо отражен в «Русском инвалиде» – и как придворная фигура, приближенный царской семьи, и как признанный литератор.

Материал и методы

Рассмотрев данный период на материале электронных копий и микрофильмов «Русского

инвалида» в РНБ, мы обнаружили 45 публикаций (без учета повторяющихся – 43), касающихся Жуковского. По содержанию их можно разделить на несколько групп: 1) материалы биографического характера, не касающиеся творчества Жуковского, но отражающие его карьерный рост при дворе; 2) произведения Жуковского, отрывки из них, объявления об их издании; 3) материалы о сборниках, альманахах, периодических изданиях, содержащих произведения Жуковского (сюда же можно отнести объявления о собрании портретов знаменитых современников, куда входит его портрет); 4) параллели между творчеством Жуковского и творчеством других авторов: сравнения, посвящения и т. п.; 5) критические разборы произведений Жуковского (в том числе переводов), комментарии к ним. Рассмотрим последовательно каждую из групп публикаций, чтобы проанализировать рецепцию личности и творчества Жуковского в «Русском инвалиде». Отметим, что до 1815 г. упоминаний о Жуковском в газете не встречается.

Результаты и обсуждение

Материалы биографического характера

К данной группе можно отнести шесть публикаций из обнаруженных нами. Первая – заметка из рубрики «Внутренние известия» в № 5 от 7 января 1817 г., сообщающая, что император жалует Жуковскому бриллиантовый перстень со своим именем и ежегодный пенсион:

«Господину Министру Финансов.

Взирая со вниманием на труды и дарования известного писателя, штабс-капитана Василья Жуковского, обогатившего нашу словесность отличными произведениями, из коих многие посвящены славе российского оружия, повелеваю, как в ознаменование *Моего* к нему благоволения, так и для доставления нужной при его занятиях независимости состояния, производить ему в пенсион по четыре тысячи рублей в год из сумм Государственного Казначейства» [1, с. 1].

Как видим, в начале 1817 г. Жуковский уже воспринимается как «известный писатель», чьи «труды и дарования» дают ему право на личное благоволение императора. Примечательно, что в приказе сделан акцент на «независимости состояния», необходимой при «занятиях» поэта и переводчика: талант Жуковского уже обеспечивает ему свободу от военной или чиновничьей службы, что способствует его творческим успехам.

Следующая заметка – тоже в рубрике «Внутренние известия» в № 91 от 23 апреля 1818 г.:

«Служащий по Министерству духовных дел и народного просвещения, известный писатель, штабс-капитан *Жуковский*, во уважение особенных его дарований и службы, всемилостивейше пожалован в коллежские асессоры» [2, с. 1].

В похожей заметке в № 7 от 11 января 1823 г. сообщается, что Жуковский и И. П. Шамбо пожалованы в надворные советники; оба при этом характеризуются как «находящиеся при *Ее Императорском Высочестве* Великой Княгине *Александре Феодоровне*» [3, с. 3]. Шамбо был секретарем Александры Федоровны, супруги Николая Павловича, будущего императора Николая I; Жуковский обучал ее – немецкую принцессу – русскому языку.

Еще две заметки посвящены награждению Жуковского орденами. В № 97 от 24 апреля 1824 г. сообщается, что «надворному советнику *Жуковскому* всемилостивейше пожалованы *алмазные знаки* Ордена св. Анны 2-й степени» [4, с. 2]; в № 172 от 22 июля 1825 г. – что «находящийся при воспитании *Его Императорского Высочества Великого Князя АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА*, надворный советник *Василий Жуковский*» пожалован Орденом св. Владимира 3-й степени [5, с. 4]. В «Русском инвалиде» это первое упоминание о том, что Жуковский является учителем царевича Александра Николаевича, будущего Александра II, «царя-освободителя» (см. [6]).

Еще один, более развернутый материал из данной группы находится в № 242 от 18 октября и сообщает, что Жуковский избран в члены Императорской Российской Академии. Президент Академии А. С. Шишков так формулирует основания для избрания:

«Отличный дар слова, блистающий в его стихотворениях, дает ему неоспоримое право ко вступлению в сие почтенное сословие» [7, с. 1].

Эта формулировка позволяет заключить, что Жуковский был известен публике прежде всего как поэт-лирик, причем поэт, обладающий особым, «отличным даром слова», который обеспечил ему высшие формы общественного признания.

Произведения Жуковского, отрывки из них, объявления об их издании

Эта группа публикаций интересна, поскольку дает представление о том, какие произведения Жуковского получили такую известность при его жизни, что были напечатаны или анонсированы даже в газете, весьма далекой от мира литературы. К данной группе можно отнести 11 публикаций.

Самая ранняя статья находится в № 85 от 23 октября 1815 г. и сообщает о предстоящем издании полного собрания стихотворений Жуковского:

«С особенным удовольствием извещаем мы читателей наших об издании стихотворений одного из счастливейших любимцев российской Музы. Личное дружество и любовь к изящному возлагают сию достойную жертву на алтарь Отечества. Г-да *Дашков*, *Тургенев* и *Кавелин* объявили о преднамеренном ими издании *Стихотворений* г-на *Жуковского* и, конечно, могут надеяться как на счастливый успех своего

предприятия, так и на живейшую благодарность соотечественников» [8, с. 1].

Вновь подчеркивается поэтический дар Жуковского, его успешный путь (отметим эпитет «счастливейший»), патриотический характер его поэзии («алтарь Отечества»); также – единственный раз в «Русском инвалиде» данного периода – затрагиваются личные отношения Жуковского: дружба с Д. В. Дашковым, А. И. Тургеневым, Д. А. Кавелиным, занимавшимися изданием его стихов. В финале статьи восхваляющий тон становится еще отчетливее:

«Итак, увидим мы вскоре полное собрание произведений сего высокого Пиитического Гения, коего таланты... будут жить в отдаленнейшем потомстве» [8, с. 1].

Статья в № 18 от 22 января 1816 г. посвящена изданию первой части «Стихотворений» Жуковского. В ней продолжает развиваться образ гения, отмеченного особой любовью муз. Анонимный автор выстраивает аллегорическую иерархию поэтов: кто-то из них допущен лишь в «преддверие» храма муз, кто-то – внутрь, но не к святилищу, и лишь избранные гении, подобные Жуковскому, допускаются в святилище, посвящая творчеству всю свою жизнь. Подчеркивается метафизический, «возвышенный» характер поэзии Жуковского, насыщенной духовными размышлениями, переживаниями души – она противопоставляется «грубым чувственным удовольствиям»:

«Они не унижают языка богов прославлением грубых чувственных удовольствий, но стремятся к высшим, достойнейшим наслаждениям. <...> Безусловное возвышение над сферою всего обыкновенного, неослабный полет ко всему изящному и благородному и некоторая *высшая* мечтательность – составляют характеристику его стихотворений» [9, с. 3–4].

Впервые в «Русском инвалиде» упоминается сходство творчества Жуковского с творчеством Шиллера и других немецких поэтов-романтиков, которым тоже была свойственна «высшая мечтательность», романтическое двоемирие, порыв к метафизическому идеалу, изображение ярких эмоций, мистицизм и религиозность. Также в статье приведена цитата из текста Жуковского – большой отрывок из стихотворения «В восторге мрамор песнь гласит...», посвященного пути поэта.

В следующий раз стихи Жуковского печатаются в газете уже в 1820 г., причем сразу два в одном выпуске. В № 27 от 30 января в рубрике «Биография» помещено начало жизнеописания генерала П. Х. Витгенштейна, героя войны 1812 г.; эпиграфом к статье становится отрывок из «Певца в стане русских воинов» Жуковского [10, с. 2]. Примечательно, что ни автор, ни название стихотворения не подписаны: в «Русском инвалиде» к этому времени «Певец в стане русских воинов» стал на-

столько общеизвестным претекстом, настолько каноничным примером патриотической поэзии о войне с Наполеоном, что эти указания не требовались.

В том же выпуске полностью помещена баллада «Лесной царь», сокращенно подписанная «Ж.» [10, с. 4]. В других номерах газеты печатается критическая статья с разбором «Эоловой арфы», упоминаются «Людмила», «Светлана» и другие баллады Жуковского; по его характеристикам в материалах о различных сборниках и альманахах становится понятно, что к 1820-м гг. он уже воспринимается как главный автор и переводчик баллад в России.

В № 30 от 2 февраля того же года статья о Витгенштейне заканчивается, и завершает ее тоже цитата из произведения Жуковского, только уже из «Певца в Кремле»:

«Окончим жизнь знаменитого защитника Петрополя словами нашего *Тиртея*. Обращаясь к вождям российским, сей вдохновенный Певец говорит: «Благословляем ваш возврат // В отчизну с поля чести! <...>» [11, с. 3].

Тиртей – легендарный древнегреческий поэт, наиболее известный своими «Увещаниями», которые были призваны воспламенить сердца спартанцев для битв, прославляли храбрость и поносили трусость. И Жуковский, и его лирический герой – Певец – именуются «нашим Тиртеем», т. е. становятся символом поэтических воспевааний воинской доблести.

В № 81 от 1 апреля 1824 г. в «Русском инвалиде» появляется анонс нового издания стихотворений Жуковского, исправленного и дополненного. Анонс вновь выдержан в исключительно комплиментарном тоне; анонимный автор называет издание «драгоценным подарком для литературы», отмечает, что «сочинитель» преподнес книгу императрице и получил от нее бриллиантовый перстень. Интересно соотнесение «Стихотворений» с двумя другими шедеврами-новинками – «Историей государства Российского» Карамзина и «Бахчисарайским фантазом» Пушкина:

«...в течение не более как двух недель появились у нас *три* книги, из коих каждая, в своем роде, имеет право на европейскую славу. <...> Столь благоприятное стечение талантов было бы редким явлением и во Франции или Германии!» [12, с. 3].

Карамзин и его «История...» регулярно фигурируют в патриотически настроенном «Инвалиде...»; имя Пушкина, напротив, в 1820-х гг. едва начинает точно появляться на страницах газеты. То, что его поэму ставят в один ряд с произведениями таких признанных авторов, как Карамзин и Жуковский, достойно примечания. Также в этом можно усмотреть преемственность: Жуковский находится

как бы между своим прославленным предшественником и подающим надежды преемником.

Более подробный материал о новом издании «Стихотворений» выходит в № 99 от 26 апреля того же года. Автор восхваляет типографическое качество издания, описывает его структуру, отражающую жанровое разнообразие творчества Жуковского:

«Оное состоит из 3-х томов... Первый открывается переводом Шиллеровой трагедии: *Дева Орлеанская*. Можно без всякого увеличения сказать, что сей перевод *романтической* драмы имеет истинно *классическое* достоинство... За сим следуют *лирические стихотворения*, кои все уже известны и драгоценны для соотечественников... В 2-м томе помещены: *послания, элегии, сельские стихотворения* (подражания *Гёбелю*) и *Смесь*. Третий том содержит в себе *баллады*, первые (или почти первые) на языке нашем и до сих пор неподражаемые. За оными следуют переводы из английских и латинских стихотворцев» [13, с. 2–3].

Отметим вновь подчеркнутую связь с Шиллером, при этом Жуковский оценивается как своего рода посредник между романтизмом и классицизмом – в его переводе полное страстей содержание уживается с гармоничной формой. Лирические стихотворения Жуковского оцениваются как «уже известные и драгоценные» для русской публики – признанные, классические, не требующие дополнительных комментариев. Наконец, здесь отражен Жуковский как переводчик и автор баллад, во многом внесенных им в русскую словесность и «неподражаемых».

К данной группе публикаций также можно отнести точечные упоминания произведений Жуковского – без цитат, анонсов и комментариев. Так, в № 7 от 11 января 1820 г. описано заседание Императорской Российской Академии, на котором Н. И. Гнедич зачитывает стихотворение «Гальциона», переведенное Жуковским из Овидия [14, с. 1]. Похожая заметка находится в № 14 от 18 января 1823 г.: на заседании Академии Гнедич читает отрывок из «Энеиды» Вергилия – тоже перевод Жуковского [15, с. 2]. В № 122 от 24 мая 1823 г. сообщено о заседании Вольного общества любителей российской словесности, где зачитывается «Монолог Иоанны д'Арк», переведенный Жуковским из трагедии Шиллера «Орлеанская дева» [16, с. 2]. В № 207 от 2 сентября 1822 г. печатается краткое объявление о том, где можно приобрести ряд литературных новинок; поэма «Шильонский узник» Байрона, переведенная Жуковским, расположена в одном списке с «Кавказским пленником» Пушкина [17, с. 4]. Можно заключить, что в сознании публики был очень устойчив образ Жуковского-переводчика: античные поэты, ценимые в кругах консервативных классицистов, Байрон и Шиллер, любимые

романтиками, – множество разных авторов переносилось на русскую почву его трудами.

Материалы о сборниках, альманахах, периодических изданиях, содержащих произведения Жуковского

Данная группа публикаций – самая многочисленная; к ней мы относим 17 материалов (включая повторяющиеся анонсы «Русского инвалида»). Такое преобладание можно объяснить тем, что «Русский инвалид», как и большинство периодических изданий первой половины XIX в., был сосредоточен скорее на фиксации литературного процесса как целостного явления – выходящих в свет новинок, заседаний кружков и обществ, изданиях сборников и альманахов, общих тенденций, чем на анализе отдельных авторов.

Статья в № 303 от 24 декабря 1819 г. сообщает о выходе издания под названием «Учебная книга Российской словесности...». Дидактическая книга содержит риторические и грамматические правила написания текстов в разных жанрах. Правила сопровождаются примерами,

«извлеченными из знаменитейших писателей отечественных с величайшею осмотрительностью, особенно в нравственности их содержания» [18, с. 1].

Поскольку книга, очевидно, в основном адресована детям и юношеству, эстетический и «нравственный» отбор в нее проходят только признанные авторы, чьи тексты считались каноническими: Ломоносов, Фонвизин, Карамзин, даже Екатерина II. В ряду авторов такого уровня оказывается и Жуковский: примеры из его произведений помещены в раздел «разговоров» наряду с отрывками из Карамзина и Батюшкова.

В № 91 от 18 апреля 1822 г. рассмотрена «Российская антология», изданная французским переводчиком кавалером Дюпре де Сен-Мором. Сен-Мор переводил русские стихотворения на французский, опираясь на прозаические подстрочники, составленные самими авторами. Из произведений Жуковского в этой антологии оказывается знаменитая баллада «Светлана»; наряду с ней – басни Крылова, ода Державина, отрывок из «Руслана и Людмилы» Пушкина [19, с. 3–4].

В № 241 от 13 октября того же года описано «Новое собрание образцовых сочинений и переводов, в стихах и прозе», изданное Обществом любителей отечественной словесности. В собрание помещено много произведений Жуковского: стихотворения «Певец в Кремле», «Гимн», «Песня», «Вадим», «Ахилл», «К мимопролетевшему знакомому Гению», «Подробный отчет о луне», баллада «Рыцарь Тогенбург», отрывки из прозы и писем и т. д. [20, с. 1–3] Одно из стихотворений Вяземского, напечатанных в собрании, посвящено Жуковскому: «Послание к Жуковскому из Москвы, в кон-

це 1812 года». К данному собранию «Русский инвалид» возвращается в № 131 от 4 июня 1824 г.: выходит второе издание, исправленное и дополненное. Указано, что произведения Жуковского (без уточнений, какие именно) помещены и в стихотворной, и в прозаической части собрания [21, с. 3–4].

В № 302 от 23 декабря 1822 г. анонсируется выход альманаха Рыльева и Бестужева «Полярная звезда». Жуковский называется первым в списке поэтов, чьи стихотворения будут напечатаны в альманахе; за ним следуют Вяземский, Пушкин, Гнедич, Глинка и др. [22, с. 1–2]. В № 7 от 10 января 1823 г. обзор альманаха завершается; среди прочего отмечается, что

«Плетнев удачно пошел по следам Мерзлякова в характеристике поэтов. В мечтательной поэзии он подражатель Жуковского» [23, с. 3].

Творчество Жуковского, таким образом, вновь наделяется эпитетом «мечтательная поэзия»; «мечтательность» становится его постоянной характеристикой на страницах «Русского инвалида».

В № 207 от 1 сентября того же года вновь затрагивается «Российская антология» Сен-Мора: указывается, что издание сопровождается литографиями, на одной из которых изображена сцена из «Светланы» Жуковского: Светлана и ее подруги «занимаются святошными играми» [24, с. 1].

В № 50 от 27 февраля 1824 г. освещается новый выпуск «Полярной звезды». Имя Жуковского фигурирует в разделе прозы. Также примечательны рассуждения анонимного автора о возрастающем интересе российских женщин к отечественной (а не только французской) словесности:

«Все хорошо воспитанные дамы знают баллады Жуковского, басни Крылова, поэмы и элегии Пушкина, послания и песни князя Вяземского» [25, с. 3].

Иначе говоря, знание баллад Жуковского оценивается как признак «воспитанности», образованности, интереса к российскому литературному процессу.

В № 73 от 22 марта того же года продолжается обзор «Полярной звезды» и дан краткий комментарий к двум прозаическим отрывкам Жуковского, помещенным в ней: к «Путешествию по Саксонской Швейцарии» и «Рафаэлевой Мадонне». Автор отмечает, что оба отрывка «занимательны по содержанию и прелестны по слогу», подчеркивает любовь Жуковского к «изящному в природе и искусствах» [26, с. 4]. В № 78 от 28 марта обзор завершается; Жуковский упомянут как один из поэтов, чьи произведения вошли в стихотворную часть альманаха (наряду с Батюшковым, Вяземским, Баратынским, Дельвигом и др.) [27, с. 3–4]. В № 3 от 5 января 1825 г. освещается выход альманаха Дельвига «Северные цветы»; указано, что в нем содержатся четыре стихотворения Жуковского.

Отдельно отметим две публикации, посвященные не произведениям Жуковского, а его портрету в собрании литографических портретов знаменитых современников, изданном художником Г. А. Гиппиусом. В № 84 от 9 апреля 1822 г. обозревается первая тетрадь собрания и анонсируется выход второй, содержащей портреты

«преосвященного Серафима, князя П. В. Лопухина, Президента Академии Художеств А. Н. Оленина, графа И. А. Каподистрия и незабвенного Певца в стане русских воинов – В. А. Жуковского» [28, с. 3].

Как видим, стихотворение «Певец в стане русских воинов» вновь становится воплощением поэзии Жуковского как таковой, а «Певец» – его символической номинацией. Вторая публикация о собрании портретов Гиппиуса появляется в № 88 от 14 апреля 1824 г. На тот момент издано уже семь тетрадей собрания; вновь упоминается тетрадь с портретом Жуковского [29, с. 2–3].

Еще ряд публикаций посвящен анонсированию самого «Русского инвалида» и приложений к нему. Такие материалы стали публиковаться в конце каждого года выпуска – например, в № 239 от 11 октября 1822 г., в № 232 от 1 октября 1823 г., в № 260 от 2 ноября 1824 и 1825 гг. Все эти публикации содержат имена авторов, произведения которых будут печататься в наступающем году в «Русском инвалиде» и «Прибавлениях» к нему; в каждой из публикаций есть имя Жуковского.

Параллели между творчеством Жуковского и творчеством других авторов: сравнения, посвящения и т. п.

К этой группе можно отнести семь публикаций. Самая ранняя находится в № 81 от 9 октября 1815 г. – это стихотворение А. Прожика «К „Певцу во стане русских воинов“» [30, с. 1]. Уже по заглавию можно судить, что стихотворение посвящено Жуковскому и вдохновлено им (хоть имя поэта и не упомянуто); как видим, в газете Жуковский неотъемлемо ассоциируется с этим произведением об Отечественной войне. В тексте Певец назван «древним Тиртеем»; можно предположить, что более поздняя номинация Жуковского в биографии Витгенштейна – «наш Тиртей» – является аллюзией на стихотворение Прожика.

Отклику на то же стихотворение Жуковского посвящен еще один материал – в № 62 от 13 марта 1820 г. Анонсируется издание лироэпического стихотворения неизвестного молодого поэта под названием «Певец среди русских воинов, возвратившихся в отечество». Как пишет автор:

«Из самого титула видно, что превосходное произведение знаменитого поэта нашего, В. А. Жуковского (Певец в стане русских воинов), подало мысль и к сему новому подражанию. Мы не можем не похвалить выбор предмета и патриотическое усилие автора

и желаем счастливого успеха юной его Музе, доселе совсем незнакомой» [31, с. 1].

Вновь подтверждается неоспоримый эталонный характер «Певца...» Жуковского, его особый статус в гражданско-патриотической поэзии. Возможно, именно отсылка к тексту Жуковского заставила редакцию газеты уделить внимание книге неизвестного автора.

В № 49 от 23 февраля 1822 г. помещена баллада И. И. Козлова «Сон невесты» с посвящением «В. А. Ж.» [32, с. 3–4]; посвящение самому известному русскоязычному автору баллад не требовало расшифровки. Жуковский был другом и покровителем слепого поэта до самой его смерти; очевидно, на чью традицию тот опирается. К балладе предпослан эпиграф из Байрона, к чтению и переводам которого Жуковский активно обращался.

В связи с этим отметим статью о смерти Байрона, помещенную в № 129 от 2 июня 1824 г. Автор подчеркивает, что

«знаменитейшие наши поэты переводили его стихотворения. Жуковский перевел *Шильонского узника*, князь *Вяземский* и *И. И. Козлов* многие из легких его стихотворений» [33, с. 4].

Акцент на русских переводах и «Шильонском узнике» вновь закрепляет в сознании публики образ Жуковского как одаренного переводчика, прежде всего переводчика западноевропейских поэтов-романтиков, и, таким образом, агента русско-европейского диалога культур.

Схожа роль Жуковского в статье о Томасе Муре, ирландском поэте-романтике и авторе баллад (№ 206 от 1 сентября 1822 г.). На этот раз хвалебными комментариями награждается перевод отрывка из стихотворной повести «Лалла-Рук», где Жуковский обращается уже не к западной, а к восточной образности; похвалы автору и переводчику будто бы становятся единым целым:

«пиитический роман *Лалла-Рук*, конечно, известен многим из наших читателей, по крайней мере, по прекрасному эпизоду, переведенному из одного г-м Жуковским. ...автор – с удивительным искусством – умел ввести в пиитический роман свой несколько эпизодов, оригинальных, трогательных, показывающих изобильное, цветущее, истинно восточное изображение. Желательно, чтобы наш отечественный стихотворец, столь удачно преложивший историю *Пери*, снова заглянул в *Мурову* поэму...» [34, с. 4].

В публикации из № 40 от 7 февраля 1817 г. отмечается взаимодействие Жуковского уже не с зарубежной, а с отечественной литературной традицией: автор статьи сетует, что издатель сборника «Российские Эфемериды» не включил в него «разбор» сатир Кантемира, написанный Жуковским [35, с. 3].

Последняя публикация из этой группы находится в № 59 от 9 марта 1825 г. Статья представляет

собой спор с критическими замечаниями Н. И. Греча на поэму В. Н. Олина «Кальфон», опубликованными в «Северной пчеле». Критике подвергается в том числе манера цитирования, соположение стихов, вырванных из контекста; автор отмечает:

«И какое стихотворение *Державина*, *И. И. Дмитриева*, *Жуковского*, *Пушкина*, представленное в таком виде, как г. Олина, может не показаться смешным, безобразным?» [36, с. 2].

Стихи Жуковского рассматриваются как эстетический эталон наряду со стихами Державина, Пушкина, поэтому автор возмущенно подчеркивает, что критика Греча испортила бы даже произведения такого уровня.

Критические разборы произведений Жуковского

Это самая немногочисленная группа: к ней мы относим только четыре публикации. В «Русском инвалиде», вообще не сфокусированном на литературе, достаточно редки полноценные критические статьи; чаще встречаются упоминания произведений или краткие комментарии к ним. Тем не менее Жуковский уже в 1810–1820-х гг. являлся поэтом такой величины, что несколько материалов посвящено оценке и попыткам анализа его произведений.

Первая публикация из данной группы является самой хронологически ранней публикацией «Русского инвалида» о Жуковском: № 16 от 24 февраля 1815 г. Здесь помещена статья о гражданско-патриотическом стихотворении «Императору Александру», вышедшем отдельной книгой. Статья носит комплиментарный характер и представляет собой скорее эмоциональный отзыв, чем анализ текста. Автор отмечает, что поэты издревле прославляли великих полководцев и правителей (вспомним спартанского Тиртея, чьим именем метафорически номинируется Жуковский); но иногда мастерство поэта оказывалось недостаточно сильно для достойного прославления, иногда сам предмет прославления оказывался его недостойн, и поэзия превращалась в придворную лесть. Однако в случае Жуковского и Александра:

«истинный поэт прославляет истинно великого мужа... если дела *Александра* могут быть прославляемы, то пусть всегда прославляют их Поэты, подобные *Жуковскому!*» [37, с. 1].

Если это стихотворение Жуковского по жанру близко к оде, следующая публикация посвящена балладе – «Эоловой арфе» (№ 50 от 24 февраля 1822 г.). Это самая крупная и самая близкая к полноценной критической статье публикация о Жуковском в «Русском инвалиде» рассматриваемого периода. Приводя обширные цитаты из текста, автор описывает пространство баллады, ее героев, образный ряд, сюжет, стилистические особенности. Например, вот что сказано о героях:

«В сей балладе три действующих лица, три характера, и все они прекрасно оттенены и обработаны. Ордал – гордец; Минвана – веселая, беспечная, ослепленная страстью, и Арминий – бедный, незнатный, который, зная свет, его коварство, зависть и клевету, ничего хорошего в будущем для себя не ожидает и с каждою минутою все потерять боится» [38, с. 3].

Автор подчеркивает суггестивное, истинно поэтическое мастерство Жуковского – способность показать характер парой скупых деталей, не озвучивая напрямую его описание:

«Стихотворец не сказал ни слова о высокомерном характера Морвенского владетеля; но мы уже по сим взорам его на триумфы его дедов... знаем, что он скорее пойдет на десять приступов без брони и шлема, нежели выдаст знаменитую, единственную ветвь владетельного дома за певца Арминия» [38, с. 3].

Выделяется следование Жуковского шотландской фольклорно-поэтической традиции, в частности его подражание Оссиану; автор иллюстрирует это, приводя описания сурово-лиричных шотландских пейзажей, пиршеств Ордала:

«Здесь верное изображение шотландской природы и Оссиановых героев; их характера, обычаев, рыцарской гордости и образа жизни» [38, с. 3].

Уделено внимание богатому эмоциональному миру баллады Жуковского, тому, как нагнетаемое поэтом трагическое напряжение воздействует на читателя, а развязка приводит к нравственному потрясению и катарсису:

«С какою легкостью бегут стихи в сей балладе и ведут нас... от веселости к задумчивости, от задумчивости к унынию, от уныния к печали, от печали к горести и отчаянию. <...> Какие чувства разрывают сердце наше в этой балладе! Какая сладкая мука! Это предчувствие несчастья – лучше самой веселости! <...> Поэт заставляет нас поднять глаза к Небесам и показывает там Минвану и Арминия...» [38, с. 4].

Все комментарии к балладе, однако, все еще носят сугубо комплиментарный характер; статья вообще представляет собой скорее развернутый комментарий, чем полноценную критику.

То же самое можно сказать о материале, посвященном «Шильонскому узнику» – переводу поэмы Байрона, который анонсируется в других выпусках газеты (№ 167 от 17 июля 1822 г.). В короткой статье подчеркивается переводческий талант Жуковского, причем с акцентом на том, что его переводы зачастую превосходят оригинал: «всегда счастливый состязатель британских и германских поэтов»; «преложитель или, лучше сказать, соперник Байрона». После комплиментарного введения автор пересказывает сюжет поэмы:

«Знаменитый Боннивар, гражданин Женевский, мученик Веры и патриотизма, заключен был в 1530-м году в замок Шильон. <...> Семь лет продолжалась

тяжкая его неволя, которую сперва разделял он с своими братьями, а потом остался совершенно один и провел целые годы... в отдалении от всего человеческого» [39, с. 4].

Вновь рассматривается искусное изображение эмоционального мира в переводе Жуковского; именно эмоции трагического героя-узника (и вызываемые ими эмоции читателя) находятся в центре поэмы:

«Разнообразные, нередко противоположные, но почти всегда горестные чувствования его изображены здесь Поэтом. Сам знаменитый страдалец рассказывает нам печальную свою повесть; каждая подробность, каждая черта оной трогает сердце и говорит воображению» [39, с. 4].

Отдельное внимание уделяется стихотворному размеру – «мере», который ритмикой соответствует настроению поэмы. Автор отмечает мастерство Жуковского, который сумел воссоздать ритм и строфику английского текста:

«Самая мера, единообразная и довольно трудная, имеет в себе нечто меланхолическое, соответственное предмету и содержанию поэмы. ...русский преложитель... сохранил оную в точности и повсюду переводил *стих в стих*» [39, с. 4].

Наконец, последняя публикация о Жуковском из данной группы – продолжение обзора «Полярной звезды», напечатанное в № 5 от 8 января 1823 г. Здесь нет анализа какого-либо конкретного произведения, но приводятся развернутые умозаключения о творчестве Жуковского в целом, о специфике его поэтического мира. Автор выделяет Жуковского и Батюшкова как реформаторов русской поэзии, особенно в аспекте формы; оба они приблизили поэзию к естественному, живому языку:

«Оба они постигли тайну величественного, гармонического языка русского; оба покинули старинное право ломать смысл, рубить слова для меры и низать полубогатые рифмы» [40, с. 3].

Поэзия Жуковского вновь названа «мечтательной»; автор отмечает мотив «невыразимого» – один из центральных в его творчестве. Также выделяются мотив сна, душевного волнения и напряжения, воспоминаний о прошлом, обращения к внутреннему, духовному миру, лишенному физической формы. Отсюда – метафизический, философский, несколько абстрактный («отвлеченный») характер поэзии Жуковского:

«избыток неизъяснимых чувств волнует грудь нашу; душа жаждет излиться и не находит вещественных знаков для выражения. В стихах Жуковского, будто сквозь сон, мы, как знакомцев, встречаем – олицетворенными свои призраки, воскресшим бывшее. Намагниченное железо клонится к безвестному полюсу; его воображение – к таинственному идеалу чего-то прекрасного, но неосязаемого, и сия *отвлечен-*

ность проливает на все его произведения особенную привлекательность» [39, с. 4].

Порыв к «таинственному идеалу», воплощенному в образах возлюбленной, прошлого, Пери, Гения, луны и т. д., так или иначе приводит к осознанию его недостижимости, а значит, к тоске и печали. Этим объясняется меланхоличность поэтического мира Жуковского, ярко воздействующая на читателя. Автор подкрепляет свои размышления лиричным сравнением с Эоловой арфой из одноименной баллады:

«Душа читателя потрясается чувством унылым, но невыразимо-приятным. Так долетают до сердца неясные звуки Эоловой арфы, колеблемой вздохами ветра» [39, с. 4].

Завершается статья похвалами Жуковскому-переводчику; вновь отмечается, что «многие переводы Жуковского лучше своих подлинников». «Гибкость языка», «верность выражения», «свежесть красок» – такими комплиментарными выражениями автор описывает его подход. Отдельно отмечено мастерство поэта в изображении пейзажей:

«неподражаем в описаниях. У него Природа видна не в картине, а в зеркале» [39, с. 4].

Однако особенно примечательно то, что в этой статье присутствует одно подлинно *критическое*, а не комплиментарное замечание в адрес Жуковского – единственное в рассмотренном периоде:

«Можно заметить только, что он дал многим из своих творений германских *колорит*, *сходящий* иногда в мистику, и вообще *наклонность* к чудесному; но что значат сии бездельные недостатки во вдохновенном Певце 1812-го года, который дышит огнем боев; в Певце Луны, Людмилы и прелестной, как радость, Светланы?» [39, с. 4].

«Германский колорит» и мистические сюжеты, часто встречающиеся у Жуковского (особенно в балладах), оцениваются однозначно как художественный недостаток. Возможно, это связано с эстетической позицией анонимного автора; а возможно – с общей позицией «Русского инвалида», которому гораздо ближе эпический героизм «Певца в

стане русских воинов», чем мрачная таинственность баллад. Наличие этого замечания можно воспринять как некоторый прогресс критики в «Русском инвалиде»: поэзия Жуковского впервые затронута не как образцовый канон, а как живой творческий феномен, который можно оценить по-разному. Тем не менее даже это робкое замечание сразу же компенсируется комплиментарностью.

Заключение

Рассмотрев рецепцию личности и творчества Жуковского в газете «Русский инвалид» 1813–1825 гг., можно сделать ряд выводов: 1) упоминания Жуковского и связанные с ним материалы присутствуют в газете в достаточно большом объеме для издания, не посвященного литературе, что позволяет судить об известности и признанности поэта; 2) в «Русском инвалиде» представлен очень широкий ряд произведений Жуковского: «Певец в стане русских воинов», «Певец в Кремле», «Императору Александру», «Лесной царь», «Эолова арфа», «Светлана», «Шильонский узник», «Лалла-Рук», «Марьяна роща», «Рафаэлева Мадонна» и др.; 3) самая крупная группа публикаций – материалы о сборниках, альманахах, периодических изданиях, содержащих произведения Жуковского; вероятно, это объясняется тенденциями в литературном процессе эпохи – разнообразием кружков, обществ, изданий, транслирующих ту или иную гражданскую и эстетическую позицию; 4) материалов о Жуковском, которые можно назвать собственно критическими, очень мало, и в основном они носят комплиментарный характер; скорее всего, это связано с тем, что в первой четверти XIX в. поэт еще не был объектом критики, скорее, эталоном, признанной литературной величиной; 5) выделяются такие устойчивые черты художественного мира Жуковского, как «мечтательность», «отвлеченность», сфокусированность на «невыразимом» метафизическом идеале, детальное изображение эмоций, стилистическое богатство, жанровое разнообразие; много внимания уделено таланту Жуковского-переводчика.

Список источников

1. Русский инвалид, или Военные ведомости. 7 января 1817. № 5 // РНБ. Газ.1-П/1-5.
2. Русский инвалид, или Военные ведомости. 23 апреля 1818. № 91 // РНБ. Газ.1-П/1-5.
3. Русский инвалид, или Военные ведомости. 11 января 1823. № 8 // РНБ. Газ.1-П/1-5.
4. Русский инвалид, или Военные ведомости. 24 апреля 1824. № 97 // РНБ. Газ.1-П/1-5.
5. Русский инвалид, или Военные ведомости. 22 июля 1825. № 172 // РНБ. Газ.1-П/1-5.
6. Киселев В. С. Детские письма великого князя Александра Николаевича к В. А. Жуковскому: обзор, публикация, комментарий // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 209–234.
7. Русский инвалид, или Военные ведомости. 18 октября 1818. № 242 // РНБ. Газ.1-П/1-5.
8. Русский инвалид, 23 октября 1815. № 85 // РНБ. Газ.1-П/1-5.
9. Русский инвалид, или Военные ведомости. 22 января 1816. № 18 // РНБ. Газ.1-П/1-5.
10. Русский инвалид, или Военные ведомости. 30 января 1820. № 27 // РНБ. Газ.1-П/1-5.

11. Русский инвалид, или Военные ведомости. 2 февраля 1820. № 30 // РНБ. Газ.1-П/1-5.
12. Русский инвалид, или Военные ведомости. 1 апреля 1824. № 81 // РНБ. Газ.1-П/1-5.
13. Русский инвалид, или Военные ведомости. 26 апреля 1824. № 99 // РНБ. Газ.1-П/1-5.
14. Русский инвалид, или Военные ведомости. 11 января 1820. № 7 // РНБ. Газ.1-П/1-5.
15. Русский инвалид, или Военные ведомости. 18 января 1823. № 14 // РНБ. Газ.1-П/1-5.
16. Русский инвалид, или Военные ведомости. 24 мая 1823. № 122 // РНБ. Газ.1-П/1-5.
17. Русский инвалид, или Военные ведомости. 2 сентября 1822. № 207 // РНБ. Газ.1-П/1-5.
18. Русский инвалид, или Военные ведомости. 24 декабря 1819. № 303 // РНБ. Газ.1-П/1-5.
19. Русский инвалид, или Военные ведомости. 18 апреля 1822. № 91 // РНБ. Газ.1-П/1-5.
20. Русский инвалид, или Военные ведомости. 13 октября 1822. № 241 // РНБ. Газ.1-П/1-5.
21. Русский инвалид, или Военные ведомости. 4 июня 1824. № 131 // РНБ. Газ.1-П/1-5.
22. Русский инвалид, или Военные ведомости. 23 декабря 1822. № 302 // РНБ. Газ.1-П/1-5.
23. Русский инвалид, или Военные ведомости. 10 января 1823. № 7 // РНБ. Газ.1-П/1-5.
24. Русский инвалид, или Военные ведомости. 1 сентября 1823. № 207 // РНБ. Газ.1-П/1-5.
25. Русский инвалид, или Военные ведомости. 27 февраля 1824. № 50 // РНБ. Газ.1-П/1-5.
26. Русский инвалид, или Военные ведомости. 22 марта 1824. № 73 // РНБ. Газ.1-П/1-5.
27. Русский инвалид, или Военные ведомости. 28 марта 1824. № 78 // РНБ. Газ.1-П/1-5.
28. Русский инвалид, или Военные ведомости. 9 апреля 1822. № 84 // РНБ. Газ.1-П/1-5.
29. Русский инвалид, или Военные ведомости. 14 апреля 1824. № 88 // РНБ. Газ.1-П/1-5.
30. Русский инвалид, 9 октября 1815. № 81 // РНБ. Газ.1-П/1-5.
31. Русский инвалид, или Военные ведомости. 13 марта 1820. № 62 // РНБ. Газ.1-П/1-5.
32. Русский инвалид, или Военные ведомости. 23 февраля 1822. № 49 // РНБ. Газ.1-П/1-5.
33. Русский инвалид, или Военные ведомости. 2 июня 1824. № 129 // РНБ. Газ.1-П/1-5.
34. Русский инвалид, или Военные ведомости. 1 сентября 1822. № 206 // РНБ. Газ.1-П/1-5.
35. Русский инвалид, или Военные ведомости. 7 февраля 1817. № 40 // РНБ. Газ.1-П/1-5.
36. Русский инвалид, или Военные ведомости. 9 марта 1825. № 59 // РНБ. Газ.1-П/1-5.
37. Русский инвалид, 24 февраля 1815. № 62 // РНБ. Газ.1-П/1-5.
38. Русский инвалид, или Военные ведомости. 24 февраля 1822. № 50 // РНБ. Газ.1-П/1-5.
39. Русский инвалид, или Военные ведомости. 17 июля 1822. № 167 // РНБ. Газ.1-П/1-5.
40. Русский инвалид, или Военные ведомости. 8 января 1823. № 5 // РНБ. Газ.1-П/1-5.

References

1. *Russky Invalid, ili Voyennyye vedomosti* [Russian Invalid, or Military News]. January 7, 1817. No. 5. In: NLR (The National Library of Russia). Gaz. 1-П/1-5 (in Russian).
2. *Russky Invalid, ili Voyennyye vedomosti* [Russian Invalid, or Military News]. April 23, 1818. No. 21. In: NLR. Gaz. 1-П/1-5 (in Russian).
3. *Russky Invalid, ili Voyennyye vedomosti* [Russian Invalid, or Military News]. January 11, 1823. No. 8. In: NLR. Gaz. 1-П/1-5 (in Russian).
4. *Russky Invalid, ili Voyennyye vedomosti* [Russian Invalid, or Military News]. April 24, 1824. No. 97. In: NLR. Gaz. 1-П/1-5 (in Russian).
5. *Russky Invalid, ili Voyennyye vedomosti* [Russian Invalid, or Military News]. July 22, 1825. No. 172. In: NLR. Gaz. 1-П/1-5 (in Russian).
6. Kiselev V. S. Detskiye pis'ma velikogo knyazya Aleksandra Nikolayevicha k V. A. Zhukovskomu: obzor, publikatsiya, kommentariy [Children's Letters of Grand Duke Alexander Nikolaevich to Vasily Zhukovsky: Review, Publication, Commentary]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2020, no. 63, pp. 209–234 (in Russian).
7. *Russky Invalid, ili Voyennyye vedomosti* [Russian Invalid, or Military News]. October 18, 1818. No. 242. In: NLR. Gaz. 1-П/1-5 (in Russian).
8. *Russky Invalid* [Russian Invalid]. October 23, 1815. No. 85. In: NLR. Gaz. 1-П/1-5 (in Russian).
9. *Russky Invalid, ili Voyennyye vedomosti* [Russian Invalid, or Military News]. January 22, 1816. No. 18. In: NLR. Gaz. 1-П/1-5 (in Russian).
10. *Russky Invalid, ili Voyennyye vedomosti* [Russian Invalid, or Military News]. January 30, 1820. No. 27. In: NLR. Gaz. 1-П/1-5 (in Russian).

11. *Russky Invalid, ili Voyennyye vedomosti* [Russian Invalid, or Military News]. February 20, 1820. No. 30. In: NLR. Gaz. 1-II/1-5 (in Russian).
12. *Russky Invalid, ili Voyennyye vedomosti* [Russian Invalid, or Military News]. April 1, 1824. No. 81. In: NLR. Gaz. 1-II/1-5 (in Russian).
13. *Russky Invalid, ili Voyennyye vedomosti* [Russian Invalid, or Military News]. April 26, 1824. No. 99. In: NLR. Gaz. 1-II/1-5 (in Russian).
14. *Russky Invalid, ili Voyennyye vedomosti* [Russian Invalid, or Military News]. January 11, 1820. No. 7. In: NLR. Gaz. 1-II/1-5 (in Russian).
15. *Russky Invalid, ili Voyennyye vedomosti* [Russian Invalid, or Military News]. January 18, 1823. No. 14. In: NLR. Gaz. 1-II/1-5 (in Russian).
16. *Russky Invalid, ili Voyennyye vedomosti* [Russian Invalid, or Military News]. May 24, 1823. No. 122. In: NLR. Gaz. 1-II/1-5 (in Russian).
17. *Russky Invalid, ili Voyennyye vedomosti* [Russian Invalid, or Military News]. September 2, 1822. No. 207. In: NLR. Gaz. 1-II/1-5 (in Russian).
18. *Russky Invalid, ili Voyennyye vedomosti* [Russian Invalid, or Military News]. December 24, 1819. No. 303. In: NLR. Gaz. 1-II/1-5 (in Russian).
19. *Russky Invalid, ili Voyennyye vedomosti* [Russian Invalid, or Military News]. April 18, 1822. No. 91. In: NLR. Gaz. 1-II/1-5 (in Russian).
20. *Russky Invalid, ili Voyennyye vedomosti* [Russian Invalid, or Military News]. October 13, 1822. No. 241. In: NLR. Gaz. 1-II/1-5 (in Russian).
21. *Russky Invalid, ili Voyennyye vedomosti* [Russian Invalid, or Military News]. June 4, 1824. No. 131. In: NLR. Gaz. 1-II/1-5 (in Russian).
22. *Russky Invalid, ili Voyennyye vedomosti* [Russian Invalid, or Military News]. December 23, 1822. No. 302. In: NLR. Gaz. 1-II/1-5 (in Russian).
23. *Russky Invalid, ili Voyennyye vedomosti* [Russian Invalid, or Military News]. January 10, 1823. No. 7. In: NLR. Gaz. 1-II/1-5 (in Russian).
24. *Russky Invalid, ili Voyennyye vedomosti* [Russian Invalid, or Military News]. September 1, 1823. No. 207. In: NLR. Gaz. 1-II/1-5 (in Russian).
25. *Russky Invalid, ili Voyennyye vedomosti* [Russian Invalid, or Military News]. February 27, 1824. No. 50. In: NLR. Gaz. 1-II/1-5 (in Russian).
26. *Russky Invalid, ili Voyennyye vedomosti* [Russian Invalid, or Military News]. March 22, 1824. No. 73. In: NLR. Gaz. 1-II/1-5 (in Russian).
27. *Russky Invalid, ili Voyennyye vedomosti* [Russian Invalid, or Military News]. March 28, 1824. No. 78. In: NLR. Gaz. 1-II/1-5 (in Russian).
28. *Russky Invalid, ili Voyennyye vedomosti* [Russian Invalid, or Military News]. April 9, 1822. No. 84. In: NLR. Gaz. 1-II/1-5 (in Russian).
29. *Russky Invalid, ili Voyennyye vedomosti* [Russian Invalid, or Military News]. April 14, 1824. No. 88. In: NLR. Gaz. 1-II/1-5 (in Russian).
30. *Russky Invalid* [Russian Invalid]. October 9, 1815. No. 81. In: NLR. Gaz. 1-II/1-5 (in Russian).
31. *Russky Invalid, ili Voyennyye vedomosti* [Russian Invalid, or Military News]. March 13, 1820. No. 62. In: NLR. Gaz. 1-II/1-5 (in Russian).
32. *Russky Invalid, ili Voyennyye vedomosti* [Russian Invalid, or Military News]. February 23, 1822. No. 49. In: NLR. Gaz. 1-II/1-5 (in Russian).
33. *Russky Invalid, ili Voyennyye vedomosti* [Russian Invalid, or Military News]. June 2, 1824. No. 129. In: NLR. Gaz. 1-II/1-5 (in Russian).
34. *Russky Invalid, ili Voyennyye vedomosti* [Russian Invalid, or Military News]. September 1, 1822. No. 206. In: NLR. Gaz. 1-II/1-5 (in Russian).
35. *Russky Invalid, ili Voyennyye vedomosti* [Russian Invalid, or Military News]. February 7, 1817. No. 40. In: NLR. Gaz. 1-II/1-5 (in Russian).
36. *Russky Invalid, ili Voyennyye vedomosti* [Russian Invalid, or Military News]. March 9, 1825. No. 59. In: NLR. Gaz. 1-II/1-5 (in Russian).
37. *Russky Invalid* [Russian Invalid]. February 24, 1815. No. 62. In: NLR. Gaz. 1-II/1-5 (in Russian).
38. *Russky Invalid, ili Voyennyye vedomosti* [Russian Invalid, or Military News]. February 24, 1822. No. 50. In: NLR. Gaz. 1-II/1-5 (in Russian).
39. *Russky Invalid, ili Voyennyye vedomosti* [Russian Invalid, or Military News]. July 17, 1822. No. 167. In: NLR. Gaz. 1-II/1-5 (in Russian).

40. *Russky Invalid, ili Voyennyye vedomosti* [Russian Invalid, or Military News]. January 8, 1823. No. 5. In: NLR. Gaz. 1-П/1-5 (in Russian).

Информация об авторе

Пушкарева Ю. Е., канд. филол. наук, преподаватель, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Средний проспект В. О., 57/43, Санкт-Петербург, Россия, 199034).
E-mail: j.e.pushkareva2016@yandex.ru. ORCID ID: 0009-0008-4592-8001. SPIN-код: 6127-5479.

Information about the author

Pushkareva Yu. E., Candidate of Philological Sciences, Lecturer, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Sredniy prospekt V. O., 57/43, Saint Petersburg, Russian Federation, 199034).
E-mail: j.e.pushkareva2016@yandex.ru. ORCID ID: 0009-0008-4592-8001. SPIN-code: 6127-5479.

Статья поступила в редакцию 15.08.2024; принята к публикации 29.11.2024

The article was submitted 15.08.2024; accepted for publication 29.11.2024

УДК 82-93; 087.5

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-92-102>

Приемы комического в «Повести Алика Деткина. Очень страшная история» А. Алексина в контексте культуры 1960–1970-х гг.

Юлия Олеговна Чернявская

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, chernyavskayayuliia@tspu.edu.ru

Аннотация

В повести А. Алексина «Очень страшная история» отражены, на наш взгляд, основные юмористические тенденции, характерные для периода 1960–1970-х гг. Использование в качестве перволичного повествователя Алика Деткина позволяет автору обыгрывать различные виды комического, такие как пародия, ирония, юмор. А. Алексин не столько иронизирует над своим героем, сколько высмеивает литературные клише и шаблоны, смеется над литературными эпигонами, создающими вторичные тексты с опорой на произведения классиков, жанры и целые направления. Той же цели служит и использование приема «текст в тексте», позволяющего разоблачить литературную продукцию сомнительного качества. Стилистые, лексические, логические несоответствия, получающиеся в результате эксплуатации шаблонизированных форм, не только рожают комический эффект, но и служат средством активизации читательского восприятия, настраивая его на выработку навыков внимательного чтения, и, как следствие этого, получения удовольствия от интеллектуальной игры на узнавание претекстов. В повести обнаруживаются следующие приемы комического: тавтология, каламбур, игра прямыми и переносными смыслами устойчивых словосочетаний; употребление лексики, синтаксиса, не соответствующих ситуации; сравнение с героями классических произведений; неожиданные сравнения; несоответствие причины и следствия; парадоксы; превратное истолкование жестов, поведения; пародирование классических произведений (сонетов У. Шекспира, жанра унылой элегии, текстов реалистической литературы), приемы автоматизма. Использование повтора и механистического воспроизведения действий, характерное не только для А. Алексина, но и для юмористической литературы 1960–1970-х гг., свидетельствует об укоренившейся в массовом сознании фольклорной традиции, зачастую обнаруживающей себя в неожиданных жанровых формах, в том числе эстрадных выступлениях. Обращение к жанру детской/подростковой повести актуально для советской литературы 1950–1980 гг., своеобразие А. Алексина в том, что в своем произведении он использует всю палитру комических приемов, стремясь привлечь к чтению наиболее требовательную читательскую аудиторию.

Ключевые слова: Анатолий Алексин, «Очень страшная история», подростковая литература, детективная повесть, приемы комического, юмор, ирония, пародия

Для цитирования: Чернявская Ю. О. Приемы комического в «Повести Алика Деткина. Очень страшная история» А. Алексина в контексте культуры 1960–1970-х гг. // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 1 (237). С. 92–102. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-92-102>

Comic techniques in A. Aleksin's novella "The story of Alik Detkin. A very scary story" in the context of the culture of the 1960–1970 years

Yuliya O. Chernyavskaya

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, chernyavskayayuliia@tspu.edu.ru

Abstract

The analyzed story uses different types of comic, such as irony, parody, humor, in its soft and delicate form. Here is an example of literature addressed to readers who have only just begun to form their literary taste, and representing a kind of encyclopedia of the funny, not using extreme forms (sarcasm, satire), activating the ability to catch subtle, implicit shades of the comic, contributing to the expansion of cultural horizons and the development of logical thinking. The use of the original narration and the "text within the text" technique allow A. Aleksin to create a story literally overflowing with various kinds and techniques of the comic: from puns and incorrect word usage to parody and gentle irony, while the author never humiliates his characters, on the contrary, he makes readers sympathize with the selfless, well-read and inquisitive children, who treat their parents, teachers, and each other with respect and love. Texts of this kind, aimed at attentive readers with a fairly broad historical and literary outlook, encourage

reading, activate the reader's attention, and introduce various literary techniques. The genre of a humorous detective story in a children's story turned out to be possible due to the fact that A. Aleksin adheres to strict rules characteristic of humorous literature: there is nothing really shocking, terrible and compassionate in his story, thanks to which the element of humor turns out to be justified and is not replaced by pity. At the same time, the plot of the detective story is motivated by the psychology of the young heroes, and their actions and deeds correspond to ideas about morality and ethics.

Keywords: Anatoly Aleksin, "A Very Scary Story", teenage literature, detective story, comic techniques, humor, irony

For citation: Tchernyavskaya Yu. O. Priomy komicheskogo v "Povesti Alike Detkina. Ochen' strashnaya istoriya" A. Aleksina v kontekste kul'tury 1960–1970-kh gg. [Comic techniques in A. Aleksin's novella "The story of Alik Detkin. A very scary story" in the context of the culture of the 1960–1970 years]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 1 (237), pp. 92–102 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-92-102>

Введение

В своем обзоре советской литературы 1960–70-х гг. А. Бочаров говорит о «заметном увеличении количества иронических произведений», и «более интенсивной иронической окраске «обычного» реалистического повествования», которое «как бы утратило веру в непреложную достоверность, подлинность воссоздаваемой картины, не в силах скрыть некий зазор, щель между действительностью и ее изображением» [1, с. 74]. Переосмысление отношения к действительности происходит в эпоху социальных перемен, что соответствует ситуации 1960-х гг., подробный анализ которой представили в своей книге «60-е. Мир советского человека» П. Вайль и А. Генис. По их мнению, для этого периода характерно повышение тона веселости, в отличие от сатирической направленности литературы сталинской эпохи [2, с. 142–143]. Комическое проникает в журналы и газеты, причем не только специализированные («Крокодил» или «Мурзилка»), но и партийные издания¹. Афористичными, неожиданно-смешными оказывались высказывания Н. С. Хрущева, реабилитировавшего веселость². На эстраде появились легендарные исполнители: Штепсель и Тарапунька, Маврикиевна и Никитишна, Аркадий Райкин. «Смеховой переворот произошел в кино. ...именно веселый, громкий, идеологически не нагруженный смех ярче всего иллюстрировал идею внезапной свободы» [2, с. 145]. 1960–70-е стали 'золотым веком' советской комедии³, на телеэкранах регулярно выходили юмористические передачи «Кабачок 13 стульев» и КВН; расцвел жанр анекдота. Юмор оказался особенно востребованным в стране, пережившей ряд социальных и идеологических катастроф, принесся

с собой иное, неофициальное отношение к жизни: «смех стал синонимом правды. У правды-смеха было две задачи: разрушение негативного и утверждение позитивного начала» [2, с. 148]. Это карнавальное мироощущение, по словам М. М. Бахтина, «враждебное всему готовому и завершенному, всяким претензиям на неизблемость и вечность, требовало динамических и изменчивых („протеических“), играющих и зыбких форм для своего выражения» [3, с. 16], и эти формы не замедлили появиться на свет.

Основная цель исследования – проанализировать приемы комического в повести А. Алексина «Очень страшная история».

Новизна исследования заключается в восполнении представлений о творчестве А. Алексина и своеобразии отечественной детской литературы 1960-х гг. Впервые повесть «Очень страшная история» рассмотрена в контексте культуры 1960–70-х гг., определены приемы комического в анализируемом тексте.

Материал и методы

В качестве историко-биографического материала были использованы интернет-источники, содержащие информацию о творчестве писателя, дате выхода в свет его произведений; материалы книги П. Вайля, А. Гениса «60-е. Мир советского человека».

При анализе приемов комического в повести А. Алексина использовались теоретические работы А. Бергсона [4], З. Фрейда [5], М. М. Бахтина [3], Ю. Н. Тынянова [6], В. М. Пивоева [7], Б. Дземидока [8]. Базой для изучения фольклорных основ комического послужили работы С. М. Лойтер [9],

¹ «Всесоюзная вакханалия шуток обязывала буквально на все откликаться юмористически, иронически, весело. <...> Журналистика, регламентированная в содержании, взяла свое в форме: лихие зачины, эффектные концовки, прибаутки и анекдоты украшали каждую статью. Особенно развилось... смелое искусство заголовков и подписей под фотографиями» [2, с. 149].

² «Хрущев был еще плотью от плоти своего времени... Трудно даже сказать, кто кого породил: Хрущев 60-е или 60-е – Хрущева» [2, с. 220].

³ Думается, нет необходимости перечислять комедии Л. Гайдая, Э. Рязанова, Г. Данелии, вышедшие в эти годы и вошедшие в золотой фонд советского кино.

Ф. С. Капицы, Т. М. Колядич [10]. Привлекались исследования по творчеству А. Алексина: Е. П. Полевой, А. Е. Писаренко [11], Е. В. Новиковой [12].

Результаты и обсуждение

Повесть А. Алексина «Очень страшная история» была опубликована в журнале «Юность» в 1969 г., затем не раз переиздавалась у нас в стране и за рубежом, была переведена на 36 языков [13]. Ирония и юмор пронизывают повесть от начала до самого конца. Название с акцентированно «пугающим» значением рождает недоверие к изначальному сообщению о том, что читателя ждет что-то по-настоящему страшное⁴, поскольку страх чаще всего вызывает неожиданная катастрофическая развязка⁵, ничем не предваряемая, как раз для того, чтобы создать эффект неожиданности, а следовательно – напугать. Так с самого начала писатель выстраивает определенные отношения с читателем, способным вступить с автором в особого рода игру, вычитывающего из произведения неявный, отсылающий к предшествующему читательскому и культурному опыту смысл. И далее все повествование пронизывает стихия иронии и пародии, проявляющихся на разных уровнях текста.

Написана «история» от лица Алика Деткина – тринадцатилетнего подростка, рассказывающего о событиях, произошедших с ним и его товарищами. Функции перволичного повествователя изучены Е. А. Полевой и А. А. Писаренко на материале повести «Безумная Евдокия». Такой прием «позволяет, во-первых, выразить внутреннее состояние персонажа-рассказчика, переданное им самим, а не реконструированное внешним наблюдателем. Во-вторых, такое повествование называют “недостоверным”, так как оно выражает субъективную картину мира. <...> Основной смысл использования перволичного повествования – в возможности показать процесс самофиксации ощущений и рефлексии персонажа, осознавшего свои заблуждения» [11, с. 99]. Если в «Безумной Евдокии» перволичное повествование раскрывает тему ограниченности восприятия и, как следствие этого, «слепоты» повествователя, то в юмористической «истории» А. Алексина служит созданию комического эффекта. Алик Деткин – тринадцатилетний подросток, примеряющий на себя роль взрослого повествователя (он пишет детективную повесть и старается вести себя как настоящий детектив), постоянно дискредитируя собственный текст.

По ходу сюжета Алик пытается разгадать тайну неоконченной повести малоизвестного писателя Глеба Бородаева, главный герой которой бесследно

исчезает со старой дачи. Таким образом, автор использует классический прием «текст в тексте». «История» Алика содержит цитаты и отсылки к тексту более опытного писателя, незаконченный сюжет которого пытается разгадать герой. Как отмечал Ю. М. Лотман, «текст в тексте» – это специфическое построение, сталкивающее между собой разные повествовательные стратегии. «Переключение из одной системы семиотического осознания текста в другую... составляет в этом случае основу генерирования смысла. Такое построение... обостряет момент игры в тексте: с позиции другого способа кодирования текст приобретает черты повышенной условности, подчеркивается его игровой характер – иронический, пародийный, театрализованный и т. п. смысл» [14, с. 66].

Прием «текст в тексте» выполняет в анализируемой повести несколько функций: во-первых, развивает тему преемственности поколений, обусловленную наличием в повествовании двух детективных повестей – написанной Гл. Бородаевым и, соответственно, Аликом Деткиным [15]. Во-вторых, этот прием подчеркивает игровой характер происходящего: текст предшественника как будто провоцирует Алика и становится завязкой квеста, вовлекая героя и его друзей в приключение (для того чтобы выяснить, куда пропал Дачник из повести Бородаева, школьники отправляются с экскурсией на «старую» дачу). Наконец, используется для создания комического эффекта: перенесенные из повести Бородаева куски, оказавшись в другом контексте (повести Алика) выглядят откровенно нелепо. Приведем пример: «А природа между тем жила своей особой, но прекрасной жизнью! Сперва она явно заигрывала с Дачником: кокетничала ослепительными лучами, забираясь к нему в комнату студеным ветром...» (из повести Бородаева) [15, с. 131]. В тексте Алика этот пассаж звучит иронично: «А природа между тем жила своей особой, но прекрасной жизнью... <...> Лил дождь, ветер хлестал в лицо, земля размокла и хлюпала под ногами» [15, с. 135]. «А природа между тем жила своей особой, но прекрасной жизнью. То тут, то там виднелись лужи, в которые мы безошибочно попадали...» [15, с. 178]. Цитируя предшественника, Алик не замечает лексических и семантических нестыковок в своем тексте, однако некоторые детали обращают на себя его внимание: «Меня сразу поразило то, что старая дача вовсе не была... старой» [15, с. 137]; «ворчливо-скрипучая лестница» [15, с. 138] не скрипела и т. д. Попытки Алика «усовершенствовать» свой текст «по образцам»

⁴ Такого рода прием используется в современных комедиях-пародиях, например, «Очень страшное кино».

⁵ Именно по такому принципу строится большая часть страшных историй (демонологических рассказов, страшилок), названия которых носят номинативный характер: «Гроб на колесах», «Красная рука» и т. д.

приводят к обратному результату – его сочинение все больше походит на пародию, а образ перволичного повествователя окутывается мягкой иронией.

Приемы комического. В своем повествовании Алик Деткин старается следовать «высоким» примерам литературы XVIII–XIX вв., используя романтические и неоромантические клише. Если в оригинальных произведениях эти устойчивые сочетания были оправданы трагическими перипетиями жизни героев, то в тексте Алика Деткина, описывающем бытовые реалии среднестатистической советской семьи, они создают комический эффект: «Судьбе было угодно, чтобы я родился в семье инженерно-технического работника в самом начале второй половины нашего века. Это была дружная трудовая семья. Я был последним ребенком в этой семье. Первым ребенком был мой старший брат Костя. Всего, значит, нас было двое. Сейчас уже Костю трудно назвать ребенком, потому что он бреется и учится в университете» [15, с. 106]. Прием сочетания в тексте разных по своему стилю выражений Б. Дземидок называет «несоответствием между формой и содержанием» [8, с. 81], объясняя возникновение комического эффекта несообразностью в отношениях и связях между явлениями, что становится одним из «сильных и выразительных приемов гротеска» [8, с. 76]. В приведенном отрывке можно обнаружить не только сочетание советских штампов и высокопарных выражений («судьбе было угодно», «инженерно-технического работника», «дружная трудовая семья»); но и *повторение*, широко используемое в юмористической литературе, поскольку подробный комментарий придает дополнительные оттенки смысла, не содержащиеся в первоначальном высказывании⁶, или «неестественное повторение», по терминологии Б. Дземидока, т. е. повторение, «совершающееся в условиях, когда реальная обстановка не требует того» [8, с. 82]: («я был последним ребенком... первым ребенком был... всего, значит, нас было двое; Костю трудно назвать ребенком, потому что он бреется...»; «Все началось год назад на самом обычном уроке в самом обычном классе» [15, с. 108]. По этому же принципу строятся характеристики героев повествования («это был человек лет тринадцати» – с вариантами эта фраза повторяется каждый раз при описании внешности очередного персонажа). Наконец, шедевр тавтологической избыточности обнаруживаем в эпизоде подписывания групповых фотографий из семейного архива Бородаевых: «сосед пи-

сателя, соседка (жена соседа), брат жены писателя, жена брата жены, друг детства писателя, жена друга детства (вторая), дочь друга детства, сын друга детства, сын сына друга детства...» [15, с. 121]. Комизм нарастает по мере развертывания текста, так как тавтологии не дают полезной информации о том, кто на этих фотографиях изображен, напротив, рожают путаницу, поскольку кумуляция только дезориентирует читателя, не понимающего главное – кто все эти люди и какое отношение они имеют к творчеству писателя? Смех вызывают и *неожиданные вставки, выбивающиеся из логики перечисления* («жена друга детства (вторая)», «соседка (жена соседа)»).

Кумуляция является одной из древнейших форм организации текста. Анализируя фольклорные кумулятивные сказки, уходящие корнями в доисторические ритуальные формы, С. М. Лойтер отмечает в них отсутствие причинно-следственной связи и смысла. Суть заключается «в атмосфере игры, которая создается открытостью сюжета и которая тем ярче, фантастичнее, веселее, чем больше в ней предметов, вещей, лиц» [9, с. 63]. Т. е. основой игры служит «стихия повторяемости», организующая игровое поле, игровую ситуацию. Словесная тема «оказывается доминирующей и равна по функции сюжету. <...> Слово... обретает автономность, свой собственный вес и самую большую и постоянную ценность» [9, с. 67]. По мнению А. Бергсона, «часто воспроизводимая комическая сцена переходит в разряд “категорий”, образцов. Она становится забавной сама по себе, независимо от тех причин, которые сделали ее смешной для нас. Тогда новые сцены, которые сами по себе не комичны, смогут вызывать наш смех, если они похожи в каком-нибудь отношении на эту сцену» [4, с. 63]. Популярны в 1960–80-е гг. юморески М. Жванецкого, выступления А. Райкина, Р. Карцева («Авас», «Слова, слова...», «Я вчера видел раков») основываются на этом принципе. В них дублируются, кумулятивно присоединяясь друг к другу, тавтологические сочетания, ничего не меняющие по сути, более того, не служащие развитию темы. Повторения, ритмически организующие речь, уходят корнями в детский фольклор, когда на первых этапах развития ребенок получает удовольствие от эхолалии, ритмических повторов, успокаивающих и приносящих удовлетворение, свидетельствующих о стабильности и упорядоченности окружающего мира [9, с. 23].

⁶ Показательный пример можно найти в известной юмореске М. Жванецкого, исполняемой А. Райкиным и Р. Карцевым «Авас» (1969): в процессе разыгрывания сценки звание персонажа «доцент» уточняется парадоксальным определением «тупой», что создает комический эффект, поскольку не соответствует общепринятому представлению о носителе ученой степени. Этой же цели служит и многократное повторение одних и тех же выражений. Тот же прием используется и в других текстах М. Жванецкого, например: «Слова, слова», «Я вчера видел раков».

Еще один прием – логическая путаница, возникающая по причине восприятия слова в прямом и косвенном значениях одновременно, или *каламбур*. Костя формально является ребенком (он – ребенок своих родителей), но в то же время назвать ребенком его нельзя, потому что он уже взрослый. Алик Деткин (фамилия прямо указывает на его «детскость») постоянно запутывается в прямых и косвенных значениях слова, поэтому вынужден прибегать к тавтологическому комментированию, усиливающему комический эффект. Подобные примеры неоднократно встречаются в тексте: «Глава 1, в которой мы знакомимся с героями повести, не все из которых будут героями» [15, с. 108]; «Итак, преступников не обнаружили... Но зато обнаружила себя творческая индивидуальность автора!» [15, с. 120]. Устойчивые сочетания «обнаружение преступника» и «обнаружилась творческая индивидуальность» оказываются взаимозаменяемыми, что приводит к нарушению логики. В одном предложении происходит соединение и переносного, и прямого значений слова.

Игра слов на фонетическом уровне: «Круглова прозвали не просто Принцем, а именно Датским, потому что он любил сочинять стихи к разным школьным датам...» [15, с. 111]. Отдельно следует выделить *игру прямыми и переносными значениями* устойчивых словосочетаний: «Слезы душили его и чуть не задушили совсем» [15, с. 108]; «Святослав Николаевич однажды сказал, что “настоящий поэт не изменяет себе”. Принц Датский не изменил себе просто ни разу в жизни» [15, с. 111]; «В повести не найдешь “чужих следов”, как не было их возле старой дачи после таинственного исчезновения...» [15, с. 120]; «к Покойнику это счастье приходило уже в третий раз» [15, с. 113]; «Здесь жил и не умер писатель Гл. Бородаев!» [15, с. 137]; «А в этом году Святослав Николаевич нас покинул» [15, с. 125] (имеется в виду – ушел на пенсию). Алик Деткин как будто не понимает смысла устойчивых сочетаний, например, выражение «не изменять себе», означающее верность своим убеждениям, принципам, понимает буквально: Принц пишет стихи по одному и тому же шаблону, следовательно, не изменяет себе.

Использование лексики, синтаксиса, не соответствующих ситуации: «В его груди билось скромное, благородное сердце!» [15, с. 109] (речь идет о проявлении заботы со стороны одноклассника); «чувство законной гордости возникло в наших сердцах!» [15, с. 122]. Высокопарных *сравнений и клише*: «я, подобно смелому Данко, осветил всем дорогу к спасению... я... подарил всем свободу и независимость!» [15, с. 175].

Сравнение/сопоставление с высокими классическими образцами: «У меня не было старой няни,

которая рассказывала бы мне в детстве сказки и так понемножку приучила бы меня любить литературу» [15, с. 107]; «Я читал, что поэты часто дружили между собой: Пушкин с Дельвигом, Шиллер с Гете... А Принц Датский дружил с Генкой-Покойником» [15 с. 112]; «внук Гоголя не учится в нашем классе... А внук Бородаева учится!» [15, с. 110]; «Здесь в течение одного года трех месяцев и семи дней была придумана и написана повесть “Тайна старой дачи”» [15, с. 163]; Алик сравнивает себя и своих товарищей с Аидой и Радамесом из оперы Дж. Верди, графом Монте-Кристо, композитором Бородиным, Данко и т. д.

Неожиданные сопоставления, или, по классификации Б. Дземидока, «острота, основанная на сопоставлении явлений далеких по своей сути или несоизмеримых» [8, с. 75]: «Фразы его неожиданно обрывались, как звуки неисправного мотора, который глохнет и опять начинает работать...» [15, с. 109]; «В его чахлой груди билось пылкое, благородное сердце!» [15, с. 114]; «Так уже нынче не пишут. Это не модно. – Но ведь моды меняются... – Раньше носили длинные пиджаки, потом стали шить короткие...» [15, с. 117]; «пропавшего искали следователи, собаки и родственники» [15, с. 120].

Несоответствие причины и следствия: «Она еще не спускалась с другим в гардероб, но Покойник все равно жить не хотел» [15, с. 113]; «Пока мы ехали на электричке, погода испортилась. Выглянуло солнце» [15, с. 135]; «На меня приятно пахло гнилью и плесенью. Я вдыхал полной грудью!» [15, с. 145].

Парадоксы: «Но я ведь просто записываю свои мысли... Что ж, я буду высказывать их вслух? – А ты высказывай не свои...» [15, с. 116–117]; «Природа устремляет свое внимание либо на мышцы, либо на мозговые извилины. На то и другое у нее не хватает сил» [15, с. 119]. «У Бородаева не было бороды. У него были усы» [15, с. 119]; «Пушкин любил осень, – сказал промокший Покойник. – Спрашивается: за что?» [15, с. 135].

Преувеличенное толкование жестов, слов, поведения: «Слезы душили его и чуть было не задушили совсем. Миронова подняла руку и спросила: – Вам плохо? – Нет, мне хорошо, ответил Святослав Николаевич» [15, с. 125]. Чтобы не отвечать заданный урок, ученики просят Глеба Бородаева рассказать что-то о жизни его дедушки, что приводит в восторг учителя, думающего, что дети проявляют любовь к литературе, и т. д.

Прием создания «ситуаций, при которых поведение героя не соответствует обстоятельствам, не согласуется с ними» [8, с. 77] также используется Алексиным – во время бегства с дачи ребятам предстоит пролезть сквозь узкую щель, однако Покойника и Алика больше всего беспокоит то, что

девочки увидят их в нижнем белье, чем спасение собственной жизни.

Отдельно следует выделить приемы *пародирования* классических произведений литературы, представленные в текстах одноклассников Алика – членов литературного кружка, организованного классным руководителем Станиславом Николаевичем.

В первую очередь обратимся к творчеству Принца Датского. Вот стихотворение, написанное в честь годовщины свадьбы родителей Алика:

В этот день, поздравив папу с мамой,
Обстановку трезво оцени:
Страшная была бы в жизни драма,
Если бы не встретились они!
Если бы твой папа не женился,
Никогда б ты, Алик, не родился! [15, с. 112].

Свое произведение Принц явно писал с оглядкой на сонеты У. Шекспира, ставшие популярными в Советском Союзе благодаря переводам С. Я. Маршака [16, с. 389]⁷. Думается, такое предположение небезосновательно, поскольку А. Алексин познакомился с С. Я. Маршаком еще в детстве, учился на его семинаре и именно С. Я. Маршак посоветовал начинающему автору писать прозу [18]. Кроме того, А. Алексин и С. Я. Маршак входили в редколлегия журнала «Юность»; всю свою жизнь писатель испытывал к Самуилу Яковлевичу чувство глубокого уважения и благодарности⁸. Конечно, это не классический сонет, состоящий из 14 строк и имеющий три четверостишия и заключительное двустишие [20, с. 411–412], однако мелодика, интонационный рисунок стихотворения благодаря резко меняющемуся способу рифмовки в финале навевают определенные ассоциации. Завязка сюжета дается в начале, последнее двустишие выступает в качестве развязки, последнее слово является ключевым («никогда б ты... не родился!»). Аллюзивно и прозвище «поэта» – Принц Датский. Герой произвольно цитирует Гамлета: «Да-а, ехать или не ехать – вот в чем вопрос! – воскликнул Принц Датский» [15, с. 134], несколько раз в повести он назван «добрым», что также отсылает нас к тексту пьесы, не говоря уже о том, что в какой-то степени это стихотворение можно назвать пародийным откликом на реплику Гамлета в III акте: «лучше бы моя мать не родила меня на свет... К чему таким молодцам, как я, пресмыкаться между небом и землей?» [21, с. 73].

Анализируя лирику У. Шекспира, А. Аникст отмечает: «...у него образы и сравнения неожидан-

ные и, на первый взгляд, непоэтичные. Это образы, взятые из повседневной жизни, сравнения и уподобления с фактами, которые сами по себе ничуть не поэтичны» [22, с. 566]. Как и в опусе Принца, в «шекспировском» сонете четверостишие имеет перекрестную рифмовку, а заключительное двустишие – парную. Однако содержание, на первый взгляд соответствующее («непоэтичные», неприличные для современников образы), лишено шекспировской глубины. По мнению А. Аникста, «содержание сонета составляет чувство или настроение, вызванное каким-либо фактом. Самый факт лишь глухо упоминается, дается намеком, а иногда у сонета и вовсе отсутствует непосредственный повод. В таких случаях стихотворение служит выражением настроения, владеющего поэтом» [22, с. 584]. Т. е. главная задача поэта – выразить чувство и переживание, используя для этого повод, творчески преломленный в поэтическом воображении. В своем стихотворении Принц, напротив, использует рациональный подход: называет событие и его последствия, выворачивая смысл наизнанку. Вместо поздравления юбиляров – родителей, отмечающих годовщину, он обращается с неожиданным (по логике) вопросом к Алику, непосредственно указывая на причинно-следственную связь между двумя событиями – женитьбой родителей и появлением его на свет, создавая тем самым комическую ситуацию. Здесь также можно увидеть явно стилистически выбивающуюся фразу «обстановку трезво оцени», использование богатых грамматических рифм (женился/родился), торжественность, приподнятость слога (восклицательные знаки, по смыслу стихотворения не уместные).

Стихи Принца строятся по одному и тому же шаблону: называется повод (1 сентября, окончание учебного года, юбилей), далее используется цепь устойчивых сочетаний, речевых клише («славный юбилей», «большим волнением», «на сердце веселей», «путь к вершинам», «сердцами остаемся», «возле школьной парты и доски», «духом не упали», «подарит радость и веселье», «сердце радостное бьется», «все в сравнение познается» [15, с. 111; 150; 153; 154]. Все, за исключением последних двух, опусы начинаются одинаково: «В этот день, когда мы начинаем...», «В этот день, когда мы отмечаем...», «В этот день, когда мы завершаем...» [15, с. 111], «В этот день...» [15, с. 150]. По содержанию эти стихи представляют собой парод-

⁷ В 1960-е гг. творчество У. Шекспира стало достоянием массовой культуры. Можно вспомнить реплику Е. Евстигнеева из к/ф «Берегись автомобиля» (реж. Э. Рязанов, 1966 г.): «Не пора ли, друзья мои, нам замахнуться на Вильяма, понимаете ли, м-м, нашего Шекспира?», ставшую крылатым выражением [17, с. 9].

⁸ А. Алексин вспоминал о чтении своего рассказа на семинаре С. Я. Маршака: «Маршак вдруг захохотал, потом смахнул слезу и сказал: «Вот Вам что надо писать – прозу! Не для детей, я думаю, а для взрослых, но у вас должны непременно присутствовать дети, потому что писать о взаимоотношениях взрослого и юного мира – это Ваше призвание, у Вас это замечательно получается!» Рассказ мой вообще-то был слабым, я его потом никогда не переиздавал – но что-то он углядел в нем...» [19].

дию на выпускавшиеся тысячными тиражами сборники написанной по заказу лирики, чествующей партийных руководителей, Героев Социалистического Труда; звучавшей по радио, печатавшейся в газетах и журналах, начиная со сталинских времен вплоть до перестройки.

В отличие от «творчества» Принца стихи Генки-Покойника представляют собой пародию на жанр кладбищенской элегии:

Умереть, умереть, умереть!
Мне во прах превратиться не жалко,
Чтоб уже никогда не смотреть,
Как с другим ты идешь в раздевалку...

[15, с. 112].

Пародийный эффект создается благодаря использованию традиционных для элегии тем – безответной любви, безвременной смерти, ухода – в сочетании с ничтожным для этого поводом – возлюбленная не изменяет лирическому герою, а всего лишь идет в гардероб, подходит на перемене к старшекласснику... Впоследствии выясняется, что все эти «А. Я.», «Б. Ю.» и «В. Э.» (также следование традиции любовной лирики, когда поэт не смеет назвать свою возлюбленную, скрывая ее имя под инициалом) всего лишь буквы алфавита, поскольку Покойник описывает вымышленные события, т. е. его творчество – плод поэтического воображения и все его переживания всего лишь дань традиции.

В его стихах также чрезмерно эксплуатируются клише, на этот раз любовной лирики: «жить не стоит», «нету сомнений», «сердце в муке сгорело дотла», «во прах превратиться», «нежное слово», «доверчивый взгляд» [15, с. 112–113] – для описания обыденных событий школьной жизни. Используется и гротескная несоразмерность в отношениях и связях между явлениями [8, с. 76]: «Умереть мое сердце готово, Разорваться в груди, как снаряд» [15, с. 113] – сравнение сердца с разорвавшимся снарядом.

Наконец, творчество Вали Мироновой можно отнести к реалистической прозе, точнее, пародии на таковую. В «Литературном энциклопедическом словаре» дается следующее определение этого направления: «...худож. метод, следуя к-рому художник изображает жизнь в образах, соответствующих сути явлений самой жизни и создаваемых посредством типизации фактов действительности» [23, с. 318]. Реализм использует «принципы жизненно-правдивого отражения действительности, осознанно устремленные к худож. познанию человека и окружающего мира» [23, с. 318]. Валя Миронова послушно следует указаниям, данным ей Святославом Николаевичем: «В прозе каждый должен писать о том, что он лучше всего знает. А с чем ты, Миронова, сталкиваешься ежедневно? <...> Вот об этом и напиши» [15, с. 115]. Буквально понимая

учителя, Валя создает текст, содержащий множество подробных деталей, не учитывая главное – его содержательной стороны: «Я проснулась в семь часов десять минут по местному времени. Было утро. Я умылась на кухне, потому что в ванной комнате мылся сосед. На кухне у нас стоят два стола, потому что в квартире живут две семьи: у каждой по одному столу. На кухне два окна: одно выходит лицом на улицу, а другое – лицом во двор. В семь часов тридцать минут по местному времени я съела одно яйцо всмятку, один бутерброд с сыром и выпила один стакан чая с сахаром. Так начался мой трудовой день...» [15, с. 115].

К отличительным особенностям ее творения относятся: повторы, излишняя конкретизация и уточнения, характерные для делопроизводственной сферы (два окна, два стола, две семьи, семь часов тридцать минут, один бутерброд с сыром, одно яйцо, один стакан...), клише («трудовой день»). В целом наставления Святослава Николаевича («каждый должен писать о том, что он лучше всего знает») перекликаются с требованиями, предъявляемыми реалистическому произведению. Но если для реализма важны были не вещи сами по себе, а постижение сложной и противоречивой реальности, то бытописание Вали Мироновой обусловлено ее стремлением выполнять и перевыполнять заданную кем-либо (в данном случае учителем) норму, что и было ее отличительной чертой. По словам Алика Деткина, «Миронову я всегда представляю себе с поднятой рукой: она хочет, чтобы ей разрешили перевыполнить норму» [15, с. 114]. Миронова – отличница, любящая подсказывать учителям, воплощает собой тип советского человека (и писателя), стремящегося «догнать и перегнать», «выполнить и перевыполнить» указы очередного партийного съезда, постановления правительства, соответствовать передовицам государственных газет и агитационным плакатам, украшавшим города и поселки Советского Союза. Видимо, именно поэтому ее проза больше похожа на протокол, нежели на художественное произведение.

И продукция членов литературного кружка, и попытки Алика выстраивать свое повествование в соответствии со стилистикой и канонами приключенческого романа отвечают принципу *qui pro quo*, при котором «берут систему действий и отношений и повторяют ее в одном и том же виде или перевертывают ее вверх дном, или переносят ее всю целиком в другую систему, с которой она частично совпадает, – проделывают всевозможные операции, сводящиеся к тому, чтобы уподобить жизнь механизму, повторяющему непрерывно одно и то же...» [4, с. 66–67], что и вызывает смех. Кроме того, использование «маски» наивного повествователя позволяет А. Алексину высмеять тексты сво-

их соотечественников – поэтов и беллетристов, использующих клише для создания ничем не выдающихся, вторичных произведений, в огромном количестве выпускавшихся издательствами СССР.

В некоторых случаях можно говорить о *юмористических комплексах*, т. е. в одной-двух фразах может быть использовано несколько комических приемов. Например: «А в поэме, первое чтение которой состоялось у нас в уборной...» [15, с. 112]. Речь идет о поэме, прочитанной Покойником своим одноклассником. Фраза содержит понятный для взрослых читателей комический смысл, не рефлекслируемый Аликом: 1) сочетание «первое чтение» используется в научной/официальной речи, 2) для чтения стихов выбирается не подходящее для этого место, тем более это несоответствие усиливается благодаря сочетанию высокого (первое чтение, состоялось) и низкого (уборная).

«На протяжении трехсот двадцати трех с половиной страниц Дачника искали следователи, собаки и родственники, которых у него оказалось ужасно много. От них-то он, как выяснилось, и скрывался на даче...» [15, с. 131–132]. В этом фрагменте обнаруживаем: 1) уже отмеченный нами прием несочетаемой последовательности (родственники оказываются упомянутыми после собак); 2) количество страниц явно превышает объем детективного повествования (и средней повести вообще, писатель явно страдал словесной избыточностью); 3) именно от родственников, которые его так усердно искали, и скрывался герой повествования; 4) сочетание «ужасно много», использованное по отношению к родственникам; 5) излишняя детализация (трихсот двадцати трех с половиной страниц).

Парадокс + тавтология: «Я всегда думал, что почетный участник чего-либо – это такой участник, который, в отличие от обыкновенных участников, может абсолютно ни в чем не участвовать» [15, с. 118]; «становится ясно, что мне ничего не ясно» [15, с. 143]; «Покойник был похож на покойника» [15, с. 151].

Примеры автоматизма (косности) [4, с. 26–28], вызывающие смех. Это не только речевые клише, постоянно звучащие в речи Алика, Святослава Николаевича и других членов литературного кружка, но и поведение персонажей: Валя Миронова всегда поднимает руку, чтобы задать вопрос, даже в неофициальной обстановке, обращаясь к однокласснику. Покойник во время бегства с дачи от усталости и волнения перестает соображать и послушно выполняет все, что ему советуют окружа-

ющие, при том что советы противоречат друг другу; бездумно совершает автоматические действия (бежит, чтобы согреться, вместо того, чтобы одеться). Диалоги, которые строятся по определенному шаблону: Покойник отвечает вопросом на вопрос, Алику устраивает Глебу настоящий допрос, подражая персонажам детективных романов, вместо того чтобы просто спросить о причинах его вранья. Эти не соответствующие логике поступки, продиктованные стереотипами мышления или неспособностью разобраться в конкретной ситуации, вызывают смех⁹.

А. Алексин пишет свою повесть в период активного развития детской литературы, когда «социальные институты (детские сады и школа) занимают главенствующее место, а в литературе начинает развиваться жанр школьной повести с ее сюжетами, персонажами и символами» [24, с. 91]. Интерес автора к внутреннему миру личности определяется, таким образом, общими тенденциями культуры 1960–70-х гг., а использование перволичного повествования от лица тринадцатилетнего подростка, пытающегося играть роль взрослого – писателя и детектива одновременно, служит основой для создания комических ситуаций. Юмор, комическое – это средства, при помощи которых автор привлекает подростковую аудиторию к чтению не поучая, а развлекая. Наивность повествователя дает возможность прочитывать события повести как бы на двух уровнях: 1) наивное и ограниченное восприятие подростка, 2) более умудренный взгляд опытного читателя. Столкновение этих двух уровней и служит созданию комического эффекта. Алику с позиции «наивного» повествователя описывает события так, как они видятся ему, не понимая двусмысленностей или несоответствия объективной реальности/точке зрения опытного человека. Особенно очевидно это несоответствие в тех случаях, когда тексты Алика и его друзей пересекаются с текстами классиков литературы (У. Шекспир, жанр элегии, реалистический роман), народной мудростью, крылатыми выражениями. Этой же цели служит и прием «текст в тексте»: при сопоставлении отрывков из повестей Гл. Бородаева и рефлексией Алика обнаруживается комическое несоответствие, конфликт текстов на эмоциональном, смысловом, логическом уровнях.

Комическое возникает тогда, когда контекст известен и создателю, и слушателю остроты [25, с. 210]. Неслучайно А. Алексин использует в качестве пародируемых образцов тексты, вошедшие в школьную программу. В своей повести А. Алексин

⁹ «Комическое – это та сторона личности, которой она походит на вещь, те человеческие поступки, которые своей совершенно специфической косностью походят на настоящий механизм, на нечто автоматическое – словом, на движение безжизненное. Оно выражает, следовательно, известное индивидуальное или коллективное несовершенство, требующее немедленного исправления» [4, с. 59].

создает стихию веселья, радости по поводам, которые для литературы сталинской эпохи показались бы слишком мелкими и ничтожными. Это смех ради удовольствия от общения с друзьями, творчества (пусть и наивного), демонстрация знаний классики советской и мировой литературы, общения с учителями. Не жестокий, не насмешливый, а принимающий, оздоравливающий, позволяющий увидеть смешное в окружающей жизни и самом себе смех, когда «благоприятным условием для возникновения комического удовольствия является вообще веселое расположение духа, в котором человек расположен смеяться» [5, с. 117]. После десятилетий нормативного, регламентированного, разоблачающего, служащего орудием классовой борьбы смеха такой не ангажированный, веселый юмор ради юмора становится знаком эпохи 1960–70-х гг., ставшей золотым веком советской комедии.

Заключение

А. Алексин использует мягкие формы иронии, пародии, юмора, ориентированные на чуткого, внимательного читателя, обладающего достаточно широким литературным и общекультурным кругозором, способного оценить игру с классическими текстами, уловить тонкие аллюзии на реалии современной историко-культурной ситуации. Филигранная работа с материалом свидетельствует, на наш взгляд, об уважительном отношении А. Алексина к своим персонажам и вместе с тем к читателям;

автор оставляет подсказки и отсылки к претекстам, послужившим основой для пародии. Обращаясь к детско-юношеской аудитории, писатель избегает откровенной иронии, сатиры и сарказма, создавая мир, в котором подростки с уважением и любовью относятся к своим родителям, учителям, товарищам, природе, творчеству, литературе. Создавая свое произведение на стыке двух исторических периодов, А. Алексин ненавязчиво напоминает о вечных, непреходящих ценностях и необходимости гуманного отношения к своему наследию. Юмористическая литература 1960–70-х гг. выполняет лечебную функцию, врачаю раны предшествующего периода, когда сатира и злая ирония становились средством унижения и иногда влекли за собой физическую расправу над объектом осмеяния. А. Алексин демонстрирует разнообразные формы смешного, кроющиеся в обычных, ничем не примечательных событиях семейной, школьной жизни.

Этой же цели служит и жанр детективной истории, превратившейся из милицейского романа в комическое повествование благодаря тому, что А. Алексин придерживается неписанных законов юмористической литературы: в его повести нет ничего действительно шокирующего, ужасного и/или вызывающего сострадание, благодаря чему стихия юмора оказывается оправданной и не вытесняется жалостью. В то же время завязка детективного сюжета мотивирована психологией юных героев, а их действия и поступки соответствуют представлению о нравственности и морали.

Список источников

1. Бочаров А. Сообщительность иронии // Вопросы литературы. 1980. № 12. С. 74–114.
2. Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 368 с.
3. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
4. Бергсон А. Смех. М.: Искусство, 1992. 127 с.
5. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. СПб.: Алетейя, 1998. 309 с.
6. Тынянов Ю. Н. О пародии / Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 284–309.
7. Пивов В. М. Ирония как феномен культуры. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. 106 с.
8. Дземидок Б. О комическом. М.: Прогресс, 1974. 224 с.
9. Лойтер С. М. Русский детский фольклор и детская мифология: исследование и тексты. Петрозаводск: КГПУ, 2001. 296 с.
10. Капица Ф. С., Колядич Т. М. Русский детский фольклор: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Флинта: Наука, 2002. 320 с.
11. Полева Е. А., Писаренко А. Е. Приемы психологизма в повести А. Алексина «Безумная Евдокия» / Сибирская литература для детей и юношества: тенденции и контекст развития (1950–2010). Томск: ЦНТИ, 2016. С. 97–106.
12. Новикова Е. В. Средства и приемы психологизма в изображении героя-подростка (на примере зрелого творчества А. Г. Алексина) // XX Всероссийская студенческая научно-практическая конференция Нижневартковского государственного университета: материалы XX Всероссийской студенческой научно-практической конференции: сб. ст. / отв. ред. А. В. Коричко. 2018. С. 447–451.
13. Анатолий Алексин. URL: <http://anatolyaleksin.com/aa1.htm> (дата обращения: 08.07.2024).
14. Лотман Ю. М. Текст в тексте / Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 62–73.
15. Алексин А. Г. Повесть Алика Деткина. Очень страшная история / Собрание сочинений: в 3 т. М.: Детская литература, 1979. Т. 1: Повести. С. 106–214.

16. Гаспаров М. Л., Автономова Н. С. Сонеты Шекспира – переводы Маршака / О русской поэзии. СПб.: Азбука, 2001. С. 389–409.
17. Серов В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-пресс, 2005. 677 с.
18. Алексин А. Биография. ПроДетЛит. Всероссийская энциклопедия детской литературы. URL: https://prodetlit.ru/index.php/Алексин_Анатолий_Георгиевич (дата обращения: 08.07.2024).
19. Половец А. Пока не поздно... Разговоры с А. Алексиным // ЛитБук. URL: <https://litbook.ru/article/10297/?ysclid=lzz954zv8y651375292> (дата обращения: 10.06.2024).
20. Гаспаров М. Л. Сонет // Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. 752 с.
21. Шекспир В. Полное собрание сочинений: в 8 т. Т. 6. М.: Искусство, 1960. 687 с.
22. Аникст А. Поэмы, сонеты и стихотворения В. Шекспира // Шекспир В. Полное собрание сочинений: в 8 т. М.: Искусство, 1960. Т. 8. С. 559–591.
23. Аникст А. А., Мотылева Т. Л. Реализм // Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 318–321.
24. Сазоненко М. А. Атрибуты советского детства: история трансформации (на примере иллюстративного материала детских журналов 1920–1990-х годов) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 6. С. 85–95.
25. Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь: к теории пародии / Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 198–226.

References

1. Bocharov A. Soobshchitel'nost' ironii [The sociability of irony]. *Voprosy literatury*, 1980, no. 12, pp. 74–114 (in Russian)
2. Vayl' P., Genis A. 60-ye. *Mir sovetskogo cheloveka* [60-s. The world of the Soviet man]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 1998. 368 p. (in Russian).
3. Bakhtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. 543 p. (in Russian).
4. Bergson A. *Smekh* [Laughter]. Moscow, Iskustvo Publ., 1992. 127 p. (in Russian).
5. Freyd Z. *Ostroumye i yego otnosheniye k bessoznatel'nomu* [Wit and its relation to the unconscious]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 1998. 309 p. (in Russian).
6. Tynyanov Yu. N. O parodii [About parody]. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of Literature. Cinema]. Moscow, Nauka Publ., 1977. Pp. 284–309 (in Russian).
7. Pivoyev V. M. *Ironiya kak fenomen kul'tury* [Irony as a cultural phenomenon]. Petrozavodsk, PetrGU Publ., 2000. 106 p. (in Russian).
8. Dzemidok B. *O komicheskom* [About the comic]. Moscow, Progress Publ., 1974. 224 p. (in Russian).
9. Loyter S. M. *Russkiy detskiy fol'klor i detskaya mifologiya: issledovaniye i teksty* [Russian children's folklore and children's mythology]. Petrozavodsk, KGPU Publ., 2001. 296 p. (in Russian).
10. Kapitsa F. S., Kolyadich T. M. *Russkiy detskiy fol'klor: uchebnoye posobiye dlya studentov vuzov* [Russian Children's Folklore: A Textbook for University Students]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2002. 320 p. (in Russian).
11. Poleva E. A., Pisarenko A. E. Priomy psikhologizma v povesti A. Aleksina "Bezumnaya Evdokiya" [Psychologism techniques in A. Aleksin's story "Mad Evdokia"]. *Sibirskaya literatura dlya detey i yunoshstva: tendentsii i kontekst razvitiya (1950–2010)* [Siberian literature for children and youth: trends and context of development (1950–2010)]. Tomsk, TsNTI Publ., 2016. Pp. 97–106 (in Russian).
12. Novikova E. V. Sredstva i priomy psikhologizma v izobrazhenii geroya-podrostka (na primere zrelogo tvorchestva A. G. Aleksina) [Means and techniques of psychologism in the depiction of a teenage hero (based on the mature work of A. G. Aleksin)]. *XX Vserossiyskaya studencheskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta. Materialy XX Vserossiyskoy studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Sbornik statey. Otvetstvennyy redaktor A. V. Korichko* [XX All-Russian Student Scientific and Practical Conference of Nizhnevartovsk State University: Proceedings of the XX All-Russian Student Scientific and Practical Conference: Collection of Articles. Editor-in-Chief A. V. Korichko]. 2018. Pp. 447–451 (in Russian).
13. *Anatoliy Aleksin* (in Russian). URL: <http://anatolyaleksin.com/aa1.htm> (accessed 8 July 2024).
14. Lotman Yu. M. *Tekst v tekste* [Text in text]. Semiosfera [Semiosphere]. Saint Petersburg, Iskustvo-SPb Publ., 2000. Pp. 62–73 (in Russian).
15. Aleksin A. G. *Povest' Alike Detkina. Ochen' strashnaya istoriya* [Alik Detkin's story. A very scary story]. *Sobraniye sochineniy v 3 tomakh* [Collected Works: in 3 volumes]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1979. Vol. 1. Pp. 106–214 (in Russian).
16. Gasparov M. L., Avtonomova N. S. Sonety Shekspira – perevody Marshaka [Shakespeare's sonnets in Marshak's translations]. In: Gasparov M. *O russkoy poezii* [About Russian poetry]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., 2001. Pp. 389–409 (in Russian).
17. Serov V. V. *Entsiklopedicheskiy slovar' krylatykh slov i vyrazheniy* [Encyclopedic dictionary of popular words and expressions]. Moscow, Lokid-press Publ., 2005. 677 p. (in Russian).

18. Aleksin A. *Biografiya. ProDetLit. Vserossiyskaya entsiklopediya detskoy literatury* [Biography. ProDetLit. All-Russian Encyclopedia of Children's Literature] (in Russian). URL: https://prodetlit.ru/index.php/Aleksin_Anatolij_Georgievich (accessed 10 June 2024).
19. Polovets A. *Poka ne pozдно... Razgovory s A. Aleksinym* [Before it's too late... Conversations with A. Aleksin]. *LitBuk* (in Russian). URL: <https://litbook.ru/article/10297/?ysclid=lzz954zv8y651375292> (accessed 10 June 2024).
20. Gasparov M. L. Sonet [Sonnet]. *Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Literary Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1987. 752 p. (in Russian).
21. Shekspir V. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 8 tomakh. T. 6* [Complete Works: in 8 volumes. Vol. 6]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1960. 687 p. (in Russian).
22. Anikst A. Poemy, sonety i stikhotvoreniya V. Shekspira [Poems, sonnets and poems by Shakespeare]. in: Shekspir U. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 8 tomakh* [Complete Works: in 8 volumes]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1960. Vol. 8. 742 p. (in Russian).
23. Anikst A. A., Motyleva T. L. Realizm [Realism]. *Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Literary Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1987. Pp. 318–321 (in Russian).
24. Sazonenko M. A. Atributy sovetskogo detstva: istoriya transformatsii (na primere illyustrativnogo materiala detskikh zhurnalov 1920–1990-kh godov) [Attributes of Soviet Childhood: The History of Transformation (Based on Illustrative Material from Children's Magazines from the 1920s–1990s)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 6, pp. 85–95 (in Russian).
25. Tynyanov Yu. N. Dostoyevskiy i Gogol': k teorii parodii [Dostoevsky and Gogol. Towards a Theory of Parody]. In: *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of Literature. Cinema]. Moscow, Nauka Publ., 1977. Pp. 198–226 (in Russian).

Информация об авторе

Чернявская Ю. О., кандидат филологических наук, доцент, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).
E-mail: chernyavskayayulia@tspu.edu.ru. SPIN-код: 9006-7449.

Information about the author

Tchernyavskaya Yu. O., Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: chernyavskayayulia@tspu.edu.ru. SPIN-code: 9006-7449.

Статья поступила в редакцию 01.10.2024; принята к публикации 29.11.2024

The article was submitted 01.10.2024; accepted for publication 29.11.2024

УДК 82:81-26, 82:801.6
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-103-110>

Повесть Анны Ремез «Кошка с Юпитера и позвоночные»: признаки соответствия жанровой формуле о «попаданцах» и авторское своеобразие

Марина Ильинична Ломакина

*Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия,
hfsdg@rambler.ru, 0009-0004-9899-2630*

Аннотация

В статье отмечаются подходы к интерпретации «попаданческой» литературы и признаки одной из ее разновидностей – фантастической школьной/каникулярной повести о «попаданцах» в советское прошлое. Проведенный обзор написанных в первые десятилетия XXI в. текстов (Тамара Крюкова, Андрей Жвалевский, Евгений Пастернак и др.) о перемещении детей в советское прошлое позволяет говорить о сложении определенной жанровой формулы, которой так или иначе следуют все авторы. Повесть А. Ремез «Кошка с Юпитера и позвоночные» анализируется с точки зрения воплощения выделенных жанровых признаков и авторского своеобразие. Писательница следует основной сюжетной канве жанра (внезапное перемещение ребенка из современности в прошлое, использование пограничного локуса, восприятие «попаданцем» советского быта как серого и унылого, отношений со взрослыми как более строгих, регламентированных, не учитывающих субъектность ребенка). Но, в отличие от других авторов, А. Ремез использует локус санатория, а не школы или пионерского лагеря для перемещения персонажа; она больше, чем другие писатели, уделяет внимание не только различию, но и сходству форм детской субкультуры советского периода и 2010-х гг., дает своеобразную энциклопедию жизни детей в условиях лечебного санатория 1980-х гг.: описывает правила уличных командных игр, закапывания «секретиков» на память, а также формы проведения времени в палате (плетение игрушек, рассказывание страшилок, чтение книг, обсуждение фильмов) и многое другое. Перемещение центральной героини Маруси в прошлое, а в финале – обратно в свое время укрепило связь поколений, сделало для современного ребенка мир родителей, их ценности и детские воспоминания более понятными, так как произошло приобщение к этому миру через погружение.

Ключевые слова: советское прошлое, «попаданцы в СССР», погружение в мир прошлого, фантастическая школьная повесть, современная детская литература, А. Ремез

Для цитирования: Ломакина М. И. Повесть Анны Ремез «Кошка с Юпитера и позвоночные»: признаки соответствия жанровой формуле о «попаданцах» и авторское своеобразие // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 1 (237). С. 103–110. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-103-110>

Anna Remez's story "The cat from Jupiter and invertebrates": features of following the genre formula about "time travelers to the USSR" and the author's originality

Marina I. Lomakina

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, hfsdg@rambler.ru, 0009-0004-9899-2630

Abstract

The article notes approaches to the interpretation of "time travel" literature and the characteristics of one of its varieties – a fantastic school/vacation story about "time travelers" to the Soviet past. A review of texts written in the first decades of the 21st century about the displacement of children into the Soviet past (T. Kryukova, A. Zhvalevsky, E. Pasternak, etc.) allows us to speak about the development of a certain genre formula, which all authors follow in one way or another. A. Remez's novel "The Cat from Jupiter" is analyzed from the point of view of the embodiment of the selected genre features and the author's originality. The writer follows the main plot line of the genre (the sudden transfer of a child from the present to the past, the use of a border locus, the perception by the "time traveler" of Soviet life as gray and dull, relationships with adults as stricter, more regulated, not taking into account the subjectivity of the child). But, unlike other authors, A. Remez uses the locus of a sanatorium, not a school or a pioneer camp to move a character; she, more than other writers, pays attention not only to the difference, but also to the similarity of forms of children's subculture of the Soviet period and the 2010s, gives a kind of encyclopedia of children's life in a medical

sanatorium 1980s: describes the rules of street team games, burying “secrets” for memory, as well as forms of spending time in the ward (weaving toys, telling horror stories, reading books, discussing films) and many others. Moving into the past, and in the finale back to one’s own time, strengthened the connection between generations, made the world of parents, their values and childhood memories more understandable for a modern child, as they became familiar with this world through immersion.

Keywords: *Soviet past, “time travelers to the USSR”, fantastic school story, modern children’s literature, A. Remez*

For citation: Lomakina M. I. Povest’ Anny Remez “Koshka s Yupitera i pozvonochnyye”: priznaki sootvetstviya zhanrovoy formule o “popadantsakh” i avtorskoye svoyeobraziye [Anna Remez’s story “The cat from Jupiter and invertebrates”: features of following the genre formula about “ctime travelers to the USSR” and the author’s originality]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 1 (237), pp. 103–110 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-103-110>

Введение

В литературном процессе начала 2000-х гг. популярны прозаические произведения, которые условно названы текстами о «попаданчестве». Этот термин возник на различных читательских форумах, но затем перекочевал в критические и исследовательские работы.

О повышенном внимании и читателей, и критиков к литературе о внезапном перемещении свидетельствует сайт «Попаданцы от А до Я» [1], на котором произведения, причем написанные не только в XXI в., но и ранее, разделены на категории (по месту и/или времени перемещения): параллельные миры, другие планеты, сны, книги, будущее, прошлое, игры и т. д. Но особой популярностью пользуется раздел «попадание в прошлое». А внутри этого раздела наиболее часто встречаются книги о «трансфере» именно в советский период. Исследователи, в частности Н. С. Иващенко, объясняют это «проявлением кризиса идентичности, который начался в позднее советское время и не закончился до сих пор» [2].

Материал и методы

В силу того что повышенное внимание к «попаданчеству» наблюдается только с 2000-х гг., академического понимания специфики этого литературного феномена еще не произошло. Крупных исследований в отечественном литературоведении очень мало. Отдельные аспекты прозы о «попаданцах» анализируются в статьях Л. Фишмана [3], В. А. Ковалева [4], Б. Невского [5], А. М. Лобина [6], М. С. Галиной [7], относительно детской литературы – в работе С. Маслинской [8].

Д. В. Новохатский исследует в текстах о «попаданчестве» темы альтернативной истории, хронотуризма [9]. Для нас эта работа значима, так как она дает понимание того, что сюжет перемещения во времени лежит в основе разных жанров, и «попаданчество», например, отличается от литературы путешествий во времени, где центральный герой намеренно, а не внезапно оказывается в другой эпохе/другом мире.

Анализ этой работы и других позволил сформулировать вывод о том, что тексты, интерпретируемые как «попаданчество», скорее, построены на основе одного приема – фантастического перемещения. Говорить же о едином монолитном жанре представляется сложным. Правильнее, на наш взгляд, выделять разные жанры.

Изучение ряда произведений для детей и подростков («Повторение пройденного» (2008) Т. Крюковой [10], «Время всегда хорошее» (2009) А. Жвалевского и Е. Пастернак [11], «Кошка с Юпитера и позвоночные» (2018) А. Ремез [12], «Каникулы в прошлое» (2021) И. Самариной [13], «Возвращение “Пионера”» (2021) Ш. Идиатуллиной [14], «Оля-ля из шестого отряда» (2023) А. Кокшаровой [15]) позволяет выделить такой жанр, как фантастическая школьная повесть о «попаданцах» в советское прошлое.

Герои вышеперечисленных произведений из реальных условий совершенно случайно перемещаются в бытовое (не фантастическое) пространство советского прошлого (1980-е гг.) – время детства их родителей, про которое они очень мало знают. Задача детей-«попаданцев» – понять, как выбраться из этого нового и чужого для них мира и вернуться в свой [16]. Пройдя ряд испытаний, а главное, сделав нравственный выбор, они возвращаются в свое время. Этой сюжетной канве соответствуют рассмотренные нами тексты, что позволяет отнести их к формульной литературе, которая возникает «вследствие многократного повторения элементов в ряде произведений» [17, с. 39].

В статье применены элементы сопоставительного и жанрового анализа. Материал исследования – повесть «Кошка с Юпитера и позвоночные» Анны Ремез, которая была написана во многом по личным воспоминаниям, «а прототипом места действия выступает и ныне действующий санаторий “Огонек”» [18].

Результаты и обсуждение

Сюжет повести строится на перемещении героини, 10-летней Маши (Маруси) Ильиной, в 1984 г.

Это время, когда ее маме было пять лет, а папа только что окончил школу. Уже с первой главы обращает на себя внимание своеобразие описания пространства по сравнению с жанровой формулой. Первая глава называется «Переселенцы». Именно переселенцем чувствует себя Маруся, которая отправляется летом в загородный санаторий «Лучик», выпадая, таким образом, из пространства родного дома. Новое место очень непривычно, кажется героине неудобным и даже опасным.

Если в других повестях о детях-«попаданцах» в советское прошлое в завязке дается свое пространство жизни, по сравнению с которым будет на принципе контраста и оппозиции даваться локус перемещения, то А. Ремез начинает с описания чуждого Марусе места. Переезд в санаторий фактически становится репетицией «попаданчества». Но ситуация в завязке отличается от собственно «попаданческой» тем, что в этом перемещении нет ничего фантастического, к нему героиня готовилась, связь с родными не утрачена, нет страха невозвращения к родителям.

Вместе с тем эти два пространства (санаторий и дом) даны через прием антитезы. Дома есть личное пространство, возможность всегда пользоваться интернетом, смотреть любимый мультсериал «Феечки-искры», привычные вещи и ритуалы (шкапулка с разными памятными предметами, удобная кровать, красивое постельное белье, коврик с фламинго, а главное – там есть мама и ее поцелуй на ночь). В санатории ничего этого нет, но есть непонятный и более строгий режим дня (зарядка, процедуры), много незнакомых людей, общая палата и ванная комната, неудобная кровать, унифицированные постельные принадлежности (у всех белая простыня, зеленое покрывало). Поэтому первый день показался девочке очень длинным, «и когда он закончился, Маруся была просто в отчаянии» [12, с. 9].

Новое пространство для Маруси кажется враждебным, ложась спать она увидела, как «в большом квадрате света на противоположной стене билась косматая тень тополя. Марусе стало жутко, и она снова спряталась. Под одеялом всегда можно спастись» [12, с. 11]. Маруся еще не переместилась, но уже чувствует себя «переселенцем».

Знакомство с пространством прошлого, в которое она позже попадет, происходит вначале заочно на второй день присутствия в санатории. Маруся увидела на стенде фотографию с надписью «Лучик-1984». На фотографии были изображены дети на зарядке. Первая мысль Маруси: «Какие же уродские шорты, штаны и одинаковые футболки приходилось носить бедным детям!»; «Еще Маруся увидела палату с некрасивыми железными кроватями и какую-то врачуху в круглых очках» [12, с. 18].

Перемещение именно в этот мир происходит, когда, изучив фотографии, Маруся отправилась на процедуры и вдруг вообразила себя на месте своих любимых героинь «Феечек-искр»: «Маруся решила прокрасться чуть дальше вдоль стены и тихо, словно кошка, вступила в темноту» [12, с. 19], открыла случайную дверь, которая ее притягивала. К ногам Маруси выпала груда ненужных вещей и «грязно-белый» бюст В. И. Ленина, пытаясь поднять который Маруся переместилась в 1984 г.

Образ пограничного пространства закономерно семантически нагружен в текстах о «попаданцах». И А. Ремез использует локус комнаты, в которую не положено было заходить детям, а также частотный для фантастической литературы о перемещениях мотив открытия тайной двери. Писательница упоминает скульптуру В. И. Ленина, чей образ сопровождает сюжет перемещения и у других писателей (например, Т. Крюковой). Более того, Маруся в финале повести понимает, что сможет вернуться в свое время только после того, как уронит бюст вождя, т. е. фактически опрокинет/сместит с пьедестала символ советской эпохи. (Нет уверенности, что автор, избирая способ возвращения девочки, сознательно вкладывал такую семантику, но она прочитывается из буквальной интерпретации смысла действий персонажа.)

Девочка замечает, что все изменилось, хотя и не осознает, что оказалась в прошлом. Бюст (который, как станет ей ясно ближе к финалу, открыл портал времени) стоял на постаменте; «она узнала лысину и лицо с бородкой. Это был Ленин» [12, с. 21]. Рядом стоял красный флаг с бахромой, над бюстом «красовалась» надпись «Да здравствует Великий Октябрь!» [12, с. 21]. Решив вернуться в палату, Маруся замечает старые поцарапанные двери, подтеки краски, потертую кушетку – все было «как-то странно». Еще больше Маруся изумляется, когда приходит в палату номер 8 и видит новых соседок: это были «НЕ ТЕ девочки!» (выделено прописными буквами А. Ремез. – М. Л.) [12, с. 22]. И их реакция на ее приход тоже добавляет удивления: обывденную для XXI в. одежду с иностранными надписями, браслет сверстницы из 1980-х гг. воспринимают как нечто восхитительное, исключительное.

Героиня повести А. Ремез вначале интерпретирует изменившуюся обстановку как сон. Отметим, что игра модальностями восприятия событий (как реально произошедших, хотя и волшебных либо как приснившихся) свойственна фантастическим произведениям для детей. При этом двухкодовость интерпретации может сохраняться до конца повествования (вспомним повесть А. Погорельского «Черная курица, или Подземные жители»). А. Ремез же избегает многозначности, утверждая реальность

перемещения в прошлое. Используя все способы возвращения из сна, про которые ей рассказывал папа, Маруся понимает, что «это не сон» (так называется 3 глава): «...все нормально. Подумаешь, перенеслась в прошлое. С кем не бывает, – стараясь не разреваться, подумала Маруся» [12, с. 38].

Отметим, что детские писатели, как правило, используют реалистические мотивировки того, что «попаданцев» без лишних вопросов принимают в коллектив. Либо это объясняется тем, что в классе ждут перевода новеньких из другой школы, либо, как у А. Ремез, тем, что сюжетные действия происходят в начале смены в санатории, дети только знакомятся друг с другом.

В новом-старом времени для Маруси все не просто непривычно, а враждебно. Здесь девочка чувствует себя одинокой: «Она одна, совершенно одна на всем белом свете! Вот так, наверно, чувствуют себя дети, у которых нет родителей. Бесприютно до дрожи» [12, с. 41]. Более того, ее ужасают бытовые условия, убогие вещи на девочках (например, неудобные, незстетично собирающиеся гармошкой колготки), старые игрушки; она замечает, что вещи приходилось прятать, чтобы не украли, а еду дети ели так жадно, «как будто боялись, что ее отнимут» [12, с. 44]. Но самое главное, что возмущает Марусю, это режимные порядки и отношение взрослых к детям. Маруся не понимает, почему во время сонного часа нельзя ходить в туалет, почему все продукты и вкусности, которые привозят родители, нельзя брать в палату и есть, почему нельзя заниматься в свободное время всем, чем хочешь. Нельзя носить украшения (браслет), крестик на шее вызывает враждебные вопросы, а отказ его снять настораживает и взрослых, и детей. Новое открытие – за нарушение режима ждет физическое и морально унижительное наказание: стоять долгое время напротив поста медсестры.

Описывая «строгости» санаторного режима советской эпохи, А. Ремез в основном следует за общей тенденцией, проявляющейся в исследуемой нами жанровой разновидности. Это связано с желанием авторов подчеркнуть контраст времен, с попыткой реконструировать восприятие реалий 1980-х гг. современным ребенком. Но советский социальный мир обнаруживает свою гетерогенность: в нем, как и в любом другом историческом времени, есть свои герои (Рустик) и злодеи (Косоглазка), друзья (Маша) и завистники (Тамарка).

Как и другие авторы произведений о «попаданцах», А. Ремез использует прием «послезнание»: переместившиеся герои плохо ориентируются в прошлом, зато они знают будущее, имеют альтернативный социальный опыт, и это им помогает справляться с возникающими трудностями. Например, у ребенка из будущего сформировано иное,

чем у сверстников из 1984 г., представление о взаимоотношениях со взрослыми, нет страха и безусловного пиетета перед ними, что спасает в ситуации тирании одной медсестрой всего санатория.

В школьной фантастической повести о «попаданцах» перемещение происходит через пограничный локус в социально-бытовом или общественном месте, как и в фэнтези. Но в фэнтези герои оказываются в фантастическом топосе (вспомним «Хроники Нарнии» К. С. Льюиса, «Гарри Поттера» Дж. К. Роулинг), а «попаданцы» в советское прошлое – в пространстве, полностью лишенном примет фантастического. Поэтому и антагонисты героев не какие-то сказочные злодеи со сверхспособностями, а обычные люди, но с отрицательными качествами характера.

Вместе с тем, если сравнивать с другими произведениями исследуемого поджанра, героиня книги А. Ремез несколько младше персонажей других повестей о детях-«попаданцах», ей свойственно приносить сказочно-игровые элементы в интерпретацию окружающего мира и людей. Поэтому она верит рассказам новой подруги Маши о черной кошке, которая должна прилететь с Юпитера и похитить детей из санатория, а медсестра Косоглазка, воплощающая худшие стереотипные черты человека-функционера советской эпохи, представляется ей монстром.

Прозвище Косоглазка отражает не только физический дефект зрения, но и характер. Фразеологизм «косой взгляд» означает «неодобрение, недоверие к кому-либо, выраженное взглядом» [19]. Медсестра никому не доверяет, не способна оказать поддержку, одобрение, поэтому данное ей детьми именование отражает самую суть ее личности. Причем социальное зло, которое воплощает медсестра, в восприятии детей оказывается гораздо страшнее, чем, условно говоря, космическое: в финале образ кошки с Юпитера меняет свою семантику, из злодея она превращается в помощника, способствующего борьбе с Косоглазкой.

Интересно, что образу Косоглазки как воплощению зла в этом мире по-своему противопоставлен образ креста, символизирующего духовную чистоту, стоицизм в отстаивании христианских заповедей. Причем антонимия значений срабатывает на уровне автора, а не персонажа, так как Маруся не воцерковлена и даже не может осмысленно ответить, почему носит крестик и отказывается его снять: «Она чувствовала, что происходит что-то нехорошее, неправильное, но не могла объяснить себе, отчего все в ней противится приказу медсестры»; «Она понимала, что крест нельзя снять, даже если его отнимут. Это словно какое-то предательство...» [12, с. 53]. Косоглазка – медсестра, работа которой также должна осуществляться под

знаком креста, означающего как минимум гуманистические ценности, но она далека от них, как и от христианских заповедей. Маруся же, интуитивно не желая отдавать крестик, оказывается в ценностной оппозиции к ней.

В борьбе со «злом» и в решении своей задачи (вернуться в свое время) Марусе не справиться в одиночку. Как и другие авторы книг о детях-«попаданцах», А. Ремез использует персонажей-помощников, которыми становятся сверстники Маруси из 1984 г.: подруга Маша и мальчик с ограниченными возможностями здоровья Рустик.

Имя новой подружки совпадает с именем «попаданца» не случайно. Автор и сами персонажи подчеркивают сходство и характеров, и ценностных ориентиров. Элемент двойничества в образах центральных героев значим: он служит раскрытию авторской идеи о том, что, несмотря на социально-бытовые различия, между людьми разных эпох есть сходство. И внезапно встретившиеся в одной временной точке в одном возрасте поколения предков и потомков обнаруживают много общего (в психологическом плане, в выборе ценностей, в единстве языка и культурного кода – Маруся вспоминает, как с родными смотрела фильмы, снятые в советские годы, узнает фразы, которые слышала от бабушки, родителей).

А. Ремез показывает, как две Маши в процессе общения узнают про новое для них время. До перемещения Маруся знала о жизни своих родителей только с их слов, и информация была разная. Папа вспоминал детство и юность с теплотой, отмечая, что все было дешевым, люди были добрее, а мама критиковала за ограниченность возможностей (скудный ассортимент в магазинах, запрет на поездки за границу). Картина в сознании Маруси была контрастная: с одной стороны, время жесткого бытового дефицита, а с другой – теплых отношений и ценностей коллективизма, помощи, взаимовыручки. И именно в 1984 г. Маруся остро осознает, что такое моральная поддержка в кризисный момент жизни. Она возвращается в палату, отбыв очередное наказание Косоглазки, и Маша, нарушая правила, рискуя своим благополучием, придвигает свою кровать к койке Маруси, берет ее за руку. Так начинается дружба.

В общении с Машей Маруся вдруг открывает для себя, что ходить в гости на Новый год – это здорово, хотя они не ходили никогда, а предпочитали отдых за границей, что играть в «Али-Бабу» – весело, что доверять кому-то – очень важно. А. Ремез дает своеобразную энциклопедию жизни детей в условиях лечебного санатория 1980-х гг.: описывает правила уличных командных игр, закапывания «секретиков» на память, ведения девичьих тетрадок, а также формы проведения времени в пала-

те (плетение игрушек, рассказывание страшилок, чтение книг, обсуждение фильмов и т. д.).

В итоге выясняется, что, несмотря на разницу в нормах взаимодействия со взрослыми, в материально-техническом оснащении быта, дети 1984 г. мало чем отличаются от детей 2010-х. Сверстниц из разных времен объединяет и вера в возможность чего-то необычного, фантастического, хотя сформирована она под влиянием разных историй, произведений (советские дети рассказывают страшилки про «черную простыню», «красную руку», «зеленые пальцы», а Марусе, чтобы поддержать разговор, приходится пересказывать сагу «Сумерки»; Маруся смотрит мультфильмы про «Феечек-искр», а Маша – фильм «Гостя из будущего» по книге Кира Булычева, вышедший в прокат именно в 1984 г.).

Поэтому, когда Маруся открыла Маше свою тайну, это вызвало не насмешку, а сочувствие и желание помочь. Маша придумала обратиться за консультацией о перемещениях во времени к Рустик, так как он увлекался научной и художественной фантастикой и прочел много книг по этой теме. Рустик, временно прикованный к постели, поражает Марусю тем, что демонстрирует неограниченные возможности личности: он эрудирован, открыт к общению, познанию нового, сохраняет самообладание, проявляет храбрость и готовность помочь (победить Косоглазку, пробраться Марусе в красный уголок).

Возвращение героини происходит благодаря продуманному плану и слаженным действиям детей. Победив Косоглазку с помощью чучела кошки, которое они сами сделали, Маруся роняет бюст Ленина и перемещается в 2010-е гг. Бюст Ленина (машина времени) сломался, раскололся пополам, и Марусю встретило ее время свежеевыкрашенными стенами и фотографией на стене, на которой Маруся узнала Машу.

А. Ремез использует фотографию как артефакт, доказывающий присутствие Маруси в 1984 г. Маша запечатлена с поднятой рукой, на которой браслет, подаренный ей подругой из будущего: «Маша передает мне привет! Какая же она хорошая! Как жаль, что я больше никогда не увижу ни ее, ни Рустика, – ...слезки защипали в носу» [12, с. 158].

Хотя в палате за время ее отсутствия ничего не изменилось (Маруся вернулась в тот же день и в то же время), путешествие во времени дало героине новые знания, новый опыт и актуализировало связь настоящего с прошлым.

Она поняла, что соседка по палате Женя – дочь Тamarки из 1984 г., которая, в отличие от мамы в детстве, обладает более дружелюбным нравом. Маруся постаралась найти на территории санатория зарытый ею с Машей «секретик», но не нашла и решила вместе с Женей повторить этот опыт –

сделать новый. Так было обеспечено усвоение и сохранение традиции; после погружения в мир детства родителей отношения, действия наполнились новым смыслом.

В финале А. Ремез использует прием послесловия – сообщает о судьбах тех, с кем Маруся познакомилась таким фантастическим способом. Вернувшись из санатория домой, девочка получила письмо из Латвии от уже взрослой Маши, которая ее помнит до сих пор. Маша рассказала ей, что Косоглазку тогда уволили, а они с Рустиком теперь муж и жена. Время прошлого для Маруси не потерялось, а соединилось с настоящим.

Обратим внимание на название повести «Кошка с Юпитера и позвоночные». Как уже отмечалось, образ кошки в повести меняет свою семантику: если вначале в сознании детей это злой космический пришелец, стремящийся прилететь в санаторий, чтобы забрать детей (поэтому Маша оставляет на стволах деревьев таинственные знаки, которые, по ее мнению, должны будут запутать Черную кошку), то в финале – это помощник в борьбе с Косоглазкой (дети изготавливают чучело кошки, чтобы испугать злую медсестру, отвлечь ее и обеспечить тем самым Марусе возможность попасть в красный уголок и вернуться в свое время). Получается, то, что изначально казалось злом, можно общими усилиями поставить на службу добру. Идея коллективного сопротивления тирании Косоглазки значима: когда борется не один человек, а много, зло можно победить.

Вторая часть в названии – «позвоночные», на наш взгляд, имеет два значения. Во-первых, так обозначены проходящие в санатории лечение дети с заболеваниями опорно-двигательного аппарата. Во-вторых, актуализируется семантика позвоночника как остова, стержня: это характеристика ребят, которые, несмотря на слабое здоровье, имеют твердые убеждения, проявляют стойкость и силу

духа – то, что ценится в любую историческую эпоху. Название соединяет образы свободолюбивого животного и стремящихся преодолеть ограничивающие их обстоятельства детей; отражает детскую фантазию, веру в чудо.

Заключение

Итак, А. Ремез в общем следует жанровой формуле о детях-«попаданцах». Авторское своеобразие проявляется прежде всего в том, что ее произведение – особый вариант каникулярной повести, где местом действия является не школа и не пионерский лагерь, а санаторий; центральная героиня чуть младше большинства школьников-«попаданцев», она верит в чудо, и это обуславливает наличие фантастического интертекста/контекста (образ Алисы Селезневой, кошки с Юпитера), который отсутствует во многих других произведениях изучаемого жанра. Наконец, А. Ремез больше, чем другие авторы, уделяет внимания специфике субкультуры советского (протекающего вне школы) детства, обозначая ряд занятий, игр, книг, фильмов.

В силу возраста героиня не имеет напряженных отношений с родителями; путешествие не призвано разрешить трудности в общении со взрослыми, но способствует развитию лучшего внутрисемейного понимания, актуализации традиций советской детской субкультуры благодаря погружению в мир прошлого.

В целом очевидно, что авторская интенция совпадает с установками других писателей о школьниках-«попаданцах». В повести А. Ремез воплощается «ностальгический» дискурс, желание воссоздать образ своего детства, а по отношению к юным читателям – стремление обогатить их представления о каникулярной субкультуре поздней советской эпохи, сблизить разные поколения.

Список источников

1. Библиотека РусЛит. Раздел «Попаданец». URL: <https://ruslit.net/popadanets.php> (дата обращения: 03.05.2024).
2. Ищенко Н.С. Попаданчество как межкультурное взаимодействие // Terra культура. 2017. № 6. URL: http://terra.lgaki.info/generation_p/popadanchestvo-kak-mezhkulturnoe-vzaimodeystvie.html (дата обращения: 03.04.2024).
3. Фишман Л. Мы попали // Дружба народов. 2010. № 4 URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2010/4/my-popali.html> (дата обращения: 03.10.2024).
4. Ковалев В. А. Наше непредсказуемое прошлое: попасть в альтернативу // Россия и современный мир. 2014. № 1 (82). С. 141–161.
5. Невский Б. Книги про попаданцев: проблемы и штампы. 2017. URL: <https://www.mirf.ru/book/knigi-pro-popadancev-problemy-shtampy/> (дата обращения: 03.10.2022).
6. Лобин А. М. Повествовательное пространство и магистральный сюжет современного историко-фантастического романа. Ульяновск: УлГТУ, 2008. 132 с.
7. Галина М. Вернуться и переменить. Альтернативная история России как отражение травматических точек массового сознания постсоветского человека // Новое литературное обозрение. 2017. № 4 (146). С. 258–271.
8. Маслинская С. Магия пионерской символики: советское прошлое в современной детской литературе // Новое литературное обозрение. 2021. № 3 (169). С. 165–178.

9. Новохатский Д. В. Спасти прошлое: хронокоррекция в русской литературе. Milano: Criterion, cop. 2023. 330 с.
10. Крюкова Т. Повторение пройденного. М., 2022. 256 с.
11. Жвалевский А., Пастернак Е. Время всегда хорошее. М.: Время, 2009. 240 с.
12. Ремез А. Кошка с Юпитера и позвоночные. М.: БерИнга, 2018. 168 с.
13. Самарина И. В. Каникулы в прошлое. Орел: Орлик, 2021. 128 с.
14. Идиатуллин Ш. Возвращение «Пионера». М.: Редакция Елены Шубиной, 2023. 277 с.
15. Кокшарова А. Оля-ля из шестого отряда. М.: Аквилегия-М, 2024. 176 с.
16. Ломакина М. И., Полева Е. А. Школьные фантастические повести о «попаданцах» в советское прошлое: специфика культурно-исторической памяти // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2024. № 1. С. 55–63.
17. Кавелти Дж. Г. Изучение литературных формул // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 33–63.
18. Ремез А. Кошка с Юпитера и позвоночные: аннотация к книге. URL: <https://bibliogid.ru/knigi/podrobno-o-knige/13156-anna-remez-koshka-s-yupitera-i-pozvonochnye> (дата обращения: 03.05.2024).
19. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, АСТ, 2008. URL: <https://rusphraseology-dict.slovaronline.com/5642%D0%9A%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B9%20%D0%B2%D0%B7%D0%B3%D0%BB%D1%8F%D0%B4> (дата обращения: 03.05.2024).

References

1. *Biblioteka RusLit. Razdel "Popadanets"* [RusLit Library. Section "Accidental time traveler"] (in Russian). URL: <https://ruslit.net/popadanets.php> (accessed 3 May 2024).
2. Ischenko N. S. Popadanchestvo kak mezhkul'turnoye vzaimodeystviye [Accidental time travel as intercultural interaction]. *Terra culture*, 2017, no. 6 (in Russian). URL: http://terra.lgaki.info/generation_p/popadanchestvo-kak-mezhkulturnoe-vzaimodeystvie.html (accessed 3 April 2024).
3. Fishman L. My popali [We hit]. *Druzhba narodov*, 2010, no. 4 (in Russian). URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2010/4/my-popali.html> (accessed 3 October 2024).
4. Kovalyov V. A. Nashe nepredskazuyemoye proshloye: popast' v al'ternativu [Our Unpredictable Past: Hit into the Alternative]. *Rossiya i sovremennyy mir*, 2014, no. 1 (82), pp. 141–161 (in Russian).
5. Nevskiy B. *Knigi pro popadantsev: problemy i shtampy* [Books about Accidental time travelers: problems and cliches]. 2007 (in Russian). URL: <https://www.mirf.ru/book/knigi-pro-popadancev-problemy-shtampy/> (accessed 3 October 2024).
6. Lobin A.M. *Povestvovatel'noye prostranstvo i magistral'nyy syuzhet sovremennogo istoriko-fantasticheskogo romana* [The narrative space and the main plot of the modern historical fiction novel]. Ulyanovsk, UISTU Publ., 2008 (in Russian).
7. Galina M. Vernut'sya i peremenit'. Al'ternativnaya istoriya Rossii kak otrazheniye travmaticheskikh toчек massovogo soznaniya postsovetского cheloveka [Go back and change it. The Alternative history of Russia as a reflection of the traumatic points of mass consciousness of the post-Soviet man]. *Novoye literaturnoye obozreniye*, 2017, no. 4 (146), pp. 258–271 (in Russian).
8. Maslinskaya S. Magiya pionerskoy simboliki: sovetskoye proshloye v sovremennoy detskoй literature [The Magic of Pioneer Symbolism: The Soviet Past in Contemporary Children's Literature]. *Novoye literaturnoye obozreniye*, 2021, no. 3 (169), pp. 165–178 (in Russian).
9. Novokhatskiy D. V. *Spasti proshloye: khronokorreksiya v russkoy literature* [Saving the Past: Chronocorrection in Russian Literature]. Milano, Criterion, cop. 2023. 330 p. (in Russian).
10. Kryukova T. *Povtoreniye proydennogo* [Repeating of the passed]. Moscow, Akvilegiya Publ., 2022. 256 p. (in Russian).
11. Zhvalevskiy A., Pasternak E. *Vremya vsegda khorosheye* [The time is always good]. Moscow, Vremya Publ., 2009. 240 p. (in Russian).
12. Remez A. *Koshka s Yupitera i pozvonochnyye* [The Cat from Jupiter and Vertebrates]. Moscow, BerInga Publ., 2018. 168 p. (in Russian).
13. Samarina I. V. *Kanikuly v proshloye* [Holidays in the past]. Orel, Orlik Publ., 2021. 176 p. (in Russian).
14. Idiatullin Sh. *Vozvrashcheniye "Pionera"* [The Return of the Pioneer]. Moscow, Redaktsiya Eleny Shubinoy Publ., 2023. 277 p. (in Russian).
15. Koksharova A. *Olya-lya iz shestogo otryada* [Olya-la from the sixth detachment]. Moscow, Akvilegiya-M Publ., 2024. 176 p. (in Russian).
16. Lomakina M. I., Poleva E. A. Shkol'nyye fantasticheskiye povesti o "popadantsakh" v sovetskoye proshloye: spetsifika kulturno-istoricheskoy pamyati [School fantasy stories about "time travelers" to the Soviet past: the specifics of cultural and historical memory]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Bulletin of Buryat State University. Philology*, 2024, no. 1, pp. 55–63 (in Russian).
17. Kavelti Dzh. G. Izucheniye literaturnykh formul [The study of literary formulas]. *Novoye literaturnoye obozreniye*, 1996, no. 22, pp. 33–63 (in Russian).
18. Remez A. *Koshka s Yupitera i pozvonochnyye: annotatsiya k knige* [The Cat from Jupiter and Vertebrates: an abstract to the book] (in Russian). URL: <https://bibliogid.ru/knigi/podrobno-o-knige/13156-anna-remez-koshka-s-yupitera-i-pozvonochnye> (accessed 3 May 2024).

19. Fyodorov A. I. *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian literary language]. Moscow, Astrel, AST Publ., 2008 (in Russian). URL: <https://rus-phraseology-dict.slovaronline.com/5642%D0%9A%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B9%20%D0%B2%D0%B7%D0%B3%D0%BB%D1%8F%D0%B4> (accessed 3 May 2024).

Информация об авторе

Ломакина М. И., аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

E-mail: hfsdg@rambler.ru. ORCID ID: 0009-0004-9899-2630. SPIN-код: 1527-2976.

Information about the author

Lomakina M. I., graduate student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

E-mail: hfsdg@rambler.ru. ORCID ID: 0009-0004-9899-2630. SPIN-code: 1527-2976.

Статья поступила в редакцию 28.10.2024; принята к публикации 29.11.2024

The article was submitted 28.10.2024; accepted for publication 29.11.2024

УДК 821.161.1
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-111-118>

Интерпретации проблемы «Ф. М. Достоевский и постмодернизм» в англоязычной критике XXI века

Дарья Витальевна Сушкова

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия,
windyway4117@gmail.com, 0009-0000-9305-8508*

Аннотация

Взаимосвязи творчества Ф. М. Достоевского с литературой и философией постмодернизма представляют собой перспективное направление в англоязычной славистике XXI в. Рассматриваемые работы принадлежат преимущественно славистам США, однако таковыми не ограничиваются. Исследования опираются на произведения современной литературы, написанные под влиянием Ф. М. Достоевского («Бесконечная шутка» Д. Ф. Уоллеса, «Осень в Петербурге» и «Дневник плохого года» Дж. М. Кутзее и «Будь проклят Достоевский» А. Рахими) и на произведения самого классика («Двойник», «Братья Карамазовы» и «Кроткая»). Теория полифонического романа М. М. Бахтина играет связующую роль между произведениями Достоевского, произведениями современной литературы, написанными под влиянием Достоевского, и идеями постмодернизма. Особый исследовательский интерес вызывают темы раздробления личности, разрушения иерархий, подмены подлинного на симулякры и деконструкции смыслов. Профессор Университета Макао Питер Мэтьюс (КНР) отмечает, что раздвоение личности у Якова Голядкина становится одним из первых примеров раздробления сознания в постмодернистских романах. Профессор Университета Браун Светлана Евдокимова (США) полагает, что Достоевский стал создателем первых литературных персонажей, предвосхитивших эпоху симулякров. Профессор Пёрчэс Колледжа Нина Пеликан Страус (США) рассматривает точки соприкосновения во взглядах Достоевского и Жака Дерриды. Страус заключает, что теория Бахтина способна примирить деконструкцию религиозных смыслов с их негласным утверждением в диалоге. Профессор Университета Джорджии Александр Спектор (США) сопоставляет героя «Кроткой» с повествователями постмодернистских произведений В. Гомбровича. Исследователь Майкл Боуден (Англия) выявляет в произведениях современной литературы, написанных под влиянием Достоевского, феномен «метафизической ностальгии». Таким образом, в англоязычных исследованиях XXI в. присутствуют две противоречивые тенденции: некоторые исследователи подчеркивают точки соприкосновения между творчеством Достоевского и литературой постмодернизма; другие ставят наследие русского классика в противовес распаду нравственных и религиозных смыслов, характерному для литературы постмодерна.

Ключевые слова: *Ф. М. Достоевский, постмодернизм, деконструкция, «Двойник», Ж. Деррида, Ж. Делёз, Р. Барт, Ж. Бодрийяр, У. Ф. Уоллес, Дж. М. Кутзее, А. Рахими*

Для цитирования: Сушкова Д. В. Интерпретации проблемы «Ф. М. Достоевский и постмодернизм» в англоязычной критике XXI века // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 1 (237). С. 111–118. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-111-118>

Interpretations of the Problem “F. M. Dostoevsky and Postmodernism” in English-language Slavistics of the XXI century

Darja V. Sushkova

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, windyway4117@gmail.com,
0009-0000-9305-8508*

Abstract

The reception of Dostoevsky's works in the context of postmodern literature and philosophy constitutes a promising direction in English-language Slavistics of the XXI century. Scholarly works considered belong predominantly to slavists from the USA, but are not limited to such. These studies draw upon modern literary works, influenced by F. M. Dostoevsky (*Infinite Jest* by David Foster Wallace, *Master of St. Petersburg* and *Diary of a Bad Year* by J. M. Coetzee, and *A Curse on Dostoevsky* by Atiq Rahimi) and works of the Russian classic himself (*The Double*, *The Karamazoff Brothers*, and *The Meek One*). M. M. Bakhtin's polyphonic theory links Dostoevsky's works, works of contemporary authors, influenced by

Dostoevsky, and postmodern prose. Concepts such as splitting into doubles, levelling of hierarchies, substitution of the authentic by simulacra, and deconstruction of religious and ethical meaning evoke special research interest. University of Macau Professor Peter Mathews (China) points out that the splitting of Yakov Golyadkin's personality into doubles becomes one of the first examples of a shattering consciousness, common in postmodernist prose. Brown University Professor Svetlana Evdokimova (USA) claims that Dostoevsky created the first characters, who proclaimed a future era of simulacra. Professor of Purchase College Nina Pelikan Straus (USA) considers similarities between the religious beliefs of F. M. Dostoevsky and Jacques Derrida. She concludes that Bakhtin's theory links the deconstruction of religious meaning with its unspoken affirmation in dialogue. University of Georgia Professor Alexander Spektor (USA) contrasts the protagonist of *The Meek One* with narrators of W. Gombrowitz's postmodernist novels. PhD. student Michael Bowden (UK) finds a tendency towards metaphysical nostalgia in works of modern literature, influenced by Dostoevsky. Thus, such English-language studies of the XXI century exhibit two contradictory tendencies: some researchers emphasize the common ground between postmodern literature and Dostoevsky's works; others believe the Russian classic's legacy to offset to the breakdown of ethical and religious meaning, characteristic of postmodern literature.

Keywords: *F. M. Dostoevsky, postmodernism, deconstruction, The Double, J. Derrida, J. Deleuze, R. Bart, J. Baudrillard, W. F. Wallace, J. M. Coetzee, A. Rahimi*

For citation: Sushkova D. V. Interpretatsii problemy "F. M. Dostoyevskiy i postmodernizm" v angloyazychnoy kritike XXI veka [Interpretations of the Problem "F. M. Dostoevsky and Postmodernism" in English-language Slavistics of the XXI century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 1 (237), pp. 111–118 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-111-118>

Введение

Почему творчество Ф. М. Достоевского со всей его остротой нравственных, религиозных и социальных вопросов продолжает вдохновлять исследователей и писателей в мире, пережившем две мировые войны, расцвет постмодернизма и деконструкции? Ответ, по мнению писателя Дэвида Фостера Уоллеса (David Foster Wallace), лежит в том, что «нравственное мужество» Достоевского помогает преодолеть атмосферу апатии в современной литературе [1, с. 272]. Майкл Боуден (Michael Bowden) в своем диссертационном исследовании «Современная достоевистическая литература: постпостмодернистское репозиционирование этики Достоевского в романах Дэвида Фостера Уоллеса, Дж. М. Кутзее и Атика Рахими» (Contemporary Dostoevskian Literature: The Post-Postmodern Repositioning of Dostoevskian Ethics in Novels by David Foster Wallace, J. M. Coetzee and Atiq Rahimi) показывает, что современные писатели зачастую обращаются к наследию Достоевского вследствие феномена «метафизической ностальгии» [2, с. 127]. Возможно, примером того же феномена является и религиозное «обращение» философа и изобретателя деконструкции Жака Дерриды. В своей статье «Деррида Достоевского» (Dostoevsky's Derrida) профессор Пёрчас колледжа (Purchase College) Нина Пеликан Страус (Nina Pelikan Straus) проводит параллели между религиозными позициями двух мыслителей [3, с. 555–567]. Ф. Ницше, З. Фрейд, М. М. Бахтин и Э. Левинас зачастую выступают в качестве посредников между наследием Достоевского и литературой и философией постмодернизма [2–4].

В целом в вышеупомянутых исследованиях присутствуют две тенденции. Первая подчеркивает

точки соприкосновения между творчеством Достоевского и литературой постмодернизма. Ее представляют статьи Мэтьюса, Дасгупты, Евдокимой и Страус. Достоевский, мысливший вне своего времени, предстает в роли создателя первых литературных персонажей, носящих сходство с героями постмодернистской прозы; он экспериментирует с деконструкцией смыслов, авторским правом и размытием граней между иллюзорным и действительным. В рамках иного подхода работы Уоллеса, Спектора и Боудена противопоставляют произведения Достоевского этическому релятивизму литературы постмодернизма. Страус полагает, что, несмотря на точки соприкосновения между диалогизмом и деконструкцией, религиозные взгляды Достоевского остаются намного более определенными, чем у позднего Дерриды.

Материал и методы

Материалами являются труды англоязычных русистов, а также исследователей-эмигрантов, работающих в университетах англоязычных стран, посвященные взаимосвязям наследия Достоевского с литературной и философской традицией постмодернизма [2, 5–10]. Материалы включают произведения современной литературы, написанные под влиянием Достоевского [11–15]. Произведения Достоевского, содержащие элементы постмодернизма («Двойник», «Братья Карамазовы» и «Кроткая»), также составляют материалы исследования [16–18]. В попытке представить современное состояние вопроса рассматриваются работы, написанные в XXI в. Подборка англоязычных исследований оправдывается тем, что рецепция наследия Достоевского в контексте диалога культур остается акту-

альной. Теоретической базой для исследования послужила монография М. М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» [19]; многие из рассматриваемых работ представляют собой «постбахтинское» направление в славистике США. В статье используются сравнительный и герменевтический методы.

Результаты и обсуждение

Открытия Достоевского во многом превосходят элементы литературы и философии постмодернизма. В рамках тенденции к сближению Достоевского с постмодернистами в своей статье «Деррида Достоевского» Нина Пеликан Страус выявляет точки соприкосновения между взглядами двух мыслителей. Несмотря на то что в своих философских изысканиях Деррида избегал упоминаний о Достоевском, ни один из героев модернистских романов не переживал «деконструкцию метафизики» так остро, как Иван Карамазов [3, с. 557]. Черт Ивана также использует метод, близкий к тому, который стал позднее известен как деконструктивный. Этот подход «заключает рассказчика... в замкнутом круге, внутри которого смысл без веры не может существовать» [3, с. 558]. Однако Иван Карамазов сходит с ума от невозможности убедиться в существовании Бога, в то время как постмодернисты обращаются к диалогической концепции Бахтина. Голос Бога становится лишь одним из множества голосов [3, с. 556–557; 19]. На сходство между подходами Бахтина и Дерриды также указывал Майкл Холквист (Michael Holquist) в эссе «Иррациональное услышано: Бахтин и Деррида» (The Surd Heard: Bakhtin and Derrida [3, с. 565; 8]. Согласно Страус, подход Бахтина к романам Достоевского служит связующим звеном между деконструкцией религиозных смыслов и их утверждением в диалоге [3, с. 563]. Деррида «мастерски освоил... риторику неопределенности»; «синтез диалогизма и деконструкции» увидел свет в рамках его «эсхатологического дискурса» [3, с. 557, 564]. Тем не менее взаимосвязь между концепцией Бахтина и идеями постмодернизма остается предметом дискуссий. Например, в статье «Бахтинская концепция события и ее влияние на современную нарратологию» А. Р. Пшидаток подвергает сомнению наличие подобной связи [20].

Безусловно, взгляды Достоевского и позднего Дерриды продолжают расходиться. В то время как Деррида останавливался на «неопределенности, которая подразумевает определенность», вера Достоевского «гораздо более решительна» [3, с. 566]. Во многих своих текстах, таких как «Поэма о Великом Инквизиторе», Достоевский предостерегает против эксцессов властной личности, которые Ницше (а потом Деррида) оправдывает [3, с. 566].

В то же время профессор Университета Норсвестерн (Northwestern University) Гэри Сол Морсон (Gary Saul Morson) отмечал в «Публикациях ассоциации по современному языку» (Publications of the Modern Language Association), что слависты воспринимали распространявшуюся на Западе деконструкцию иначе, чем их коллеги, так как русская традиция являла ей сильный противовес [3, с. 567]. Таким образом, мнение Морсона созвучно с мнением Уоллеса о том, что влияние Достоевского помогает вернуть на повестку дня те вопросы, которые были отброшены современными нигилистами в литературе. В том, что профессор Гарварда Лоуренс Бьюл (Lawrence Buell) в выпуске «Публикаций ассоциации по современному языку» 1999 г. объявил о конце деконструкции, сказалось влияние Достоевского [3, с. 568]. Деррида, который всегда «избегал отсылок к Достоевскому», в своем «Прощании» напоминает о первостепенной ответственности личности перед другими почти теми же словами из жития старца Зосимы, которые любил повторять Э. Левинас: «...всякий из нас пред всеми во всем виноват, а я более всех» [3, с. 568]. Таким образом, в статье Страус наблюдается синтез двух тенденций. С одной стороны, исследовательница указывает на близость деконструкции к диалогизму Достоевского сквозь призму теории Бахтина, с другой – Страус полагает, что убеждения Достоевского повлияли на смещение взглядов Дерриды в сторону религии.

Параллели между прозой Достоевского и литературой постмодернизма не ограничиваются соприкосновением диалогизма и деконструкции. Питер Мэтьюс (Peter D. Mathews), профессор Университета Макао, также сближает наследие Достоевского с концепциями постмодернизма. Согласно Мэтьюсу, Яков Петрович Голядкин и Федор Павлович Карамазов послужили прообразами постмодернистских героев. В статье «„Двойник“ Достоевского, постмодернизм и необарокко» («Dostoevsky's The Double, Postmodernism, and the Neo-Baroque») Мэтьюс признает, что творчество Достоевского уместно рассматривать в противовес литературе постмодернизма, создатели которой стремились преодолеть традиции искусства прошлого [10, с. 29]. Тем не менее Яков Голядкин предстает перед читателями в качестве совсем «негероического героя» [10, с. 36]. Повествование ведется с иронией: Голядкин напрямую выступает против применения романских клише к своей личности. Он настаивает на покорности властям и говорит об отсутствии романтических амбиций [10, с. 35–36]. В этом плане «Двойник» уже несет окраску «постмодернистского антиромана» [10, с. 36].

Далее Мэтьюс задается вопросом о том, где проходят границы распада личности в «Двойнике»

Достоевского. Исследователь показывает, что раздвоение выходит за грани «диады» Голядкиных старшего и младшего [10, с. 32]. Например, Яков Голядкин встречает трех одинаковых прохожих на пути домой. Здесь Достоевский дает понять, что раздробление будет продолжаться все дальше и дальше [10, с. 32]. Дома Голядкин встречает еще одного «двойника» ранее встреченных прохожих. Это уже выходит за рамки возможного в действительности и заставляет предположить, что Голядкин испытывает невроз с галлюцинациями [10, с. 34]. Таким образом, раздробление происходит не в реальности, а в сознании героя. Достоевский становится первопроходцем в «постмодернистской практике стирания граней между реальностью и обозначением» [10, с. 34].

Критика психоанализа Жилем Делезом и Феликсом Гваттари также подразумевает стирание граней между психической реальностью и «виртуальной» [10, с. 34; 21]. Согласно Фрейду и др., распад оригинала на копии подразумевал наличие исходного образа, который подменялся «латентным содержанием» [10, с. 35]. Однако, согласно Делезу, «исходной формы» не существует, а множество копий заложены в структуре объекта как динамическое целое [10, с. 39]. Повторение «без возвращения» можно сравнить с шахматной партией, которую невозможно воспроизвести в точности, повторив все ходы. Достоевский, описывая сон Голядкина, отображает весь размах «полифонического хора» бесконечных двойников, которые поглощают исходный образ [10, с. 40]. «Двойник» Достоевского поддается постмодернистскому прочтению, по Делезу и Гваттари. Раздробление происходит не единожды, а бесконечно. Каждая из копий подразумевает новое начало, а грани между оригиналом, Голядкиным-младшим, и двойниками во снах и в галлюцинациях стираются [10, с. 37; 21]. Таким образом, в статье Мэтьюса Достоевский выступает в качестве предтечи писателей-постмодернистов.

В статье «Постмодернисты Достоевского и поэтика воплощения» (Dostoevsky's Postmodernists and the Poetics of Incarnation) профессор Университета Брауна Светлана Евдокимова также рассматривает Достоевского как создателя первых героев постмодернистской прозы [7]. Исследовательница напоминает, что эстетика постмодерна представляет собой «изучение окостенелых симулякров» – знаков, оторванных от референтов [7, с. 214]. «Идеал содомский» Дмитрия Карамазова – явление того же ряда. Он представляет собой фантазм, который, согласно платонической эстетике, кажется прекрасным, но связи с прекрасным не имеет [7, с. 216; 16]. Когда Федор Карамазов плюет на икону, он отвергает не только образ, но и саму идею наличия «прообраза за изображением, оригинала за копи-

ей» [7, с. 217–218]. Федор Павлович также регулярно создает «непереводимые неологизмы» [7, с. 220]. Он «выкинул свое последнее колено», настаивая на том, что случайно встретившийся ему на обеде помещик Максимов – жертва нашумевшего когда-то убийства, некий фон-Зон [16, с. 81]. На этом сходстве Федор Карамазов настаивает, несмотря на то что портрета убитого никогда не видел [7, с. 220]. «Видоизмененные цитаты, ссылки на несуществующие оригиналы, деконструкция культурного интертекста, гипертекстуальность, означающие, отделенные от означаемого, подмена прекрасного остроумным, головокружительностью провокации и перформанса – все это связывает поведение Федора Карамазова с эстетикой постмодерна», – отмечает Евдокимова [7, с. 223]. Таким образом, Федор Карамазов является «провозвестником обольстительного нового мира симулякров» [7, с. 231]. Черт Ивана Карамазова представляет собой еще одно свидетельство отделения мира идей от мира физического: он сетует на невозможность воплотиться «в какую-нибудь толстую семипудовую купчиху» [7, с. 223]. Таким образом, Достоевский предчувствовал раскол с «основаниями платонической традиции» [7, с. 222].

Сам писатель стремился к «реализму в высшем смысле», основанному на «реальности идей» [7, с. 222]. Картина Ганса Гольбейна «Мертвый Христос в гробу» – пример произведения искусства, которое отсылает зрителя напрямую к идее, минуя внешнее сходство с изображаемым [7, с. 230]. Согласно Евдокимовой, Достоевский не просто восхищался художественной силой этого произведения, но видел в нем пример универсальной христианской эстетики, способной объять даже уродливое [7, с. 229]. Итак, «реализм в высшем смысле» Достоевского стремился преодолеть платоническое размежевание между миром идей и видимым миром, а всем уродствам мира надлежало восполнить красоту христианского мироздания [7, с. 231]. Таким образом, Достоевский, с одной стороны, создает первого провозвестника грядущего мира симулякров, а с другой – защищает основы духовности в противовес всплеску иконоборчества, описанному Ж. Бодрийяром [7, с. 231]. Симулякры и раздробление действительности, которые позднее будут причислены к характеристикам постмодернизма, присутствуют в «Братьях Карамазовых» как явления отрицательные.

В статье Арнаба Дасгупты (Arnab Dasgupta) «Автор умер, да здравствует автор! Постмодернистский метанарратив и роль функции автора» (The Author is Dead, Long Live the Author! Postmodern Metanarrative and the Performance of the Author Function) проводится еще одна параллель между наследием Достоевского и постмодерниз-

мом. Дасгупта основывает свою концепцию на романе южноафриканского писателя Дж. М. Кутзее «Осень в Петербурге» (Master of Petersburg). Исследователь применяет идеи Роланда Барта, обозначенные в эссе «Смерть автора», к созданию романа «Бесы» Достоевским [6, с. 1]. Кутзее, следуя по стопам Бахтина, выводит Достоевского в качестве персонажа, ведущего диалог с героями собственного романа [6, с. 5]. Кутзее также намекает на то, что при создании романа «Бесы» Достоевский опирался на дневники своего пасынка Павла. Согласно Дасгупте, подобная интерпретация иронизирует над «авторским правом», выводя Достоевского в качестве человека, погрязшего в сложностях личной жизни, эпохи и т. д. – в окружении собственных персонажей. Таким образом, процесс создания романа «Бесы» вписывается в концепцию Барта о тексте как о многомерном пространстве без иерархий [6, с. 6]. Подобная интерпретация сближает наследие Достоевского, прочитанное сквозь призму теории Бахтина, с постмодернизмом.

Вопросом иерархий в постмодернистском повествовании также озадачивается профессор Университета Джорджии (University of Georgia) Александр Спектор в своей статье «Меж скорбью и меланхолией: повествовательная этика у Федора Достоевского и Витольда Гомбровича» (Between Mourning and Melancholy: Narrative Ethics in Fyodor Dostoevsky and Witold Gombrowicz). Спектор напоминает, что кризис авторитетов, перешедший в «кризис авторства», являлся основной характеристикой модернизма [4, с. 187]. Исследователь также связывает недоверие личности к нравственным и религиозным авторитетам с психоаналитическим определением меланхолии, в процессе переживания которой личность отказывается восстанавливать связи с окружающим миром. Согласно Спектору, модернистское повествование, несмотря на свойственную ему меланхолию, сохраняет «но-стальгию» по выходу из ее цикла [4, с. 187]. Тем временем литература постмодернизма воспринимает разрыв с окружающим миром и его авторитетами как естественный [4, с. 187]. Повествователи Достоевского «вступают в напряженную борьбу со своими адресатами за доминирование, обусловленное узурпацией репрезентации», т. е. за авторское право над повествованием о себе самих [4, с. 189]. «Авторство, – уточняет Спектор, – подразумевает возможность триумфа над метафизическим одиночеством, но с побочным эффектом – узурпацией власти над другими» [4, с. 192]. Затем исследователь проводит параллели между «Кроткой» Достоевского и произведениями Гомбровича [4, с. 197; 18]. Достоевский, описывая отчаяние ростовщика после смерти жены, намекает на причину трагедии героя. Многочисленные упоминания христианства

наводят читателя на мысль о том, что хаос в душе ростовщика образовался из-за отсутствия веры [4, с. 200]. Однако Витольд, герой «Космоса», в отличие от героя Достоевского, не знает, что потерял. Его состояние соответствует психоаналитическому определению меланхолии [4, с. 201].

Герои обоих произведений не способны примириться с окружающей действительностью. Их стремление вернуть смысл своему существованию порождает насилие. И хотя ростовщик «Кроткой» не способен преодолеть свое отчаяние, читатель может предположить то религиозное примирение, которое ускользает от героя [4, с. 189]. Постмодернистский роман Гомбровича, в свою очередь, «исключает такую возможность» [4, с. 205]. Согласно Фрейду, когда меланхолик обращает агрессию внутрь, эго отделяется от суперэго, а последнее реагирует насилием. Витольд находит возможность избежать насилия, пишет Спектор, через взаимодействие с другими. Только таким образом он способен сохранить частичку нравственности «в мире без стабильного референта» [4, с. 206]. Тогда как в модернистской прозе насилие происходит на фоне «потери онтологического единства», постмодернистское повествование ассимилирует эту потерю [4, с. 206]. Таким образом, Спектор противопоставляет наследие Достоевского этическому релятивизму литературы постмодерна: окончательного избавления от «метафизического одиночества» постмодернистский роман предложить не может ни героям, ни читателю [4, с. 192].

В противовес этическому релятивизму литературы постмодернизма диссертант Университета Лидз (Leeds University) Майкл Боуден ставит ряд произведений современной литературы, написанных под влиянием Достоевского. Высказывание Курта Воннегута в «Бойне номер пять» о том, что сегодня «Достоевского больше не хватает», заставляет Боудена задаться вопросом о том, почему современные исследователи и писатели продолжают обращаться к Достоевскому [2, с. 1].

Боуден объясняет мнение Воннегута кризисом этической традиции, господствовавшей до Второй мировой войны [2, с. 2]. Чтобы обосновать возвращение традиции XIX и начала XX в. в современность, Боуден предлагает отвязать наше понимание этики Достоевского от православия [2, с. 6]. Ницшеанство, пишет Боуден, послужило водоразделом между религиозными и нравственными идеалами прошлого и современностью [2, с. 18–21]. По оценке Дэвида Фостера Уоллеса, напоминает Боуден, в современном американском обществе отсутствуют такие идеалы, как любовь, духовность или даже свобода; произведения современной литературы тематически и нравственно поверхностны [2, с. 22]. Кутзее, пишет Боуден, также отмечает в «Дневнике

плохого года» (*Diary of a Bad Year*), что любое положение о высшем моральном законе относится к иному поколению и к другому миру [2, с. 22]. Еще более острую оценку находит постсоветская постмодернистская проза в осмыслении эмигрировавшего литературоведа Марка Липовецкого [9]. Липовецкий противопоставляет постсоветский гиперреализм классическому реализму Гоголя и Достоевского, которые освещали страдания «маленького человека» с долей сочувствия или возмущения. В отечественной постмодернистской прозе мир маленьких людей становится миром социальных зол и бесправия. Насилие совершается жертвами социальной несправедливости друг над другом, а предметами порицания становятся не пороки общества, а их жертвы [9, с. 179].

Важная особенность «достоевистической литературы» для Боудена – феномен «метафизической ностальгии». Расул в романе Атика Рахими в «Будь проклят Достоевский» – пример личности, тоскующей по традиционной этике на фоне нового мироустройства. Он, как и Раскольников, совершает убийство в начале романа и все оставшееся время разбирается с его последствиями [13]. Сбивчивое повествование, подчеркнутая неопределенность, осознанная текстуальность – все это элементы постмодернистской прозы [2, с. 137]. Роман может прочитываться как пастиш на «Преступление и наказание». Расул приезжает в опустошенную войной столицу с целью заявить на себя за совершенное убийство. Но в разбомбленном Кабуле не действует суд [2, с. 11]. На фоне повествования о современной войне такие понятия, как «закон» и «ответственность», давно потеряли значение. Расул держится за чувство вины как за последнее свидетельство собственной человечности [2, с. 12]. Таким образом, герой романа Рахими испытывает «метафизическую ностальгию» по нравственным абсолютам, исчезнувшим в современности.

Литература модернизма отразила кризис веры и в Божий промысел, и в универсальные законы разума, провозглашенные в эпоху Просвещения, а литература постмодерна ушла еще дальше [2, с. 28]. Универсальная модель нравственности времен Достоевского недостаточна [2, с. 33]. Однако, согласно Боудену, этот разрыв можно преодолеть с помощью диалогической структуры повествования, открытой Бахтиным. Диалогизм позволяет писателю передать свои нравственные искания, не прибегая к моральным мандатам. Вместо Бога появляется «пассивный импульс» к восприятию другого, не стремящийся подчинить другого себе [2, с. 172]. Герой полифонического романа стремится удержать свое право на независимость от самого автора [2, с. 44; 19]. В «достоевистических» романах происходит регрессия к модернизму, которую Боуден

именует «постпостмодернизмом» [2, с. 103–105]. С одной стороны, «постпостмодернизм» подразумевает ностальгию по этической традиции прошлого, а с другой – предполагает «непреодолимую дистанцию» от нее [2, с. 114]. Спору Ивана и Алеши, который был актуален для модернистов, Боуден противопоставляет диалог между Иваном и Смердяковым. Смердяков – представитель «постницшеанского морального релятивизма», носитель убеждения в том, что «все позволено» [2, с. 119]. Возвращаясь к богословским и моральным вопросам, пишет Боуден, современные писатели обязаны подняться над катаклизмами XX в., чтобы избежать обвинения в трусости, предъявленного Смердяковым Ивану [2, с. 122].

Возвращение к нравственным ценностям помещает эти произведения современной литературы вне контекста постмодернизма и постструктурализма 1970–80-х гг. [2, с. 114]. Сходная мысль присутствует в сопоставлении философских исканий Достоевского и Дерриды у Н. Страус. Если воспринимать Дерриду в качестве одного из главных представителей постмодернизма, то его «обращение» в конце XX в. знаменует «возвращение трансцендентального измерения» и говорит о «безмолвной солидарности» с поздним Достоевским в интерпретации Бахтина [2, с. 117]. Однако новая диалогическая этика не полностью компенсирует отсутствие универсальных ценностей: «этическая динамика полифонии» подсознательна и нестабильна [2, с. 177]. Присущая «постпостмодернизму» метафизическая ностальгия, пишет Боуден, отразилась в явлении, описанном Тимотеусом Вермеленом (Timotheus Vermeulen) и Робинот ван ден Аккером (Robin van den Akker) в «Заметках о метамодернизме» [2, с. 180–181]. Сложившееся «метамодернистическое» направление стремится к тому, чего не ожидает найти, – к «некоему социально-этическому идеалу» [2, с. 182]. В то же время это стремление «сдерживается постмодернистским скепсисом» и представляет собой новую форму «кантианского отрицательного идеализма», который осознает свои ограничения [2, с. 182]. Таким образом, с точки зрения Боудена, сохранение абсолютов религии и нравственности в творчестве Достоевского в сочетании с диалогизмом остается актуальным в мире, пережившем деконструкцию ценностей.

Например, в статье «Бесстыдство и новая искренность: Достоевский, Дэвид Фостер Уоллес и Америка Трампа» (*Shamelessness and New Sincerity: Dostoevsky, David Foster Wallace, and Trump's America*) Боуден еще раз указывает на то, что наследие Достоевского составляет противовес культурным практикам постмодернизма [5]. Риторика современных американских политиков, со-

гласно Боудену, основана на циничной лжи. Следовательно, возникает необходимость в новом понимании искренности. Боуден предлагает возможность преодолеть современную практику постправды, опираясь на новую этику, вдохновенную Достоевским и его раскрытием понятия «стыд» в «Братьях Карамазовых».

Заключение

В своих исследованиях Майкл Боуден, Арнаб Дасгупта, Светлана Евдокимова, Питер Мэтьюс, Александр Спектор, Нина Пеликан Страус и другие проводят параллели между творчеством Достоев-

ского и литературой постмодернизма. Работы Мэтьюса, Дасгупты, Евдокимовой и Страус сближают определенные грани творчества Достоевского с литературой постмодерна. Герои Достоевского, такие как Яков Голядкин и Федор Карамазов, предвосхищают образы героев постмодернистских романов. Структура романов Достоевского резонирует с концепцией «смерти автора», а также с протестом против иерархий. Однако, согласно Страус, Спектору и Боудену, произведения Достоевского утверждают религиозные и нравственные ценности, сохраняя актуальность в мире, пережившем катаклизмы XX в., эпоху нищезанятия и деконструкции.

Список источников

1. Wallace D. F. Joseph Frank's Dostoevsky // *Consider the Lobster and Other Essays*. London: Abacus, 2014. P. 255–274.
2. Bowden M. J. Contemporary dostoevskian literature: the post-postmodern repositioning of dostoevskian ethics in novels by David Foster Wallace, JM Coetzee and Atiq Rahimi: dis. ... PhD. Leeds, 2021. 355 p.
3. Straus N. P. Dostoevsky's Derrida // *Common Knowledge*. 2002. № 8. P. 555–567.
4. Spektor A. Between Mourning and Melancholy: Narrative Ethics in Fyodor Dostoevsky and Witold Gombrowicz // *Comparative Literature*. 2014. № 66. P. 186–207.
5. Bowden M. Shamelessness and New Sincerity: Dostoevsky, David Foster Wallace, and Trump's America // *Literature of the Americas*. 2021. P. 155–182.
6. Dasgupta A. The Author is Dead, Long Live the Author! Postmodern Metanarrative and the Performance of the Author Function // *Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*. 2021. № 13. P. 1–9.
7. Evdokimova S. Dostoevsky's Postmodernists and the Poetics of Incarnation // *Dostoevsky Beyond Dostoevsky: Science, Philosophy, Religion*. 2016. P. 213–235.
8. Holquist M. The Surd Heard: Bakhtin and Derrida // *Literature and History: Theoretical Problems and Russian Case Studies* / ed. Gary Saul Morson. Stanford: Stanford University Press, 1986. 258 p.
9. Lipovetsky M. Post-Soviet literature between realism and postmodernism // *The Cambridge companion to twentieth-century Russian literature*. 2011. P. 175–193.
10. Mathews P.D. Dostoevsky's "The Double", Postmodernism, and the NeoBaroque // *The Dostoevsky Journal*. 2000. № 1. P. 29–42.
11. Coetzee J.M. The Master of Petersburg. New York: Penguin, 1994. 250 p.
12. Coetzee J. M. Diary of a bad year: Text classics. Melbourne: Text Publishing, 2012. 192 p.
13. Rahimi A. A Curse on Dostoevsky: A Novel. New York: Other Press, 2014. 272 p.
14. Vonnegut K. Slaughterhouse-Five: A Novel. 1994. New York: Modern Library, 1994. 215 p.
15. Wallace D. F. Infinite Jest: a Novel. Boston: Little, Brown and Company, 1996. 1088 p.
16. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы: роман в 4 ч. с эпилогом / Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 14. Л.: Наука, 1975. 511 с.
17. Достоевский Ф. М. Двойник. Петербургская поэма / Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 1. Л.: Наука, 1972. 519 с.
18. Достоевский Ф. М. Кроткая / Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 24. Л.: Наука, 1982. 518 с.
19. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Эксмо, 2017. 640 с.
20. Пшидаток А. Р. Бахтинская концепция события и ее влияние на современную нарратологию // *Новый филологический вестник*. 2024. № 2. С. 20–31.
21. Guattari F., Gilles D. A thousand plateaus: Capitalism and schizophrenia. London: Athlone Press, 2000. 632 p.

References

1. Wallace D. F. Joseph Frank's Dostoevsky. *Consider the Lobster and Other Essays*. London, Abacus, 2014. Pp. 255–274.
2. Bowden Michael Jon. *Contemporary dostoevskian literature: the post-postmodern repositioning of dostoevskian ethics in novels by David Foster Wallace, JM Coetzee and Atiq Rahimi*: Dis. PhD. Leeds, 2021. 355 p.
3. Straus N. P. Dostoevsky's Derrida. *Common Knowledge*, 2002, no. 8, pp. 555–567.
4. Spektor A. Between Mourning and Melancholy: Narrative Ethics in Fyodor Dostoevsky and Witold Gombrowicz. *Comparative Literature*, 2014, no. 66, pp. 186–207.
5. Bowden M. Shamelessness and New Sincerity: Dostoevsky, David Foster Wallace, and Trump's America. *Literature of the Americas*, 2021. Pp. 155–182.

6. Dasgupta A. The Author is Dead, Long Live the Author! Postmodern Metanarrative and the Performance of the Author Function. *Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*, 2021, no. 13, pp. 1–9.
7. Evdokimova S. Dostoevsky's Postmodernists and the Poetics of Incarnation. *Dostoevsky Beyond Dostoevsky: Science, Philosophy, Religion*, 2016. P. 213–235.
8. Holquist M. The Surd Heard: Bakhtin and Derrida. *Literature and History: Theoretical Problems and Russian Case Studies*, ed. Gary Saul Morson. Stanford, Stanford University Press, 1986. 258 p.
9. Lipovetsky Mark. Post-Soviet literature between realism and postmodernism. *The Cambridge companion to twentieth-century Russian literature*, 2011, pp. 175–193.
10. Mathews P. D. Dostoevsky's "The Double", Postmodernism, and the NeoBaroque. *The Dostoevsky Journal*, 2000, no. 1, pp. 29–42.
11. Coetzee J. M. *The Master of Petersburg*. New York, Penguin, 1994. 250 p.
12. Coetzee J. M. *Diary of a bad year: Text classics*, Melbourne, Text Publishing, 2012. 192 p.
13. Rahimi A. A. *Curse on Dostoevsky: A Novel*. New York, Other Press, 2014. 272 p.
14. Vonnegut K. *Slaughterhouse-Five: A Novel*, 1994, New York, Modern Library, 1994. 215 p.
15. Wallace D. F. *Infinite Jest: a Novel*. Boston, Little, Brown and Company, 1996. 1088 p.
16. Dostoevsky F. M. Brat'ya Karamazovy [The Brothers Karamazov]. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 tomakh* [Complete collection of works: 30 volumes]. Leningrad, Nauka Publ., 1975. Vol. 14. 511 p. (in Russian).
17. Dostoevsky F. M. Dvoynik. Peterburgskaya poema [The Double: a Petersburg poem]. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 tomakh* [Complete collection of works: 30 volumes]. Leningrad, Nauka Publ., 1972. Vol. 1. 519 p. (in Russian)
18. Dostoevsky F. M. Krotkaya [A Gentle Creature]. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 tomakh* [Complete collection of works: 30 volumes]. Leningrad, Nauka Publ., 1982. Vol. 24. 518 p. (in Russian).
19. Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoyevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow, Eskmo Publ., 2017. 640 p. (in Russian).
20. Pshidatok A. R. Bakhtinskaya konseptsiya sobytiya y yeyo vliyaniye na sovremennuyu narratologiyu [Bakhtin's event concept and its influence on contemporary narratology]. *Noviy filologicheskiy vestnik – New Philological Bulletin*, 2024, no. 2, pp. 20–31.
21. Guattari F., Gilles D. *A thousand plateaus: Capitalism and schizophrenia*. London, Athlone Press, 2000. 632 p.

Информация об авторе

Сушкова Д. В., аспирант, Московский университет имени М. В. Ломоносова (Ленинские горы, 1, Москва, Россия, 119991).

E-mail: windyway4117@gmail.com. ORCID ID: 0009-0000-9305-8508. Researcher ID: IAR-6540-2023.

Information about the author

Sushkova D. V., graduate student, Lomonosov Moscow State University (Leninskiye gory, 1, Moscow, Russian Federation, 119991).

E-mail: windyway4117@gmail.com. ORCID ID: 0009-0000-9305-8508. Researcher ID: IAR-6540-2023.

Статья поступила в редакцию 18.05.2024; принята к публикации 29.11.2024

The article was submitted 18.05.2024; accepted for publication 29.11.2024

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

УДК 37.026

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-119-127>

Задания на основе творческой имитации речевых жанров в обучении русскому языку как иностранному студентов медико-биологического профиля

Оксана Викторовна Дрейфельд

Кемеровский государственный медицинский университет, Кемерово, Россия,
filoxenia@mail.ru, 0000-0002-3612-0237

Аннотация

Основная цель творческих заданий в лингводидактике – продуктивное письмо, преобразующее объекты и ситуации или представляющее их новым качеством для решения реальных или воображаемых проблемных задач, связанных с вербальной коммуникацией. Условия творческой задачи моделируют ситуацию, требующую от пишущего представить себя участником коммуникации в определенной роли, и это способно стимулировать творческую продуктивную деятельность. Соответствующими поставленной задаче обучения студентов медико-биологического профиля русскому языку как иностранному оказываются творческие задания, подразумевающие необходимость создания продуктивного текста, ориентированного на определенный речевой жанр. Для постановки учебных задач по творческой имитации речевых жанров студентам-инофонам медико-биологического профиля можно привлекать просветительские и научно-популярные жанры медицинского дискурса (календари, буклеты, инфографику, плакаты); публицистические жанры (публикации в блоге или социальной сети в жанре «записки молодого врача/ученого», создание афоризмов/подписей к мемам на медицинские темы, расширение цитат и создание комиксов на медицинскую тематику и т. п.) и бытовые жанры (дневник, досуговые настольные игры медицинской тематики и др.). В отличие от жанров медицинской документации, подразумевающих формально организованную структуру, вышеназванные жанры допускают свободную комбинацию жанровых параметров вместе с индивидуальной авторской композицией информационных элементов. Методом системного моделирования логико-смысловой и композиционной структуры текста был разработан макет речевого жанра, участвовавший в социолого-педагогическом эксперименте, что позволило определить лингводидактический потенциал заданий на основе креативного письма, направленных на овладение русским языком как иностранным в сфере учебной медицинской коммуникации. В результате выявлено, что при выполнении творческих заданий на основе креативного письма самостоятельное выделение проблем происходит в ситуациях, требующих работы поискового, эвристического мышления. Лингводидактический потенциал заданий на основе творческой имитации речевого жанра состоит в том, что развивается гибкость и оригинальность мышления, происходит становление умения генерировать гипотезы, а также развивается коммуникативная компетенция будущего профессионала в сфере медицины.

Ключевые слова: творческие задания, жанровое письмо, творческое письмо, русский язык как иностранный, медико-биологический профиль, учебно-профессиональная коммуникация, медицинский русский язык, язык для специальных целей

Для цитирования: Дрейфельд О. В. Задания на основе творческой имитации речевых жанров в обучении русскому языку как иностранному студентов медико-биологического профиля // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 1 (237). С. 119–127. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-119-127>

METHODOLOGICAL ASPECTS OF MODERN PHILOLOGY

Creative writing assignments based on imitation of speech genres in teaching Russian as a foreign language to medical and biological students

Oksana V. Dreyfeld

Kemerovo State Medical University, Kemerovo, Russian Federation, filoxenia@mail.ru, 0000-0002-3612-0237

Abstract

The main goal of creative tasks in linguodidactics is productive writing that transforms objects and situations or presents them in a new quality to solve real or imaginary problematic tasks related to verbal communication. The conditions of the creative task simulate a situation that requires the writer to imagine himself as a participant in communication in a certain role, and this can stimulate creative productive activity. Creative tasks that imply the need to create a productive text focused on a certain speech genre are appropriate for the task of teaching students of the medical and biological profile Russian as a foreign language. To set educational tasks on creative imitation of speech genres for foreign students of the medical and biological profile, one can use educational and popular science genres of medical discourse (calendars, booklets, infographics, posters); journalistic genres (publication in a blog or social network in the genre of "notes of a young doctor/scientist", creation of aphorisms/captions for memes on medical topics, expansion of quotes and creation of comics on medical topics, etc.) and everyday genres (diary, leisure board games on medical topics, etc.). Unlike the genres of medical documentation, which imply a formally organized structure, the above-mentioned genres allow a free combination of genre parameters together with an individual author's composition of information elements. Using the method of systemic modeling of the logical-semantic and compositional structure of the text, a model of a speech genre was developed, which participated in a sociological and pedagogical experiment, which made it possible to determine the linguodidactic potential of tasks based on creative writing aimed at mastering Russian as a foreign language in the field of educational medical communication. As a result, it was revealed that when performing creative tasks based on creative writing, independent identification of problems occurs in situations requiring the work of search, heuristic thinking. The linguodidactic potential of tasks based on creative imitation of the speech genre is that it develops flexibility and originality of thinking, the ability to generate hypotheses is formed, and the communicative competence of the future professional in the field of medicine develops.

Keywords: *creative tasks, genre writing, creative writing, Russian as a foreign language, medical and biological profile, educational and professional communication, medical Russian language, language for special purposes*

For citation: Dreifeld O. V. Zadaniya na osnove tvorcheskoy imitatsii rechevykh zhanrov v obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu studentov mediko-biologicheskogo profilya [Creative writing assignments based on imitation of speech genres in teaching Russian as a foreign language to medical and biological students]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 1 (237), pp. 119–127 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-119-127>

Введение

В настоящий момент понятие «творческое письмо» отличается максимальным количеством толкований и разночтений.

Это происходит, во-первых, потому, что сама отрасль знания достаточно молодая (creative writing studies актуализировались только в последние десятилетия [1–6]), понятия, термины, дефиниции, техники и приемы не устоялись и в настоящий момент подвержены уточнениям.

Во-вторых, изначально прямое значение номинации creative writing подразумевало как процесс создания продуктивных письменных текстов в частных дискурсах с использованием творческого

мышления, так и результат (сами письменные тексты) [1]; еще один компонент значения обозначал только письменные продуктивные тексты, произведенные в рамках художественного дискурса, и процесс создания текстов в рамках словесного художественного творчества [2].

Это порождает множество вариаций и трактовок применения творческого письма в дидактике [7, 8].

Наша цель – определить лингводидактический потенциал заданий и упражнений на основе креативного письма, направленных на овладение русским языком как иностранным (РКИ) в сфере учебной медицинской коммуникации.

Теоретические основы исследования

Для лингводидактики актуальны все три компонента значения понятия «творческое письмо», так как формирование письменной коммуникативной компетенции в обучении иностранному языку производится с учетом многообразных коммуникативных задач [9, 10]. В обучении иностранному языку творческое, или креативное, письмо – это описательное обозначение педагогической технологии [11, 12], которая направлена на развитие творческих способностей [13], самореализацию в сфере словесного творчества [14], а также на формирование навыка производства письменных текстов продуктивного характера в разных коммуникативных сферах [12, 15].

Использование творческого письма в обучении иностранным языкам – это педагогическая технология, которая базируется на следующих возможностях творческого мышления: на умении комбинировать языковые элементы; умении выявлять новые функции объекта на основе анализа и сравнения; умении дополнять и трансформировать объекты и ситуации, строить модели [16]. Дидактические приемы, активирующие технологию творческого письма, – это учебные задачи, формирующие проблемную ситуацию, которая приводит к созданию письменного текста на основе творческого письма [17, с. 10].

Основная цель творческих заданий в лингводидактике – продуктивное письмо, преобразующее объекты и ситуации или представляющее их новым качестве для решения реальных или воображаемых проблемных задач, связанных с вербальной коммуникацией. Условия проблемной задачи моделируют ситуацию, требующую от пишущего занять ролевую позицию (представить себя участником коммуникации в определенной роли), и это способно стимулировать творческую продуктивную деятельность.

Изучению того, как решение творческих задач способствует общему развитию навыка продуктивного письма и творческого мышления у инофонов, посвящены исследования отечественных и зарубежных исследователей и педагогов [9, 13, 18, 19]. Но как решение таких задач способствует формированию навыка использования иностранного языка в ситуациях учебного и профессионального общения? Рассмотрим на примере творческих заданий, предназначенных для реализации в курсе изучения русского языка как иностранного в медицинском университете.

Материал и методы

Чтобы изучить дидактический потенциал творческих заданий как средства формирования коммуникативных компетенций, востребованных в про-

фессионально ориентированном обучении иностранных студентов-медиков русскому языку как иностранному, был разработан макет речевого жанра на основе методики Т. В. Шмелевой [20], для этого использовался метод системного моделирования логико-смысловой и композиционной структуры текста.

В качестве опытной группы исследования выступали студенты, обучающиеся по специальности «лечебное дело» и владеющие русским языком на уровне А2. В рамках эксперимента были проведены входное тестирование и предварительные дискуссии на основе тематических карт (рис. 1) из игры «Правда или ложь?» (Правда – ложь. Вирусы и бактерии: игра карточная. М.: Геодом, 2021), связанных с изучаемыми дисциплинами профессионального цикла («Нормальная физиология», «Вирусология»). После работы с материалами игры было осуществлено контрольное тестирование для выявления прогресса во владении тематической лексикой и навыками ведения дискуссии. Обучение производилось в феврале 2024 г. на базе Кемеровского государственного медицинского университета (Кемерово, Россия). В тестировании принимали участие 20 иностранных обучающихся (франко-, урду- и хиндиговорящие). Обучение происходило в рамках дисциплины «РКИ. Базовый курс», материалы для изучения были предложены на русском языке. Социолого-педагогический метод (наблюдение за реальной учебной коммуникацией студентов на занятиях по русскому языку как иностранному) позволил получить данные о коммуникативных потребностях студентов в сфере учебно-профессиональной коммуникации.

Контент-анализ, примененный к результатам выполнения творческих заданий, позволил выработать общую структуру критериев оценивания творческих заданий на основе жанрового письма в обучении РКИ.

Результаты и обсуждение

В обучении письму инофонов основное место принадлежит репродуктивному письму [21]. Задания на продуктивное письмо реже представлены в учебниках, также они достаточно редко предлагаются как средство итогового контроля сформированности навыка письма и письменной речи. Продуктивное письмо может быть задействовано в языковых упражнениях (в качестве заданий «Сочините три фразы на основе грамматической модели» и т. п.), оно встречается в условно-речевых упражнениях («Составьте поздравление по модели», «Составьте диалог и разыграйте его» и т. п.), но оно представляет собой более трудоемкую задачу в случае речевых упражнений, требующих написания продуктивного текста в определенном

жанре или относящегося к определенной коммуникативной ситуации. Последний тип заданий по написанию продуктивного текста на основе творческого письма представляет особую сложность, если необходимо формировать их с учетом профессиональной направленности изучения иностранного языка.

В аспекте поставленной цели исследования дадим определение понятия «письменное творческое задание в курсе изучения иностранного языка»: это лингводидактическая задача, вызывающая эвристическую и творческую активность инофона, приводящая к созданию продуктивного текста в определенном речевом жанре на иностранном языке.

Мы вводим в определение «творческого задания» жанровый подход осознанно: в дидактике многие тексты на основе творческого письма носят внежанровый характер (сочинения, эссе), в профессиональной сфере деятельности нефилологического профиля не востребовано создание художественных текстов на основе творческого письма. Наиболее соответствующими поставленной задаче оказываются творческие задания, подразумевающие необходимость создания продуктивного текста, ориентированного на определенный речевой жанр.

Какие «матрицы» коммуникации («фреймы») востребованы в учебном дискурсе студентов-медиков и в то же время подразумевают необходимость практиковать творческое письмо?

Жанры медицинской документации, которые являются объектом изучения студентов-медиков, не предполагают творческого письма. Особенностью учебного дискурса студентов-инофонов медико-биологического профиля является присутствие в нем научно-популярных жанров медицинского дискурса: письменные жанры просветительского характера (календари, буклеты, инфографика, плакаты) представляют собой аутентичный материал, востребованный в изучении русского языка как иностранного. Творческие задания на основе жанрового письма, ориентированные на просветительские жанры, подразумевают свободную комбинацию жанровых параметров вместе с индивидуальной авторской композицией информационных элементов.

Наибольший потенциал для заданий на основе творческого письма, с нашей точки зрения, представляют вышеназванные жанры просветительского характера, а также публицистические жанры (публикация в блоге или социальной сети в жанре «записки молодого врача», создание афоризмов/подписей к мемам, расширение цитат и создание комиксов на медицинскую тематику и т. п.) и бытовые жанры (дневник, досуговые настольные игры и др.).

Рассмотрим лингводидактический потенциал творческих заданий на основе творческого письма в обучении РКИ на примере жанра настольной игры, относящегося к досуговому дискурсу.

Таблица 1

Модель речевого жанра

Коммуникативная цель	Для чего нужен этот текст?	Информировать. Вызвать любопытство, интерес, породить вау-эффект, заинтересовать. Создать проблемную ситуацию, в которой необходимо подключить все фоновые знания о фактах биологии и физиологии человека или стереотипах, а также ложных утверждениях. Выиграть в игре
Концепция автора	Какие смыслы транслирует автор?	Эксплицировать актуальную информацию о человеческом организме, популяризировать ее для широкой аудитории. Развлечь адресата тем, как микроструктура (тело человека) многообразна и загадочна (не менее интересна, чем макроструктуры окружающего мира)
Концепция адресата	Кому предназначен этот текст?	Любой человек может использовать для организации досуговой деятельности. В первую очередь тем, кто интересуется темами здоровья человека и научно-популярными знаниями в области медицины, физиологии человека, биологии
Событийное содержание	Относится ли текст к личной сфере адресата?	Сама концепция игры предполагает соотнесение концептов «правда» и «ложь», что имеет значение самоопределения относительно фактов реальности. Личная сфера адресата затрагивается и тем, что речь идет о фактах из жизни тела человека, что вызывает личное отношение адресата к представленной информации
Фактор коммуникативного прошлого	Что предшествует жанру?	Связан с устным жанром диалога, который ведет модератор игры и участники, отвечающие на вопросы, связан с визуальным жанром, иллюстрирующим текст и содержащим элементы языковой игры. Реализуется как двухкомпонентный текст, включающий утверждение (в функции вопроса) и объяснение (в функции ответа). Может быть использован на публичной лекции в качестве основы для сократического диалога

Окончание табл. 1

Фактор коммуникативного будущего	Что следует за ним?	Принятие/непринятие информации текста выражается в выражении согласия или несогласия с фактом, а также в эмоциональной реакции на факт. Предполагается, что после серии вопросов и ответов реализуется устный жанр поздравления (с победой)
Параметр языкового воплощения	Какие языковые средства реализуют коммуникативное намерение данного жанра?	Вербальные средства включают терминологическую лексику наряду с образными средствами выражения (метафорами, метонимиями, переносными значениями слов), что соответствует научно-популярному стилю изложения. Паралингвистические средства включают креолизированный текст (визуальные объекты), дополняющий основное значение и обеспечивающий шуточный оттенок описанной ситуации и доступность восприятия информации (рис. 1, 2)

Рис. 1. «Правда – ложь. Вирусы и бактерии: игра карточная»

Рис. 2. «Правда – ложь. Вирусы и бактерии: игра карточная»

Таблица 2

Структура рефлексии речевого жанра

Для чего нужен этот текст?	
Какие смыслы транслирует автор?	
Для кого этот текст?	
Этот текст из личной сферы адресата?	
Какие тексты нужно прочитать перед этим текстом?	
Какие тексты следуют за ним?	
Какие особенности стиля этого текста помогают ему быть эффективным?	

При формулировании творческого задания в лингводидактике мы предлагаем в качестве первого этапа провести рефлексию коммуникативной стратегии и тактики построения высказывания конкретного речевого жанра. Для этого можно предложить студентам заполнить упрощенную таблицу «Модель речевого жанра» (табл. 1) на основе анализа предложенных образцов данного жанра. Второй этап выполнения творческого задания подразумевает написание собственного продуктивного текста и (по возможности) его репрезентацию. При групповой работе третьим этапом должна стать рефлексия собственной деятельности и открытое оценивание:

1. Существует популярная настольная игра «Правда или ложь?», в которой основное правило игры предлагает оценить высказывание на передней стороне карты как факт или миф (правду или ложь). Познакомьтесь с несколькими картами из игры «Вирусы и бактерии» (рис. 1, рис. 2).

2. Проанализируйте структуру карт (текста и картинок), запишите информацию в таблицу «Структура рефлексии речевого жанра» (табл. 2).

3. Выберите тему для своей игры «Правда или ложь» и напишите текст для трех-семи карт, выбирайте как «факты» (правда), так и «мифы» (ложь); если хотите, придумайте визуальное оформление для карт.

Речевой жанр в современной жанрологии выступает как модель, обладающая тематическими, композиционными, стилистическими и функциональными характеристиками. Приведем составленную на основе структуры описания речевого жанра Т. В. Шмелевой [20] модель речевого жанра «Карта в вопросно-ответной игре» (табл. 1). Мы анализировали печатную настольную игру «Правда или ложь?», тематика которой разнообразна и включает в том числе и сведения об организме человека, оформленные в научно-популярном стиле (рис. 2).

Выводы

Мы провели эксперимент, в котором в качестве первого этапа двадцати франко-, урду- и хиндигворящим студентам лечебного факультета медицинского университета (уровень владения русским языком А2) была предложена рефлексия, посвященная описанию жанровой модели игровых квиз-карточек. Для этого на протяжении двух недель на каждом занятии уделялось 5–10 минут работе с картами квиз-игры «Правда или ложь?», задача студентов была прочитать и понять высказывание, сделать его презентацию перед группой, задать вопрос «Это правда или ложь?» и объяснить правильный ответ после того, как слушателями были выдвинуты их версии и аргументы. Это имплицитное узнавание завершилось рефлексией жанровой модели (табл. 2).

На втором этапе студентам было предложено разбиться на мини-группы и обсудить возможные темы для создания собственных карточек. В результате дискуссии группы остановились на трех темах: «Тело человека», «Микробиология» и «Мифы и стереотипы о студентах-медиках». Далее все группы приступили к сочинению текста и оформлению карточек «Правда или ложь?» на выбранную тему.

На третьем этапе производилась рефлексия собственной деятельности, совместная выработка критериев оценивания, презентация текстов, самооценивание.

Критерии оценивания – формальные параметры, которые должны быть исчисляемы и отражены в шкале оценок, – один из наиболее проблемных аспектов в применении творческих заданий. В оценке заданий, предусматривающих творческую имитацию речевого жанра, критерии обусловлены жанровыми параметрами и навыками, необходимыми для успешной реализации жанра. Также критерии оценивания могут учитывать об-

щие когнитивные умения выделять взаимосвязи, аргументировать выводы, устанавливать связь между текстом и социально-культурным контекстом и строить речь по определенному образцу или модели. Если творческое задание, предусматривающее творческую имитацию речевого жанра, дано в качестве домашней или проектной работы или используется в учебном издании, могут применяться следующие критерии оценивания: 1) соответствие написанного текста жанровым параметрам; 2) соответствие лексики и синтаксических конструкций стилю речи, общая стилистическая однородность; 3) выразительность текста, неперегруженность деталями, точность формулировок; 4) уникальность выбранной для изложения информации.

После завершения эксперимента студенты заполняли анкету удовлетворенности деятельностью и результатом. В итоге было выявлено 60 % обучающихся инофонов, считающих написание текстов продуктивного характера с элементами творческого письма в рамках жанровой модели желательным как в рамках учебной речевой деятельности, так и в рамках промежуточного контроля освоения языкового и речевого материала; 25 % выразили мнение о желательности данного вида работы в рамках учебной речевой деятельности; 15 % согласились бы выполнять такие задания в рамках теста промежуточного контроля. Из субъективных комментариев, выраженных в свободной форме, было выявлено, что студентов, участвовавших в эксперименте, привлекла возможность создавать высказывания открытого характера, где оценивалась не правильность/неправильность ответа, а находчивость, удачное выражение мысли, интересно сформулированная загадка и т. п.

Проведенный эксперимент показал, что в деятельности, инициированной описанным выше заданием, присутствовали следующие характерные признаки творческого процесса: ситуация предполагала свободу поиска решения проблемной ситуации и требовала поиска как формы выражения, так и содержания; также потребовалось использовать воображение, чтобы представить потенциально возможный ход мысли другого человека и предложить его воображению и мышлению достаточно увлекательный материал для осмысления; необходимость переосмысления своего опыта и достраивания на его основе виртуальной, возможной ситуации требовала использования творческого мышления.

Можно отметить, что, хотя сфера учебной медицинской коммуникации кажется далекой от творческой практики в рамках художественного дискурса, она способна реализовать практику жанрового письма, которое может осуществляться как создание продуктивных текстов на основе востребованных в учебно-профессиональной медицинской коммуникации жанровых моделей. Каков лингводидактический потенциал креативного письма на основе жанровых моделей в медицинском учебном дискурсе?

При выполнении творческих заданий на основе креативного письма самостоятельное выделение проблем происходит в ситуациях, требующих работы поискового, эвристического мышления. Лингводидактический потенциал заданий на основе творческого письма состоит в том, что развивается гибкость и оригинальность мышления, происходит становление умения генерировать гипотезы и приучение к использованию эвристического (поискового) мышления, а также развивается коммуникативная компетенция будущего профессионала в сфере медицины.

Список источников

1. Bishop W. Colors of a Different Horse: Rethinking Creative Writing Theory and Pedagogy. Urbana, Illinois: National Council of Teachers of English, 1994. P. 77–99.
2. Earnshaw S. The Handbook of Creative Writing. Edinburgh University Press, 2007. 496 p.
3. Glassner A., Schwarz B. B. What stands and develops between creative and critical thinking? Argumentation? // Thinking Skills and Creativity. 2007. № 2 (1). P. 10–18. URL: https://www.researchgate.net/publication/229238061_What_stands_and_develops_between_creative_and_critical_thinking_Argumentation (дата обращения: 07.08.2024).
4. Ярмер Н. Д., Унру М. Н. Креативное письмо как форма развития познавательного интереса // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2010. № 1–2 (55). С. 121–125.
5. Thebo M. Hey babe, take a walk on the wild side – creative writing in universities // Key Issues in Creative Writing / eds. by D. Donnelly, G. Harper. Bristol: Multilingual Matters, 2013. P. 30–47.
6. Castleberry A., Ward W., Stein S. Lifelong learning inspires the creative art of academic writing // Curr Pharm Teach Learn. 2019. № 11 (8). P. 757–759. doi: 10.1016/j.cptl.2019.04.002
7. Кизрина Н. Г. Методика поэтапного формирования навыков и умений креативного письма при обучении немецкому языку в вузе // Гуманитарные науки и образование. 2015. № 1 (21). С. 58–62.
8. Harper G. Creative Writing Analysis. Routledge, 2022. URL: <https://doi.org/10.4324/9781003023388> (дата обращения: 01.07.2024).

9. Макарова Ю. А. Визуальные материалы как средство повышения мотивации к креативному письму на иностранном языке // Научно-педагогическое обозрение. 2016. № 3 (13). С. 87–96.
10. Селеменова О. А. Методика работы с креолизированными текстами печатной рекламы на занятиях по дисциплине «практикум по креативному письму» // Преподаватель XXI век. 2020. № 2–1. С. 117–128.
11. Статник О. Г. Из опыта обучения немецкому языку с применением технологии креативного письма // Spirit Time. 2018. № 6 (6). С. 25–28.
12. Думина Е. В. Обучение иноязычной письменной коммуникации в сфере юриспруденции на основе технологии креативного письма // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2020. № 3 (836). С. 64–75.
13. Александрова Т. Н. Способы формирования и раскрытия творческого потенциала обучающихся на занятиях по креативному письму // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: материалы докл. XII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. 2020. С. 154–159.
14. Батина Е. В., Кожухова И. В. Приемы индивидуализации образовательной деятельности обучающихся языковых специальностей // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2020. Т. 12, № 2. С. 82–91. doi: 10.14529/ped200208
15. Avramenko A. P., Davydova M. A., Burikova S. A. Developing creative writing skills in a high school ESL classroom // Training, Language and Culture. 2018. № 2 (4). P. 55–69.
16. Житкова Е. В. Креативное письмо в обучении иностранному языку в вузе // Язык и культура. 2009. № 3 (7). С. 101–104.
17. Дрейфельд О. В. Творческие письменные задания по литературе: учеб. пособие. М.: Изд-во Ипполитова, 2024. 216 с.
18. Мосина М. А., Чупина Е. Е. Использование интернет-сервиса «pic-lits» для развития умений креативного письма на уроке английского языка // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2019. № 15. С. 124–129.
19. Питина С. А., Щербов А. Д. Креативное письмо в преподавании иностранного языка // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2021. Т. 13. № 2. С. 85–93. doi: 10.7442/2071-9620-2021-13-2-85-93
20. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.
21. Овчинникова Л. О., Агульник Е. Н. Творческое письмо как средство активизации речемыслительной деятельности на занятиях по русскому языку как иностранному // Инновационная экономика и общество. 2020. № 3 (29). С. 95–100.

References

1. Bishop W. *Colors of a Different Horse: Rethinking Creative Writing Theory and Pedagogy*. Urbana, Illinois: National Council of Teachers of English, 1994. Pp. 77–99.
2. Earnshaw S. *The Handbook of Creative Writing*. Edinburgh University Press, 2007. 496 p.
3. Glassner A., Schwarz B. B. What stands and develops between creative and critical thinking. *Argumentation. Thinking Skills and Creativity*, 2007. 2 (1). Pp. 10–18. URL: https://www.researchgate.net/publication/229238061_What_stands_and_develops_between_creative_and_critical_thinking_Argumentation (accessed 7 August 2024).
4. Yarmer N. D., Unru M. N. Kreativnoye pis'mo kak forma razvitiya poznavatel'nogo interesa [Creative writing as a form of development of cognitive interest]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Vestnik of Orenburg State Pedagogical University*, 2010, no. 1–2 (55), pp. 121–125 (in Russian).
5. Thebo M. Hey babe, take a walk on the wild side – creative writing in universities. *Key Issues in Creative Writing*. Eds. D. Donnelly, G. Harper. Bristol, Multilingual Matters, 2013. 208 p.
6. Castleberry A., Ward W., Stein S. Lifelong learning inspires the creative art of academic writing. *Curr Pharm Teach Learn*, 2019. Aug; 11 (8). Pp. 757–759. DOI: 10.1016/j.cptl.2019.04.002
7. Kizrina N. G. Metodika poetapnogo formirovaniya navykov i umeniy kreativnogo pis'ma pri obuchenii nemetskomu yazyku v vuze [Methodology for the step-by-step formation of creative writing skills when teaching German at a university]. *Gumanitarnyye nauki i obrazovaniye – Humanities and Education*, 2015, no. 1 (21), pp. 58–62 (in Russian).
8. Harper G. *Creative Writing Analysis*. Routledge. 2022. <https://doi.org/10.4324/9781003023388>
9. Makarova Yu. A. Vizual'nyye materialy kak sredstvo povysheniya motivatsii k kreativnomu pis'mu na inostrannom yazyke [Visual materials as a means of increasing motivation for creative writing in a foreign language]. *Nauchno-pedagogicheskoye obozreniye – Pedagogical Review*, 2016, vol. 3 (13), pp. 87–96 (in Russian).
10. Seleneneva O. A. Metodika raboty s kreolizovannymi tekstami pechatnoy reklamy na zanyatiyakh po distsipline “praktikum po kreativnomu pis'mu” [Methodology for working with creolized texts of printed advertising in classes in the discipline “workshop on creative writing”]. *Prepodavatel' XXI vek*, 2020, no. 2–1, pp. 117–128 (in Russian).
11. Statnik O. G. Iz opyta obucheniya nemetskomu yazyku s primeneniym tekhnologii kreativnogo pis'ma [From the experience of teaching German using creative writing technology]. *Spirit Time*, 2018, no. 6 (6), pp. 25–28 (in Russian).
12. Dumina E. V. Obucheniye inoyazychnoy pis'mennoy kommunikatsii v sfere yurisprudentsii na osnove tekhnologii kreativnogo pis'ma [Teaching foreign language written communication in the field of jurisprudence based on creative writing technology].

Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovaniye i pedagogicheskiye nauki – Bulletin of the Moscow State Linguistic University, Education and pedagogical sciences, 2020, no. 3 (836), pp. 64–75 (in Russian).

13. Aleksandrova T. N. Sposoby formirovaniya i raskrytiya tvorcheskogo potentsiala obuchayushchikhsya na zanyatiyakh po kreativnomu pis'mu [Ways of developing learner's creativity at creative writing classes the creative potential of students in creative writing classes]. *Inostrannyye yazyki v kontekste mezhkul'turnoy kommunikatsii: materialy dokladov XII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem* [Foreign languages in the context of intercultural communication: materials of the report. XII All-Russian scientific-practical conference with international participation]. 2020. Pp. 154–159 (in Russian).
14. Batina E. V., Kozhukhova I. V. Priemy individualizatsii obrazovatel'noy deyatel'nosti obuchayushchikhsya yazykovykh spetsial'nostey [Techniques for individualizing the educational activities of students studying language specialties]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obrazovaniye. Pedagogicheskiye nauki – Bulletin of the South Ural State University. Series: Education. Pedagogical Sciences*, 2020, vol. 12, no. 2, pp. 82–91 (in Russian). DOI: 10.14529/ped200208
15. Avramenko A. P., Davydova M. A., Burikova S. A. Developing creative writing skills in a high school ESL classroom. *Training, Language and Culture*, 2018, no. 2 (4), pp. 55–69.
16. Zhitkova E. V. Kreativnoye pis'mo v protsesse obucheniya inostrannomu yazyku v vuze [Creative writing in the process of teaching foreign languages at a university]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*, 2009, no. 3 (7), pp. 101–104 (in Russian).
17. Dreifeld O. V. *Tvorcheskyye pis'mennyye zadaniya po literature: uchebnoye posobiye* [Creative writing assignments in Literature: learning textbook]. Moscow, Ippolitova Publ., 2024 (in Russian).
18. Mosina M. A., Chupina E. E. Ispol'zovaniye internet-servisa "pic-lits" dlya razvitiya umeniy kreativnogo pis'ma na uroke angliyskogo yazyka [Using the Internet service "pic-lits" to develop creative writing skills in an English lesson]. *Problemy romano-germanskoy filologii, pedagogiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov*, 2019, no. 15, pp. 124–129 (in Russian).
19. Pitina S. A., Shcherbov A. D. Kreativnoye pis'mo v prepodavanii inostrannogo yazyka [Creative writing in teaching a foreign language]. *Sovremennaya vysshaya shkola: innovatsionnyy aspekt – Modern higher school: innovative aspect*, 2021, no. 3 (29), pp. 85–93 (in Russian).
20. Shmeleva T. V. Model' rechevogo zhanra [Model of speech genre]. *Zhanry rechi: sbornik nauchnykh statey* [Genres of speech: collection of scientific articles]. Saratov, Kolledzh Publ., 1997. Vol. 1. Pp. 88–98 (in Russian).
21. Ovchinnikova L. O., Agulnik E. N. Tvorcheskoye pis'mo kak sredstvo aktivizatsii rechemyslitel'noy deyatel'nosti na zanyatiyakh po russkomu yazyku kak inostrannomu [Creative writing as a means of enhancing speech and thinking activity in classes in Russian as a foreign language]. *Innovatsionnaya ekonomika i obshchestvo – Innovative Economics and Society*, 2020, no. 3 (29), pp. 95–100 (in Russian).

Информация об авторе

Дрейфельд О. В., кандидат филологических наук, доцент, Кемеровский государственный медицинский университет (ул. Ворошилова, 22а, Кемерово, Россия, 650003).

E-mail: filoxenia@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-3612-0237. Scopus Author ID: 58997397200. SPIN-код: 9605-6551.

Information about the author

Dreifeld O. V., Candidate of Philological Sciences, Associated Professor, Kemerovo State Medical University (ul. Voroshilova, 22a, Kemerovo, Russian Federation, 650003).

E-mail: filoxenia@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-3612-0237. Scopus Author ID: 58997397200. SPIN-code: 9605-6551.

Статья поступила в редакцию 06.08.2024; принята к публикации 29.11.2024

The article was submitted 06.08.2024; accepted for publication 29.11.2024

УДК 378.147.34

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-128-137>

Тема Отечества в преподавании иностранного языка в высших учебных заведениях

Ольга Михайловна Козаренко

Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Россия, kozarenko-om@rudn.ru, 0000-0002-5918-9288

Аннотация

В период угрозы национальному суверенитету страны осознание ценности Отечества через систему образования и воспитания послужит той мобилизационной силой, которая поможет нам противостоять вызовам настоящего времени. Однако многие преподаватели испытывают сложности в реализации задач патриотического воспитания в целом и в частности в формировании образа Отечества на занятиях по иностранному языку (ИЯ). Особые сложности в условиях ведения жесткой информационной войны испытывают преподаватели европейских ИЯ. Цель исследования состояла в переосмыслении традиционных подходов по организации патриотического воспитания на занятиях по ИЯ, ядром которого является формирование личности, которая дорожит своим Отечеством. Задачи исследования заключались в изучении отечественного опыта по формированию образа Родины на занятиях по ИЯ; в обосновании важности пересмотра устоявшихся форм работы в соответствии со сложившейся обстановкой и разработке новых подходов в реализации патриотического воспитания, отвечающих современным требованиям. На основе методов сопоставления, обобщения и анализа литературных данных, с опорой на результаты эмпирических исследований были разработаны основные направления работы по реализации поставленных задач. Материалом исследования выступают результаты практического опыта преподавания дисциплины «Иностранный язык» студентам языкового факультета. Формирование образа Отечества на занятиях по ИЯ должно опираться на следующие принципы: 1. Сохранение преемственности. 2. Создание целостного и яркого образа Отечества. 3. Создание позитивного образа страны. 4. Формирование умения критиковать конструктивно. 5. Побуждение к определению личной позиции студента как активного гражданина нашего общества. 6. Поощрение инициативности учащихся в решении насущных проблем страны. 7. Выявление наиболее значимых на сегодняшний день проблем, требующих активного участия молодежи, составляет основу принципа актуальности. Особую роль в этой работе играет личность преподавателя, который прививает потребность знать больше о своей стране; способствует формированию духовного опыта молодежи, служащего основой для развития чувства любви к Родине; формирует чувство причастности к общему делу; учит видеть пути реализации собственных возможностей для служения на благо Отечества. На современном этапе особенно важно осознать значимость формирования индивидуального алгоритма обретения образа Отечества у учащихся и умения не только представить его иноязычному собеседнику, но и аргументированно отстаивать его интересы.

Ключевые слова: иностранные языки, высшая школа, Отечество, Родина, патриотическое воспитание, национальное самосознание, гражданская позиция

Для цитирования: Козаренко О. М. Тема Отечества в преподавании иностранного языка в высших учебных заведениях // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2025. Вып. 1 (237). С. 128–137. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-128-137>

The theme of Motherland in foreign language teaching in higher education

Olga M. Kozarenko

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation, kozarenko-om@rudn.ru, 0000-0002-5918-9288

Abstract

In the period of threat to the national sovereignty of the country, awareness of the value of the Motherland through the education and upbringing system will serve as the mobilizing force that will help us confront the challenges of the present time. However, numerous teachers are experiencing some problems in realization of the tasks of the patriotic education in general; and in particular, in developing the Motherland's image during foreign language lessons. The teachers of European languages are suffering from specific difficulties in terms of maintaining fierce information war. The aim of the study was to rethink traditional approaches to organizing patriotic education in foreign language classes, the core of

which is the formation of a personality that values its Motherland. The objectives of the research are in the study of the national experience of Motherland's image development during foreign language lessons; underpinning of the importance to review longstanding norms in accordance with the current situation; the elaboration of new approaches in the development of patriotic education which will satisfy today's requirements. The main directions of the research were constructed on the basis of empirical data results and the methods of comparison, generalization and analysis of literature data. The material of the research is the results of the practical experience of teaching the discipline 'Foreign language' to the students of linguistic faculties. The formation of the image of the Motherland in foreign language lessons should be based on the following principles: 1. Preservation of continuity. Work on patriotic education in foreign language lessons should be based on the best traditions of the national system of upbringing and education. 2. Formation of a holistic image of the Motherland. For a long time, knowledge about our country was transmitted fragmentarily and, as a rule, was only supplemented with some information about the country of the language being studied. It is important once again to assess the content of major disciplines with the aim to fill in the gaps which were made earlier and did not allow to see the multi-faceted image of the country. 3. The creation of a positive image of the country. It is essential to revise the curriculum with the aim to decently and informally cover the heritage of the country in specific sectors of economy and in the world landscape. 4. The development of the skill to criticize constructively by providing a weighted and critical analysis of the disadvantages, by being able to provide positive as well as negative sides. 5. The motivation to define the student's personal opinion as an active citizen in our society. 6. The encouragement of the students' proactivity. 7. The revealing of the most significant contemporary issues which require the youth active participation comprises the basis of the relevance principle. A special role in this paper is attributed to the personality of a teacher who develops the need to know more about their country; enables the formation of spiritual youth's experience which serves as a basis for developing the feeling of love to Homeland; forms the sense of belonging to the common activity; teaches to see the ways to realize their own possibilities in favor of the motherland. On the contemporary stage it is important to be aware of the significance of the individual algorithm to the acquisition of the Motherland's image among students, as well as the skills not only in presenting this image to a representative of another culture but also in guarding the interests of the Motherland's image.

Keywords: foreign languages, higher education, fatherland, homeland, patriotic education, national identity, civic position

For citation: Kozarenko O. M. Tema Otechestva v prepodavanii inostrannogo yazyka v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh [The theme of Motherland in foreign language teaching in higher education]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 1 (237), pp. 128–137 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-128-137>

Введение

В современных геополитических условиях крайне важными становятся задачи патриотического воспитания молодежи, направленные на формирование «российской гражданской идентичности, гордости за свою Родину, готовности к защите интересов Отечества» [1, с. 7]. Особую важность в связи с этим приобретают положения «Стратегии развития воспитания в РФ на период до 2025 года» в той части, где они касаются необходимости «повышения качества преподавания гуманитарных предметов для обеспечения правильной ориентации учащихся в современных общественно-политических процессах» [1, с. 7]. Помочь учащимся понять происходящие события, осмыслить духовные ценности, увидеть достижения нашей страны – вот основные ориентиры, которые должны определять работу преподавателя по патриотическому воспитанию в современных условиях.

Однако даже в условиях мирного времени более 70 % преподавателей испытывали трудности в реализации задач патриотического воспитания. Они отмечали отсутствие системы и комплексности в реализации этих задач, равно как и скоординированности действий [2]. В студенческой среде только 5 % из 450 опрошенных студентов видели воспитательное значение дисциплины «Иностранный язык» в неязыковом вузе [3].

В соответствии с событиями последнего времени многие преподаватели чувствуют и понимают необходимость смещения смысловых акцентов в преподаваемых дисциплинах на переосмысление роли и значимости Отечества как в жизни каждого из нас, так и в историческом аспекте. Однако интуитивное восприятие далеко от понимания того, как лучше организовать работу по патриотическому воспитанию и в рамках преподаваемого предмета, и в рамках конкретного студенческого коллектива.

Особые сложности испытывают преподаватели европейских иностранных языков (ИЯ) в связи с тем, что многочисленные аутентичные материалы в информационном пространстве имеют ярко выраженный агрессивный характер в отношении нашей страны, а в отечественных пособиях прошлых лет Россия часто рассматривается как часть глобального Запада.

Поверхностное восприятие, непонимание важности затронутой проблемы, инертность со стороны преподавателя могут способствовать формированию индифферентной личности, восприимчивой ко всем негативным посылам, особенно в рамках информационной войны.

В условиях противоборства принципиально разных подходов к оценке роли России в современных условиях и в историческом прошлом, с которым

сталкивается молодежь в информационном пространстве, переосмысление в подаче материала по формированию образа Отечества, а также анализ позитивного опыта в рамках предмета «Иностранный язык» помогут преподавателям решить те задачи по патриотическому воспитанию, которые так остро стоят на современном этапе. Это будет способствовать формированию культурной идентичности и национальной самоидентификации российской молодежи.

Материал и методы

Работа с архивными материалами, а также статьями современных исследователей была проведена с использованием теоретических методов научного исследования: сопоставления, анализа, синтеза. Были приняты во внимание и результаты эмпирических исследований, послуживших доказательной базой для предложенных путей решения поставленных задач.

Результаты и обсуждение

Терминологический ряд. Термин «отечество» в словаре В. Даля трактуется как *«Родная земля, отчизна, где кто родился, вырос; корень, земля народа, к коему кто, по рождению, языку и вере, принадлежит; государство, в отношении к подданным своим; родина в обширном смысле. Отец мой выходец, а мое отечество Русь, русское государство»* [4]. Д. Н. Ушаков формулирует этот термин как «страну, где родился данный человек и к гражданам которой он принадлежит» [5]. По данным исследователей [6, с. 15], с XVIII в. термин «отечество» начинает употребляться в русском языке как обозначающий страну (а не как ранее родовое владение землей по наследству), где человек родился и проживает и с культурными и духовными ценностями которой он себя соотносит. Термин «родина» употребляется с этого времени по отношению к месту рождения. Именно в эту эпоху императора называют «отцом отечества» и высшим долгом гражданина является служение Отечеству, что отражает формирование национального самосознания [7, с. 56].

Слово «родина» в словаре В. Даля определяется как «родимая земля, чье-то место рождения» (государство, город или деревня) [8] и в современном восприятии ассоциируется с малой родиной [6, с. 56], имея множество интерпретаций в современном российском дискурсе [9]. В научной литературе тема Отечества в значительной степени трактуется специалистами в области философии и истории [7, 10, 11].

При всей близости понятий «Родина» и «Отечество» ряд исследователей настаивают на их различиях, обращая внимание на отличия в объеме по-

нятий (у понятия «Родина» он больше); в гендерных критериях (архетипы Богини-Матери и Бога-Отца как мужского и женского начал); обязательности политического атрибута, а именно – государства (понятие «Родина» существует вне его; трактуется как духовная категория) [12, с. 94–95].

Не углубляясь в философские дискуссии по трактовке терминов «Родина» и «Отечество» [12], в настоящем исследовании мы исходим прежде всего из того, что:

- оба понятия являются основой национальной идентичности личности;

- написание слова «Отечество» с прописной буквы подчеркивает осознание ее величия, ее особой ценности для всех граждан страны, особенно в период серьезных испытаний;

- термин «Отечество» положен в основу исследования, так как несет в себе, по нашему мнению, степень гражданской ответственности за судьбу Родины, которая и является одной из целей патриотического воспитания молодежи.

В настоящий период угрозы национальному суверенитету страны осознание ценности Отечества через систему образования и воспитания послужит той мобилизационной силой, которая поможет нам противостоять вызовам сложного времени.

Краткий литературный обзор. Если обратиться к статьям преподавателей-исследователей, посвященным вопросам патриотического воспитания на занятиях по ИЯ до февраля 2022 г., то видно, что побудительным мотивом их написания была обеспокоенность проблемами глобализма; идеологического вакуума, низкого уровня культуры, разрушения традиций, падения духовно-нравственных ценностей [13, с. 34]; установка на отторжение советского прошлого [2, с. 12]; сосредоточенность школы в большей степени на образовательном процессе [14, с. 146]; распространение западной массовой культуры с выраженной антисоциальной направленностью; ослабление мотивации преподавателей и их недостаточная подготовка для реализации воспитательных задач [2, с. 3].

Эмпирические исследования показали, что в начале 2000-х гг. патриотические ценности в студенческой среде занимали не самые высокие позиции: любовь к родной земле, народу, родному языку; уважение к традициям и символике испытывали 25,6 % опрошенных; преданность интересам Родины, укрепление чести и достоинства Родины; гордость за исторические свершения своего народа были свойственны 19,6 % [15, с. 15; 16, с. 56].

Особое внимание уделялось важности патриотической работы с будущими учителями. Исследователи формулируют понятия «патриотизм будущего учителя» [16, с. 61]; выделяют функции и структурные компоненты патриотизма будущих

учителей (эмоциональный, ценностный, поведенческий) [17, с. 63]; пишут о стадиях его формирования (теоретическая, мировоззренческая, творческая). В качестве конкретных примеров работы по патриотическому воспитанию на занятиях по ИЯ фигурируют следующие:

- использование учебного материала патриотической направленности [15, с. 34];
- привлечение мультимедийных программ, иллюстраций, метода репродукции, проблемного изложения, метода лингвострановедческого сравнения, исследовательских и проектных методов [15, с. 148];
- изучение тем патриотической направленности: «Моя семья», «Мой родной город», «Мой университет», «Жизнь студента», «Малая родина», «Страны изучаемого языка», «Путешествия», «Особенности национальной кухни», «Великая Россия», «Большая Родина», «Моя Родина в мире», «Система образования в странах изучаемого языка», «Система образования в России», «Профессия учителя», «Моя будущая профессия» [17, с. 65];
- соединение аудиторной и внеаудиторной работы патриотической направленности [15, с. 5];
- варьирование форм аудиторной работы от анализа текстов, бесед по ним, самостоятельного поиска материалов в Интернете до подготовки творческих докладов и презентаций;
- использование таких форм внеаудиторной работы, как доклад, конкурс чтецов, вечер патриотической песни, инсценировка произведения, литературно-музыкальная постановка и т. д. [15, с. 17];
- привлечение регионального компонента для показа богатства культурного наследия региона [18].

В соответствии с особенностями современного периода работа по формированию образа Отечества на занятиях по ИЯ приобретает новое звучание. При этом нам представляется важным при ее выполнении соблюдение следующих принципов:

Сохранение преемственности. Несомненно, что все вышеуказанные позиции продолжают оставаться значимыми и на современном этапе, однако в публикациях последних лет исследователи совершенно правомерно указывают на то, что в условиях продолжения эскалации против нашей страны патриотическое воспитание становится приоритетным направлением всей воспитательной работы [3, с. 33].

В научной литературе тема Отечества в значительной степени трактуется специалистами в области философии и истории [7, 10, 11]. Понимая важность формирования патриотизма на занятиях по ИЯ, преподаватели определяют термин «патриотизм» как «любовь к Отечеству (Родине)». «Патриотизм – любовь к Родине, осознание Родины как ценности, беззаветное служение своему народу» [19, с. 85]; «Патриотическое воспитание – это... воспитание любви к Родине. Родина должна

не просто нравиться и быть источником положительных эмоций, но и стать личностной целью для человека, его святыней» [11, с. 52].

В восприятии студентов понятие «патриотизм» в первую очередь ассоциируется с «любовью к Родине», на что указывают результаты анкетирования [19, с. 89]. На вопрос «По каким признакам определяется понятие „патриотизм“?» наибольшее количество ответов (37 %) пришлось на «Бескорыстная любовь к своей Родине, готовность к самопожертвованию ради ее блага или спасения». Трактовку патриотизма, как «осознанная любовь к родине, своему народу, его традициям» мы находим также в «Большой российской энциклопедии» [20]. Таким образом, понятия «Родина» и «Отечество» являются ключевыми, когда речь идет о патриотическом воспитании.

Создание целостного образа Отечества. Традиционно на занятиях по ИЯ мы говорим о родной стране в сравнении с характеристикой страны изучаемого языка, не задумываясь при этом, насколько целостным является представление своей страны в рамках изучения всего предмета. Как правило, это сопоставление дается уже после изучения конкретной темы и изначально носит подчиненный и фрагментарный характер, особенно если речь идет о работе с зарубежными методиками.

Так, например, при работе с французской методикой Cosmopolite в разделе Passions françaises, где речь идет о пристрастии французов к политике, учащимся предлагается сформулировать роль главы государства в своей стране и провести сравнение с Францией [21, с. 91]. В результате студент оказывается в положении, когда он должен или обратиться к иноязычным материалам, которые традиционно во французском медийном пространстве позиционируют Россию с отрицательной стороны, либо самостоятельно переводить русскоязычные источники на изучаемый язык, что не может не вызывать у него определенных трудностей. В современных условиях учащийся может также обратиться к искусственному интеллекту (ИИ), который сгенерирует ему информацию, но эта информация не будет учитывать данные последних лет и будет отличаться в зависимости от создателя чата ИИ, так как будет анализировать разный содержательный контент (GPT, GigaChat).

Поэтому для создания целостного образа Отечества крайне важно, учитывая уровень владения ИЯ, в соответствии с профилем подготовки или создавать учебные пособия, в которых найдут отражение общие характеристики страны, или предусматривать соответствующие разделы в профильных учебниках, в которых будут указаны отечественные достижения в конкретной изучаемой отрасли хозяйства.

Повышение уровня общей культуры знаний о стране. В случаях когда задания предусматривают проведение сравнительных характеристик, преподаватели ИЯ порой сталкиваются с низким уровнем общей культуры учащихся. Очень часто, говоря о кино, литературных произведениях, фестивалях, студенты называют в первую очередь англоязычных представителей того или иного вида искусства.

Для работы в этом направлении целесообразно привлекать самих учащихся. Например, в ИИЯ РУДН мы предложили студентам сделать квесты на тему «Знаешь ли ты Россию?», которые были размещены на странице франкофонного сообщества Samovar в социальной сети VK. Студентов заинтересовали темы: «Великая Отечественная война»; «Великие люди России»; «Знаете ли вы Россию?»; «Советское кино»; «Русские традиции» и др. Сочетание цифрового формата, интерактивности, авторство участников опросов привлекли большое количество желающих ответить на них и тем самым способствовали повышению уровня общей культуры изучающих французский язык.

Создание позитивного образа страны. Примером позитивного продвижения и позиционирования своей страны являются некоторые французские методики, например Cosmopolite, в которых практически в каждой теме мы обнаруживаем не просто упоминание о Франции, но демонстрацию ее с самых выгодных позиций [21].

Представляется целесообразным *пересмотреть содержание программ* по иноязычной профессиональной подготовке с точки зрения отражения в них национальных достижений в соответствующей отрасли с упоминанием заслуг выдающихся отечественных специалистов, если это не было сделано ранее. Важно научить студентов видеть *уникальность нашей страны, знать ее исторические корни, следовать ее духовным и нравственным ценностям, позиционировать ее успехи и достижения.* А главное, понимать, что это место для их самореализации во имя процветания Отечества.

Критика без критиканства. Говоря о достоинствах в представлении страны, нельзя замалчивать и проблемные моменты. Они требуют внимательного анализа и поиска путей выхода из сложных ситуаций с привлечением позитивного отечественного, международного опыта или опыта страны изучаемого языка.

Исходя из собственной практики, преподаватели знают, что студенты прекрасно справляются с критикой проблем нашей страны и, как правило, строят свой дискурс в контексте «у нас – плохо, у них – хорошо» [22, с. 78]. Поэтому еще раз нужно обратить внимание студентов на то, что критическое восприятие – это взвешенный анализ не только негативных, но и позитивных сторон. Любое

критическое высказывание должно быть конструктивным.

Следует обращать внимание молодежи на оригинальные, позитивные и инновационные решения, предлагаемые соотечественниками, особенно их сверстниками. Это повышает мотивацию, рождает соревновательность и потребность в самореализации на благо Отечества.

Особое внимание при этом следует уделить *формированию личной позиции студента* в решении той или иной проблемы, формируя таким образом чувство личной ответственности за успешное развитие Отечества, гордость за его успехи.

Этот же принцип следует соблюдать и при *формулировании заданий.* Так, при изучении темы «Социальные проблемы современного общества» студентам было предложено проектное задание по представлению той социальной проблемы нашего общества, которая *их больше всего беспокоит.* Однако следовало не только осветить эту проблему, но и *показать пути ее решения,* а также *представить личный вклад в ее решение.* Последнее требование было наиболее важным и обязательным, так как обычно студенты начинают ссылаться на плохую работу государственных структур, тем самым полностью снимая с себя гражданскую ответственность за решение острых вопросов общества. Например, говоря о бытовых отходах и мусоре, как правило, учащиеся упрекают местные власти, но не предлагают проявить, например, инициативу по самостоятельному сбору мусора в лесу или на пляже рядом со своими дачными участками.

Из вышесказанного вытекает **принцип инициативности.** Важно не только теоретически порассуждать о решении проблемы, но и научить студентов проявлять личную инициативу на пути к ее решению.

Принцип актуальности позволяет выявить наиболее значимые на сегодняшний день проблемы, в решении которых студент может уже сейчас проявить свою гражданскую позицию. Так, например, в современных условиях ведения СВО секция французского языка ИИЯ РУДН старается поддерживать связи со школой МБОУ № 84 г. Горловки в Донбассе. Школьники приглашаются в дистанционном формате для участия во франкофонных мероприятиях, научных конференциях и семинарах. Студенты в свою очередь записывают для них поздравительные видеоролики, создают для школьников познавательные видео в рамках Недели иностранных языков. Следует отметить, что, несмотря на крайне тяжелые условия работы и учебы, школьники и учителя школы (учитель Л. С. Кива и ее коллеги) МБОУ № 84 г. Горловки работают с невероятной самоотдачей. Проектная работа школьников по родному городу стала для студентов хо-

рошим примером героизма и мужества этих юных граждан своей страны, жизнь которых каждый день подвергается опасности.

Личность преподавателя в формировании образа Отечества на занятиях по ИЯ. Личность преподавателя выступает как важный аспект социализации молодежи в системе высшего образования [23, с. 15]. Специфика предмета ИЯ в этом отношении играет особую роль, поскольку имеет в своей основе общение. Поэтому насколько доверительным будет этот диалог, насколько авторитетна будет личность самого преподавателя, насколько будет выражена его мотивация и осознание значимости формирования гражданских качеств личности будущих специалистов, настолько эффективным будет результат. *«Национальное обезличение есть великая беда и опасность в жизни человека и народа. С ним необходимо бороться настойчиво и вдохновенно. И вести эту борьбу необходимо с детства»* [24, с. 201].

К сожалению, за время «академического капитализма» [23, с. 16] исчезла преемственность стратегий по формированию как социально значимых жизненных принципов, так и системы патриотического воспитания. В соответствии с этим молодое поколение преподавателей нуждается в серьезной профессиональной поддержке для понимания воспитательного потенциала своей образовательной деятельности и важности формирования духовно-ценностных ориентаций будущих специалистов, готовых работать на благо Отечества. «Преподаватель – первый патриот в учебном заведении» [25, с. 92], к этой формуле должна стремиться вся система подготовки будущих преподавателей, независимо от профиля их подготовки.

Если определить особенности работы преподавателя ИЯ по формированию образа Отечества, то мы бы сделали это с помощью следующих глаголов: **знать, любить, побуждать/поступать.**

Глагол **знать** не случайно поставлен на первое место. Именно **знание** позволяет оперировать фактами, без которых невозможно ни сопоставлять, ни анализировать, ни критически мыслить, ни делать выводы. Молодые люди должны иметь многосторонние и глубокие знания о своей Родине, и это будет являться философской предпосылкой успешного патриотического воспитания [11, с. 54].

Любить. Преподавателю важно понимать сокровенность чувства любви к Отечеству [25, с. 92], а его работу в этой области можно сравнить с тонкой настройкой звучания инструмента. Порой она передается через дрожание голоса, когда речь идет о погибших за Отечество воинах во время Великой Отечественной войны, через вашу скорбь, когда вы просите почтить минутой молчания на занятии память бывшего студента вуза, сложившего голову в

Донбассе; когда вы с упоением рассказываете о красоте родного края.

Поскольку любое чувство «...уходит корнями в глубину человеческого бессознательного», то его невозможно навязать или заставить полюбить. А формализм в этом вопросе способен привести к обратному результату. *«Любить можно только самому, искренно, по доброй воле, из глубины. Нельзя любить Бога, родину и людей по приказу и перестать любить в силу запрета»*, – писал великий русский мыслитель И. А. Ильин [26, с. 180].

Чувственное обретение молодым человеком своего Отечества будет зависеть от его духовной зрелости, его духовного опыта, формированию которых через систему ценностей мы должны уделять большое внимание. *«Он (преподаватель) должен как бы вправить душу ребенка в духовный опыт его родины, вовлечь ее в него и приучить ее пребывать в нем и творчески расцвести в нем»* [26].

Побуждать и поступать. Несомненно, что итогом этой большой работы должно быть побуждение к поступкам во имя процветания Отечества. Преподаватель должен помочь учащимся обрести чувство причастности к общему делу, помочь увидеть пути реализации собственных возможностей для служения на благо Отечества.

Осознание преподавателем важности формирования образа Отечества в рамках своего предмета должно стать результатом глубокой душевной работы и духовного поиска, далекого от квасного патриотизма. А. Толстой писал, что *«любовь к родине – это реальная душевная сила, требующая организации, развития и культуры»*. И в отношении профессии преподавателя следовало бы добавить еще одно качество – понимание и осознание всей меры ответственности перед будущим своего Отечества. Помочь молодому человеку приобрести этот духовный опыт – вот тот стержень, который должен пронизывать работу преподавателя по формированию любви к Родине и Отечеству. Побудить студента сопереживать с вами удачи и неудачи, трудности и взлеты страны – вот что следует противопоставить лубочному/формальному патриотизму. И. А. Ильин писал: *«такое притворство ни к чему хорошему не ведет; такой обман никому не нужен»* [26, с. 93].

И поскольку *«нет единого, для всех людей одинакового пути к родине»* [26, с. 183], то и в преподавательской практике каждый обучающий **может иметь свой путь, свой алгоритм, чтобы помочь обрести учащимся свой образ Отечества.** В реализации этой работы, важно ориентироваться на следующие задачи:

1. Научить студентов представлять страну для иноязычного собеседника/партнера, создавая ее яркий образ. Студенты должны уметь:

- показать ее неповторимость и уникальность;
- передать многогранный образ Родины;
- представить достижения страны в изучаемой отрасли;
- демонстрировать ее международный имидж;
- представлять свою малую родину, апеллируя к собственному опыту.

2. Говоря о лингвистических и социокультурных аспектах, важно научить будущего специалиста:

- выражать свои чувства по отношению к Отечеству (любовь, гордость, веру в великое будущее);
- транслировать российские реалии на ИЯ;
- сопоставлять со страной изучаемого языка;
- убеждать и отстаивать свою гражданскую позицию.

Рассмотрим несколько примеров из повседневной преподавательской практики. На занятиях по ИЯ популярна тема «Мой город». При такой формулировке студенты, как правило, обращаются к «Википедии» и представляют город как туристический объект. Таким образом решается одна из поставленных задач, а именно знаниевая, что само по себе не плохо: Отечество нужно и важно знать. Но, чтобы избежать формализма в изложении темы, чтобы обратиться к чувственному опыту студентов, мы назвали ее «Мой город – мой источник вдохновения». В результате описание города представало перед нами через личностное восприятие студентов. Как интересно в этом случае раскрылся каждый студент, с каким особым чувством он вспоминал свой родной город, описывал ассоциации, связанные с его детством, близкими людьми. И именно за счет эмоциональной подачи материала рассказ о родном городе стал маленькой личной историей о малой родине. А так как в группах обучаются ребята из разных регионов России, то через эти проникновенные рассказы создается образ великой страны, Отечества. Это крайне важно, так как часто, переезжая в большие города, ребята забывают о маленьких городках и поселках, в которых они родились, предпочитая рассказывать о Москве или другом крупном городе. Встречаются и такие, которые с пренебрежением относятся к месту своего рождения и даже стесняются его. К таким студентам следует относиться с особым вниманием, показать свою искреннюю заинтересованность в том, чтобы больше узнать о его городе, помочь в поиске материала, и, как правило, студенты откликаются на эту заинтересованность. С этой точки зрения тема малой родины должна прохо-

дить сквозной нитью по многим изучаемым темам, например в заданиях «описать культурное мероприятие в своем городе»; «привести примеры молодежных социальных или экологических инициатив в родном городе»; «рассказать об истории своего города»; «интересные люди города/земляки» и т. д.

Большие возможности по формированию образа Отечества раскрываются во **внеаудиторной работе**. Например, при организации конкурса творческих проектов по литературе на французском языке «Мои литературные открытия», организованного секцией французского языка ИИЯ РУН и проходившего при поддержке Французского института в Москве, мы его адресовали всем любителям французского и русского языка и литературы двух стран. Условия конкурса предусматривали использование не только произведений франкоязычных авторов, но и российских, переведенных на французский язык.

На вышеупомянутой странице франкофонного интерактивного сообщества Samovar в VK в течение года студенты реализуют патриотические проекты: празднование Дня Победы (интерактивная викторина); Дня защиты Отечества; публикуют материалы по юбилейным датам Великой Отечественной войны (80 лет битве под Сталинградом; юбилей снятия блокады Ленинграда). Каждый год пополняются ряды нашего виртуального «Бессмертного полка», для которого студенты пишут на ИЯ военные биографии своих близких, создают фотогалерею ветеранов войны.

Ведя разговор о французских импрессионистах, не стоит забывать и русских художников, писавших в этом стиле.

Выводы

Дисциплина «Иностранный язык» несет в себе большие возможности по формированию любви к Отечеству, осмысленному отношению к нему, умению представлять его иноязычным носителям языка. Личный духовный опыт преподавателя, осознание им важности воспитательной работы патриотической направленности на занятиях по ИЯ будут способствовать формированию зрелой гражданской позиции студентов, на плечи которых ляжет ответственность за будущее Отечества. Н. Бердяев писал: «Любовь к своему народу должна быть творческой любовью, творческим инстинктом. ... Путь к всечеловечеству для каждого из нас лежит через Россию».

Список источников

1. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р. С. 15. URL : <http://government.ru/docs/18312/>.

2. Кожевников С. И. Патриотическое воспитание студентов вузов: на примере изучения гуманитарных и социально-экономических дисциплин: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2005. С. 28.
3. Соколова О. Л., Скопова Л. В. Воспитание патриотизма у студентов неязыкового вуза в процессе обучения профессионально ориентированному иностранному языку // Нижегородское образование. 2022. № 3. С. 32–41.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великого русского языка. Современное написание: в 4 т. М.: АСТ, 2001. Т. 2. С. 1188.
5. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: в 3 т. М.: Вече. Мир книги, 2001. Т. 2. С. 239.
6. Смирнова Г. Е. Конкретно-речевое употребление понятия «отечество» в русском языке как фактор формирования национальной самоидентичности в России XVIII столетия // Культура и искусство. 2018. № 10. С. 10–15. doi: 10.7256/2454-0625.2018.10.27589
7. Перевозникова А. К. Концепт «родина» как составляющая национального образа России в русской языковой картине мира // Концепт: философия, религия, культура. 2019. № 1. С. 54–61.
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1994. Т. 1. 1743 с.; Т. 2. 2030 с.; Т. 3. 1782 стб.; Т. 4. 1916 стб.
9. Ларионова Д. Г. Национально-культурная специфика концептуализированной области «patria» и ее учет в обучении русскому языку американских студентов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2011. С. 25.
10. Чикаева Т. А. Родина или Отечество: разграничение понятий // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2017. № 1. С. 90–97.
11. Чикаева Т. А. Философские предпосылки успешного патриотического воспитания // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 52–55. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-1-52-55>
12. Чикаева Т. А. Родина. Патриотизм (социально-философское исследование). М.: Издательство МХПИ, 2019. С. 129.
13. Васичкина О. Н. К вопросу воспитания патриотизма на занятиях по иностранному языку // Архивариус. 2015. № 3 (3). С. 33–35. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-vospitaniya-patriotizma-na-zanyatiyah-po-inostrannomu-yazyku> (дата обращения: 14.07.2023).
14. Володина Д. В., Юрьева Ю. С. Формирование гражданско-патриотической личности при изучении дисциплины «Иностранный язык» в техническом вузе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 11-1. С. 150–146.
15. Антонова М. В. Формирование патриотических ценностей у студентов ССУЗ в процессе обучения иностранному языку (на материале французского языка): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Пенза, 2007. С. 25.
16. Ильинский И. М., Луков В. А. Московские студенты: трансформации ценностных ориентаций // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moskovskie-studenty-transformatsii-tsennostnykh-orientatsiy> (дата обращения: 18.02.2024).
17. Сысоева Н. А. Воспитание патриотизма будущего учителя на занятиях по дисциплине «Иностранный язык» в педагогическом вузе // Известия ВГПУ. 2014. № 1 (86).
18. Шахворостова Е. А. Диалог культур на уроках английского языка с использованием национально-регионального компонента // Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 2018. № 26. С. 145–149.
19. Коннова З. И., Семенова Г. В. Развитие гражданственности и патриотизма у студентов вузов при обучении иностранному языку с применением аг-технологии // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2022. № 4.
20. Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2324213> (дата обращения: 20.07.2023).
21. Hirschsprung N., Tricot T., Leroux A. V., Pardo É., Mous N. Cosmopolite 4: Livre de l'élève // Hachette. 2019. P. 128.
22. Козаренко О. М. Особенности восприятия Франции и России русскоязычными студентами // Иностранные языки в школе. 2021. № 9. С. 75–83.
23. Смирнов В. А. Молодежная политика и воспитательная деятельность в российских университетах: этапы развития и ключевые противоречия // Высшее образование в России. 2023. № 5. С. 9–20. doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-5-9-20
24. Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Русская книга, 1993. Т. 1. С. 400.
25. Силкова К. А., Плешкова И. А. Патриотизм: ретроспектива оценки и восприятия // Вестник НГПУ. 2012. № 1. С. 84–93.
26. Ильин И. А. Путь духовного обновления / сост., авт. предисл., отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 1216 с.

References

1. *Strategiya razvitiya vospitaniya v Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda. Utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 29 maya 2015 g. No. 996-p.* [Strategy for the development of education in the Russian Federation for the period until 2025. approved by order of the Government of the Russian Federation dated May 29, 2015. No. 996-r]. 15 p. (in Russian). URL: <http://government.ru/docs/18312/>.
2. Kozhevnikov S. I. *Patrioticheskoye vospitaniye studentov vuzov: na primere izucheniya gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh distsiplin. Avtoref. dis. kand. ped. nauk* [Patriotic education of university students: the example of studying humanitarian and socio-economic disciplines. Abstract of thesis cand. ped. sci.]. Moscow, 2005. 28 p. (in Russian).

3. Sokolova O. L., Skopova L. V. Vospitaniye patriotizma u studentov neyazykovogo vuza v protsesse obucheniya professional'no oriyentirovannomu inostrannomu yazyku [Education of patriotism in non-linguistic university students in the process of teaching a professionally oriented foreign language]. *Nizhegorodskoye obrazovaniye*, 2022, no. 3, pp. 32–41 (in Russian).
4. Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikogo russkogo yazyka. Sovremennoye napisaniye: v 4 tomakh* [Explanatory dictionary of the living great Russian language. Modern writing: in 4 volumes]. Moscow, AST Publ., 2001. Vol. 2. 1188 p. (in Russian).
5. Ushakov D. N. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 3 tomakh* [Explanatory dictionary of the Russian language: in 3 volumes]. Moscow, Veche. Mir knigi Publ., 2001. Vol. 2. 239 p. (in Russian).
6. Smirnova G. E. Konkretno-rechevoye upotrebleniye ponyatiya "otechestvo" v russkom yazyke kak faktor formirovaniya natsional'noy samoidentichnosti v Rossii XVIII stoletiya [Concrete speech use of the concept "fatherland" in the Russian language as a factor in the formation of national self-identity in Russia in the 18th century]. *Kul'tura i iskusstvo – Culture and Art*, 2018, no. 10, pp. 10–15 (in Russian).
7. Perevoznikova A. K. Kontsept "Rodina" kak sostavlyayushchaya natsional'nogo obraza Rossii v russkoy yazykovoy kartine mira [The "Rodina" concept as a component of the national image of Russia in the Russian language picture of the world]. *Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura – Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 2019, no. 1, pp. 54–61 p. (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2019-1-9-54-61>
8. Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes]. Moscow, Progress Publ., 1994. Vol. 1. 1743 p.; Vol. 2. 2030 p.; Vol. 3. 1782 stb.; Vol. 4. 1916 stb. (in Russian).
9. Larionova D. G. *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika kontseptualizirovannoy oblasti "patria" i yeyo uchyt v obuchenii russkomu yazyku amerikanskikh studentov. Avtoref. dis. kand. ped. nauk* [National and cultural specificity of the conceptualized area "patria" and its consideration in teaching the Russian language to American students. Abstract of thesis. cand. ped. sci.]. Saint Petersburg, 2011. 25 p. (in Russian).
10. Chikaeva T. A. Rodina ili Otechestvo: razgranicheniye ponyatiy [Motherland or Fatherland: differentiation of concepts]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Leningrad State University named after. A. S. Pushkin*, 2017, no. 1, pp. 90–97 (in Russian).
11. Chikaeva T. A. Filosofskie predposylki uspeshnogo patrioticheskogo vospitaniya [Philosophical Background of Successful Patriotic Education]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika – Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 52–55 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-1-52-55>
12. Chikaeva T. A. *Rodina. Patriotizm (sotsial'no-filosofskoye issledovaniye)* [Homeland. Patriotism (socio-philosophical research)]. Moscow, Publishing house MHPI Publ., 2019. 129 p. ISBN 978-5-9908535-8-4 (in Russian).
13. Vasichkina O. N. K voprosu vospitaniya patriotizma na zanyatiyakh po inostrannomu yazyku [On the issue of instilling patriotism in foreign language classes]. *Archivist*, 2015, no. 3 (3), pp. 33–35 (in Russian).
14. Volodina D. V., Yurieva Yu. S. Formirovaniye grazhdansko-patrioticheskoy lichnosti pri izuchenii distsipliny "Inostranny yazyk" v tekhnicheskoy vuzovskoy obshchey shkole [Formation of a civil-patriotic personality when studying the discipline "foreign language" at a technical university]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk – International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2022, vol. 11-1 (74), pp. 150–146 (in Russian).
15. Antonova M. V. *Formirovaniye patrioticheskikh tsennostey u studentov SSUZ v protsesse obucheniya inostrannomu yazyku (na materiale frantsuzskogo yazyka). Avtoref. dis. kand. ped. sci.* [Formation of patriotic values among secondary school students in the process of teaching a foreign language (based on the material of the French language). Abstract of thesis cand. ped. sci.]. Penza. 2007. 25 p (in Russian).
16. Ilyinsky I. M., Lukov V. A. Moskovskie studenty: transformatsii tsennostnykh oriyentatsiy [Moscow students: transformations of value orientations]. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya – RUDN Journal of Sociology*, 2020, no. 20 (1), pp. 50–63 (in Russian).
17. Sysoeva N. A. Vospitaniye patriotizma budushchego uchitelya na zanyatiyakh po distsipline "Inostranny yazyk" v pedagogicheskoy shkole [Development of future teacher's patriotism at the classes of foreign language at a pedagogical higher school]. *Izvestiya Volgogradskogo Pedagogicheskogo Universiteta – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2014, no. 1 (86), pp. 61–65 (in Russian).
18. Shakhvorostova E. A. Dialog kul'tur na urokah angliyskogo yazyka s ispol'zovaniyem natsional'no-regional'nogo komponenta [Dialogue of cultures in English lessons using the national-regional component]. *Vestnik KHGU im. N. F. Katanova*, 2018, no. 26, pp. 145–149 (in Russian).
19. Konnova Z. I., Semenova G. V. Razvitiye grazhdanstvennosti i patriotizma u studentov vuzov pri obuchenii inostrannomu yazyku s primeneniye ar-tehnologii [Development of citizenship and patriotism among university students when teaching a foreign language using ar-technology]. *Izvestiya TulGU. Gumanitarnyye nauki – Izvestiya Tula State University. Humanitarian sciences*, 2022, no. 4, pp. 86–97 (in Russian).
20. *Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2324213> (accessed 20 July 2023).
21. Hirschsprung N., Tricot T., Leroux A. V., Pardo É., Mous N. *Cosmopolite 4: Livre de l'élève + Parcours digital(R)*. Hachette. 2019. ISBN. 978-2-01-513560-1. 128 p.

22. Kozarenko O. M. Osobennosti vospriyatiya Frantsii i Rossii russkoyazychnymi studentami [Peculiarities of perception of France and Russia by Russian-speaking students]. *Inostrannyye yazyki*, 2021, no. 9, pp. 75–83 (in Russian).
23. Smirnov V. A. Molodyozhnaya politika i vospitatel'naya deyatel'nost' v rossiyskikh universitetakh: etapy razvitiya i klyuchevyye protivorechiya [Youth Policy and Educational Activities in Russian Universities: Stages of Development and Key Contradictions]. *Vysshneye obrazovaniye v Rossii – Higher Education in Russia*, 2023, vol. 32, no. 5, pp. 9–20. doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-5-9-20 (in Russian).
24. Il'in I. A. *Sobraniye sochineniy: v 10 tomakh* [Collected works: in 10 volumes]. Moscow, 1993. Vol. 1. 400 p. (in Russian).
25. Silkova K. A., Pleshkova I. A. Patriotizm: retrospektiva otsenki i vospriyatiya [Patriotism: the retrospective of the estimation and perception]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*, 2012, no. 1, pp. 84–93 (in Russian).
26. Il'in I. A. *Put' dukhovnogo obnoveniya* [The path of spiritual renewal]. Comp., author. preface, rep. ed. O. A. Platonov. Moscow, Institute of Russian Civilization Publ., 2011. 1216 p. (in Russian).

Информация об авторе

Козаренко О. М., доцент, Российский университет дружбы народов (РУДН) (ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198).

E-mail: kozarenko-om@rudn.ru. ORCID 0000-0002-5918-9288. SPIN-код: 6738-0878.

Information about the authors

Kozarenko O. M., Associate Professor, PhD., Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) Institute of Foreign languages (ul. Miklukho-Maklaya, 6, Moscow, Russian Federation, 117198).

E-mail: kozarenko-om@rudn.ru. ORCID 0000-0002-5918-9288. SPIN-code: 6738-0878.

Статья поступила в редакцию 19.02.2024; принята к публикации 29.11.2024

The article was submitted 19.02.2024; accepted for publication 29.11.2024

УДК 372.881.161.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-138-147>

Ода А. С. Пушкина «Клеветникам России» на уроках русского языка как иностранного

Светлана Сергеевна Пашковская

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Кумай, svetlpash@mail.ru, 0000-0003-1467-0868

Аннотация

Цель статьи – проследить акт коммуникации стихотворного текста А. С. Пушкина в его прагматической направленности; акт эмотивного воздействия русского языка, русской культуры и проявления русского менталитета в творчестве Пушкина. Задачи – выяснить: 1) лингвистическую сущность текста; 2) экстралингвистические ориентации с учетом: автора; адресата (кто же они – «клеветники России»?); соотносительности с историческим, социальным и культурологическим контекстом (отношение Пушкина к польско-русскому вопросу; русско-французскому контексту (в частности); отношения «Россия – Запад» (в целом); 3) провокационность текста по отношению к либерально настроенным соотечественникам. В статье представлен текст в лингводидактическом рассмотрении на занятиях по русскому языку как иностранному со студентами-филологами; разработан учебный материал для практического курса по межкультурной коммуникации, включающий соизучение русского языка, истории, литературы и культуры. Работа над текстом ведется в контексте коммуникативного подхода, выявляющего информативно-смысловую и прагматическую сущность художественного текста; изучается не только «техника языка», но и культура страны. В процессе работы над художественным текстом студенты знакомятся с историей России, менталитетом русского народа, размышляют над проблемными вопросами и коммуникативными заданиями, постепенно формируется желание и умение «думать самому» (критическое мышление), появляется необходимость поделиться мыслями по-русски. Студенты-филологи (3–4-го курсов), анализируя текст, размышляя на нем, учатся понимать процессы, происходящие и сегодня в современном обществе – в год 225-летия великого русского поэта. Гениальный пророческий текст Пушкина, проблемные вопросы, коммуникативные задания и построчный анализ оды «Клеветникам России» помогают иностранным студентам понять исторические реалии, учат их («пока сердца для чести живы») критически мыслить, а значит – предотвращать проблемы межкультурного общения. Материалами исследования послужили теоретические труды ученых (лингвистов, методистов, историков), рефлексия многолетнего опыта преподавания в вузе. Использовались методы комплексного анализа текста и дискурса, в результате которых выявлена прагматическая направленность оды А. С. Пушкина – «дух» великого пушкинского текста и «дух» (пусть неокрепший в знании истории, культуры России, но ищущий, думающий) читающего. Эмотивное воздействие на современников А. С. Пушкина и нас, читающих эти стихи в год 225-летия гения, одинаково сильно и провокационно.

Ключевые слова: методика преподавания русского языка как иностранного, ода «Клеветникам России» А. С. Пушкина, учебный материал для практического курса по межкультурной коммуникации, соизучение русского языка, истории, литературы и культуры

Для цитирования: Пашковская С. С. Ода А. С. Пушкина «Клеветникам России» на уроках русского языка как иностранного // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 1 (237). С. 138–147. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-138-147>

A. S. Pushkin's Ode "To the Slanderers of Russia" in the lessons of Russian as a foreign language

Svetlana S. Pashkovskaya

Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, China, svetlpash@mail.ru, 0000-0003-1467-0868

Abstract

The purpose of the article is to trace the act of communication of A. S. Pushkin's poetic text in its pragmatic orientation; an act of emotive influence of the Russian language, Russian culture and manifestation of the Russian mentality in Pushkin's works. The task is to find out: 1) the linguistic essence of the text; 2) extralinguistic orientations, taking into account: the author; the addressee (who are they – "To the Slanderers of Russia"); correlation with the historical, social and cultural context (Pushkin's attitude to the Polish-Russian issue; Russian-French context (in particular); relations between Russia and the West (in general); provocativeness of the text in relation to liberal-minded compatriots. The article presents the text in linguodidactic consideration during classes on Russian as a foreign language with philology students; educational material has been developed for a practical course on intercultural communication, including co-study of the

Russian language, history, literature and culture. Work on the text is carried out in the context of a communicative approach, revealing the informative, semantic and pragmatic essence of a literary text; Not only the “language technique” is studied, but also the culture of the country. In the process of working on a literary text, students get acquainted with the history of Russia, the mentality of the Russian people, reflect on problematic issues and communicative tasks – the desire and ability to “think for themselves” (critical thinking) is gradually formed, and the need arises to share thoughts in Russian. Philology students (3–4 years), analyzing the text, reflecting on it, learn to understand the processes taking place today in modern society - in the year of the 225th anniversary of the great Russian poet. Pushkin’s ingenious prophetic text, problematic issues, communicative tasks and line-by-line analysis of the text “To the Slanderers of Russia” help foreign students understand historical realities, teach them (“while their hearts are alive for honor”) to think critically, and therefore to prevent problems intercultural communication. The research materials were the theoretical works of scientists (linguists, methodologists, historians), reflection of many years of teaching experience at the university. Methods of complex analysis of text and discourse were used, as a result of which the pragmatic orientation of A. S. Pushkin’s ode was revealed – the “spirit” of the great Pushkin text and the “spirit” (albeit not strong in the knowledge of the history and culture of Russia, but searching, thinking) - the “spirit” of the reader. The emotive impact on the contemporaries of A. S. Pushkin, and us, reading these poems in the year of the 225th anniversary of the genius, is equally strong and provocative.

Keywords: *methods of teaching Russian as a foreign language, ode to “Slanderers of Russia” by A. S. Pushkin, educational material for a practical course on intercultural communication, co-study of the Russian language, history, literature and culture*

For citation: Pashkovskaya S. S. Oda A. S. Pushkina “Klevetnikam Rossii” na urokakh russkogo yazyka kak inostrannogo [A. S. Pushkin’s Ode to “Slanderers of Russia” in the lessons of Russian as a foreign language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 1 (237), pp. 138–147 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-138-147>

...предмет их не один, а два „духа“
(изучаемый и изучающий)

М. М. Бахтин

Введение

Пушкин разрушает шаблоны и схемы о себе, своем времени, о нас, наших современниках... Как такое возможно? Оказывается, с Пушкиным возможно все...

Выбор художественного произведения в учебных целях обусловлен не только методическими и лингвистическими принципами, но и информационной содержательностью текста, авторской «идейно-эмоциональной оценкой» отображаемой картины жизни, так как «изучение страны», ее истории и культуры становится такой же целью на уроках русского языка как иностранного, как и изучение «техники языка».

В год 225-летия А. С. Пушкина среди его многочисленных текстов с социально-нравственной проблематикой выбор пал на оду «Клеветникам России»... И тут произошла встреча... «Духа» изучаемого (текста) и «духа» изучающего (человека, ищущего ответы на «вечные вопросы русской классической литературы»). Как донести до иностранных студентов-филологов масштаб личности поэта, глубину его таланта?

Интересным и важным представляется рассмотрение национально-культурных особенностей народа (этапов социально-исторического развития русской нации), особенностей языка и культуры на занятиях по русскому языку как иностранному (практическом курсе первого иностранного (русского) языка и межкультурной коммуникации) на

материале оды А. С. Пушкина «Клеветникам России».

Процесс изучения русского языка как иностранного (РКИ) предполагает формирование элементов следующих компетенций в соответствии с ФГОС ВО (http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/450302_Lingvistika.pdf) по направлению подготовки 45.03.02 «Лингвистика» (профиль «Теория и практика межкультурной коммуникации»): восприятие «межкультурного разнообразия общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах»; «...уважительное и бережное отношение к историческому наследию и культурным традициям народа»; «...уважительное отношение к историческому наследию и социокультурным традициям различных социальных групп, опирающееся на знание этапов исторического развития России в контексте мировой истории и культурных традиций мира».

Особенность преподавания русского языка как иностранного (как и любого иностранного языка) заключается в том, что языку научить нельзя, по мнению В. Г. Костомарова и О. Д. Митрофановой, можно передать свою любовь и свой интерес к языку, культуре и истории страны, поэтому урок РКИ должен быть очень личностным, информативным и обращенным к конкретному собеседнику – иностранцу (тем более что это студенты-филологи 3–4-го курсов).

Как этого добиться? Урок-беседа, предлагающий проблемные вопросы, на которые нет и не может быть единственно правильных ответов. Вопросы, заставляющие думать, анализировать, сравнивать, находить аналогии прошлого и настоящего.

Урок-анализ, наблюдение за языковыми процессами (знакомство и отработка лексико-грамматического материала), разбор выразительных средств, позволяющих проникнуть «вглубь» пушкинского текста, «вглубь» истории России.

Первый разрыв «шаблона» – Пушкин выше, сложнее, глубже, чем певец «свободы, вольности». Он, «неблагонадежный поэт», публично встает на официальную позицию правительства в «польском вопросе» (1830–1831). Для иностранных студентов необходимы исторические комментарии.

Польский бунт, подготовленный группой заговорщиков, перерос в национальное восстание за независимость Польши.

Польское восстание (1830–1831) – сложный вопрос, расколовший и разделивший интеллигенцию на два лагеря... Вот что пишет об этом О. С. Муравьева: «Ведь истинно трагическая коллизия возникает там, где сталкиваются не добро и зло, а разные представления о добре и зле. И тогда вскипают, перемешиваясь, любовь и ненависть, жестокость и самопожертвование, и этот хмельной состав дурманит самые светлые умы и самые благородные души» [1, с. 203].

По официальному мнению правительства, польский мятеж (Польша на правах автономной области официально была частью России с 1814 г.) не из-за мести (сложных исторических перипетий русско-польских отношений), а из логики интересов России должен был быть подавлен.

А. С. Пушкин – человек чести – не скрывает свою политическую позицию, которая (он знал!) будет гневно воспринята либералами и даже некоторыми его ближайшими друзьями.

А. С. Пушкин пишет оду «Клеветникам России» и стихотворение «Бородинская годовщина», в которых, по мнению В. Г. Белинского, «...слишком заметна личность поэта» [2, с. 47], эти стихи не могут быть причислены к ангажированным «гимнам или дифирамбам».

Не могут, но даже ближайшие друзья, противники польского восстания, упрекали поэта в позиции «казенной литературы» [3, с. 151–152], упрекал даже ближайший друг П. А. Вяземский.

Н. А. Мельгунов (писатель, музыкальный и литературный критик, по политическим взглядам – умеренный либерал, проживающий долгое время за границей) представил гражданскую позицию и искренние чувства Пушкина как «честолюбие» поэта... [4, с. 426].

Александр Тургенев, убежденный западник, в письме к брату Николаю (политическому эмигранту, члену Северного общества, приговоренному в России к каторге) напишет после публикации стихов поэта: «Твое заключение о Пушкине справедливо: в нем точно есть еще варварство» [5, с. 18].

«Варварство», по мнению Александра и Николая Тургеневых, заключалось в поддержке Пушкиным официальной позиции правительства, в его понимании патриотизма.

Пушкин – варвар?! Пушкин, о котором тот же Николай Тургенев восхищенно писал брату Сергею пятью годами ранее: поэт «удивительный», а стихи замечательные «по чистоте слога, воображению и вкусу».

«Варварство» Пушкина проецируется на «варварство» самой России, о котором так провокационно «лаяли» (по определению Пушкина) [6, т. 14, с. 169] западноевропейские русофобы, демонстрируя высокомерие и ненависть к России. В письме поэта П. А. Вяземскому читаем его эмоциональную оценку политической ситуации того времени: «Народы так и рвутся, так и лают. Того и гляди, навяжется на нас Европа» [6, т. 14, с. 169].

Желание реванша за победу России в войне с Наполеоном? Уязвленная национальная гордость французов? Французские парламентарии настаивали на вмешательстве в русско-польский конфликт (внутреннее дело России!) и предлагали «остановить Россию», вдруг (?) решив, что «Россия желает двинуться на Францию: это Польша пока задерживает ее...» (цит. по [7, с. 75]).

В книге В. А. Францева «Пушкин и польское восстание 1830–1831 гг.» (Прага, 1929), ставшей библиографической редкостью, представлены материалы, проливающие свет на историческую ситуацию того времени и причины написания А. С. Пушкиным этих стихов. Цитаты приведены в статье В. В. Орехова – изощренные европейские манипуляции разжигают ненависть и вражду к России: «Сейчас намерение России нам известно – мы знаем, что она решилась на войну» [7, с. 75]. 11 августа депутат Лараби выразился совершенно определенно: «В этот момент наши самые преданные союзники... расплачиваются... за ту благородную храбрость, с которой они остановили *варварские орды* России... Что касается России, к чему нам щадить ее? Разве она когда-нибудь скрывала свои враждебные замыслы против нас?» [7, с. 75; 8, с. 12].

Россия и не скрывала: «враждебных замыслов» не было!

Пушкин возмущен, со всей страстностью и горячностью пишет политическую оду в соответствии с собственными убеждениями, выражает позицию, которая отражает настроения российского общества. В воспоминаниях современников А. С. Пушкина (Ф. Ф. Вигель, А. Д. Блудовой и др.) читаем восхищенные отзывы: большинство «с живым участием рукоплескало» ему [9, с. 581], а стихи поэта «...повторялись всеми с увлечением» [10, с. 738].

А. С. Пушкин осознанно пошел на «репутационные потери»: он, певец «звезды пленительного счастья», поэт, имеющий взгляды, отличающиеся от официальной позиции правительства, истинный патриот, человек чести (что доказал всей своей жизнью и... гибелью на дуэли), в сложный исторический момент страны исходил прежде всего из интересов России, сила которой была (и есть!) только в солидарности и единстве.

Сможет ли гениальный пророческий дар Пушкина помочь понять исторические реалии, научить иностранных студентов («пока сердца для чести живы») критически мыслить, а значит – предотвращать проблемы межкультурного общения?

Цель статьи – проследить акт коммуникации стихотворного текста А. С. Пушкина в его прагматической направленности; акт эмотивного воздействия русского языка, русской культуры и проявления русского менталитета в творчестве Пушкина.

Задачи статьи – выяснить:

- 1) лингвистическую сущность текста;
- 2) экстралингвистические ориентации с учетом:
 - автора;
 - адресата (кто же они – «клеветники России»?);
 - соотнесенности с историческим, социальным и культурологическим контекстом (отношение Пушкина к польско-русскому вопросу; русско-французскому контексту (в частности); отношения «Россия – Запад» (в целом);
- 3) провокационность текста по отношению к либерально настроенным соотечественникам.

Материал и методы

Материалами исследования послужили теоретические труды ученых – лингвистов, методистов, историков, рефлексия опыта преподавания в вузе. Использовались методы комплексного анализа текста А. С. Пушкина «Клеветникам России» и дискурс-анализа (в данном случае дискурс представлен как тот, что «конституирует/формирует реальность» изучаемого текста).

Эмпирическая часть исследования проводилась в марте – апреле 2024 г. на занятиях по практике межкультурной коммуникации в группах иностранных студентов-филологов. В исследовании приняли участие 29 студентов Пензенского государственного университета (17 человек – студенты 4-го курса и 12 человек – студенты 3-го курса в возрасте от 21 года до 28 лет, представляющие следующие страны: Алжир, Индонезию, Китай, Ливан, Таджикистан, Туркмению, Узбекистан).

Результаты и обсуждение

«Иностранный язык – это новый языковой и культурный код, «багаж», который не выдается, а

приобретается в процессе упорного овладения и владения языком (в процессе коммуникации)» [11, с. 13–14]. «Культурный багаж» студентов-филологов должен быть сформирован на лучших образцах художественной литературы, текстах высоконравственных, отражающих менталитет народа, текстах, заставляющих думать, спорить, не соглашаться друг с другом, но находить то важное, что «снимает» все разногласия. Стихотворение А. С. Пушкина «Клеветникам России» предлагается для анализа студентам-филологам (на 3–4-м курсах).

Вместе с иностранцами читаем и анализируем стихи А. С. Пушкина. Важно эмоциональное впечатление, поэтому работу над текстом лучше начать с выразительного чтения преподавателя (а не аудиозаписи/видеозаписи профессионального чтеца!), так как важна личностная составляющая, вовлеченность всех учащихся в «сотворчество», когда текст «рождается» здесь и сейчас.

На уроке русского языка как иностранного важно «создание таких условий, при которых обучаемый почувствует свою успешность, свою интеллектуальную состоятельность, а это и есть важнейшее условие формирования иноязычной коммуникативной компетенции» [12, с. 96]. Изучаем не только «технику языка», но и культуру. Знакомим студентов с историей России, менталитетом народа, учимся вместе с ними понимать процессы, происходящие сегодня в современном обществе, – в год 225-летия великого русского поэта, пророка...

При условии понимания студентами не только эксплицитной, но и имплицитной информации стихотворение удивляет и потрясает иностранцев прямотой изложения, точностью и образностью формулировок и... современностью.

Под очарование и музыкальность поэтического стиля А. С. Пушкина иностранцы попадают с первых четверостиший, но смысл скрыт, спрятан, как тайна за семью печатями, так как «невозможно исключить из наук о языке человеческую возможность размышлять, контекст, дейксис, размытость, сарказм, типы дискурса, обрывки, вариативность и т. д.» [13, с. 178]. Много фоновой информации, незнакомых слов – предстоит «путешествие» вглубь пушкинского текста.

При анализе важно понять, как функционируют отдельные формальные и содержательные категории текста в его прагматической направленности, так как ему «свойственно тождество и различие, постоянство и изменчивость, линейность и цикличность» [14, с. 7].

Работа над текстом ведется в контексте коммуникативного подхода, выявляющего его информативно-смысловую и прагматическую сущность.

При работе над текстом обращаем особое внимание на «центральное звено коммуникативной модели: *автор – текст – адресат*».

При коммуникативном подходе анализ текста помогает понять:

- прагматическую направленность послания поэта;
- его адресат;
- исторический контекст, социально-политическую обстановку в России, «русофобские настроения» европейских политиков, отстраненную от интересов России позицию соотечественников-либералов.

Для понимания текста важен исторический комментарий – время написания стихотворения и анализ событий 1830–1831 гг. (контекст польского национального восстания, критика России западно-европейскими странами, попытки вмешательства во внутренние дела России).

В качестве *предтекстовой* (подготовительной) работы предлагаются творческие задания (презентации, проектная деятельность, работа в малых группах) – знакомство с историческими процессами, происходившими в России и за рубежом в 1830–1831 гг.

Важна максимальная визуализация событий этого исторического периода (возможности ИКТ позволяют отобрать видео- и аудиоматериалы; документы и т. д.) – необходимо понять предпосылки, исторические процессы русско-польских и русско-французских отношений.

Предтекстовой этап – проникновение «духом» исторического периода написания текста поэтом.

Стихотворение начинается с риторического вопроса и обращения к «народным витиям». Кто же они?

Чтобы понять «целенаправленность и прагматическую установку» (И. Р. Гальперин) этого стихотворения (точки зрения могут быть разные, но важна аргументация), необходимо определить адресат – к кому обращается Пушкин: «*О чем шумите вы, народные витии?*».

Разные точки зрения обусловлены диалектичностью текста и «взаимопроникновением» «духа текста» и «духа изучающего» (М. М. Бахтин).

«Народные витии» – западноевропейские политики, журналисты? Французские депутаты, «поливающие грязью» и «влезавшие» во внутренние дела России? Современники, понимающие бессмысленность польского восстания и необходимость решения конфликта, но «брезгливо игнорирующие» миссию, которую должна выполнить Россия, преследующая свои государственные интересы?

Предлагается проблемный вопрос: подумайте над «эстетической» позицией П. А. Вяземского: «*Это дело весьма важно в государственном отношении, но тут нет ни на грош поэзии. <...> Мало ли что политика может и должна делать? Ей*

нужны палачи, но разве вы будете их петь?» [15, с. 155, 157].

Можно ли согласиться с просвещенным и благородным современником А. С. Пушкина? А какого мнения придерживался сам поэт? На этот вопрос можно ответить только после вдумчивого прочтения текста.

Лексические трудности предлагаем снимать в процессе совместной работы с текстом: *вития* – «искусный оратор... обладающий даром красноречия».

Исследователи творчества Пушкина называют и конкретные имена членов французской палаты депутатов – Лафайет, Морген и др., о которых Пушкин писал: «Озлобленная Европа нападает по-камест на Россию не оружием, но ежедневной, бешеной клеветой...» [16, с. 183].

Зачем *анафемой* грозите вы России?

Анафема – проклятие; употребляется сейчас как «бранное слово» (первоначально означало «отлучение от церкви»).

Знакомство с текстом начинается с имен существительных – «предметного понятийного мира», важных для понимания «художественного мира произведения» (М. Л. Гаспаров).

«Действия и состояния» происходящего передают глаголы, которые находим в тексте, и работаем с ними:

шумите, грозите – глаголы несовершенного вида настоящего времени обозначают процессуальность действия.

Подбираем синонимы:

шуметь – *галдеть, браниться, скандалить, бушевать, хлопотать* и др.;

грозить – *угрожать, пугать, запугивать* и др.

На основании двух строк уже становится понятно, что стихотворение «Клеветникам России» – гражданская позиция А. С. Пушкина.

Можно предложить проблемный вопрос для осознания не только эксплицитной, но и имплицитной информации текста: понимал ли поэт, что стихотворение будет неоднозначно воспринято современниками? И почему?

После ответов учащихся можно предложить исторический комментарий: поэт понимал, что это стихотворение будет негативно воспринято либералами того времени (даже П. А. Вяземский называл эти стихи «шинельными»), но большинство современников разделяло позицию поэта. П. Я. Чаадаев восторженно писал: «Вот вы, наконец, и национальный поэт; вы, наконец, угадали свое призвание»).

Сделаем вывод. «Неблагонадежный» в глазах правительства поэт публично встал на официальную позицию государства. Предложим еще один проблемный вопрос: почему?

Ода «Клеветникам России» отражала убеждения поэта, превыше всего ставившего интересы России.

Ода «Клеветникам России» – позиция человека, которого волновало вмешательство западноевропейских стран, в частности Франции, во внутренние дела России: «*Что возмутило вас? волнения Литвы?*».

Пушкин обращается к европейским политикам и французским депутатам, но в то же самое время и к соотечественникам, осуждающим решение правительства, внося разлад в российское общество, клеймя и называя их «клеветниками России».

Риторический вопрос с предположением «*волнения Литвы?*».

Подбираем синонимы к имени существительному (ИС) *волнения*: *выступления, недовольство, смута, ропот, беспорядки и т. д.* (предлагаем студентам продолжить данный синонимический ряд).

Обращаем внимание на топоним (*хороним*) *Литвы* (?). Поэт называет Польшу Литвой отнюдь не случайно; аллюзия к историческим событиям XIV в. – эпохе существования польско-литовского государства.

Называя Польшу Литвой, А. С. Пушкин отсылает читателя к фоновым знаниям: «спору славян», которому несколько столетий.

Краткий исторический экскурс поможет понять студентам-иностранцам не только контекст оды, но и фоновую информацию (история Великого княжества Литовского, состоявшего из земель, «завоеванных у соседей»; агрессивная политика в отношении России, оккупация Москвы в 1610–1612 гг. польско-литовскими войсками; события «времен Очаковских и покоренья Крыма»; выступления 1768 г. православного населения Правобережной Украины, вызванные религиозным и национальным гнетом со стороны Речи Посполитой; 1772 г. – первый раздел Польши между Австрией, Пруссией и Россией; 1792 г. – второй раздел и 1795 г. – окончательный раздел между Австрией, Пруссией и Россией; в войне 1812 г. Польша стала союзником Франции; после «падения Наполеона» судьба Польши решалась странами-победительницами. Благодаря России Польше удалось сохранить территориальную целостность. В 1815 г. Царство польское с серьезными преимуществами реальной автономии «в виде конституции, самоуправления, собственной армии и свободы печати» было признано частью Российской империи (в соответствии с решениями Венского конгресса).

Русско-польские отношения – «*спор славян между собою*»; спор «*домашний*», «*старый*» (эпитеты, раскрывающие временные рамки – давность спора; пространственные – внутреннее, почти семейное дело). Многовековая история сложных от-

ношений двух славянских народов названа поэтом «*домашним, старым спором*», «*семейная вражда*» – эпитеты, подобранные поэтом, подчеркивают внутреннее дело России (по всем международным стандартам). Поляки сразу отвергли «мирные предложения» Николая I, как и все попытки урегулировать конфликт мирным путем. Оставалось только одно – подавить польское восстание: «*Оставьте: этот спор славян между собою, / Домашний, старый спор, / уж взвешенный судьбою, / Вопрос, которого не разрешите вы*».

«*Вы*» – кто? Уточним, как понимают учащиеся текст.

Метафора «*спор, взвешенный судьбою*» становится понятной после знакомства с историческими фактами отношений двух стран. Отношениями, отягощенными многочисленными конфликтами и войнами, на что указывает глагол настоящего времени несовершенного вида, показывающий длительность и процессуальность/незавершенность действия – «*враждуют*»: «*Уже давно между собою / Враждуют эти племена*». В этой строке появляется важное для творчества А. С. Пушкина и для русского менталитета слово – *судьба* (концепт). Обратимся к словарям:

«*Судьба – независимая от воли человека неизбежность каких-либо событий; внешняя неподконтрольная человеку непреодолимая сила... которая предопределяет все... как то или иное течение обстоятельств*» (Большой универсальный словарь РЯ).

Сама судьба (*рок, предназначение, участь, фатум, провидение / высок.*) «*взвесила*» (олицетворение) этот «спор» (*вражду, ссору*).

Спор «*не разрешит*» (*не поможет, не даст результата, не исправит, не уладит, не урегулирует, не устранил проблему и т. д.*) третья сторона (тем более преследующая только свои интересы, враждебные России): «*Не раз клонилась под грозою / То их, то наша сторона*».

Метафора «*клонилась под грозою*»; глагол прошедшего времени несовершенного вида «*клонилась*» (*склонялась, опускалась, гнулась, сгибалась, пригибалась, падала, проигрывала и т. д.*); имя существительное «гроза» употребляется в переносном значении (гроза – что-то «угрожающее и опасное»); «то их, то наша сторона» (антонимы *их – наша*; противопоставление *мы – они*) – разные исторические периоды «побед и поражений».

«*Оставьте нас: вы не читали / Сии кровавые скрижали*» – глагол в повелительном наклонении – волеизъявление, побуждение к действию «*оставьте*» (*покиньте, уйдите, прекратите, не троньте, откажитесь и т. д.*) по причине, что «*не читали / Сии кровавые скрижали*»; сии – указательное местоимение (устар., поэт. *этот, данный*).

Метафора «*кровавые скрижали*» – кровью написанный текст на скрижалях (досках со священным/культовым текстом) закон; аллюзия – каменные скрижали, полученные Моисеем от Бога): «кровавые законы», написанные *многовековыми спорами* двух славянских стран.

Для понимания текста важен исторический факт: «восстание Польши против России, ее союз с западными державами, да еще в роли защитницы Европы от России, воспринимались русскими как вопиющая неблагодарность и предательство» [1, с. 200].

К «*семейной вражде*» двух славянских народов европейцы глухи: они преследуют только свои интересы, о чем предупреждал современников и потомков великий поэт: «*Вам непонятна, вам чужда / сия семейная вражда*».

У европейских политиков не было нужды разбираться в проблеме «*семейной вражды*»: они преследовали только свои цели: «Европа однозначно встала на сторону Польши, которой приписывалась роль крепости, охраняющей западную цивилизацию от русского варварства» [1, с. 199].

«Славянские ль ручьи сольются в русском море? / Оно ль иссякнет? / вот вопрос» – в риторических вопросах представлена позиция славянофилов, которые верили, что союз всех славянских стран во главе с Россией может быть очень выгоден и полезен для всех народов, поэтому эпитет «*семейная*» отражает их чаяния и надежды, но имя прилагательное с именем существительным «*вражда*» (*неприятнь, взаимная ненависть* и т. д.) подчеркивают острые противоречия, непримиримый конфликт, обусловленный и тем, что «в манифесте польского сейма от 20 декабря 1830 г. ставилось целью восстановление Польши в границах 1772 г., т. е. с белорусскими, литовскими и украинскими землями, включая Киев...», что, естественно, противоречило интересам России.

Риторические вопросы отражают размышления поэта и его современников, большинство из которых верило в союз славянских народов, но не хотели видеть нежелание польского «брата» быть в «*семейных объятиях*».

Метафора «*безмолвны Кремль и Прага*» – топонимы (хоронимы) – символы славянских народов «*безмолвны*» (*молчаливы, бессловесны, безгласны, немые* и др.). Абсолютно непонятны европейцам сложные отношения двух славянских народов.

Почему Прага? Прага – древнее варшавское предместье на правом берегу Вислы (отсылка к событиям 1794 г. – взятие Варшавы Суворовым); метонимия («*городá*» в значении «*страны*») гиперболизирует проблему непонимания Запада и России: «*Для вас безмолвны Кремль и Прага*». «*Безмолвны*», потому что Запад не слышит и не может слышать «*чужие*» и непонятные проблемы для европейской «*цивилизации*».

Эпитет *бессмысленно* (*напрасно, бесполезно, лишено смысла*) прельщает (*увлекает, манит, притягивает* и др.); эпитет (*борьбы отчаянной отвага*) – безнадёжной, безвыходной: «*Бессмысленно прельщает вас / Борьбы отчаянной отвага*».

Пушкин бросает в лицо Западу гневное, веское: «*И ненавидите вы нас...*».

Можно подумать о причинах ненависти. Антонимы: *вы – мы (нас)*: «Свой – чужой»? Ненависть Запада беспричинна или у нее есть какое-то основание: «*За что ж? ответствуйте: за то ли, / Что на развалинах пылающей Москвы / Мы не признали наглой воли / Того, под кем дрожали вы?*».

«*Развалины пылающей Москвы*» – важно визуализировать текст (использовать возможности современных ИКТ), необходимо познакомить студентов с картинами В. Верещагина «В Кремле пожар!»; «В покоренной Москве (Поджигатели, или Расстрел в Кремле)» и др.; показать фрагменты фильма «Война и мир» и др.; параллели с текстом М. Ю. Лермонтова «Бородино». Текст, наполненный эмоциями и переживаниями, «оживает», становится личностным. «Дух» читающего и «дух» текста дают синергию творчества – готов ответ на риторический вопрос (с призывом ответить).

Одна из причин ненависти: «наглая» (эпитет) воля того, кого *мы* не признали, а *вы* – дрожали (антитеза, антонимы *мы – вы*); «*на развалинах пылающей Москвы мы не признали*» – метафора борьбы и отваги.

Визуализация – картины В. В. Верещагина «В штывы! Ура! Ура!»; «На большой дороге – отступление, бегство...» и др.

«*Под кем дрожали вы*» – метафора уничижительного состояния трусости и покорности; «*наглая воля того, под кем дрожали вы*» – описательный оборот (парафраз) – Наполеон.

А. С. Пушкин называет несколько причин «глупоты» Запада и ненависти к России. Градация по восходящей: «*не признали наглой воли...*», «*в бездну повалили мы...*»; «*и нашей кровью искупили Европы вольность, честь и мир*».

Это сделали «варвары» (?), спасшие «цивилизованный» мир.

Риторические вопросы и восклицания с многочисленными эпитетами: «*старый*» (*древний, прежний, знакомый* и т. д.) (*богатырь/витязь, герой...*),

«*покойный*» (*тихий, бестревожный, мирный...*) (*на постели/кровать, ложе, спальня, сон...*), «*измаильский*» (*штук – отсылка к историческому событию – взятие крепости Измаил (1790 г.) войсками Суворова*).

Глагол совершенного вида *завинтить* – пронзительные звонкие согласные [звн] звучат решительно и устрашающе. Поэт мастерски использует аллитерацию, передающую описываемое действие.

Анафора усиливает важность каждого риторического вопроса: «**Иль** русского царя уже бессильно слово? / **Иль** нам с Европой спорить ново? / **Иль** русский от побед отвык? / **Иль** мало нас?»

Подумаем, к кому могут быть обращены эти риторические вопросы. Обратим внимание на лексический повтор «русского» ИП (царя) и «русский» ИС; «нам» и «нас».

Необходимы исторические комментарии для понимания имен собственных (топонимов) в тексте: *Таврида* – (Крым/Крымский полуостров, название было популярно после присоединения его к России в 1783 г.); *Колхида* (территория Закавказья).

«От финских хладных скал до пламенной Колхиды» – метафорическое представление о пространстве русской земли.

Интересен исторический факт восприятия этой строки современниками.

Предлагаем проблемный вопрос. В чем отличие гражданской позиции двух образованнейших и талантливых людей того времени: 1) «*географические фанфаронады наши*» (П. А. Вяземский); 2) «*указана настоящая точка, с которой должно смотреть на нашу войну с Польшей*» (Е. А. Баратынский).

Кто из них разделяет гражданскую позицию А. С. Пушкина? И почему?

Для понимания следующих строк необходимо уточнить, что Китай – исторический район Москвы (1538 г.), образовано от слова «кита» («вязка жердей» при постройке укреплений).

Эпитеты *потрясенный* (Кремль) и *недвижный* (Китай) – антонимы; различные районы как метафора разных сословий, населяющих их, людей разных, но единых в порыве защитить русскую землю: «От потрясенного Кремля / До стен недвижимого Китая...».

Пушкин, не будучи верноподданническим поэтом, встает на позиции «вневременного, внеполитического смысла» [1]: «*Стальной щетиною сверкая / Не встанет русская земля?*» – риторический вопрос с утверждением, ставящий всё и вся на свое место.

Последнее четверостишие предлагаем в фонетической и интонационной транскрипции (где цифры – интонационные конструкции, принятые в методике преподавания русского языка как иностранного и разработанные в теории Е. А. Брызгуновой) для заучивания наизусть:

[т'ѣк высыл'аѣт' ѣ ш к нам / в'им'иш /]
 Так высыл'аѣт' ѣ ж / к нам, в'ити2и,/
 [св'их ^зл'обл'ѣных сыноф]
 Своих озл'обл'ѣнных сынов://
 [ѣ'ѣст' м'ѣст' ѣм фп'л'ах р ^с':иш]
 Еѣст' меѣсто ѣм / в полях Росси1и,/
 [ср'ид'и н'ич'уждых ѣм гр^ боф]
 Среди нечубждых / ѣм гробо2в//.

В процессе лингводидактической работы над текстом (в контексте коммуникативного подхода) выявлена информативно-смысловая и прагматическая сущность художественного текста; изучена не только «техника языка», но и культура, история страны.

Фоновая и имплицитная информация важна для понимания не только пушкинского текста, но и национально-культурных особенностей народа (этапов социально-исторического развития русской нации).

В процессе комплексного анализа оды А. С. Пушкина «Клеветникам России» представлена «культурно-носная и культуроприобщающая функция русского языка, выступающего в качестве иностранного... практически освоена методика реализации данной функции в учебном процессе» [17, с. 5].

Заключение

Можем сделать *вывод*: единство пушкинского текста «не есть замкнутая симметрическая целостность, а развертывающаяся динамическая целостность; между ее элементами нет статического знака равенства и сложения, но всегда есть динамический знак соотносительности и интеграции» [18, с. 26]. Есть «дух» великого пушкинского текста и «дух» (пусть неокрепший в знании истории, культуры России, но ищущий, думающий) читающего.

Таким образом, в процессе проведенного исследования показано, как разворачивается акт коммуникации в его прагматической направленности стихотворного текста А. С. Пушкина «Клеветникам России».

1. Представлен акт эмотивного воздействия русского языка, русской культуры и проявления русского менталитета в творчестве А. С. Пушкина.

Эмотивное воздействие на современников А. С. Пушкина и нас, читающих эти стихи в год 225-летия гения, одинаково сильно и провокационно.

2. Выявлены экстралингвистические ориентации с учетом автора, адресата, соотносительности с историческим, социальным и культурным контекстом (отношение А. С. Пушкина к польско-русскому вопросу; русско-французскому контексту (в частности); отношения «Россия – Запад» (в целом).

В процессе лингвистического анализа текста, работы над «особой целостной структурой» лингвистики (языка – речи – дискурса), помогающей проникнуть вглубь не только пушкинского текста, но и русской истории, русского менталитета, национально-специфического восприятия сложных общественно-политических, нравственных и философских вопросов, студентами-филологами были сделаны важные выводы: «Пушкин – пророк, обладающий даром предвидения, гений, знающий ответы на сложные вопросы русской истории, культуры,

политики. Пушкин – патриот и гражданин России, он и сегодня на передовой, принимает удар на себя. Пушкин помогает ответить на два вечных вопроса России: “Кто виноват?” (Пушкин); “Что делать?” (читать Пушкина). Читать и делать вывод. Всем».

3. В процессе анализа иностранными студентами-филологами выявлена прагматическая направленность текста А. С. Пушкина – предупреждение не только тем, кто пытается «влезать» во внутренние дела России, но и тем, кто, понимая государст-

венный и политический интерес страны, либерально «брезгует» той не «поэтической» работой, которая «легла» на Россию в драматические 1830–1831 гг.

Проведенный языковой анализ имеет практическую ценность на занятиях по межкультурной коммуникации РКИ, а авторский учебный материал может послужить основой для разработки технологии обучения межкультурной коммуникации на примере текстов А. С. Пушкина, так как русский язык – русская культура – русская история и Пушкин неразделимы.

Список источников

1. Муравьева О. С. «Вражды бессмысленной позор...». Ода «Клеветникам России» в оценках современников // Новый мир. 1994. № 6. С. 198–204.
2. Белинский В. Г. Собрание сочинений: в 3 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1948. Т. 2. 930 с.
3. Вяземский П. А. Записные книжки. М.: Рус. книга, 1992. 384 с.
4. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: в 4 т. М.: Слово, 1999. Т. 3 (1829–1832). 624 с.
5. Истрин В. М. «Из документов братьев Тургеневых» // Журнал министерства народного просвещения. 1913. Март. Ч. XLIV. С. 18.
6. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 19 т. М.: Воскресение, 1994–1997. Т. 13. С. 169.
7. Орехов В. В. «Клеветникам России»: авторская позиция и литературная репутация // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2019. Т. 5 (71), № 3. С. 69–88.
8. Францев В. А. Пушкин и польское восстание 1830–1831 г. Опыт исторического комментария к стихотворениям «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина». Прага, 1929. 144 с.
9. Вигель Ф. Ф. Письмо к приятелю в Симбирск // Русский архив, 1893. Кн. 2, вып. 8. С. 566–584.
10. Блудова А. Д. Записки. Глава V. 1831 год. Польский мятеж // Русский архив. 1874. № 3. С. 715–761.
11. Пашковская С. С. Поиски «золотого ключика» (проблемы современного учебника русского языка как иностранного // Русистика. 2019. Т. 17, № 1. С. 7–28.
12. Пашковская С. С. Как подставить плечо, а не подножку студентам во время онлайн-обучения русскому языку как иностранному // Русистика. 2021. Т. 19, № 1. С. 85–101.
13. Parret H. Discussing Language. Mouton, 1974. P. 178.
14. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
15. Вяземский П. А. Полное собрание сочинений: в 12 т. СПб., 1878–1896. Т. 6, 11, 12. С. 155, 157.
16. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. М.; Л.: АН СССР. 1937–1949. Т. XIV. С. 228, 439, 440.
17. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. 246 с.
18. Тынянов Ю. Н. Литературный факт / сост. О. И. Новикова. М.: Высш. шк., 1993. 319 с.

References

1. Murav'yova O. S. “Vrazhdy bessmyslennoy pozor...” Oda “Klevetnikam Rossii” v otsenkakh sovremennikov [“Senseless enmity is a shame...”. Ode “To the Slanderers of Russia” in the assessments of contemporaries]. *Novyy mir – New World*, 1994, no. 6, pp. 198–204 (in Russian).
2. Belinskiy V. G. *Sobraniye sochineniy. V 3-kh tomakh* [Collected works: in 3 volumes]. Moscow, Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1948. Vol. 2. 930 p. (in Russian).
3. Vyazemskiy P. A. *Zapisnyye knizhki* [Notebooks]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1992. 384 p. (in Russian).
4. *Letopis' zhizni i tvorchestva A. S. Pushkina: v 4 tomakh* [Chronicle of the life and work of A. S. Pushkin: in 4 volumes]. Moscow, Slovo Publ., 1999. Vol. 3 (1829–1832). 624 p. (in Russian).
5. Istrin V. M. “Iz dokumentov brat'yev Turgenevykh” [From the documents of the Turgenev brothers]. *Journal of the Ministry of People's Education*, 1913, March, part XLIV. P. 18 (in Russian).
6. Pushkin A. S. *Polnoye sobraniye sochineniy: V 19 tomakh* [Complete set of works in 19 volumes]. Moscow, Voskreseniye Publ., 1994–1997. Vol. 13 (in Russian).

7. Orekhov V. V. "Klevetnikam Rossii": avtorskaya pozitsiya i literaturnaya reputatsiya ["To the slanderers of Russia": the author's position and literary reputation]. *Uchyonyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskiye nauki. Nauchnyy zhurnal – Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*, 2019, vol. 5 (71), no. 3, pp. 69–88 (in Russian).
8. Frantsev V. A. *Pushkin i pol'skoye vosstaniye 1830–1831gg. Opyt istoricheskogo kommentariya k stikhotvorennyam "Klevetnikam Rossii" i "Borodinskaya godovshchina"* [Pushkin and the Polish uprising of 1830–1831. An experience of historical commentary on the poems "Slanderers of Russia" and "Borodin Anniversary"]. Prague, 1929. 144 p.
9. Vigel F. F. Pis'mo k priyateliyu v Simbirsk [Letter to a friend in Simbirsk]. *Russkiy arkhiv – Russian archive*, 1893, book 2, issue 8, pp. 566–584 (in Russian).
10. Bludova A. D. Zapiski. Glava V. 1831 god. Pol'skiy myatezh [Notes. Chapter V. 1831. Polish rebellion]. *Russkiy arkhiv – Russian archive*, 1874, no. 3, pp. 715–761 (in Russian).
11. Pashkovskaya S. S. Poiski "zolatogo klyuchika" (problemy sovremennogo uchebnika russkogo yazyka kak inostrannogo) [Searching for the "golden key" (problems of modern Russian as a foreign language textbooks)]. *Rusistika – Russian Language Studies*, 2019, vol. 17, no. 1, pp. 7–28 (in Russian).
12. Pashkovskaya S. S. Kak podstavit' plecho, a ne podnozhku studentam vo vremya onlayn-obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu [How to lend the shoulder, not to do harm during online learning Russian as a foreign language]. *Rusistika – Russian Language Studies*, 2021, vol. 19, no. 1, pp. 85–101 (in Russian).
13. Parret H. *Discussing Language*. Mouton, 1974. P. 178.
14. Gal'perin I. R. *Tekst kak ob'yekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, KomKniga Publ., 2007. 144 p. (in Russian).
15. Vyazemskiy P. A. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 12 tomakh* [Complete Works: in 12 volumes]. Saint Petersburg, 1878–1896. Vol. 6, 11, 12. Pp. 155, 157 (in Russian).
16. Pushkin A. S. *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete works]. Moscow – Leningrad, Academy of Sciences Publ., 1937–1949. Vol. XIV. Pp. 228, 439, 440 (in Russian).
17. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *Yazyk i kul'tura: Lingvostranovedeniye v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Language and culture: Linguistic-country knowledge in teaching Russian as a foreign language]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1990. 246 p. (in Russian).
18. Tynyanov Yu. N. *Literaturnyy fakt. Sostavitel' O. I. Novikova* [Literary fact. Comp. O. I. Novikova]. Moscow, Vyssheye obrazovaniye Publ., 1993. 319 p. (in Russian).

Информация об авторе

Пашковская С. С., доктор педагогических наук, доцент, профессор, Центр русского языка, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне (ул. Гоцзидасюэюань, 1, Шэньчжэнь, Китай, 518172).
E-mail: svetlpash@mail.ru. ORCID ID: 0000-0003-1467-0868. SPIN-код: 2480-0535.

Information about the author

Pashkovskaya S. S., Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor, Russian Language Center, Shenzhen MSU-BIT University (1 Guoji-daxueyuan Street, Shenzhen, China, 518172).
E-mail: svetlpash@mail.ru. ORCID ID: 0000-0003-1467-0868. SPIN-code: 2480-0535.

Статья поступила в редакцию 01.04.2024; принята к публикации 29.11.2024

The article was submitted 01.04.2024; accepted for publication 29.11.2024

УДК 81'25

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-148-156>

К вопросу о профессиональных компетенциях переводчиков в эпоху искусственного интеллекта

Евгения Геннадьевна Фонова¹, Ольга Александровна Шитц²

^{1, 2} *Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия*

¹ *efonova@kantiana.ru, 0000-0001-9392-7347*

² *oschitz@kantiana.ru, 0000-0001-5418-1191*

Аннотация

В статье речь идет о современных профессиональных компетенциях переводчика, о необходимости их корректировки в связи со стремительно развивающейся сферой машинного перевода и искусственного интеллекта. Раскрывается проблема соотношения перевода как такового и редактирования машинного перевода: ставится вопрос об изменении статуса переводчика и авторства производимого текста. Дискуссионным остается вопрос о необходимости указания на использование искусственного интеллекта при переводе. Важным аспектом, рассматриваемым в статье, становится тема профессиональной этики и конфиденциальности перевода при использовании искусственного интеллекта. В связи с этим поднимается вопрос о необходимости внесения корректировок в профессиональный стандарт переводчика, а также в Гражданский кодекс Российской Федерации, определяющий авторские права переводчика. Значительное внимание уделяется проблеме подготовки переводчиков в современных реалиях возросшей конкуренции в сфере образования, когда все настойчивее звучат слова об отмирании профессии переводчика и о появлении новой – постредактора машинного перевода, которому достаточно будет научиться пользоваться цифровыми инструментами в переводе на простых курсах профессиональной переподготовки или дополнительного образования. В таких обстоятельствах умение постредактора машинного перевода оценить, насколько верен и точен перевод, осуществленный с помощью искусственного интеллекта, является главным критерием оценки эффективности работы. Особо отмечается, что есть ряд сфер, в которых в ближайшее время искусственный интеллект не сможет заменить человека-переводчика, это, например, художественный перевод, а именно перевод поэзии, перевод с древних языков, в частности с латинского и древнегреческого, перевод средневековой литературы. В случае с художественным переводом это связано с проблемой передачи прагматического компонента, а в случае с древними текстами – с недостаточностью материала для обучения искусственного интеллекта. Таким образом, подчеркивается идея об актуальности комбинирования классической переводческой подготовки и освоения современных цифровых инструментов в переводе для успешной интеграции выпускников в профессиональную сферу.

Ключевые слова: профессиональный стандарт, дидактика перевода, профессиональные компетенции, информационно-коммуникационные технологии, постредактирование

Для цитирования: Фонова Е. Г., Шитц О. А. К вопросу о профессиональных компетенциях переводчиков в эпоху искусственного интеллекта // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 1 (237). С. 148–156. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-148-156>

On translator' and interpreter's professional competences in the era of artificial intelligence

Evgeniya G. Fonova¹, Olga A. Schitz²

^{1, 2} *Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation*

¹ *efonova@kantiana.ru, 0000-0001-9392-7347*

² *oschitz@kantiana.ru, 0000-0001-5418-1191*

Abstract

The subject of modern professional competencies of translators and interpreters and relevancy of them adjustment in the era of the progress in machine translation and artificial intelligence are discussed. The problem of correlation of translation and MT-editing is defined; the question of changing the status of the translator and the authorship of the products is also raised. The point of the requirement to notice that translation/ interpreting was made by artificial intelligence is debatable. The ethical and confidential considerations of translation when using artificial intelligence technology are the important aspects considered in the article. Under present conditions of increased competition in the market of higher education, when words about the disappearance of the translators are becoming more insistent and a post-editor of ma-

chine translation, who will only need to learn how to use machine translation tools in simple professional training or additional education courses, is the most likely successor, the problem of translators' / interpreters' studies is strongly focused. Thus situated the key criteria for measuring of effectiveness of performance is the competence of a MT-post-editor to evaluate how accurate an AI-assisted translation is. Particularly notes that there are a number of areas in which artificial intelligence does not outperform human intelligence, therefore not be able in the near future to replace a human translator: for example, literary translation, namely translation of poetry, translation from ancient languages (Latin, ancient Greek) and medieval literature translation. In the case of literary translation, weak productivity of artificial intelligence relates to the problem of transfer of the pragmatic component, and in the context of ancient texts – the lack of database for teaching artificial intelligence. Thus, the importance of union of classical training in translation and acquisition of modern translation technologies for the successful integration of graduates into the professional sphere is emphasized.

Keywords: occupational standards, didactics of translation, professional competences, post-MT editing

For citation: Fonova E. G., Schitz O. A. K voprosu o professional'nykh kompetentsiyakh perevodchikov v epokhu iskusstvennogo intellekta [On translator' and interpreter's professional competences in the era of artificial intelligence]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 1 (237), pp. 148–156 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-148-156>

Введение

Идеи о необходимости пересмотра профессионального стандарта переводчика и соответствующих образовательных программ для будущих переводчиков стали появляться в последние годы все настойчивее в связи с постоянно возрастающей технологизацией всей индустрии перевода [1–7]. Такого рода дискуссии привели в конечном счете к обсуждению и выработке профессионального стандарта, который был утвержден Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации 18 марта 2021 г. на срок действия с 1 сентября 2021 г. по 1 сентября 2027 г. В новой версии документа наряду с умениями, которые сводятся к способности переводить с одного языка на другой устно или письменно, высшим (седьмым) квалификационным уровнем определено «Автоматизация переводческих и локализационных проектов» [8].

Данный текст вызвал неоднозначную реакцию в профессиональной и академической среде, разделив исследователей и практиков на два противоположных лагеря. Одни высказываются об обязательности включения современных информационных технологий, в частности программ машинного и автоматизированного перевода, в подготовку студентов при обучении переводу [4, с. 26; 9, с. 147; 10, с. 221; 11, с. 49], другие же считают, что смешение функций чисто переводческих и функций, вытекающих из технологической поддержки переводческой деятельности, а именно чрезмерная автоматизация перевода, может навредить профессии переводчика [12; 13, с. 9]. Кроме того, остро встает вопрос о таком понятии, как «качество перевода» [14, с. 81]. И здесь звучит критика в сторону излишнего увлечения цифровыми технологиями, что негативно сказывается в том числе на качестве переводов [15, с. 77; 16, с. 357; 17, с. 53; 18, с. 63].

Постановка проблемы и возможные пути решения

В соответствии с Указом Президента РФ от 12 мая 2023 г. № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» Балтийский федеральный университет (БФУ) им. И. Канта вошел в пилотный проект по разработке новой образовательной модели. Руководством университета было принято решение постепенно переводить программы на новую модель. Первыми в эксперименте приняли участие программы по педагогике, юриспруденции и химии, теперь настала очередь лингвистики.

Для реализации новой образовательной модели вместо ФГОС ВО ученым советом БФУ им. И. Канта 28 марта 2024 г. был принят Самостоятельно устанавливаемый образовательный стандарт (СУОС) по лингвистике, который начнет реализовываться с нового учебного года (2024/25). СУОС разработан по направлению подготовки 45.03.02 и 45.04.02 «Лингвистика» – для уровня базового высшего образования и уровня специализированного высшего образования программ магистратуры.

Важным этапом на пути создания СУОС стала формулировка компетенций и их индикаторов. В образовательных программах были актуализированы общепрофессиональные и профессиональные компетенции переводчиков. В этой работе шли от общего к частному. Так, первой наиважнейшей для переводчика компетенцией была определена способность осуществлять пред-, интер- и постпереводческий анализ текста для точного восприятия и передачи исходного высказывания. В качестве индикатора сформированности этой компетенции можно назвать умение идентифицировать тип и функциональный стиль текста, определять потенциальные переводческие проблемы и способы их решения, корректно осуществлять выбор стратегии, приемов и ресурсов, необходимых для создания текста перевода в соответствии

с коммуникативными задачами, а также уметь реферировать, перефразировать, реструктурировать исходное сообщение в соответствии с задачами конкретного вида перевода.

Вторая профессиональная компетенция касается письменного перевода, а именно способности осуществлять письменный перевод в соответствии с целью перевода, соблюдая лексические, грамматические, синтаксические, стилистические нормы языка перевода. Сюда входят такие индикаторы сформированности компетенции, как умение использовать виды, приемы и технологии перевода с учетом характера переводимого текста и условий перевода для обеспечения требуемого качества перевода; осуществлять переводческое редактирование текста с целью повышения качества перевода, а также соблюдать правила оформления документов, применяя средства компьютерной обработки текстов.

Третья профессиональная компетенция ориентирована на устный перевод: выпускник способен осуществлять устный последовательный и синхронный перевод с соблюдением норм лексической эквивалентности, соблюдением грамматических, синтаксических, стилистических норм», что подразумевает осуществление устного последовательного и синхронного перевода в соответствии с целью, задачами и нормами перевода, грамотное применение системы сокращенной переводческой записи при осуществлении устного последовательного перевода, а также использование приемов и технологий устного перевода в зависимости от ситуации перевода.

Еще одна важная профессиональная компетенция для переводчика – это владение международным этикетом и правилами поведения переводчика в различных ситуациях перевода. Выпускник должен демонстрировать знание форм национального речевого этикета и профессионального кодекса переводчика, а также осуществлять профессиональную коммуникацию с учетом национальных и социокультурных особенностей.

Однако в условиях все более активного вовлечения в процесс перевода технологий искусственного интеллекта (ИИ) на первый план выходит способность применять современные информационные технологии для решения профессиональных задач, своевременно адаптироваться к появлению новых программных продуктов и технологий на основе критического анализа их эффективности.

Сегодня уровень развития ИИ в области письменного перевода позволяет успешно реализовать большинство задач, которые стоят перед переводчиком с точки зрения его профессионального стандарта. В частности, речь идет о пред-, интер- и постпереводческом анализе текста.

В случае когда перевод осуществляется посредством ИИ, происходит смена парадигмы перевода и, соответственно, роли живого переводчика в этом процессе. Под парадигмой перевода мы понимаем в первую очередь стратегию перевода, которую в каждом отдельном случае выбирает переводчик, решая, например, привести ли читателя к автору или автора к читателю. Все остальные стороны/этапы работы над переводом, а именно методы и приемы, призваны реализовать выбранную переводчиком стратегию и получить качественный перевод. С внедрением ИИ в область перевода такой «предпереводческий анализ» текста осуществляется автоматически, т. е. сам процесс осмысления стратегии скрыт от пользователя, таким образом, роль переводчика в классической схеме переводческого процесса изменилась, и он из «медиатора» между автором и реципиентом превращается в постредактора уже готового продукта. Однако и в этом технологии не стоят на месте, предлагая услуги по постредактированию текста с помощью алгоритма обработки естественного языка (например, посредством Chat GPT), что обусловлено чисто практическими требованиями, в частности сокращением времени работы над переводом. Следовательно, в такой схеме необходимость в живом переводчике может отсутствовать, что приводит к размыванию понятия ответственности переводчика за конечный результат и, как следствие, к снижению качества перевода в целом.

Вопрос об ответственности за качество перевода при использовании нейронного машинного перевода (НМП) связан в том числе с определением авторских прав переводчика. Согласно п. 1 ст. 1260 Гражданского кодекса Российской Федерации «Переводчику, а также автору иного производного произведения (обработки, экранизации, аранжировки, инсценировки или другого подобного произведения) принадлежат авторские права соответственно на осуществленные перевод и иную переработку другого (оригинального) произведения» [19]. Но как быть в случае, когда, по сути, перевод осуществляется с помощью онлайн-переводчика или ИИ, а сам переводчик выступает лишь постредактором в легкой степени машинного перевода (о степенях постредактирования речь пойдет ниже)? Кто является, согласно закону, переводчиком в таком случае и кому будут принадлежать авторские права? Этот вопрос является крайне деликатным, так как многие могут возразить, что «...авторские права у переводчика возникают в случае, если сам перевод носит творческий характер» [20, с. 100], что именно человек-переводчик может почувствовать все тонкости оригинала и внести необходимые корректировки

в текст машинного перевода, используя онлайн-сервисы лишь как инструмент, помогающий быстрее справиться с поставленной задачей. Но если подходить к вопросу формально, то говорить о полном и безоговорочном авторстве перевода при таком способе работы не приходится. Этот аспект авторских прав требует доработки в современном законодательстве и ставит перед переводческим сообществом еще одну задачу, которую необходимо решить в ближайшее время.

Следующая важная проблема, которая тесно связана с предыдущей, – этический аспект. В своей работе переводчик должен придерживаться так называемого Этического кодекса переводчика. Этот документ не имеет юридической силы, переводчики его не подписывают (как и медики клятву Гиппократ), но те, кто считает себя профессиональным переводчиком, должны придерживаться его постулатов в своей повседневной деятельности. В Этическом кодексе переводчика предпринята попытка регламентировать нормы и правила поведения участников переводческого рынка. В нем отражены вопросы, касающиеся морально-этических принципов переводчика, нарушение которых может вызвать порицание других членов переводческого сообщества, повлиять на профессиональную репутацию, но не иметь каких-либо юридически регламентированных последствий. Элементы Этического кодекса могут быть внесены в договорные отношения между заказчиком переводческих услуг и переводчиком, однако они не носят обязательно характера.

Положения, изложенные в Этическом кодексе переводчика, касаются всех участников переводческого рынка (переводческие бюро, штатные переводчики, фрилансеры, вне зависимости от специализации (письменный перевод, устный последовательный перевод, синхронный перевод, аудиовизуальный перевод, социальный перевод и т. п.), а также редакторы, постредакторы машинного перевода, корректоры и др.).

Одним из базовых этических принципов переводчика является конфиденциальность: информация, которая стала известна переводчику или переводческой компании, не должна быть распространена среди третьих лиц. И именно здесь при письменном переводе мы сталкиваемся с проблемой конфиденциальности, так как при использовании цифровых средств перевода (онлайн-переводчиков, ресурсов ИИ и т. п.) весь переводимый текст становится достоянием сети Интернет. Исключения составляют закрытые переводческие системы (например, Prompt).

Онлайн-переводчики обезопасили себя в части соблюдения конфиденциальности переводимых данных и переложили здесь свою ответственность

на переводчика, пользующегося этими ресурсами. Так, онлайн-переводчик DeepL в п. 3 «Политики конфиденциальности» напрямую указывает: «При использовании нашего сервиса перевода следует вводить только те тексты, которые вы желаете передать на наши серверы. Передача этих текстов необходима для того, чтобы мы могли выполнить перевод и оказать вам наши услуги. Мы обрабатываем ваши тексты, загруженные вами документы и их переводы в течение ограниченного периода времени в целях обучения и совершенствования наших нейронных сетей и алгоритмов перевода. Это также относится к исправлениям, которые вы вносите в предложенные нами переводы. Исправления передаются на наши серверы для проверки их точности и, при необходимости, обновления переведенного текста в соответствии с внесенными вами изменениями. <...> Обратите внимание, что в соответствии с Условиями использования перевод с помощью DeepL Переводчика текстов, содержащих персональные данные любого рода, запрещен. Перевод персональных данных возможен только в рамках подписки на DeepL Pro» [21].

Проработка переводческим сообществом вопроса о конфиденциальности перевода еще находится в зачаточном состоянии. За рубежом пункт о возможности использования ИИ в переводе уже вносится в договор с заказчиком, но те, кому важна 100%-я конфиденциальность при переводе, могут это гарантировать только при использовании компьютера офлайн. Еще один вариант неразглашения переводимого текста – использование платных сервисов онлайн-переводчиков или систем ИИ, которые, однако, могут быть недоступны по экономическим или иным причинам.

Возникает резонный вопрос – правы ли были разработчики новых образовательных программ, формулируя профессиональные переводческие компетенции таким образом или все-таки ИИ заменит переводчика и нужны будут только те специалисты, которые умеют качественно редактировать машинный перевод (если это еще будет необходимо)?

На современном этапе обучения крайне важно, на наш взгляд, сосредоточиться на тех видах перевода, где эффективность работы с применением НМП и подобных инструментов крайне низкая. К таковым относятся художественный и философский перевод, тифлокомментарий [1, с. 9; 22, с. 7; 23, с. 38; 24, с. 47]. В условиях перехода на новую модель образования учебные программы по переводу первых трех курсов должны быть нацелены на формирование переводческой личности, что подразумевает обучение студентов навыкам самостоятельного перевода без применения НМП, чтобы они могли в дальнейшем справляться со всеми

«человеческими» видами перевода успешно, т. е. гарантировать высокое качество перевода.

Необходимо сформировать у обучающихся переводу устойчивое убеждение, что НМП является лишь одним из инструментов в работе переводчика, а не основным игроком в переводческой деятельности, а результат его работы требует критического анализа, каким бы адекватным он ни казался на первый взгляд [25, с. 229].

К сожалению, уже сейчас многие студенты не могут адекватно оценить качество машинного перевода и критически подойти к результату работы ИИ. Полное доверие к результатам НМП вызвано, по нашему мнению, недостаточным уровнем владения родным и иностранным языком, узким кругозором, неумением оценить достоверность информации, а также незнанием техники перевода.

В последующие два курса во избежание возникающего дисбаланса между требованиями и реальными условиями осуществления переводческой деятельности, а также потребностями рынка труда образовательные траектории могут быть выстроены таким образом, чтобы познакомить студентов с современными технологиями в области перевода с последующим применением их в постредактировании машинного перевода в тех областях, где этот инструмент широко применим [26, с. 170; 27, с. 41; 28, с. 111].

Под «постредактированием» в широком смысле мы понимаем полноценное погружение переводчика в переводимый текст с последующим оцениванием не только языковой достоверности и точности полученного перевода, но и фактической и фактологической. На пути в обучении такому виду постредактирования студент должен познакомиться и с другими видами («черновой», легкий, быстрый, средний), чтобы полученными навыками в полной мере соответствовать динамично развивающемуся рынку переводческих услуг.

Следует объяснить обучающимся, что не всегда у переводчика есть возможность использования ИИ и даже электронных словарей в переводческой деятельности. Бывают случаи, когда приходится работать без доступа к электронным устройствам, имея под рукой только блокнот для переводческой записи, а иногда не имея и его. Это требует от профессионала владения всеми классическими переводческими стратегиями, прекрасного знания языка оригинала и перевода, а также эрудированности

и соблюдения переводческой этики. Поэтому так важно в подготовке переводчиков научить их комбинировать современные технологии и базовые переводческие компетенции.

Помимо этого, есть ряд сфер, в которых машинный перевод на данном этапе развития не может заменить человека. Это можно сказать о художественном переводе, где прагматический компонент играет ключевую роль и не всегда считывается ИИ.

Перевод поэзии остается за пределами возможностей машинного перевода, хотя здесь вопрос стоит даже шире: под сомнение ставится возможность поэтического перевода в принципе. Еще одной сложной для машины областью перевода служит перевод с древних и редких языков, так как объем данных, на которых можно обучать ИИ, очень ограничен.

Заключение

Таким образом, мы считаем, что в эпоху ИИ и НМП перед переводческим сообществом остро стоит ряд вызовов и вопросов, на которые требуется найти ответы.

Внедрение в работу переводчиков онлайн-сервисов и ИИ делает необходимым внесение корректив в Этический кодекс переводчика в части соблюдения конфиденциальности перевода и в Гражданский кодекс Российской Федерации в области авторских прав переводчика.

С нашей точки зрения, необходимо, чтобы выпускник-лингвист по профилю «Перевод и переводоведение» владел как всеми новейшими навыками взаимодействия с ИИ, так и классическими переводческими стратегиями, поскольку не исключены случаи, когда для осуществления перевода в реальных условиях может отсутствовать возможность выхода в интернет или даже доступа к персональному компьютеру или мобильному телефону.

Профессиональный переводчик должен прекрасно владеть языками оригинала и перевода, обладать широким кругозором, чувством языка, владеть переводческими стратегиями и цифровыми инструментами перевода.

Именно в этом и заключается отличие универсального университетского образования в области перевода и переводоведения от курсов повышения квалификации или профессиональной переподготовки.

Список источников

1. Алексеева И. С. Проблемы обучения переводу в современном мире // Язык и культура в эпоху глобализации: сб. научных статей по материалам Первой Всероссийской (национальной) научной конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 30–31 октября 2020 г. / под ред. И. В. Кононовой. Вып. 1. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2020. С. 7–12.

2. Гамбье И. Перевод и переводоведение на перекрестке цифровых технологий // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. № 4. С. 56–74.
3. Гарбовский Н. К., Костикова О. И. Интеллект для перевода: искусный или искусственный? // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2019. № 4. С. 3–25.
4. Гудов С. С., Ивлева М. А. Современные требования к технологической грамотности будущих переводчиков // Актуальные вопросы организации волонтерской деятельности в рамках подготовки к Универсиаде-2019: лингвопереводческий, психолого-педагогический, организационно-управленческий и социальный аспекты: сб. материалов VI Международной научно-практической конференции, Красноярск, 30 октября – 1 ноября 2019 г. Красноярск, 2020. С. 25–26.
5. Кузьмина Л. Г. «Компетенция переводчика»: содержание и структура // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования, 2022. № 3. С. 65–69.
6. Нечаева Н. В., Степанова М. М. Актуальные направления развития вузовской подготовки переводчиков (по результатам Translation Forum Russia 2017) // Профессионально ориентированный перевод: реальность и перспективы: сборник научных трудов. М., 2017. С. 168–179.
7. Убоженко И. В. Актуальные вопросы модернизации профессионального образования и создание национальной системы квалификаций: перевод и подготовка кадров // Профессионально ориентированный перевод: реальность и перспективы: сб. науч. тр. / под ред. Н. Н. Гавриленко. Вып. 12. М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2017. С. 233–247.
8. Профессиональный стандарт «Специалист в области перевода»: приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18 марта 2021 года № 134н. URL: <https://docs.cntd.ru/document/603354689> (дата обращения: 10.07.2024).
9. Гавриленко Н. Н. Цифровая компетентность – ключевой компонент профессионализма переводчика // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2018. № 3. С. 139–150.
10. Левонюк Л. Е. Использование современных информационных и коммуникационных технологий при обучении переводу текстов по специальности // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: материалы VII Международной научно-практической конференции, посвященной памяти Д. О. Половцева, Минск, 28–29 октября 2021 г. / редкол.: С. В. Воробьева (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2021. С. 220–224.
11. Тюнякин А. И., Гейгер Я. А. Возможности использования комплекса средств информационных технологий при обучении переводу в вузе // Перевод и межкультурная коммуникация: теория и практика. 2021. № 8. С. 49–53.
12. Ачкасов А. В. Межязыковая коммуникация в языковой среде: что мы упускаем в подготовке переводчика // Традиции и инновации в вузовском преподавании переводческих и лингвистических дисциплин: материалы научно-практической конференции. СПб., 2022. URL: <https://youtu.be/QgTKDyT5Dn0> (дата обращения: 03.07.2024).
13. Ланчиков В. К., Бузаджи Д. М., Visson L. и др. Профессиональный стандарт переводчика: неравнодушный взгляд // Мосты. Журнал переводчиков. 2018. № 3 (59). С. 3–9.
14. Убоженко И. В. Современная индустрия перевода как профессиональная система новых исследовательских и дидактических задач // Экология языка. Моно- и межкультурная коммуникативная практика: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, Улан-Удэ, 28–30 сентября 2023 года / науч. ред. П. П. Дашининаева; отв. ред. Т. И. Гармаева. Улан-Удэ: БГУ им. Доржи Банзарова, 2023. С. 79–86.
15. Алимов Т. Э., Хомидова Л. Р. Влияние переводческих технологий на процесс и продукт перевода // Вестник науки и образования. 2022. № 1-2 (121). С. 74–78.
16. Ананьина А. В. Как обеспечить качество письменных студенческих переводов в эпоху компьютеризации? // Магия ИИНО: новые измерения в лингвистике и лингводидактике: сб. научных трудов, Москва, 24–25 марта 2017 г. Т. 2. М.: Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ, 2017. С. 356–360.
17. Гавриленко Н. Н. Форсайт-сессия «Переводчик 2040» // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2021. № 4. С. 49–63.
18. Гавриленко Н. Н. Форсайт-технология как инструмент прогнозирования развития профессии переводчика // Профессионально ориентированный перевод: реальность и перспективы: сб. научных трудов / под ред. Н. Н. Гавриленко. Вып. 12. М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2017. С. 58–70.
19. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 4 (ГК РФ ч. 4). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 11.07.2024).
20. Батурина А. Р. К вопросу об авторских правах переводчика // Теория и практика гражданских правоотношений: материалы II Межрегиональной научно-практической конференции по актуальным проблемам частно-правовых отношений, Красноярск, 21 декабря 2023 г. Красноярск: КГАУ, 2024. С. 98–101.
21. Политика конфиденциальности DeepL. URL: <https://www.deepl.com/ru/privacy> (дата обращения: 12.07.2024).
22. Абдулганеева И. И. К вопросу о специфике перевода текстов художественного дискурса: возможен ли машинный перевод? // Переводчик 2030: обучение профессионально ориентированному переводу в меняющемся мире: сб. науч. статей Международной научно-практической конференции, приуроченной к празднованию Дня преподавателя перевода,

Одинцово, 27–29 мая 2021 г. Одинцово: Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ, Одинцовский филиал, 2022. С. 5–10.

23. Горшкова В. Е., Щурик Н. В. Конкуренция интеллектов при кинопереводе (тифлокомментирование) // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2021. № 2. С. 31–41.
24. Гуров А. Н. Нейросети как угроза переводчикам художественных текстов // Переводчик 2030: обучение профессионально ориентированному переводу в меняющемся мире: сб. науч. статей Международной научно-практической конференции, приуроченной к празднованию Дня преподавателя перевода, Одинцово, 27–29 мая 2021 г. Одинцово: Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ. Одинцовский филиал, 2022. С. 45–49.
25. Сдобников В. В. Переводческое мышление в эпоху цифровизации // Актуальные вопросы переводоведения и регионоведения: сб. статей Международного форума, Нижний Новгород, 20–22 октября 2023 г. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. 2024. С. 222–230.
26. Гейхман Л. К., Кавардакова Е. Л. Google-переводчик: вред или польза? // Индустрия перевода. 2018. Т. 1. С. 167–175.
27. Дорожкина В. А., Ивлева М. А. Постредактирование машинного перевода в обучении студентов лингвистических специальностей // Вопросы методики преподавания в вузе. 2020. Т. 9, № 33. С. 38–45.
28. Рью Д. А., Попова Н. Г. Проблемы машинного перевода научных публикаций // Научный редактор и издатель. 2021. № 6 (2). С. 104–112. URL: <https://doi.org/10.24069/SEP-21-01> (дата обращения: 15.07.2024).

References

1. Alekseyeva I. S. Problemy obucheniya perevodu v sovremennom mire [Problems of teaching translation in the modern world]. *Yazyk i kul'tura v epokhu globalizatsii: sbornik nauchnykh statey po materialam Pervoy vserossiyskoy (natsional'noy) nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, Sankt-Peterburg, 30–31 oktyabrya 2020 g. Pod redaktsiyey I. V. Kononovoy* [Language and Culture in the Era of Globalization: collection of scientific articles based on the materials of the First All-Russian (National) Scientific Conference with International Participation, St. Petersburg, October 30–31, 2020. Edited by I. V. Kononova]. 2020. No. 1. Pp. 7–12 (in Russian).
2. Gambier I. Perevod i perevodovedeniye na perekrestke tsifrovyykh tekhnologiy [Translation and Translation Studies at the Crossroads of Digital Communications]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedeniye. Zhurnalistika – Vestnik SPbSU. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, 2016, no. 4, pp. 56–74 (in Russian).
3. Garbovskiy N. K., Kostikova O. I. Intellect dlya perevoda: iskusstvennyy ili iskusstvennyy? [Intelligence for translation: skillful or artificial?]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda – Lomonosov Translation Studies Journal*, 2019, no. 4, pp. 3–25 (in Russian).
4. Gudov S. S., Ivleva M. A. Sovremennyye trebovaniya k tekhnologicheskoy gramotnosti budushchikh perevodchikov [Modern requirements for technological literacy of future translators]. *Aktual'nyye voprosy organizatsii volontyorskoy deyatel'nosti v ramkakh podgotovki k Universiade 2019: lingvoperevodcheskiy, psikhologo-pedagogicheskiy, organizatsionno-upravlencheskiy i sotsial'nyy aspekty: sbornik materialov VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, Krasnoyarsk, 30 oktyabrya 2019 g. [Current issues of organizing volunteer activities in preparation for the 2019 Universiade: linguistic translation, psychological, pedagogical, organizational, managerial and social aspects: collection of materials from the VI International scientific and practical conference, Krasnoyarsk, October 30 – November 1, 2019]. Krasnoyarsk, 2020. Pp. 25–26 (in Russian).
5. Kuz'mina L. G. “Kompetentsiya perevodchika”: soderzhaniye i struktura [“Translator's competence”: content and structure]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Problems of higher education*, 2022, no. 3, pp. 65–69 (in Russian).
6. Nechayeva N. V., Stepanova M. M. Aktual'nyye napravleniya razvitiya vuzovskoy podgotovki perevodchikov (po rezul'tatam Translation Forum Russia 2017) [Current directions for the development of university training of translators (based on the results of Translation Forum Russia 2017)]. *Professional'no oriyentirovanny perevod: real'nost' i perspektivy: sbornik nauchnykh trudov* [Professionally Oriented Translation: Reality and Prospects: A Collection of Scientific Papers]. Moscow, 2017. Pp. 168–179 (in Russian).
7. Ubozhenko I. V. Aktual'nyye voprosy modernizatsii professional'nogo obrazovaniya i sozdaniye natsional'noy sistemy kvalifikatsiy: perevod i podgotovka kadrov [Current issues of modernization of vocational education and the creation of a national qualifications system: translation and training]. *Professional'no oriyentirovanny perevod: real'nost' i perspektivy: sbornik nauchnykh trudov. Pod redaktsiyey N. N. Gavrilenko* [Professionally oriented translation: reality and prospects: collection of scientific papers. Edited by N. N. Gavrilenko]. Moscow, RUDN Publ., 2017. Vol. 12. Pp. 233–247 (in Russian).
8. *Professional'nyy standart “Spetsialist v oblasti perevoda”: prikaz Ministerstva truda i sotsial'noy zashchity Rossiyskoy Federatsii ot 18 marta 2021 g. no. 134n*. [Professional standard “Specialist in the field of translation”: Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation dated March 18, 2021 No. 134n] (in Russian). URL: <https://docs.cntd.ru/document/603354689> (accessed 10 July 2024).
9. Gavrilenko N. N. Tsifrovaya kompetentnost' – klyuchevoy komponent professionalizma perevodchika [Digital competence is a key component of a translator's professionalism]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki – PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, 2018, no. 3, pp. 139–150 (in Russian).

10. Levonyuk L. Ye. Ispol'zovaniye sovremennykh informatsionnykh i kommunikatsionnykh tekhnologiy pri obuchenii perevodu tekstov po spetsial'nosti [The use of modern information and communication technologies in teaching the translation of texts in the specialty]. *Yazykovaya lichnost' i effektivnaya kommunikatsiya v sovremennom polikul'turnom mire: materialy VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati D. O. Polovtseva, Minsk, 28–29 oktyabrya 2021. Redkollegiya: S. V. Vorob'yova (glavnyy redaktor) et al.* [Linguistic personality and effective communication in the modern multicultural world: Proceedings of the VII International scientific and practical conference dedicated to the memory of D. O. Polovtsev, Minsk, October 28–29, 2021. Editorial board: S. V. Vorobyova (editor-in-chief) et al.]. Minsk, 2021. Pp. 220–224 (in Russian).
11. Tyunyakin A. I., Geyger Ya. A. Vozmozhnosti ispol'zovaniya kompleksa sredstv informatsionnykh tekhnologiy pri obuchenii perevodu v vuze [Possibilities of using a complex of information technology tools when teaching translation at the university]. *Perevod i mezhkul'turnaya kommunikatsiya: teoriya i praktika*, 2021, no. 8, pp. 49–53 (in Russian).
12. Achkasov A. V. Mezht'azykovaya kommunikatsiya v yazykovoy srede: chto my upuskayem v podgotovke perevodchika [Interlingual communication in a linguistic environment: what are we missing in translator training]. *Traditsii i innovatsii v vuzovskom prepodavanii perevodcheskikh lingvisticheskikh distsiplin: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Traditions and innovations in university teaching of translation and linguistic disciplines: materials of a scientific and practical conference] (in Russian). URL: <https://youtu.be/QgTKDyT5Dn0> (accessed 3 July 2024).
13. Lanchikov V. K., Buzadzi D. M., Visson L. et al. Professional'nyy standart perevodchika: neravnodushnyy vzglyad [Professional standard of a translator: a caring view]. *Mosty. Zhurnal perevodchikov*, 2018, no. 3 (59), pp. 3–9 (in Russian).
14. Ubozhenko I. V. Sovremennaya industriya perevoda kak professional'naya sistema novykh issledovatel'skikh i didakticheskikh zadach [Modern translation industry as a professional system of new research and didactic tasks]. *Ekologiya yazyka. Mono- i mezhkul'turnaya kommunikativnaya praktika: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, Ulan-Ude, 28–30 sentyabrya 2023 g.* [Ecology of language. Mono- and intercultural communicative practice: Proceedings of the All-Russian scientific conference with international participation, Ulan-Ude, September 28–30, 2023]. Scientific editor P. P. Dashinimaeva; editor-in-chief T. I. Garmaeva. Ulan-Ude, 2023. Pp. 79–86 (in Russian).
15. Alimov T. E., Khomidova L. R. Vliyaniye perevodcheskikh tekhnologiy na protsess i produkt perevoda [The influence of translation technologies on the process and product of translation]. *Vestnik nauki i obrazovaniya – Herald of Science and Education*, 2022, no. 1-2 (121), pp. 74–78 (in Russian).
16. Anan'ina A. V. Kak obespechit' kachestvo pis'mennykh studencheskikh perevodov v epokhu komp'yuterizatsii? [How to ensure the quality of written student translations in the era of computerization?]. *Magiya INNO: novyye izmereniya v lingvistike i lingvodidaktike: sbornik nauchnykh trudov, Moskva, 24–25 marta 2017 g. Tom 2* [The Magic of INNO: New Dimensions in Linguistics and Lingvodidactics: Collection of Scientific Papers, Moscow, March 24–25, 2017, Vol. 2]. Moscow, MGIMO Publ., 2017. Pp. 356–360 (in Russian).
17. Gavrilenko N. N. Forsayt-sessiya “Perevodchik 2040” [Foresight session “Translator 2040”]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki – PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, 2021, no. 4, pp. 49–63 (in Russian).
18. Gavrilenko N. N. Forsayt-tekhnologiya kak instrument prognozirovaniya razvitiya professii perevodchika [Foresight technology as a tool for forecasting the development of the translator profession]. *Professional'no oriyentirovannyi perevod: real'nost' i perspektivy: sbornik nauchnykh trudov. Pod redaktsiyey N. N. Gavrilenko* [Professionally oriented translation: reality and prospects: collection of scientific papers. Edited by N. N. Gavrilenko]. Moscow, RUDN Publ., 2017. Vol. 12. Pp. 58–70 (in Russian).
19. *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii chast' 4 (GK RF ch. 4)* [Civil Code of the Russian Federation, part 4] (in Russian). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (accessed 11 July 2024).
20. Baturina A. R. K voprosu ob avtorskikh pravakh perevodchika [On the issue of copyright of the translator]. *Teoriya i praktika grazhdanskikh pravootnosheniy: materialy II Mezhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii po aktual'nyim problemam chastno-pravovykh otnosheniy, Krasnoyarsk, 21 dekabrya 2023 g.* [Theory and practice of civil legal relations: materials of the II Interregional scientific and practical conference on current issues of private law relations, Krasnoyarsk, December 21, 2023]. Krasnoyarsk, 2024. Pp. 98–101 (in Russian).
21. *Politika konfidentsial'nosti DeepL* [Privacy Policy DeepL] (in Russian). URL: <https://www.deepl.com/ru/privacy> (accessed 12 July 2024).
22. Abdulganeyeva I. I. K voprosu o spetsifike perevoda tekstov khudozhestvennogo diskursa: vozmozhen li mashinnyy perevod? [On the issue of the specifics of translation of literary discourse texts: is machine translation possible?]. *Perevodchik 2030: obucheniye professional'no oriyentirovannomu perevodu v menyayushchemsya mire: sbornik nauchnykh statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, priurochennoy k prazdnovaniyu dnya prepodavatelya perevoda, Odintsovo, 27–29 maya 2021 g.* [Translator 2030: Teaching Professionally Oriented Translation in a Changing World: Collection of scientific articles from the International Scientific and Practical Conference dedicated to the Celebration of Translation Teacher's Day, Odintsovo, May 27–29, 2021]. Odintsovo, MGIMO Odintsovo Publ., 2022. Pp. 5–10 (in Russian).
23. Gorshkova V. Ye., Shchurik N. V. Konkurentsia intellektov pri kinoperevode (tiflokommentirovaniye) [Competition of intellects in film translation (tiflocommentation)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22: Teoriya perevoda – Lomonosov Translation Studies Journal*, 2021, no. 2, pp. 31–41 (in Russian).

24. Gurov A. N. Neyroseti kak ugroza perevodchikam khudozhestvennykh tekstov [Neural networks as a threat to translators of literary texts]. *Perevodchik 2030: obucheniye professional'no oriyentirovannomu perevodu v menyayushchemsya mire: sbornik nauchnykh statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, priurochennoy k prazdnovaniyu dnya prepodavatelya perevoda, Odintsovo, 27–29 maya 2021 g.* [Translator 2030: Teaching Professionally Oriented Translation in a Changing World: Collection of scientific articles from the International Scientific and Practical Conference dedicated to the Celebration of Translation Teacher's Day, Odintsovo, May 27–29, 2021]. Odintsovo, MGIMO Odintsovo Publ., 2022. Pp. 45–49 (in Russian).
25. Sdobnikov V. V. Perevodcheskoye myshleniye v epokhu tsifrovizatsii [Translation thinking in the era of digitalization]. *Aktual'nyye voprosy perevodovedeniya i regionovedeniya: sbornik statey Mezhdunarodnogo foruma Nizhniy Novgorod, 20–22 oktyabrya 2023 g.* [Current issues in translation studies and regional studies: collection of articles from the International Forum, Nizhny Novgorod, October 20–22, 2023]. Nizhny Novgorod, LUNN Publ., 2024. Pp. 222–230 (in Russian).
26. Geykhman L. K., Kavardakova Ye. L. Google-perevodchik: vred ili pol'za? [Google translator: harm or benefit?]. *Industriya perevoda – Translation Industry*, 2018, vol. 1, pp. 167–175 (in Russian).
27. Dorozhkina V. A., Ivleva M. A. Postredaktirovaniye mashinnogo perevoda v obuchenii studentov lingvisticheskikh spetsial'nostey [Post-editing of machine translation in teaching students of linguistic specialties]. *Voprosy metodiki prepodavaniya v vuze – Teaching Methodology in Higher Education*, 2020, vol. 9, no. 33, pp. 38–45 (in Russian).
28. Ryu D. A., Popova N. G. Problemy mashinnogo perevoda nauchnykh publikatsiy [The challenges of machine translation of academic publications]. *Nauchnyy redaktor i izdatel' – Science Editor and Publisher*, 2021, no. 6 (2), pp. 104–112 (in Russian). <https://doi.org/10.24069/SEP-21-01>

Информация об авторах

Фонова Е. Г., кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта (ул. А. Невского, 14, Калининград, Россия, 236041).
E-mail: efonova@kantiana.ru. ORCID ID: 0000-0001-9392-7347. SPIN-код: 9586-7479.

Шитц О. А., кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта (ул. А. Невского, 14, Калининград, Россия, 236041).
E-mail: oschitz@kantiana.ru. ORCID ID: 0000-0001-5418-1191. SPIN-код: 6820-3872.

Information about the author

Fonova E. G., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University (ul. A. Nevskogo, 14, Kaliningrad, Russian Federation, 236041).
E-mail: efonova@kantiana.ru. ORCID ID: 0000-0001-9392-7347. SPIN-code: 9586-7479.

Schitz O. A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University (ul. A. Nevskogo, 14, Kaliningrad, Russian Federation, 236041).
E-mail: oschitz@kantiana.ru. ORCID ID: 0000-0001-5418-1. SPIN-code: 6820-3872.

Статья поступила в редакцию 26.07.2024; принята к публикации 29.11.2024

The article was submitted 26.07.2024; accepted for publication 29.11.2024

I SSN 1609-624X

9 771609 624003

